

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (14)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Бугров Д.Г.</i> Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана	7
<i>Казаков Е.П., Салугина Н.П.</i> Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры)	35
<i>Колода В.В.</i> Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект	54
<i>Флёров В.С., Флёрова В.Е.</i> Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости	92
<i>Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г.</i> О фортификации городищ западного Поволжья	116
<i>Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.</i> Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования	127
<i>Жолобов А.И., Кирыгин К.В., Газимзянов И.Р.</i> Медико-криминалистические исследования повреждений на черепах из раскопок Болгарского городища	137
<i>Кубанкин Д.А.</i> Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение)	150
<i>Бочаров С.Г.</i> Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа	172
<i>Бочаров С.Г., Масловский А.Н.</i> Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в.	189

Дискуссии

<i>Иванов В.А.</i> Угры Предуралья: продолжение темы	201
<i>Измайлов И.Л.</i> Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы	220
<i>Напольских В.В.</i> К методологии палеоисторических реконструкций	235
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П.</i> К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды	266

Заметки

<i>Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б.</i> Бронзовая секира из Златоустовского музея.....	274
<i>Адамов А.А.</i> Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году	291
<i>Беляев А.А., Нуретдинова А.Р.</i> Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища	301
<i>Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А.</i> Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции	311

Хроника

<i>Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш.</i> Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения)	324
<i>Бугров Д.Г., Галимова М.Ш.</i> 50-летие А.А. Чижевского	333
<i>Гарустович Г.Н., Горбунов В.С., Злыгостев В.А., Иванов В.А., Морозов Ю.А., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф., Пшеничнюк А.Х.</i> Памяти Н.А. Мажитова (1933-2015).....	338
<i>Кочкина А.Ф.</i> Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015)	341
Список сокращений	346
Правила для авторов	348
Авторский указатель	354

CONTENTS

Articles

<i>Bugrov D.G.</i> Complex of finds from a destroyed early medieval burial in the north of Tatarstan	7
<i>Kazakov E.P., Salugina N.P.</i> Polyanskoe III settlement (on the issue of exploration of the lands across the Kama River by the imenkovo population)	35
<i>Koloda V.V.</i> Relationships between the Slavic world and the Khazar Kaganate on the Seversky Donets river: an ethnocultural aspect	54
<i>Flyorov V.S., Flyorova V.E.</i> Signs on bricks of the Semikarakorsk fortress	92
<i>Gubaidullin A.M., Mukhamadiev A.G.</i> On fortification of ancient settlements of the western Volga region	116
<i>Badeev D.Yu., Valiev R.R.</i> Plan of the Golden Horde Bolgar town: history and perspectives of research	127
<i>Zholobov A.I., Kiryagin K.V., Gazimzyanov I.R.</i> Medical-forensic research of injuries on the skulls discovered during archaeological excavations on Bolgar fortified settlement	137
<i>Kubankin D.A.</i> Examining archaeological objects on the territory of the Uvek fortified settlement in 2014 (preliminary report)	150
<i>Bocharov S.G.</i> Travelers' notes (14 th –15 th centuries) about the town of Caffa	172
<i>Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.</i> The most widespread glazed imports of Crimean production and some issues relating to East European trade in the 14th century	189

Discussions

<i>Ivanov V.A.</i> Ugric peoples in the Cis-Ural region: continued	201
<i>Izmaylov I.L.</i> On archaeological definition of ethnic group: continued	220
<i>Napolskikh V.V.</i> On the methodology of palaeohistorical reconstructions	235
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P.</i> On the role of the nomads in development of material culture of the Volga Bulgaria and the bulgarian ulus of the Golden Horde	266

Notes

<i>Kuzminykh S.V., Vinogradov N.B.</i> Bronze poleaxe from Zlatoust museum	274
<i>Adamov A.A.</i> Archaeological research at Kuchumovo hillfort (Isker) in 2014	291

<i>Nuretdinova A.R., Belyaev A.V.</i> Sphero-conical vessels from dig CLXV at Bolgar fortified settlement	301
<i>Kochkina A.F., Levykina T.A.</i> Funerary kaliga from Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka: problems of restoration and attribution	311

Chronicle

<i>Valiulina S.I., Kochkina A.F., Khuzin F.Sh.</i> E.A. Khalikova's Searches and Discoveries in the Volga-Kama Archaeology (on the occasion of her 85th birthday).....	234
<i>Bugrov D.G., Galimova M.Sh.</i> A.A. Chizhevsky's 50th Anniversary	333
<i>Garustovich G.N., Gorbunov V.S., Zlygostev V.A., Ivanov V.A., Morozov Iu.A., Obydenнова G.T., Obydenнов M.F., Pshenichniuk A.Kh.</i> Ad memoriam N.A. Mazhitov (1933–2015).....	338
<i>Kochkina A.F.</i> Ad memoriam E.A. Begovatov (1937–2015)	341
List of abbreviations	346
Submissions	348
Index of the authors	354

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

С 1 декабря 2015 года журнал «Поволжская археология» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук (см. Перечень, поз. № 1016). Это прекрасный повод, чтобы донести до наших авторов и читателей журнала искренние поздравления и благодарности за сотрудничество с нами.

За относительно небольшой период существования журнала, с 2012 года, на страницах «Поволжской археологии» опубликовано около 300 научных статей, авторами которых являются известные ученые как из региональных (преимущественно поволжско-уральских), так и центральных (Москва, Санкт-Петербург) и зарубежных (Германия, Болгария, Украина, Молдавия, Казахстан, Узбекистан) научных центров. Надеемся, что в будущем авторский контингент журнала еще более расширится, в первую очередь, за счет будущих кандидатов и докторов наук.

Новый статус журнала налагает на нас еще большую ответственность за качество публикаций, основным требованием к которым являются актуальность и новизна материалов. Наш журнал публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, нумизматика, эпиграфика и др.), посвященные изучению различных аспектов истории древнего и средневекового населения поволжско-уральского региона и взаимосвязей его с народами соседних регионов.

Прошу уважаемых авторов обратить внимание на некоторые изменения, внесенные в Правила оформления статей.

Желаю всем плодотворного сотрудничества во благо нашей науки!

Статьи

УДК 903.25

КОМПЛЕКС НАХОДОК ИЗ РАЗРУШЕННОГО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ТАТАРСТАНА

© 2015 г. Д.Г. Бугров

Вводится в научный оборот комплекс женских украшений и деталей костюма из погребения, разрушенного в 2009 г. карьером у д. Старый Узюм (Атнинский район, Республика Татарстан). Определение типологических позиций изделий и наблюдения над техникой их изготовления позволяют отнести староузюмский комплекс к кругу поздне- и постазелинских памятников Волго-Вятского междуречья VI–VII вв. н.э. Полнота представленного в погребении набора характерных исключительно для позднеазелинского комплекта украшений и деталей костюма (арочная шумящая подвеска, эполетообразная застёжка, «пильчатые» накладки, основы накладок с треугольной привеской) и состав включенных в комплекс предметов, имеющих более широкое распространение в разнокультурных памятниках Поволжья и Приуралья (кольцевая застёжка, треугольные привески на 8-видных звеньях, пластинчатые накладки, сьюльгама) сближают староузюмское погребение с позднеазелинскими комплексами западной части Волго-Вятского региона из Младшего Ахмыловского и Шор-Унженского могильников и Безводновского клада, в меньшей степени – с отдельными погребениями Концовского и подъемным материалом с Тат-Боярского могильников. Датировка комплекса предварительно может быть определена в пределах VI в. н.э.

Ключевые слова: археология, Волго-Вятское междуречье, раннесредневековые могильники, поздний этап азелинской культуры, погребальный инвентарь, комплекс женских украшений, типология, технология изготовления.

Проблема финала азелинской культуры в Волго-Вятском междуречье¹, заключающаяся в определении хронологических рамок и географии этого процесса, степени и характере участия позднеазелинского населения в генезисе последующих культур (древнемарийской, полемской, еман-

евской), характерных признаков поздне- и постазелинских комплексов, несмотря на обилие исследований (Архипов, 1973; Семенов, 1989; Лещинская, 1995а; 1995б; Иванов, 1998; Голдина, 1999, с. 309–325; Никитина, 1999; 2002), остается открытой. Ограниченность источниковой базы, включающей погребальные комплексы Шор-Унженского, Концовского, Тат-Боярского, с оговорками – отдельные погребения Младшего Ахмыловского (Никитина, 2002, с. 158–160), Варнинского и Полемского I (Иванов, 1998,

¹ Географические рамки Волго-Вятского междуречья здесь и далее понимаются расширительно, охватывая левобережье Волги до устья Ветлуги и в целом бассейн Вятки, включая ее левые притоки – Чепцу, Кильмезь и пр.

с. 26–28, 38, 40–41) могильников, делает значимым каждый вновь обнаруженный памятник. Введению в научный оборот нового комплекса этого круга и посвящена представляемая статья.

В 2009 г. в Национальный центр археологических исследований (НЦАИ) Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (ныне Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ) поступили сведения о находке в карьере у д. Старый Узюм Атнинского района Республики Татарстан, на правом берегу р. Ашит (левый приток р. Иеть, левого притока р. Волга), предметов «азелинского типа» из разрушенного женского погребения. Ниже приводится детальное описание этих находок, переданных в НЦАИ осенью 2010 г.

Арочная шумящая подвеска (рис. 1) отлита из золотистого сплава (бронзы?) по восковой модели и представляет собой несколько асимметричную полукруглую ажурную основу, к нижней кромке которой на девяти округлых петлях прикреплены двухзвенные цепочки, оканчивающиеся колоколовидными привесками-«уточками» (средняя привеска утрачена). Главным несущим элементом основы является «арка», собранная из трех гладких восковых «нитей», с оборотной стороны скрепленных косо наложенными короткими отрезками плоской восковой ленты, а с лицевой – декорированных многочисленными накладными шариками. Нижние концы «арки» соединены двумя горизонтальными полосами из двойного плоского «шнура», в свою очередь, связанными между собой десятью вертикальными отрезками аналогичного «шнура». В верхнем сегменте «арки» – ажурная композиция из пяти

округлых петель из гладкой «нити», прикрепленных к вершине «арки», и трех фигурок лошадок из двойного «шнура», идущих вправо; к средней лошадке сверху от петель опущена полоса из трех «нитей», оформленная аналогично ободу «арки». Остальное пространство верхнего сегмента заполнено неравномерно расположенными одинарными «шнурами». Места соединения отдельных элементов ажурной композиции, а также точки прикрепления петель к нижней кромке основы и места примыкания этих петель друг к другу оформлены с лицевой стороны одиночными накладными шариками. На оборотной стороне основы по вертикальной ее оси от вершины «арки» до средней из девяти петель на нижней кромке проложен сужающийся книзу стержень, призванный, по-видимому, дополнительно механически укрепить среднюю часть ажурной композиции. Внешний край «арки» с оборотной стороны оконтурен плоской лентой шириной 4 мм, прикрепленной перпендикулярно плоскости основы, отчего общая толщина основы (включая высоту декоративных шариков на лицевой и толщину вертикального стержня на оборотной стороне) достигает 7 мм. В верхней части «арки» лента скатана в округлый в сечении стержень, из которого сформирована полукруглая петля для подвешивания; верхний конец вертикального стержня, проходящего по оборотной стороне, разделяет петлю на две половины. Высота основы (с петлями) 98,5 мм, ширина 126 мм, общая высота подвески (с привесками) 175 мм.

Система привесок также литая по восковой модели. Каждая из девяти цепочек состоит из двух звеньев

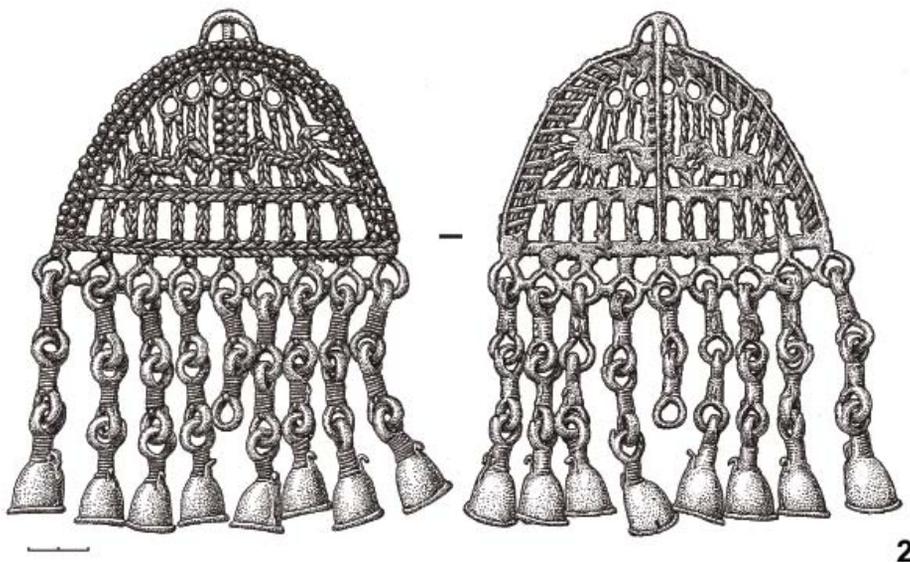
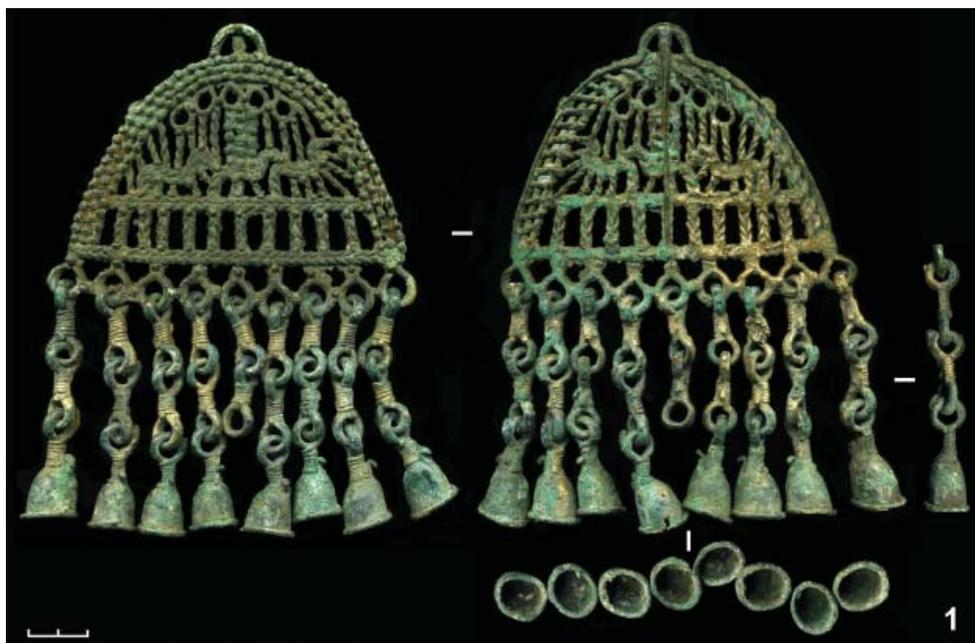

Рис. 1. Староузюмское погребение. Арочная шумящая подвеска (бронза):
1 – фото; 2 – прорисовка (худ. Р.Р. Садыков).

Fig. 1. Stary Uzyum burial Arch rattling pendant (bronze):
1 – photo; 2 – drawing (by R.R. Sadykov).

с двумя взаимно перпендикулярными округлыми петлями (нижняя петля расположена в плоскости основы, верхняя – перпендикулярна ей). Перемычка между петлями декорирована обмоткой из гладкой восковой «нити», основание нижней петли с лицевой стороны украшено накладным шариком. Привески к цепочкам представляют собой фигурки «уточек» с высоким овальным в плане колоколовидным туловом, оконтуренным по нижней кромке гладким валиком из накладной «нити», с крючководной головкой, повернутой вправо, и с округлой петлей для подвешивания на спинке; петли привесок по форме и конструкции аналогичны звеньям цепочек. Процедура отливки по восковой модели такого рода сложных подвесных конструкций детально описана Т.Г. Сарачевой на материале рязано-окского Никитинского могильника (Сарачева, 2005, с. 105–109). Рассматриваемая арочная подвеска несет на себе целый ряд характерных для этой технологии следов: два рудимента плоских литников или газотводов на боковых сторонах «арки» в верхней ее трети; не до конца обрубленные литники, соединявшие с оборотной стороны звенья цепочек с основой и привесками; «смазанный» рельеф на оборотной стороне «шнуров» и «нитей» в местах соединения элементов ажурной конструкции и в местах крепления к звеньям цепочек вышеупомянутых литников; остатки спекшейся формовочной массы от одноразовой литейной формы, заклиненные между «нитями» основы с оборотной стороны левого конца «арки» и др. Единственное, что, по нашему мнению, не совпадает с предложенной Т.Г. Сарачевой технологи-

ческой схемой, это то, что литейная модель староузюмской подвески вряд ли делалась из проволочных шерстяных нитей (Сарачева, 2005, с. 107), а, скорее, из тонких восковых палочек («нитей») и лент.

Арочные шумящие подвески (варианты наименования – ажурные нагрудные подвески (тип III.2 по: Никитина, 1999, с. 24) или арочные шумящие ажурные подвески (отдел С по: Лещинская, 2014, с. 64) представлены достаточно большой серией (19 целых и 1 фрагмент) в погребениях Волго-Вятского междуречья азелинского и позднеазелинского типа. Большинство их найдено на могильнике Тюм-Тюм (10 экз.²): подвески из погр. 21 (Ошиб-

² Информация о количестве арочных подвесок в Тюм-Тюмском могильнике и их распределении по погребениям, к сожалению, была несколько запутана при публикации (Ошибкина, 2010) и перепубликации (Лещинская, 2014, с. 158, табл. 11–13), поэтому далее привязка их к комплексам дается в основном по полевым отчетам С.В. Ошибкиной. В число упомянутых в публикации 10 экз. (Ошибкина, 2010, с. 50) включены сомнительного происхождения подвеска из разрушенного погр. 46 (Ошибкина, 2010, табл. 74: 3), не упомянутая в описании погребения ни в тексте монографии (Ошибкина, 2010, с. 18–19), ни в отчете (Ошибкина, 1971, с. 21), а также несуществующая подвеска якобы из погр. 122 (в описании погребения (Ошибкина, 1975, с. 8; Ошибкина, 2010, с. 31) фигурирует умбоновидная шумящая подвеска (Ошибкина, 2010, табл. 57: 7), на иллюстрации комплекса погр. 122 (Ошибкина, 2010, табл. 57: 6) дано изображение арочной подвески из погр. 57 (Ошибкина, 1972, рис. 33–34); в свою очередь на таблице к погр. 57 (Ошибкина, 2010, табл. 28: 1) приведена подвеска, отсутствующая в иллюстрациях к отчетам). Тем не менее, общее число арочных подвесок, так или иначе

кина, 1971, с. 12, рис. 23; Ошибкина, 2010, табл. 2: 19), 57 (Ошибкина, 1972, с. 9, рис. 33; Ошибкина, 2010, табл. 57: 6; 74: 1), 79 (Ошибкина, Иванова, 1973, с. 6, рис. 17; Ошибкина, 2010, табл. 35: 1; 73: 2), 105 (Ошибкина, 1974, с. 17–18, рис. 42; Ошибкина, 2010, табл. 55: 3; 73: 1), 117 (Ошибкина, 1975, с. 7, рис. 19; Ошибкина, 2010, табл. 73: 3; 97: 2), 124 (Ошибкина, 1975, с. 10, рис. 28³; Ошибкина, 2010, табл. 59: 6; 73: 4), две случайно найденные в Тюм-Тюме подвески из музея г.Уржум (Ошибкина, 2010, табл. 74: 2, 4⁴) и две подвески неясного происхождения (Ошибкина, 2010, табл. 28: 1; 74: 3). Три подвески происходят из Уржумкинского могильника (погр. 11, 15 и 32) (Голубева, 1979, табл. 10: 4⁵; Никитина, 1999, рис. 47 В: 4; 51: 9; 57: 14). По одной арочной подвеске известно в Уржумском (погр. 2) (Арбузова, Старостин, 1971, табл. I: 3; Голубева, 1979, рис.13)⁶, Ай-

шинском (Tallgren, 1918, p. 13, pl. I: 2⁷; Голубева, 1979, табл. 10: 3), Младшем Ахмыловском (погр. 91) (Никитина, 1999, рис. 22: 13; Никитина, 2002, рис. 39: 13) и Концовском (погр. 23) (Стефанова, 1982, рис. 7) могильниках, а также в составе клада на Аргыжском городище (Черных и др., 2002, с.66, рис. 81: 1) и Безводновского (Пимского) клада (Aspelin, 1877, p. 171, fig. 778; Генинг, 1963, с. 141). Фрагмент основы арочной подвески происходит из сборов П.Г.Тарасова в 1906 г. на разрушенной части Поломского I могильника (Иванов, 1998, с. 41, 60: прим. 6, рис. 10: 3) (ср.: ОАК за 1906 г., 1909, с. 115). Вне Волго-Вятского междуречья известны две ажурные шумящие подвески из погр. 8 и 33 Абрамовского могильника в Арзамасском течении р. Теша (Голубева, 1979, с. 31; Гришаков, Винничек, 2003, с. 296, 298, рис. 2: 2; 4: 1), вторично использованный фрагмент подвески из Верх-Саинского могильника (кург. 42, погр. 1) в бассейне р. Сылва (Водолага, 1987, рис. 52: 1; Голдина, 2012, табл. 7: 5; Голдина, Перевозчикова, 2012, табл. 16: 15), основа подвески из коллекции графа Зичи, происходящая из долины Баксана или Чегема в Кабардино-Балкарии (Pósta, 1897, p. 397, 443–444, pl. XVII: 1), а также чрезвычайно схематичное подражание основе арочной подвески (по-видимому, весьма позднее) из сборов М.И. Касьянова в 1921 г. на Бахмутинском могильнике, хранящееся в Национальном му-

связанных с могильником Тюм-Тюм, по-прежнему составляет 10.

³ Здесь дан план погребения, на котором показана ажурная подвеска; прорисовка или фотография предмета не сохранилась – рис. 30, на который дается ссылка в описании погребения (Ошибкина, 1974, с. 10), в отчете отсутствует.

⁴ В своде Л.А. Голубевой эта подвеска (Голубева, 1979, табл. 10: 1) обозначена как происходящая из Кировского музея и при несомненном общем сходстве изображена несколько иначе, чем у С.В. Ошибкиной (верхняя петля и крайняя справа привеска показаны как утраченные).

⁵ В подписи к таблице вместо погр. 32 ошибочно указано погр. 2.

⁶ Изображение этой подвески, приводимое ижевскими исследователями (Голдина, 1999, рис. 117: 14; Лещинская, 2014, табл. 13: 2), очень схематично, кардинально отличается от рисунков в предыдущих публикациях (цепочек не 7, а 8; полторы

привески утрачены; иной рисунок ажурной композиции) и поэтому вызывает сомнения.

⁷ На иллюстрации А.-М.Тальгрена приведена фотография оборотной стороны подвески.

зее Башкортостана (Минеева, 2004, цв. вкл.)⁸.

Функционально, морфологически и сюжетно эта категория украшений аналогична азелинским женским «передникам» (Генинг, 1963, с. 48; Голубева, 1979, с. 30) в виде полукруглой пластины из медного листа с чеканными изображениями трех лошадей, к которой крепились сложные наборные конструкции из бус, разделителей, накладок и подвесок⁹. Оба известных нам пластинчатых «передника» (Суворово, погр. 5 и Усть-Брыска, погр. 11¹⁰) (Генинг, 1963, с. 40, рис. 18–19, табл. XV; Старостин, 1975, с. 13–14, рис. 18, 45; Голубева, 1979, с. 30) датируются более ранним временем, чем их самые ранние ажурные дериваты. В женских погребениях с максимально полным набором украшений и пластинчатые «передники», и арочные подвески занимают одно и то же положение: на животе, ниже нагрудника (пластинчатого в первом, рамчатого во втором случае), часто поверх пояса с эполетообразной застежкой (Генинг, 1963, рис. 18, 19,

58; Арбузова, Старостин, 1971, с.257, 259; Никитина, 1999, рис.57; Ошибкина, 2010, рис.17, 32, 37).

Ажурные арочные подвески отчетливо делятся на две группы, характерные признаки которых в общих чертах были определены еще Л.А. Голубевой (Голубева, 1979, с. 30), хотя с ее распределением конкретных подвесок по группам (вариантам) можно поспорить. Первая группа объединяет подвески с «аркой» из двойного плоского «шнура» (часто с дополнительной гладкой «нитью» между «шнурами») и плоскими ромбовидными привесками с пятью накладными шариками (по углам и в центре лопасти), подвешенными на одинарных звеньях (все подвески из Тюм-Тюма, кроме двух, подвески из Айши, Аргыжа, из погр. 33 Абрамова и из погр. 11 и 32 Уржумки). Две подвески из Тюм-Тюма – из погр. 21 и из случайных находок (Ошибкина, 2010, табл. 2: 19; 74: 2) при прочих идентичных признаках имеют привески узкой колоколовидной («бутылковидной») формы. Поскольку такие привески, наравне с ромбическими, широко представлены на многочисленных прямоугольных и колесообразных ажурных подвесках Волго-Вятского междуречья, синхронных арочным подвескам первой группы (Халиков, 1962, табл. XXXV: 4; Арбузова, Старостин, 1971, табл. I: 2; II: 11; Никитина, 1999, рис. 45 А: 13; 46 А: 6; 47 А: 8; 51: 6; 54 Б: 4; 57: 11; 61: 1; Лещинская, 2014, табл. 8; 10), эти два экземпляра также можно включить в первую группу. К этой же группе следует отнести основы подвесок из коллекции Зичи и из погр. 8 Абрамовского могильника, а также фраг-

⁸ Благодарю А.А.Красноперова за любезно предоставленную информацию о баксанской и бахмутинской подвесках и ценные дополнительные сведения о верхсаинской находке.

⁹ Н.А.Лещинская не совсем корректно объединяет их с пластинчатыми нагрудниками типа 2г (Лещинская, 2014, с. 67; табл. 35: 3).

¹⁰ Следует оговориться, что усть-брыскинский экземпляр располагался не на животе, а на груди погребенной (Старостин, 1975, рис. 45) и, скорее всего, был использован в качестве отсутствующего в погр. 11 пластинчатого нагрудника, однако размер и конструкция его отличаются от размеров и конструкции нагрудников и аналогичны «переднику» из погр. 5 Суворовского могильника.

мент подвески из Верх-Саи¹¹. Вторая группа арочных подвесок включает экземпляры с «аркой» из трех гладких «нитей», декорированных накладными шариками, и с ромбическими (Уржумка, погр. 15), «бутылковидными» (Конец, погр. 23) или более широкими колоколовидными (Мл. Ахмылово, погр. 91, Безводновский клад) привесками на двухзвенных цепочках. К этой же группе относится фрагмент подвески из Поломского I могильника. Как промежуточный между двумя группами вариант можно рассматривать подвеску из погр. 2 Уржумского могильника, «арка» которой состоит из одного «шнура» и одной «нити» с накладными шариками, а ромбические привески крепятся на одинарных звеньях (Арбузова, Старостин, 1971, табл. I: 3; Голубева, 1979, рис.13); впрочем, сложно судить, имеем ли мы здесь дело с этапом развития формы арочных подвесок или случайной девиацией.

Подвеска из Старого Узюма по всем признакам относится ко второй группе арочных подвесок, отличаясь от них только избыточной толщиной и необычным для шумящих украшений азелинского и постазелинского круга оформлением колоколовидных привесок – в виде «уточек». Собственно

¹¹ Исследователи уверенно относят верх-саинский комплекс с фрагментом арочной подвески к третьей хронологической группе погребений (VI в. н.э.) (Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 328), но конструкция сохранившейся части «арки» (два ряда «шнура» с гладкой «нитью» между ними) позволяет столь же уверенно причислить исходную арочную подвеску к ранним типам. Расхождение в датировке, по-видимому, объясняется длительным вторичным использованием фрагмента.

подвески-«уточка» близкой формы, но с отверстием, а не с петлей на спинке (варианты 1.4. и 1.5. по: Голубева, 1979, с. 10–11) как самостоятельное украшение достаточно широко представлены в древностях Волго-Вятского междуречья. Вертикально вытянутыми пропорциями староузюмские привески наиболее близки «уточкам» из Концовского (погр. 25) (Стефанова, 1982, с. 102, рис. 3: 19)¹², Шор-Унженского (погр. 4 и 5) (Никитина, 1999, рис. 71: 12–16; 72: 14), Поломского I (погр. 80) (Голубева, 1979, табл. 1: 17–18; Семенов, 1989, рис. 3: 21–22), Тат-Боярского (Денисова, 1989, рис. 11: 1) и Юмского (Архипов, 1973, рис. 29: 13) могильников, Кубашевского городища (Архипов, 1962, табл. XLV: 7; Голубева, 1979, табл. 1: 16) и Безводновского клада (Aspelin, 1877, p. 171, fig. 795; Голубева, 1979, табл. 1: 20–23). Определенное, но несущественное различие внутри этой группы задает наличие или отсутствие рифления на накладном валике по нижней кромке подвески. Полной аналогией староузюмским «уточкам» (вплоть до технологических следов) является привеска с петлей и одним звеном цепочки из погр. 1 Первомайского могильника (Лещинская, 2014, табл. 129: 2); наличие петли и упомянутые технологические следы говорят в пользу того, что и эта привеска

¹² В.А Семенов приводит еще две подвески-«уточка» – из погр. 1 и 2 Концовского могильника (Семенов, 1989, рис. 2: 10, 24), но в описании соответствующих погребений (Стефанова, 1982, с. 101) они не фигурируют; указанная в подписи к иллюстрации (Стефанова, 1982, рис. 3: 19) привязка «уточка» к погр. 2 противоречит ссылке на этот же рисунок в описании погр. 25 (Стефанова, 1982, с. 102).

первоначально была частью какого-то шумящего украшения¹³.

Время существования арочных шумящих подвесок, как и вообще всех азелинских шумящих украшений, первоначально категорически ограничивалось V в. н.э. (Лещинская, 1995а, с. 92–93, рис. 11). Позже эта категория украшений, так же в совокупности, была передатирована концом IV–V вв. н.э. (Лещинская, 2012, с. 134, рис. 19; Лещинская, 2014, с. 175, табл. 97)¹⁴. При этом Н.А. Лещинская оговаривала, что «отдельные экземпляры без особых технологических и композиционных изменений можно встретить и в комплексах VI–VII вв. н.э. Вероятно, такие уникальные и особо значимые изделия могли передаваться из поколения в поколение» (Лещинская, 1995а, с. 93). Как показывает приведенное выше беглое сравнение, арочные ажурные подвески второй,

¹³ Н.А. Лещинская определяет ее функцию как «подвеска к гривне» (Лещинская, 2014, табл. 5: 5), хотя никакой гривны в комплексе погр. 1 нет (Лещинская, 2014, с. 372, табл. 129).

¹⁴ Косвенно такое удревнение подкрепляет находка фрагментов прямоугольной ажурной шумящей подвески в погр. 5 Степановского могильника (Гришаков, 2009, с. 67, рис. 6: 1, 4), датированном второй половиной (концом?) IV – первой половиной V в. н.э. (Гришаков, 2009, с. 75), а комплекс погр. 16 Нармонского могильника с одним из наиболее ранних по стилистике образцов прямоугольной ажурной подвески (Овчинников, 2014, с. 14, рис. 5) сдвигает дату появления первых шумящих украшений у азелинцев ко времени не позже середины IV в. н.э.; при этом форма привесок нармонской подвески, по-видимому, указывает на западное, скорее всего, рязано-окское происхождение ее прототипов (ср.: Белоцерковская, 2007, рис. 1: 18–19; 2: 16, 17, 20–22, 37, 38, 40; 8: 23, 35, 36, 39).

поздней (VI–VII вв.?)¹⁵ группы заметно отличаются от украшений предшествующего периода и, судя по степени износа, вряд ли являются долговременно бытовавшими «раритетами». Для хронологической привязки этой группы подвесок, помимо прочего, показательна находка в погр. 23 Концовского могильника вместе с арочной подвеской серебряной монеты (монет?) Хосрова II (590–628 гг.) (Стефанова, 1982, с. 93, 102).

Эполетообразная застежка (рис. 2) цельнолитая, отлита из золотистого сплава (бронзы?) по восковой модели. Структурно состоит из округлой (неправильно-овальной) задней бляхи с выпуклиной-«полугорошиной» в центре, бордюром из 18 аналогичных выпуклин по периметру и с Т-образным костыльком на обороте; семи плоских «жгутов»¹⁶, соединяющих бляху с трапециевидной передней пластиной, состоящей из гладкой и декорированной накладными «шнурками» частей; на обороте декорированной части, примерно по центру ее имеется крючок для застегивания пояса. Конструктивно застежка представляет собой цельнолитую пластину с плавным

¹⁵ Не исключено, что форма арочных подвесок второй группы начинает складываться несколько раньше, видимо, не позже середины V в. н.э., насколько можно судить по комплексу погр. 15 Уржумкинского могильника (Никитина, 1999, рис. 51).

¹⁶ Термин традиционный (Генинг, 1963, с. 18, 36; Генинг, 1970, с. 33; Лаптева, 1995, с. 129 и далее; Старостин, 2002, с. 3, 5, 14; Старостин, 2009, с. 45; Лещинская, 2014, с. 65), но применительно к азелинским эполетообразным застежкам достаточно условный, поскольку их «жгуты», как правило, плоские, плосковыпуклые или линзовидные в сечении.

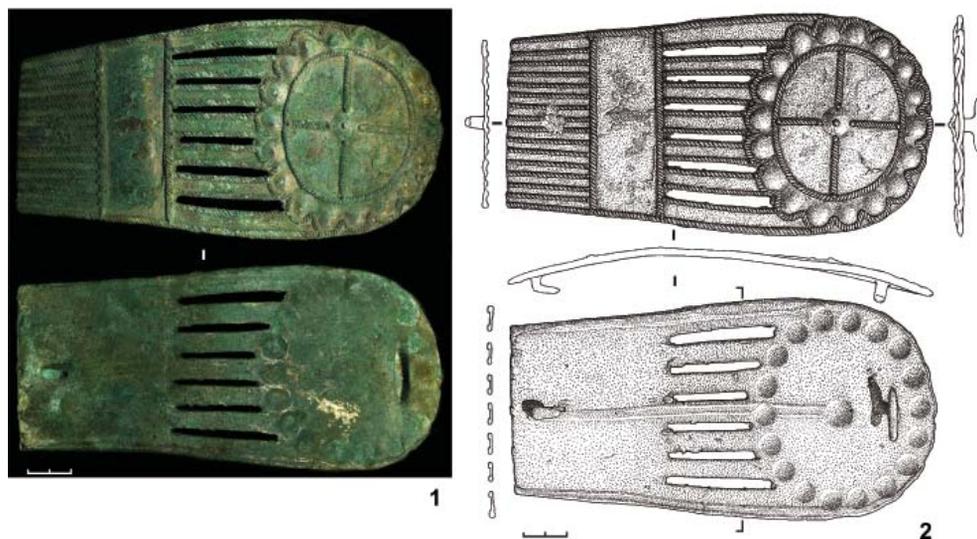

Рис. 2. Староузюмское погребение. Эполетообразная застёжка (бронза):
1 – фото; 2 – прорисовка (худ. Р.Р. Садыков).

Fig. 2. Stary Uzyum burial. Epaulette-shaped buckle (bronze):
1 – photo; 2 – drawing (by R.R. Sadykov).

изгибом по поперечной оси¹⁷. На стадии восковой модели в пластине были прорезаны промежутки между соединительными «жгутами» (судя по «зарезам» в торцах прорезей, заметным на обороте застёжки, резка осуществлялась с оборотной стороны будущего изделия). Затем в модели продавливались «полугорошины» вокруг и в центре задней бляхи, пластина переворачивалась и укладывалась на некую выпуклую основу, задававшую ее поперечный изгиб, описанный выше. На лицевой стороне монтировался декор из «ложных шнуров» – накладных восковых «нитей», на которые затем ножом (?) наносились более

или менее наклонные насечки, имитирующие шнур. Такими «шнурами» оконтурены поле задней бляхи и бордюр из «полугорошин» вокруг нее, верхняя и нижняя кромки застёжки (от окантовки «полугорошин» до переднего торца), кромки соединительных «жгутов» и периметр гладкой части передней пластины. Декорированная часть передней пластины дополнительно выложена 14 продольными «ложными шнурами». Четыре отрезка «шнура» расположены крестообразно в поле бляхи между «шнуровой» каймой и основанием центральной «полугорошины». Концы этих отрезков, центральная «полугорошина», а также концы всех «шнуров», окаймляющих соединительные «жгуты» и украшающих переднюю пластину, оформлены накладными шариками. После декорирования ли-

¹⁷ Более ранние азелинские эполетообразные застёжки обычно имеют плавный изгиб как по поперечной, так и по продольной оси, отчего общая форма застёжки приближается к сегменту эллипсоида.

цевая сторона модели застежки, по-видимому, была заделана в формовочную массу, по затвердении которой модель вместе с лицевой частью формы сняли с первоначальной выпуклой основы и перевернули. На оборотную сторону модели по краям и по продольной оси были наложены и тщательно приглажены двойные восковые «нити» (ребра жесткости, примерно соответствующие железному каркасу более ранних застежек (Генинг, 1963, с. 36), прикреплены литники и газоотводы (следы как минимум пяти газоотводов видны на оборотной стороне переднего торца застежки¹⁸). Наконец, к основе застежки были присоединены Т-образный костылек в задней части бляхи и крючок в середине декорированной части передней пластины, после чего оборотная сторона модели также была заделана в формовочную массу. Судя по дефектам, имеющимся на лицевой и оборотной стороне застежки в месте прикрепления костылька и крючка (в последнем случае – вплоть до образования сквозного отверстия в пластине), можно предположить, что они могли представлять собой готовые

бронзовые закладные детали, вдавленные в восковую модель.

Староузюмская эполеетообразная застежка находит близкие аналогии в группе поясных застежек, справедливо относимых Т.Б. Никитиной к поздним вариантам (Никитина, 1999, с. 28) из погр. 4 и 6 Шор-Унженского (Никитина, 1999, рис. 71: 35; 74: 15), возможно – погр. 19¹⁹ Мл. Ахмыловского (Архипов, 1973, с. 101, рис. 88; Лаптева, 1995, рис. 16: 2) и погр. 7 Концовского (Стефанова, 1982, с. 101; Лаптева, 1995, рис. 17: 4) могильников. Характерный набор признаков этой группы – основа, отлитая из цельной восковой пластины, изогнутой только по поперечной оси; соединительные «жгуты» неорнаментированные, сформированы прорезами в основе либо только обозначены накладными «шнуром»; задняя бляха неправильно-округлой формы, вписана в общий контур застежки (по внешнему ее краю имеется более или менее широкая закраина, иногда дополнительно декорированная «шнуром») (Никитина, 1999, рис. 74: 15) и имеет в центре выдавленную с изнанки выпуклину-«полугорошину» (в от-

¹⁸ Это именно газоотводы, а не литники, поскольку при изготовлении эполеетообразных застежек заливка расплава в форму, по-видимому, осуществлялась со стороны задней бляхи, о чем свидетельствуют несколько случаев недолива задних блях азелинских и пьяноборских застежек (Сюкеево (Чачлы-Кул) (Калинин, 1928, рис. 2, 3), Старый Чекмак, погр. 8 и 18 (МАРТ, колл. №№ Ст.Ч.-76/16, 77), Чеганда II, погр. 6 и 212 (Генинг, 1970, табл. XIII: 6; XIV: 1), Ныргында II, погр. 7 (Генинг, 1970, табл. XVI: 2)) с последующим восполнением дефектов дополнительной порцией расплава.

¹⁹ По поводу привязки этой застежки к комплексу имеются разночтения: Т.А. Лаптева относил ее к погр. 19 (Лаптева, 1995, с. 136, рис. 16: 2), Г.А. Архипов – к погр. 45 (Архипов, 1973, с. 101), но в своде Т.Б. Никитиной на иллюстрациях этих погребений приведены совершенно другие «эполеты» (Никитина, 1999, рис. 8: 11; 16: 16), а застежка с характерным крестовидным декором бляхи в своде отсутствует. Мнение Т.А. Лаптевой представляется более предпочтительным, поскольку состав и конструкция поясного набора, приводимые Г.А. Архиповым (Архипов, 1973, рис. 88), совпадают с опубликованными в комплексе погр. 19 (Никитина, 1999, рис. 8: 3).

личие от низкой «кнопки» более ранних экземпляров). Застежка из погр. 19 Мл. Ахмыловского могильника дает, кроме того, полную аналогию крестовидному оформлению поля задней бляхи староузюмской застежки²⁰. Хронологически и морфологически близкие эполетообразные застежки из сборов на Тат-Боярском могильнике (Денисова, 1989, рис. 7–9; Лаптева, 1995, рис. 16: 3, 5), из Безводновского клада (Aspelin, 1877, p. 172, fig. 796; Лаптева, 1995, рис. 16: 6) и из погр. 25 Концовского могильника (Стефанова, 1982, рис. 8; Лаптева, 1995, рис. 14: 1) демонстрируют сходство с рассматриваемыми по многим признакам и, хотя и отличаются деталями (в частности, конструкцией «жгутов» и, по-видимому, некоторыми приемами изготовления), могут быть с оговорками объединены с ними в одну группу. Хронологическая позиция этой группы поздних эполетообразных застежек в целом совпадает со временем бытования арочных подвесок второй группы (см. выше).

Остатки поясного набора в комплексе находок из Старого Узюма, кроме эполетообразной застежки, представлены накладками с треугольными привесками, «пильчатými» и пластинчатыми накладками. Размер «пильчатых» накладок и накладок с треугольными привесками предполагает ширину кожаной основы пояса около 5 см.

²⁰ Т.А. Лаптева в типологической таблице под изображением младше-ахмыловской застежки указывает еще два экземпляра застежек подтипа 8б, происходящих из бассейна Вятки (Лаптева, 1995, с. 140, табл. 1), но что это за застежки, имелся ли у них крестовидный декор блях, и откуда именно они происходят – неясно.

Накладки с треугольной привеской (рис. 3–5) представляют собой основу из тонкого металлического листа, к которой на плоской 8-видной литой петле подвешена литая же треугольная привеска с ушком. В комплексе, судя по количеству привесок и петель, было как минимум 24 такие накладки. В более или менее полном виде сохранились восемь из них (рис. 3; 4: 2, 3), еще для пяти накладок имеются фрагментированные основы (рис. 4: 1, 4–6, 9). Основы накладок представляют собой вытянутую узкую пластину с округлыми расширениями в верхней и нижней части, раскованную из плоского бронзового (?) стержня шириной 1,5–3 мм. Расширенным участком (с помощью матрицы и пуансона?) придана выпукло-вогнутая форма. В центре каждой выпуклости имеется заклепка: в верхней – для крепления к ремню, в нижней – для соединения с загнутым назад нераскованным концом исходной полоски, на который надевалась 8-видная петля. Боковые кромки основы примерно на треть длины от выпуклин декорированы насечкой. Плоские 8-видные петли и треугольные привески отлиты по восковой модели в технике, аналогичной технике изготовления привесок и цепочек арочной шумящей подвески (см. выше), о чем свидетельствуют характерные рудименты литников, соединявших оборотную сторону перемычки 8-видной петли с ушком привески. Литейная модель 8-видной петли, судя по следам на отдельных экземплярах (каплевидная форма внутреннего контура петель, продольный шов на обороте перемычки), по-видимому, изготавливалась из довольно толстой восковой палочки, сложенной «восьмеркой»

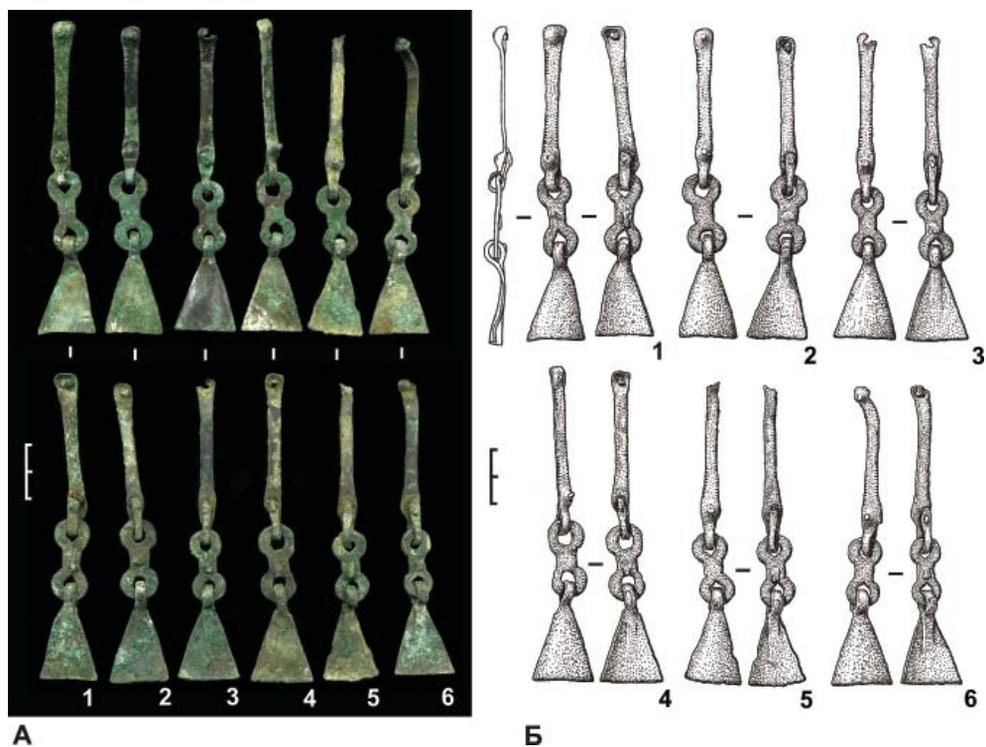

Рис. 3. Староузюмское погребение. Поясные накладки с треугольной привеской (бронза): А – фото; Б – прорисовка (худ. Р.Р. Садыков).

Fig. 3. Stary Uzyum burial. Belt plates with triangular pendant (bronze): A – photo; Б – drawing (by R.R. Sadykov).

(стык концов палочки, как правило, приходился на перемычку), а затем расплющенной. К верхнему концу модели крепился литник, к боковым краям верхней петли – газоотводы (следы их хорошо заметны на обороте). Заготовка восковой модели привески представляла собой вытянутый равнобедренный треугольник с достаточно длинным (близким к высоте треугольной части) плоско-овальным в сечении стержнем, отходящим от вершины. Стержень продевался в нижнее отверстие 8-видной петли, загибался, формируя ушко привески, и прилаживался к оборотной стороне треугольника по вертикальной его оси; видимо, в результате этого при-

веска приобретала слегка выпуклую форму. К верхней части ушка сзади прикреплялся литник, соединявший модель привески с моделью 8-видной петли.

Полных аналогий накладкам с треугольной привеской из Старого Узюма не известно. Поясные накладки, идентичные основе рассматриваемых, но без крючков для крепления привесок, происходят из сборов на Тат-Боярском могильнике (Денисова, 1988, рис. 15: 2), из погр. 4 Шор-Унжи (Никитина, 1999, рис. 71: 5) и из Безводновского клада²¹. Плоские 8-видные петли как элемент составных украшений

²¹ Коллекция ОАВЕС ГЭ, №532/42-44.

Рис. 4. Староузюмское погребение. Фрагменты поясных накладок с треугольной привеской (бронза).

Fig. 4. Stary Uzyum burial. Fragments of belt plates with triangular pendant (bronze).

(височных, нагрудных, поясных²²) встречаются в раннесредневековых могильниках Волго-Камья от бассейна Сылвы и Белой до Нижегородского Поволжья – в Кушнареново (Генинг, 1977, рис. 6: 9), Верх-Сае (Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXVII: 11), Мыдланьшае (Генинг, 1962, табл. VI: 8; Иванов, 1998, рис.10: 11), Пе-

²² Т.Б. Никитина считала часть из них самостоятельной формой поясных накладок (Никитина, 1999, с. 28).

тропавловской (Семенов, 1976, табл. IV: 5), Коминтерне II (Казаков, 1998, рис. 13: 15; 14: 15), Безводном (Краснов, 1980, рис. 27: 15), обнаруживая явную концентрацию на рассматривавшихся выше памятниках Волго-Вятского междуречья: Поломском I (Семенов, 1989, рис. 3: 11), Концовском (Стефанова, 1982, с. 102; рис. 4: 1, 2, 8, 11; Семенов, 1989, рис. 2: 13; Иванова, 1988, рис. 4: 11; 8: 1; 15: 7; 16: 7, 10), Тат-Боярском (Денисова,

Рис. 5. Староузюмское погребение. Фрагменты поясных накладок с треугольной привеской (бронза).

Fig. 5. Stary Uzyum burial. Fragments of belt plates with triangular pendant (bronze).

1989, рис. 12; 13; 14: 2; Голдина, 1989, рис. 20: 3; 49: 6; 52: 10; 60: 7; Лещинская, 1991, рис. 78 а; 94: 3; 119: 2), Шор-Унженском (Никитина, 1999, рис. 71: 18, 29; 72: 4, 10–12, 20), Мл. Ахмыловском (Никитина, 1999, рис. 8: 3, 6, 8; 16: 2, 12; 17 В: 4; 25 Б: 6, 7) могильниках и в Безводновском (Пимском) кладе (Aspelin, 1877, р. 171, fig. 790). Значительная часть этих петель отличается от староузюмских наличием на обороте дополнительного усиления в виде восковой «нити», уложенной при моделировании по периметру петли. В 13 случаях 8-видные петли являлись основой для треугольных привесок, литых, как в Старом Узюме (Денисова, 1989, рис. 12; Стефанова, 1982, рис. 4: 1; Семенов, 1989, рис. 2: 13; 3: 11; Никитина, 1999, рис. 17 В: 4; 71: 18, 29; Краснов, 1980, рис. 27: 15), или вырезанных из импортных зеркал (Денисова, 1989, рис. 14: 2 (справа) и бронзовых чаш (Голдина, 1989, рис. 20: 3; 52: 10; Иванова, 1988, рис. 15: 7; Чер-

ных, 2004, с. 98)²³. С памятников этого же круга происходят и одиночные литые треугольные привески с ушком без дополнительных элементов (Семенов, 1980, с. 70, 72, табл. VI: 37; Иванова, 1988, рис. 16: 4; Лещинская, 1991, рис. 94: 5; Голдина, 1999, рис. 157: 10; Никитина, 1999, рис. 70 А: 1; Краснов, 1980, рис. 27: 14).

«Пильчатые» накладки (рис. 6: А–Б) традиционной для азелинских женских поясов формы сохранились

²³ Своеобразным «гибридом» этих двух разновидностей привесок можно считать любопытный экземпляр литой треугольной (трапециевидной) привески на 8-видной петле из сборов на Тат-Боярском могильнике (Денисова, 1989, рис. 14: 2, слева; коллекция МА УдГУ, № 1770/7): здесь при изготовлении восковой модели привески в основании ушка с оборотной стороны была выдавлена полая выпуклина, имитирующая заклепку, служившую для прикрепления накладного ушка на привесках, вырезанных из зеркал и чаш (ср.: Иванова, 1988, рис. 15: 7; Денисова, 1989, рис. 14: 2, справа; Черных, 2004, рис. 4, внизу).

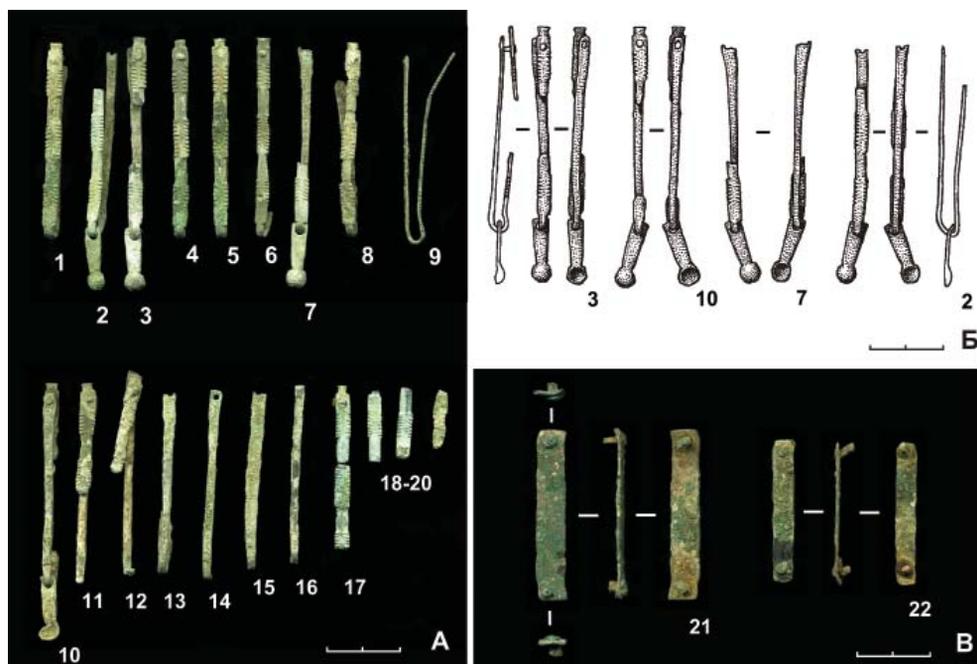

Рис. 6. Староузюмское погребение. А, Б – «пильчатые» поясные накладки (бронза): А – фото; Б – прорисовка (худ. Р.Р. Садыков) (номера на прорисовке соответствуют номерам на фото); В – пластинчатые поясные накладки (бронза).

Fig. 6. Stary Uzyum burial. А, Б – ‘sawed’ belt plates (bronze): А – photo; Б – drawing (by R.R. Sadykov) (numbers on the drawing match numbers on the photo); В – lamellate belt plates (bronze).

в более или менее фрагментированном виде в количестве как минимум 16 экз. Изготовлены они из плоского медного (?) стержня. Одна половина его расковывалась до ширины 4,5–5 мм и декорировалась фасетировкой и насечкой, затем в концах стержня проделывались отверстия, он сгибался пополам, на сгиб надевался декоративный элемент (обычно – гладкие или украшенные насечкой либо фасетировкой колечки, в нашем случае – ложечковидные привески (рис. 6: 2, 3, 7, 10), изготовленные также слесарным способом); готовая накладка надевалась на ремень, верхние ее концы соединялись сквозь ремень заклепкой. Накладки с пильчатым (зубчатым) оформлением кромок (тип А1

по: (Старостин, 2009, с. 46), тип 47в по: (Лещинская, 2014, с. 69)) были широко распространены в могильниках «классического» азелинского типа на протяжении всего периода их функционирования в III–V вв. н.э. (Лещинская, 1995а, рис. 13: 12), практически не встречаясь за пределами азелинского ареала. Находки «пильчатых» накладок на Старо-Узюмском, Шор-Унженском (Никитина, 1999, рис. 70Б: 3; 71: 10) и Мл. Ахмыловском (Никитина, 1999, рис. 16: 14) могильниках свидетельствуют о том, что в Марийском Поволжье и бассейне Илети эта категория поясных украшений продолжает бытовать, по крайней мере, до VI–VII вв. н.э.

Две *пластинчатые накладки* (рис. 6: В) имеют простейшую конструкцию: вытянутая подпрямоугольная пластина из тонкого бронзового (?) листа с двумя заклепками на концах для крепления к ремню; углы более широкой из двух пластин (рис. 6: 21) загнуты (для имитации объема?). Накладки подпрямоугольной формы различных пропорций, часто дополнительно декорированные насечками и/или имеющие вогнутые боковые стороны, входят в широко распространенные в Среднем и Северном Приуралье и в бассейне Вычегды предгеральдические поясные наборы так называемого «харинского» или «верх-саинского» типа (Амброз, 1980, рис. 8: 25–26; Голдина, 1985: с. 40, табл. X: 1–3; Голдина, Водолага, 1990, с. 80, табл. XXIX: 1–3; XLV: 3; LXVI: 20, 21; Голдина, 2012, табл. 6: 9, 10; Савельева, 1979, рис. 1: 8, 43; Королев и др., 1997, с. 419, рис. 5: 18; 6: 16). Присутствуют они и в упоминавшихся могильниках Волго-Вятского междуречья: целыми наборами – в Варнинском (Семенов, 1980, с. 37, табл. XII: 1–4), Поломском I (Семенов, 1989, рис. 3: 13; Иванов, 1998, рис. 4: 11), Концовском (Иванова, 1988, рис. 3: 2–4; 10: 1), Тат-Боярском (Голдина, 1989, рис. 53: 2; 61: 1; Лещинская, 1991, рис. 14; Лещинская, 1995а, рис. 14: 14–17), единично – в Мл. Ахмыловском (Никитина, 1999, рис. 16: 15).

Кольцевая застежка с выступами (рис. 7: 1) отлита из бронзы (?) по восковой модели в той же технике, что и арочная подвеска (см. выше). При изготовлении модели застежки кольцевая рамка была набрана из двух противоположно ориентированных восковых «шнуров» (на обороте рам-

ки прослеживается сглаженный рельеф от отдельных «нитей», из которых были скручены «шнуры»); между «шнурами» уложена гладкая «нить». К внешней кромке рамки прикреплены семь выступов, представляющих собой двойные S-образные спирали из гладкой «нити» (у двух выступов по одному завитку спирали утрачено). К внутренней кромке рамки присоединена полукруглая петля для крепления иглы, сформованная из отрезка округлой в сечении гладкой восковой «нити», наложенного концами на обратную сторону рамки. Игла круглая в сечении, с округлым ушком, также литая по воску (на обороте ушка имеется рудимент литника, соединявшего модель иглы с моделью основы застежки, аналогичный остаткам литников на ушках треугольных привесок или на звеньях цепочек арочной подвески; остаток другого конца этого литника заметен на обороте рамки между концами петли для крепления иглы). С лицевой стороны застежки место присоединения к рамке концов петли для иглы, центр каждого завитка выступов-спиралей и средняя «нить» рамки напротив основания и острия иглы декорированы накладными шариками. Вследствие дефекта литья (?) рамка застежки получилась незамкнутой спереди; края разрыва были соединены внахлест и скреплены заклепкой.

При общей многочисленности кольцевых застежек с выступами, позволяющей говорить, что они «встречаются по всему Прикамью» (Иванов, 1998, с. 41), типология их разработана недостаточно: в лучшем случае при классификации разделяют застежки с гладкой и «наборной» рамкой (Лещинская, 1995б, с. 143–144; Султанова,

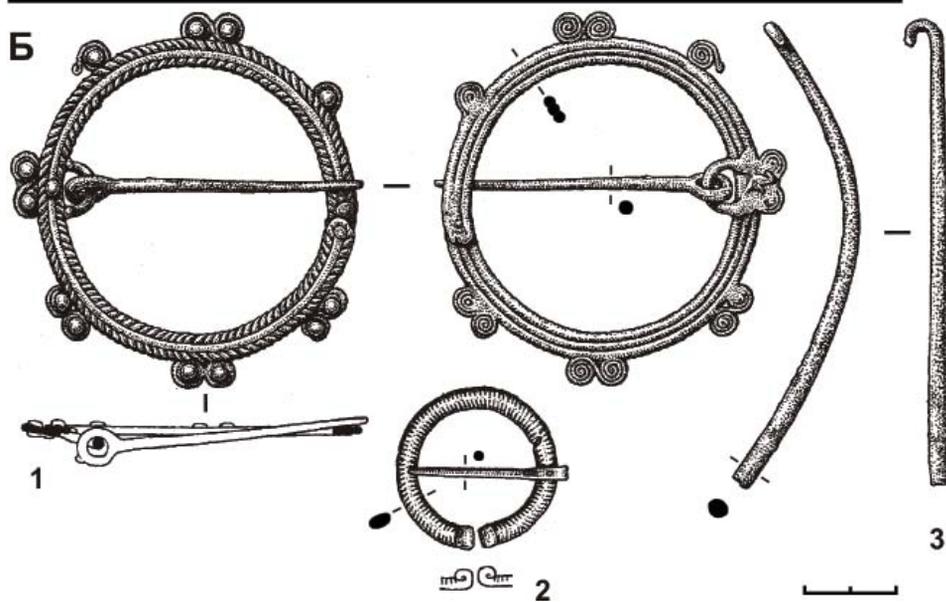

Рис. 7. Староузюмское погребение. 1 – кольцевая застёжка с выступами; 2 – застёжка-сюльгама; 3 – фрагмент шейной гривны (все – бронза): А – фото; Б – прорисовка (худ. Р.Р. Садыков).

Fig. 7. Stary Uzyum burial. 1 – circular clasp with bosses; 2 – syulgam clasp; 3 – fragment of neck-ring (all – bronze): А – photo; Б – drawing (by R.R. Sadykov).

2000, с. 28). Староузюмская наборная застежка с двойными спиральными выступами и близкие ей по технике изготовления и стилистике застежки из погр. 8 Концовского (Стефанова, 1982, с. 96, 101, рис. 3: 8; Лещинская, 1995а, рис. 15 (верх. ряд, 2-я справа)), погр. 14 Тат-Боярского (Голдина, 1989, рис. 52: 14; Лещинская, 1995а, рис. 16: 25), а также две застежки из Бирского могильника: из погр. 218 и, возможно, неопубликованный экземпляр из пары застежек из погр. 148²⁴ (Мажитов, 1968, с. 106)²⁵, по-видимому, являются исходной формой для развития двух групп застежек с выступами. Первая группа формировалась путем максимального упрощения формы и технологии изготовления застежек и объединяет образцы с гладкой (реже – поперечно-рифленной) выпукло-вогнутой, линзовидной или овальной в сечении рамкой и гладкими парными полусферическими выступами; петля для крепления иглы часто отсутствует, но является ли это намеренным изменением формы или случайным дефектом – не всегда ясно. Это застежки из Бахмутинского (погр. 5²⁶) (Шмидт, 1929, с. 18), Варнинского

(погр. 131) (Семенов, 1980, с. 38–39, 73, табл. XIV: 35; Иванов, 1998, с. 41, рис. 9: 8), Тат-Боярского (погр. 4 и 5) (Голдина, 1989, рис. 20: 4 (сверху); 28: 7; Лещинская, 1995а, рис. 15 (3-й ряд сверху, 2-я справа))²⁷, Петропавловского (погр. 11) (Семенов, 1976, с. 16, 43, табл. II: 11), Шор-Унженского (погр. 4) (Никитина, 1999, с. 73, рис. 71: 28), Коминтерновского II (погр. 26) (Казаков, 1998, рис. 25: 12, 23), Безводнинского (погр. 5) (Краснов, 1980, с. 54, 136, рис. 35: 4) могильников и фрагмент застежки со Старо-Майнского городища (Казаков, Кожевин, 2008, рис. 3: 3)²⁸. Вторая группа изготавливалась также по упрощенной технологии (литье в разъемную форму по оттиску жесткой модели?), но с сохранением более или менее близкого внешнего сходства с прототипами: имитируется наборная рамка из 2–3 «шнуров» и/или гладких «нитей» и декор из накладных шариков на выступах и на рамке в основании выступов, всегда наличествует петля для крепления иглы. Однако прослеживается тенденция к гипертрофии декоративных «шариков», заметная уже на одном из прототипов (Бирск,

²⁴ Благодарю А.А. Красноперова за предоставленную информацию о неопубликованных находках из Бирского могильника.

²⁵ Кроме перечисленных известен еще один экземпляр кольцевой застежки довольно грубой работы с наборной рамкой из тройного «шнура» и выступами в виде двойных спиралей, происходящий из грабительских сборов 2010 г. в низовьях р. Б.Черемшан в Мелекесском районе Ульяновской области (информация любезно предоставлена Л.А.Вязовым).

²⁶ Привязка к комплексу по: Красноперов А.А. Два иранских резных камня из Приуралья (деревенский детектив). – Доклад на IV Международной конференции

«Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов», Тула, ноябрь 2012 г.

²⁷ По общей стилистике сюда же можно отнести и застежку из погр. 7 Тат-Боярского, имеющую гладкую рамку с продольным ребром, украшенную тремя группами из трех полусферических выступов (Голдина, 1989, рис. 36: 1; Лещинская, 1995а, рис. 17: 12).

²⁸ Из упомянутых выше (прим. 26) грабительских сборов в низовьях Б.Черемшан происходят пять относительно целых и более 30 фрагментов кольцевых застежек с двойными выступами рассматриваемой группы.

погр. 218); в результате «шарики», в конце концов, занимают всю площадь выступов, превращаясь в парные или тройные утолщения на внешнем краю рамки. Известные нам застежки второй группы происходят главным образом из Бирского могильника – погр. 148 (Мажитов, 1968, табл. 16: 5; 34: 35), погр. 183 (Мажитов, 1968, табл. 8: 11; Амброз, 1980, рис. 11: 18), погр. 294, 369, 402, 410 и 426, а также из Бахмутинского (Шмидт, 1929, с. 18, табл. 1: 5)²⁹, Кушнарниковского (погр. 4) (Генинг, 1977, с. 94, рис. 3: 41) и Коминтерновского II (погр. 70) (Казаков, 2005, с. 23, рис. 5: 14) могильников и из находок на Старо-Майнском городище (Казаков, Кожевин, 2008, рис. 3: 5). Насколько велик был временной разрыв между прототипами и дериватами, был ли он вообще, и не определяются ли наметившиеся линии развития застежек с выступами чисто географическими различиями, судить пока трудно.

Застежка-сюльгама (рис. 7: 2) бронзовая (?), круглой формы, незамкнутая рамка овального сечения декорирована с лицевой стороны насечкой по внешнему и внутреннему краю³⁰. Концы рамки расплющены и завернуты в плотные, без сквозного канала спирали, не выступающие за кромки рамки. Игла неправильно-округлая в

²⁹ В коллекции НМРБ известны еще два экземпляра застежек этой группы из сборов Пинегина и Морозова (№ ОФ 263; колл. №287/13) и М.И. Касьянова и М.С. Смирнова (№ ОФ 290; колл. №285/1) в 1920 г. на Бахмутинском могильнике (информация и рисунок вещей предоставлены А.А.Красноперовым).

³⁰ Насечка нанесена неровно, отчего неясно, какой орнамент предполагался изначально – поперечный, косой или «елочка».

сечении, кованая из плоского стержня; хвостовик иглы (сохранившаяся часть исходного стержня) неплотно обернут вокруг рамки.

Сюльгамы из овального и округлого в сечении дрота с завернутыми концами, не выступающими за кромки кольца, являются одной из характерных деталей одежды населения Западного Поволжья на протяжении всего средневековья. Полной аналогии староузюмской сюльгаме найти не удалось; по сочетанию формы, размера и оформления наиболее близки ей сюльгамы типа 1А1 вариантов б, в, е, з, и (по: Вихляев и др., 2008), происходящие из погребений V–VII вв. н.э. Селиксенского, Тезиковского, Армиевского и Безводнинского могильников (Вихляев и др., 2008, с. 43–44, рис. 73: 2, 3, 6; 75: 14, 15; Краснов, 1980, рис. 32: 12, 13, 15). В Волго-Вятском междуречье орнаментированные сюльгамы с округлым или плоско-овальным сечением рамки (типы I.I.2 и I.I.3 по: Никитина, 1999, с. 22) представлены только в Мл. Ахмыловском могильнике, в том числе и в комплексах с позднеазелинскими элементами (Никитина, 1999, рис. 16: 11; 22: 1).

Фрагмент **шейной гривны** (рис. 7: 3) представляет собой один из концов обруча с крючком для застегивания, изготовленный из бронзового (?) дрота круглого сечения. Форма гривны не реконструируется.

Находки из разрушенного женского погребения в Старом Узюме позволяют однозначно отнести его к кругу поздне- и постазелинских памятников Волго-Вятского междуречья VI–VII вв. н.э. В комплексе присутствуют как предметы, характерные исключительно для позднеазелинского костюма (арочная шумящая подвеска,

эполетообразная застежка, «пильчатые» накладки, основы накладок с треугольной привеской), так и вещи, имеющие более или менее широкое распространение в разнокультурных памятниках Поволжья и Приуралья (кольцевая застежка, треугольные привески на 8-видных звеньях, пластинчатые накладки). Полнота позднеазелинского комплекта украшений и деталей костюма и состав включенных в него общерегиональных элементов, на первый взгляд, более всего сближают староузюмское погребение

с позднеазелинскими комплексами западной части рассматриваемого региона: Мл. Ахмыловского, Шор-Унженского могильников (последний и географически расположен ближе всего к староузюмской находке – в 13 км к северу) и Безводновского клада, в меньшей степени – с отдельными погребениями Концовского и подъемным материалом Тат-Боярского могильников. Хронологическая позиция староузюмского погребения предварительно может быть определена в пределах VI в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амброз А.К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 3–56.
2. *Арбузова Н.Н., Старостин П.Н.* Остатки древних погребений в г. Уржуме // Новые страницы в истории Марийского края / Труды Марийского НИИ. – Вып. 23. – Йошкар-Ола, 1971. – С. 255–259.
3. *Архипов Г.А.* Городища первой половины I тыс. н.э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. – Т. II. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. – С. 206–231.
4. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв.: к вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1973. – 198 с.
5. *Белоцерковская И.В.* Инвентарь женских погребений / Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / РСМ. – Вып. 9. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 186–212.
6. *Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008. – 352 с.
7. *Водолаго Н.В.* Отчёт о работах в Татарской АССР и Пермской области в 1986 году (Верх-Саинский могильник). – Т. II. – Ижевск, 1987 / Архив ИИКНП. – Ф. 2. – Д. 239.
8. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай / Труды Удмуртской археологической экспедиции. – Т. 1 / ВАУ. – Вып. 3. – Свердловск, 1962. – С. 7–112.
9. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов / Труды Удмуртской археологической экспедиции. – Т. 2 / ВАУ. – Вып. 5. – Ижевск, Свердловск, 1963. – 185 с.
10. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) / ВАУ. – Вып. 10. – Ижевск, Свердловск, 1970. – 250 с.
11. *Генинг В.Ф.* Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 90–136.
12. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 280 с.

13. *Голдина Р.Д.* Отчёт об археологических раскопках Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1988 года. – Ижевск, 1989. / Архив ИИКНП. – Ф. 2. – Д. 6/№.

14. *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртский университет, 1999. – 464 с.

15. *Голдина Р.Д.* О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 25. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – С. 203–285.

16. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. – 173 с.

17. *Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А.* О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 25. – Ижевск: Удмуртский университет, 2012. – С. 321–375.

18. *Голубева Л.А.* Зооморфные украшения финно-угров / САИ. – Вып. Е1-59. – М.: Наука, 1979. – 112 с.

19. *Гришаков В.В.* Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. – Вып. 3. – Саранск, 2009. – С. 57–80.

20. *Гришаков В.В., Винничек В.А.* Эполетообразная застёжка с верховьев Суры // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза: ПензГПУ, 2003. – С. 294–305.

21. *Денисова Т.В.* Отчет о разведочных работах в Кильмезском районе Кировской области, проведенных летом 1988 года – Ижевск, 1989 / Архив ИИКНП. – Ф. 2. – Д. 6/№.

22. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 309 с.

23. *Иванова М.Г.* Концовский могильник: новые материалы // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1988. – С. 4–24.

24. *Казаков Е.П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Мат-лы II международной археологической конференции. – Самара: СОИКМ, 1998. – С. 97–150.

25. *Казаков Е.П.* Новые материалы эпохи тюркских каганатов в Закамье // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века». – Казань: Школа, 2005. – С. 22–30.

26. *Казаков Е.П., Кожевин А.Е.* Новый памятник эпохи тюркских каганатов у Старой Майны // Материалы Лихачёвских чтений. 3–5 апреля 2008 г. – Казань: ИПЦ «Экспресс-формат», 2008. – С. 207–213.

27. *Калинин Н.Ф.* Памятник пьяноборской культуры близ с. Мордовские Каратаи // ИОАИЭ. – Т. XXXIV. – Вып. 1–2. – Казань, 1928. – С. 113–116.

28. *Королёв К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.) // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 400–477.

29. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). – М.: Наука, 1980. – 224 с.

30. *Лантева Т.А.* Эполетообразные застёжки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1995. – С. 128–155.
31. *Лецинская Н.А.* Отчёт об археологических исследованиях Тат-Боярского могильника в Кильмезском районе Кировской области летом 1990 года. – Ижевск, 1991. / Архив ИИКНП. – Ф. 2. – Д. 303.
32. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1995а. – С. 88–128.
33. *Лецинская Н.А.* Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам). Дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 1995б. – 352 с.
34. *Лецинская Н.А.* Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 25. – Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2012. – С. 124–163.
35. *Лецинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 27. – Ижевск, 2014. – 472 с.
36. *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура: Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. – М.: Наука, 1968. – 160 с.
37. *Минеева И.М.* Археологические исследования в музеях Башкортостана: опыт истории и проблемы современности. – Уфа: Гилем, 2004. – 204 с.
38. *Никитина Т.Б.* История Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников) / Труды Марийской археологической экспедиции. – Т. V. – Йошкар-Ола, 1999. – 160 с.
39. *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
40. Отчёт Императорской археологической комиссии за 1906 год. – СПб: Типография Главного управления уделов, 1909. – 166 с., 4 л. илл.
41. *Ошибкина С.В.* Отчёт о работе Вятской археологической экспедиции 1970 г. – Москва, 1971 / НОА ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 4268.
42. *Ошибкина С.В.* Отчёт о работе Вятской археологической экспедиции в 1971 г. – Москва, 1972 / НОА ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 4496.
43. *Ошибкина С.В.* Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиций в 1973 г. – Москва, 1974 / НОА ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 4978.
44. *Ошибкина С.В.* Отчёт о работе Вятской и Северной экспедиций в 1974 г. – Москва, 1975 / НОА ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 5408.
45. *Ошибкина С.В.* Вятские древности: могильник Тюм-Тюм / Материалы охранных исследований. – Т. 13. – М.: ИА РАН, 2010. – 212 с.
46. *Ошибкина С.В., Иванова М.Г.* Отчёт о работе Вятской экспедиции 1972. – Москва, 1973 / НОА ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 4740.
47. *Савельева Э.А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. – Вып. 158 – М.: Наука, 1979. – С. 91–96.
48. *Сарачева Т.Г.* Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энгватова А.В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. / Труды отдела Охранных раскопок ИА РАН. – Т. 3. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 103–122.
49. *Семёнов В.А.* Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. – Ижевск, 1976. – С. 3–50.

50. Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры. – Ижевск, 1980. – С. 5–135.
51. Семёнов В.А. Этнокультурные компоненты полоумской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. – С. 20–33.
52. Старостин П.Н. Отчёт об исследованиях Усть-Брыскинского могильника, проведённых летом 1974 года. – Казань, 1975 / НОА ИА РАН. – Ф. Р–1. – Д. 5400.
53. Старостин П.Н. Нармонский могильник. – Казань: Школа, 2002. – 64 с.
54. Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Археология евразийских степей. – Вып. 9. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 144 с.
55. Стефанова И.И. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна Чепцы. – Ижевск, 1982. – С. 90–103.
56. Султанова А.Н. Бирский могильник: историко–археологическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – 207 с.
57. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. – Т. II. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. – С. 7–187.
58. Черных Е.М. Бронзовая чаша из Аверинского II могильника: к вопросу об использовании привозной посуды населением Прикамья в I тыс. н.э. // Культурные памятники Камско–Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 90–100.
59. Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 188 с.
60. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. (Предварительный отчёт о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. – № 8–9. – Уфа: Типолиитография «Октябрьский Натиск» БЦСНХ, 1929. – С. 1–28.
61. Aspelin J.R. Antiquités du Nord Finno–Ougrien. Helsinki: G.W. Edlund, 1877, vol. II, 172 p.
62. Pósta B. Description de la collection archéologique par le Dr. Béla de Pósta. In: Zichy J. Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race hongroise par le comte Eugène de Zichy. Budapest: Gustave Ranschburg libraire–éditeur, 1897, vol. II, 613 p.
63. Tallgren A.-M. Collection Zaoussaïlov au Musée national de Finlande a Helsingfors. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918, vol. II, 71 p.

Информация об авторе:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); shikhan66@mail.ru

**COMPLEX OF FINDS FROM A DESTROYED EARLY MEDIEVAL BURIAL
IN THE NORTH OF TATARSTAN**

D.G. Bugrov

The author offers for discussion a complex of female decoration and elements of costume from a grave destroyed in 2009 by some quarry activities at Stary Uzyum village (Atnya dist., the Republic of Tatarstan). Typological identification of the items and observation of their manufacturing technology allows attributing this Stary Uzyum complex to a circle of late- and post-Azelino sites of the Volga-Vyatka interfluvial area in the 6th – 7th centuries AD. It is full set of typically late Azelino decoration and elements of costume (arch rattling pendant, epaulette-shaped buckle, ‘sawed’ plates, bases of plates with a triangle pendant), as well as the composition of some other, wider spread items on different cultural sites of the

Volga and Cis-Ural region (circular clasp, triangle pendants on 8-shaped chains, lamellate plates, syulgam) included in the complex, align this Stary Uzyum burial with late Azelino complexes from the Akhmylovo Jr. and Shor-Unzha burial grounds and Bezvodny hoard found in the western territories of the Volga-Vyatka region, and – to a lesser extent – with some separate burials of the Konets and stray finds from the Tat-Boyary burial grounds. The complex can be preliminarily dated within the 6th century AD.

Keywords: archaeology, Volga-Vyatka interfluvial region, early medieval burial grounds, late stage of the Azelino culture, grave goods, complex of female decoration, typology, manufacturing technology.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1980. In *Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 3–56 (in Russian).
2. Arbuzova, N. N., Starostin, P. N. 1971. In *Novye stranitsy v istorii Mariiskogo kraia (New Pages in the Mari Region History)*. Trudy Mariiskogo NII (Proceedings of the Mari Research Institute) 23. Yoshkar-Ola, 255–259 (in Russian).
3. Arkhipov, G. A. 1962. In *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 206–231 (in Russian).
4. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
5. Belotserkovskaia, I. V. 2007. In *Vostochnaia Evropa v seredine I tysyacheletia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium A.D.)*. Series Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 186–212 (in Russian).
6. Vikhliaev, V. I., Begovatkin, A. A., Zelentsova, O. V., Shitov, V. N. 2008. *Khronologiya mogil'nikov naseleniia I–XIV vv. zapadnoi chasti Srednego Povolzh'ia (Chronology of the Burial Grounds of 1st – 14th Centuries Population in the Western Part of the Middle Volga Region)*. Saransk: "Krasnyi Oktiabr'" Publ. (in Russian).
7. Vodolago, N. V. 1987. *Otchet o rabotakh v Tatarskoi ASSR i Permskoi oblasti v 1986 godu (Verkh-Sainskii mogil'nik) (Report on the Fieldworks in Tatar ASSR and Perm Region in 1986 (The Verkh-Saya Cemetery))*. Vol. II. Izhevsk: Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 239 (in Russian).
8. Gening, V. F. 1962. In *Drevneudmurtskii mogil'nik Mydlan'-Shai (The Ancient Udmurt Burial Ground Mydlan'-Shay)*. Trudy Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Udmurt Archaeological Expedition) 1. Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 3. Sverdlovsk, 7–112 (in Russian).
9. Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (The Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations Epoch)*. Trudy Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Udmurt Archaeological Expedition) 2. Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
10. Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu (History of Udmurt Kama Region Population in the Pyany Bor Age)*. Part I. *Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (The Cheganda Culture: 3rd Century BC – 2nd Century AD)*. Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural) 10. Izhevsk; Sverdlovsk (in Russian).
11. Gening, V. F. 1977. In *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Research into the Archaeology of Southern Ural)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkirian Branch, 90–136 (in Russian).

12. Goldina, R. D. 1985. *Lomovatovskaia kul'tura v Verkhnem Prikam'e (The Lomovatovo Culture in the Upper Kama Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

13. Goldina, R. D. 1989. *Otchet ob arkhelogicheskikh raskopkakh Tat-Boiarskogo mogil'nika v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1988 goda (Report on the Archaeological Excavations on the Tat-Boiary Burial Ground, Kil'mez' District, Kirov Region, Summer 1988)*. Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier s.n (in Russian).

14. Goldina, R. D. 1999. *Drevniaia i srednevekovaiia istoriia udmurtskogo naroda (Antique and Medieval History of the Udmurt People)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

15. Goldina, R. D. 2012. In *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt University, 203–285 (in Russian).

16. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).

17. Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A. 2012. In *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt University, 321–375 (in Russian).

18. Golubeva, L. A. 1979. *Zoomorfnye ukrasheniia finno-ugrov (Zoomorphic Decorations of the Finno-Ugrians)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-59. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Grishakov, V. V. 2009. In *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfluves)* 3. Saransk, 57–80 (in Russian).

20. Grishakov, V. V., Vinnichek, V. A. 2003. In *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 294–305 (in Russian).

21. Denisova, T. V. 1989. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Kil'mezskom raione Kirovskoi oblasti, provedennykh letom 1988 goda (Report on the Archaeological Surveys in the Kil'mez' District, Kirov Oblast, Summer 1988)*. Izhevsk. Archive of the Institute for History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier s.n (in Russian).

22. Ivanov, A. G. 1998. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie sviazi naseleniia basseina r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ia (konets V – pervaiia polovina XIII v.) (Ethnic, Cultural and Economic Relations of the Cheptsya River Basin Population in the Middle Ages (Late 5th – First Half of 13th Centuries))*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).

23. Ivanova, M. G. 1988. In *Novye issledovaniia po drevnei istorii Udmurtii (Recent Researches in the Ancient History of Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch, Academy of Sciences of the USSR, 4–24 (in Russian).

24. Kazakov, E. P. 1998. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (voprosy khronologii) (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues on Chronology))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).

25. Kazakov, E. P. 2005. In *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (Issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy (Antiquities of Volga Region: the Middle Ages (Research of the Cultural Heritage of Volga Bulgaria and Golden Horde)*. Kazan: "Shkola" Publ., 22–30 (in Russian).

26. Kazakov, E. P., Kozhevin, A. E. 2008. In *Materialy Likhachevskikh chtenii (Proceedings of the Likhachev Readings)*. Kazan: “Ekspress-format” Publ., 207–213 (in Russian).
27. Kalinin, N. F. 1928. In *Izvestiia obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXXIV (1–2). Kazan, 113–116 (in Russian).
28. Korolev, K. S., Murygin, A. M., Savel’eva, E. A. 1997. In *Arkheologiiia Respubliki Komi (Archaeology of the Komi Republic)*. Moscow: “DiK” Publ., 400–477 (in Russian).
29. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil’nik: k istorii Gor’kovskogo Povolzh’ia v epokhu rannego srednevekov’ia (The Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorki Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
30. Lapteva, T. A. 1995. In *Tipologiiia i datirovka arkhologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt University, 128–155 (in Russian).
31. Leshchinskaia, N. A. 1991. *Otchet ob arkhologicheskikh issledovaniiax Tat-Boiarskogo mogil’nika v Kil’mezskom raione Kirovskoi oblasti letom 1990 goda (Report on the Archaeological Research of the Tat-Boiary Burial Ground, Kil’mez’ District, Kirov Oblast, Summer 1990)*. Izhevsk. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 303 (in Russian).
32. Leshchinskaia, N. A. 1995. In *Tipologiiia i datirovka arkhologicheskikh materialov Vostochnoi Evropy (Typology and Dating of the Archaeological Materials from Eastern Europe)*. Izhevsk: Udmurt University, 88–128 (in Russian).
33. Leshchinskaia, N. A. 1995. *Viatskii bassein v I – nachale II tysiacheletiiia n.e. (po arkhologicheskim istochnikam) (Vyatka Basin in I – Early II Millennium AD (on the Archaeological Sources))*. PhD Diss. Izhevsk (in Russian).
34. Leshchinskaia, N. A. 2012. In *Drevnosti Prikam’ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaiia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt University, 124–163 (in Russian).
35. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p’ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal’nykh pamiatnikov I–V vv. n.e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: on the Materials from Burial Sites of the 1st – 5th Centuries AD)*. Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk (in Russian).
36. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul’tura: Etnicheskaiia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
37. Mineeva, I. M. 2004. *Arkheologicheskie issledovaniia v muzeiakh Bashkortostana: opyt istorii i problemy sovremennosti (Archaeological Research in the Bashkortostan Museums: an Experience of the History and Problems of the Present Time)*. Ufa: “Gilem” Publ. (in Russian).
38. Nikitina, T. B. 1999. *Istoriia Mariiskogo kraia v I tys. n.e. (po materialam mogil’nikov) (History of the Mari Region in the I Millennium AD: on the Materials of Burial Grounds)*. Trudy Mariiskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) V. Yoshkar-Ola (in Russian).
39. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov’ia (po arkhologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature and History Institute (in Russian).
40. *Otchet Imperatorskoi arkhologicheskoi komissii za 1906 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1906)*. 1909. Saint Petersburg: “Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov” Publ. (in Russian).

41. Oshibkina, S. V. 1971. *Otchet o rabote Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1970 g. (Report on the Fieldworks of the Vyatka Archaeological Expedition in 1970)*. Moscow. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 4268 (in Russian).
42. Oshibkina, S. V. 1972. *Otchet o rabote Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1971 g. (Report on the Fieldworks of the Vyatka Archaeological Expedition in 1971)*. Moscow. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 4496 (in Russian).
43. Oshibkina, S. V. 1974. *Otchet o rabote Viatskoi i Severnoi ekspeditsii v 1973 g. (Report on the Fieldworks of the Vyatka and Northern Archaeological Expeditions in 1973)*. Moscow. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 4978 (in Russian).
44. Oshibkina, S. V. 1975. *Otchet o rabote Viatskoi i Severnoi ekspeditsii v 1974 g. (Report on the Fieldworks of the Vyatka and Northern Archaeological Expeditions in 1974)*. Moscow. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 5408 (in Russian).
45. Oshibkina, S. V. 2010. *Viatskie drevnosti: mogil'nik Tium-Tium (Antiquities of Vyatka Region: the Tyum-Tyum Burial Ground)*. Materials of Rescue Studies 13. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
46. Oshibkina, S. V., Ivanova, M. G. 1973. *Otchet o rabote Viatskoi ekspeditsii v 1972 g. (Report on the Fieldworks of the Vyatka Archaeological Expedition in 1972)*. Moscow. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 4740 (in Russian).
47. Savel'eva, E. A. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* 158. Moscow: "Nauka" Publ., 91–96 (in Russian).
48. Saracheva, T. G. 2005. In *Nikitinskii mogil'nik: Publikatsiia materialov raskopok 1977–1978 gg. (The Nikitino Cemetery. Materials of the 1977–1978 Excavations)*. Proceedings of the Department of Rescue Excavations 3. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 103–122 (in Russian).
49. Semenov, V. A. 1976. In *Voprosy arkheologii Udmurtii (Problems of Archaeology of Udmurtia)*. Izhevsk, 3–50 (in Russian).
50. Semenov, V. A. 1980. In *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk, 5–135 (in Russian).
51. Semenov, V. A. 1989. In *Novye issledovaniia po etnogenezu udmurtov (New Studies on the Ethnic Genesis of Udmurts)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch, Academy of Sciences of the USSR, 20–33 (in Russian).
52. Starostin, P. N. 1975. *Otchet ob issledovaniiax Ust'-Brynskogo mogil'nika, provedennykh letom 1974 goda (Report on the Investigation of the Ust'-Bryska Burial Ground in the Summer of 1974)*. Kazan. Scientific Profile Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R–1, dossier 5400 (in Russian).
53. Starostin, P. N. 2002. *Narmonskii mogil'nik (The Narmonka Burial Ground)*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).
54. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (The Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 9. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Institute of History (in Russian).
55. Stefanova, I. I. 1982. In *Srednevekoveye pamiatniki basseina Chepty (Medieval Sites in the Chepts River Basin)*. Izhevsk, 90–103 (in Russian).
56. Sultanova, A. N. 2000. *Birskii mogil'nik: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (The Birsk Burial Ground: Historical and Archaeological Research)*. PhD Diss. Ufa (in Russian).

57. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Zheleznyi vek Mariiskogo kraia (Iron Age of the Mari Region)*. Trudy Mariiskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Mari Archaeological Expedition) II. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 7–187 (in Russian).

58. Chernykh, E. M. 2004. In *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 90–100 (in Russian).

59. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. V., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (Argyzh Hill-fort on the Vyatka River)*. Moscow: Institute of Computer Studies (in Russian).

60. Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Economy of Bashkiria)* 8–9. Ufa: "Oktiabr'skii Natisk" Publ., 1–28 (in Russian).

61. Aspelin, J. R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien* II. Helsinki: G. W. Edlund.

62. Pósta, B. 1897. Description de la collection archéologique par le Dr. Béla de Pósta. In Zichy, J. *Voyages au Caucase et en Asie Centrale*. Vol. II. *La migration de la race hongroise par le comte Eugène de Zichy*. Part. II. Budapest: Gustave Ranschburg libraire-éditeur.

63. Tallgren, A.-M. 1918. *Collection Zaoussaïlov au Musée national de Finlande à Helsingfors* II. Helsingfors: Commission des collections antell.

About the Author:

Bugrov Dmitri G., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

УДК 069. 4

ПОЛЯНСКОЕ III СЕЛИЩЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЗАКАМЬЯ НАСЕЛЕНИЕМ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ)

© 2015 г. Е.П. Казаков, Н.П. Салугина

В средневековой археологии Восточной Европы заметное место занимают проблемы именьковской культуры, которая занимала широкую территорию от Приуралья до Мордовии. Археологи признают ее пришлый характер. Но по вопросам ее датировки и этнокультурной принадлежности продолжаются дискуссии. Некоторое время преобладало утверждение, что ее появление связано с приходом в рассматриваемый регион с запада славян. В последние десятилетия по именьковской культуре были накоплены новые материалы. Среди них отмечаются богатые некрополи (Коминтерновский II, Измерский IX) и поселения, раскопанные Раннеболгарской экспедицией в Татарстане. Материалы Полянского III селища (Республика Татарстан) позволяют рассматривать этапы освоения Закамья населением в эпоху Тюркских каганатов.

Ключевые слова: археология, история, Волго-Уральский регион, раннее средневековье, именьковская культура, эпоха Тюркских каганатов, сарматы, поселения, могильники.

Полянский комплекс памятников. Расположен в низовьях правобережной части р. Утки при впадении ее в р. Волга. Здесь расположены памятники разных эпох, которые начали изучаться еще в XIX в. Начиная с 60-х годов XX в. активные работы здесь вели казанские археологи под руководством А.Х. Халикова (Археологическая карта, 1986, с. 22–24).

Полянское III селище находится в 600 м к югу от с. Полянки Спасского р-на РТ. В 1977 г. экспедиция под руководством Е.П. Казакова в обнажениях высокого берега р. Волга выявила две ямы и погребения (рис. 1). Стратиграфия по обрыву берега: дерн 10 см, чернозем – до 40–60 см, ниже идет суглинок.

Погребение 1, глубина 130 см (рис. 2). У отмели под погребением, среди обвалившейся земли, найдены обломки трубчатых костей, череп человека, кости коровы, а также об-

ломки черепа и кости четырех ног лошади в возрасте 9–10 лет (определение А.Г. Петренко). Здесь же найдена костяная накладка на лук сложного типа (рис. 3). В обрыве берега слабо прослеживается профиль могильной ямы. При ее вскрытии очертания ямы зафиксированы на глубине 70 см. В заполнении ямы встречено несколько обломков лепной серо-светло-коричневого цвета керамики с примесью минеральных включений, похожих на обожженную глину (рис. 3).

Сохранившаяся часть могилы имела размеры 100 x 60 см и была вытянута по линии восток–запад. На глубине 130 см – дно могилы. Здесь найдены трубчатая кость человека и две косточки молодой лошади. Очевидно, погребение было ограблено еще в древности и впоследствии разрушено рекой. Судя по накладкам на лук, дата погребения не может быть позднее VIII в. Череп человека из этого по-

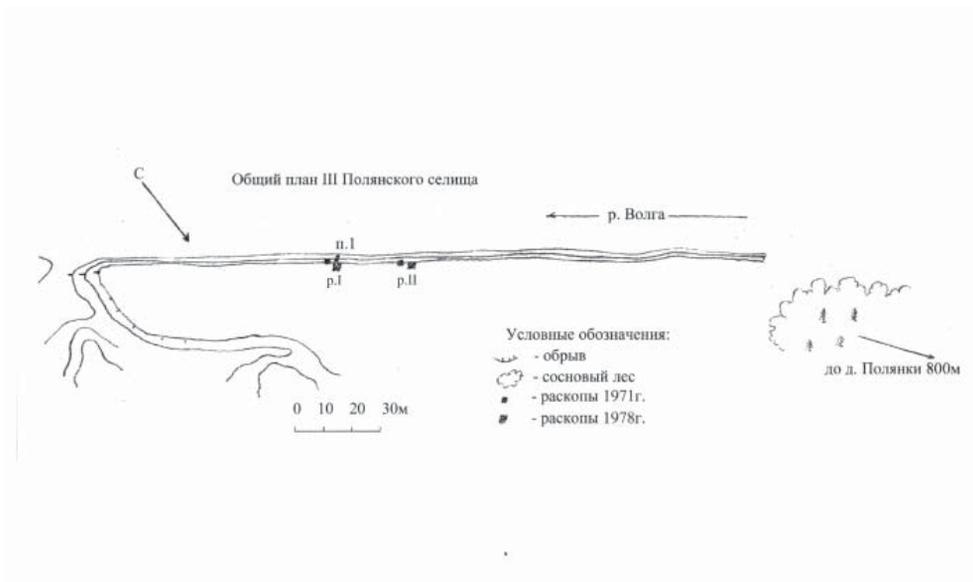

Рис. 1. План расположения Полянского III селища.
 Fig. 1. Plan of Polyanskoe III settlement.

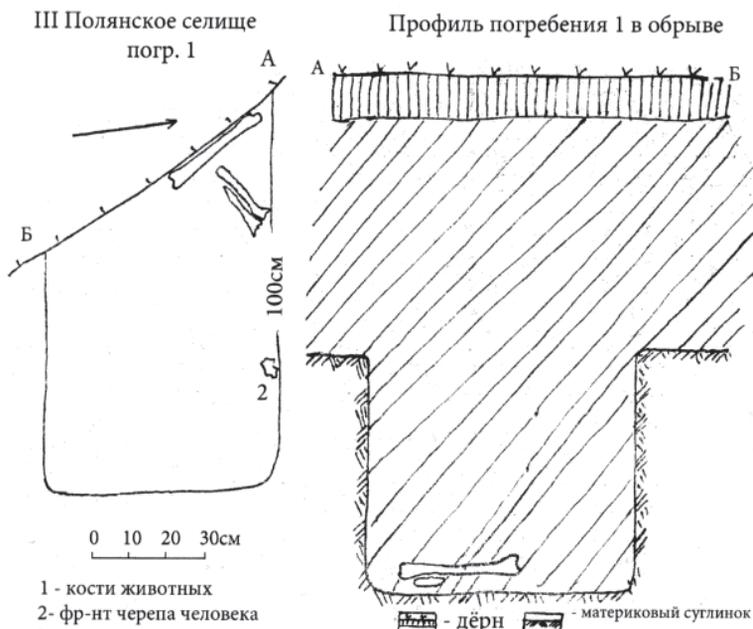

Рис. 2. План и профиль погребения 1 на Полянском III селище.
 Fig. 2. Plan and profile of grave 1 on Polyanskoe III settlement.

гребеня имел следы искусственной деформации.

Яма № 1, глубина 120 см (рис. 4), обнаружена по профилю в обрыве берега в 120 см к юго-востоку от погребения. Очертания ямы длиной по обрыву берега 130 см и оставшейся шириной 50 см появились на глубине 60 см в слое, переходном от чернозема к суглинку. Стены ямы отвесные. На глубине 120 см выявлено плоское дно ямы. В черноземном заполнении встречены кости животных и фрагменты керамики по тесту и цвету, аналогичные посуде из заполнения ямы погребения.

Яма № 2, глубина 80 см (рис. 5) Профиль ямы зафиксирован в обрыве берега в 150 см к юго-востоку от погребения 1. Очертание ямы при вскрытии появились на глубине 60 см в слое, переходном от чернозема к глине. Длина ямы вдоль обрыва 240 см, ширина 70 см. Стенки ямы отвесные. На глубине 80 см – плоское дно ямы. В черноземном заполнении ее на глубине 40, 60 и 80 см встречены обломки керамики, аналогичной посуде из засыпи ямы погр. 1, и бусина из светло-синего стекла (рис. 6).

На двух раскопах изучено 54 кв. м. Площадь раскопов разбивалась на квадратные участки со стороной 3 м каждый. Линии участков ориентированы по сторонам света. В направлении юг–север они обозначались заглавными буквами русского алфавита, в направлении запад–восток – арабскими цифрами.

Стратиграфия на всех раскопах одинакова: дерн – 10 см, чернозем – 80 см. Ниже идет материковый суглинок.

По обрыву берега собраны обломки грубой лепной с примесью шамо-

та в тесте керамики и среди них два обломка культовых цилиндрических изделий (рис. 10: 1, 2), часто встречающихся на именковских памятниках. В их тесте примесь обожженной глины и растительности.

Раскоп I (рис. 8) площадью 18 кв. м был заложен на месте вскрытого в 1977 г. захоронения. При зачистке первого и на втором штыке в черноземе обнаружены фрагменты керамики: на участке А/3 – 7 фрагментов, Б/2 – 7; В/3 – несколько мелких обломков, В/2 – 5 фрагментов и на уч. В/1 – 3 фрагмента. Большинство обломков имеют серо-коричневый цвет и примеси шамота. Лишь на уч. Б/2 найдены два фрагмента с песком в тесте, украшенные резным и гребенчатым орнаментом, очевидно, относящиеся к эпохе бронзы.

Раскоп II (рис. 9; 10: 1 – 3, 9) площадью 36 кв. м был заложен в юго-восточной части памятника, там, где в обрыве берега на протяжении 4 м прослеживался котлован полуземляночного жилища глубиной 80 см.

На первом и втором штыках встречены обломки грубой лепной именковской керамики. На уч. А/1 – 10, на уч. Б/1 – 12 фрагментов такой керамики найдено в слое. При этом у северной стенки уч. Б/2 на глубине 30 см расчищен развал сосуда (рис. 10: 9). На глубине 40–50 см у южной стенки уч. Б/1 найдены одно целое (рис. 10: 2), одно обломанное напрясло и железный нож (рис. 10: 1). В северо-западном углу участка А на глубине 50 см расчищен развал сосуда (рис. 10: 3).

На глубине 60–70 см появились прослеживаемые в обрыве берега очертания жилища (рис. 9). Сохранившаяся часть его имела подпрямо-

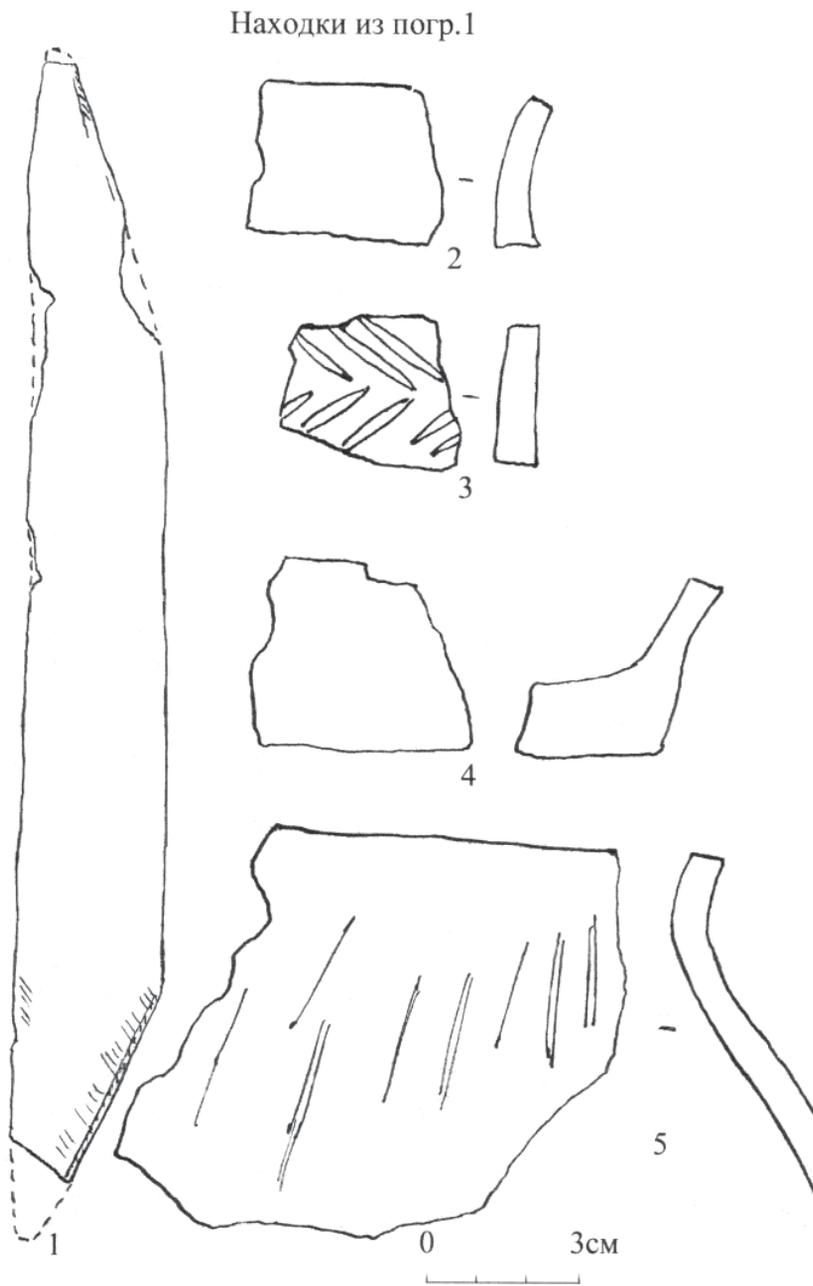

Рис. 3. Находки из погребения 1. 1 – кость, 2–5 – керамика.

Fig. 3. Finds from grave 1. 1 – bone, 2–5 – ceramics.

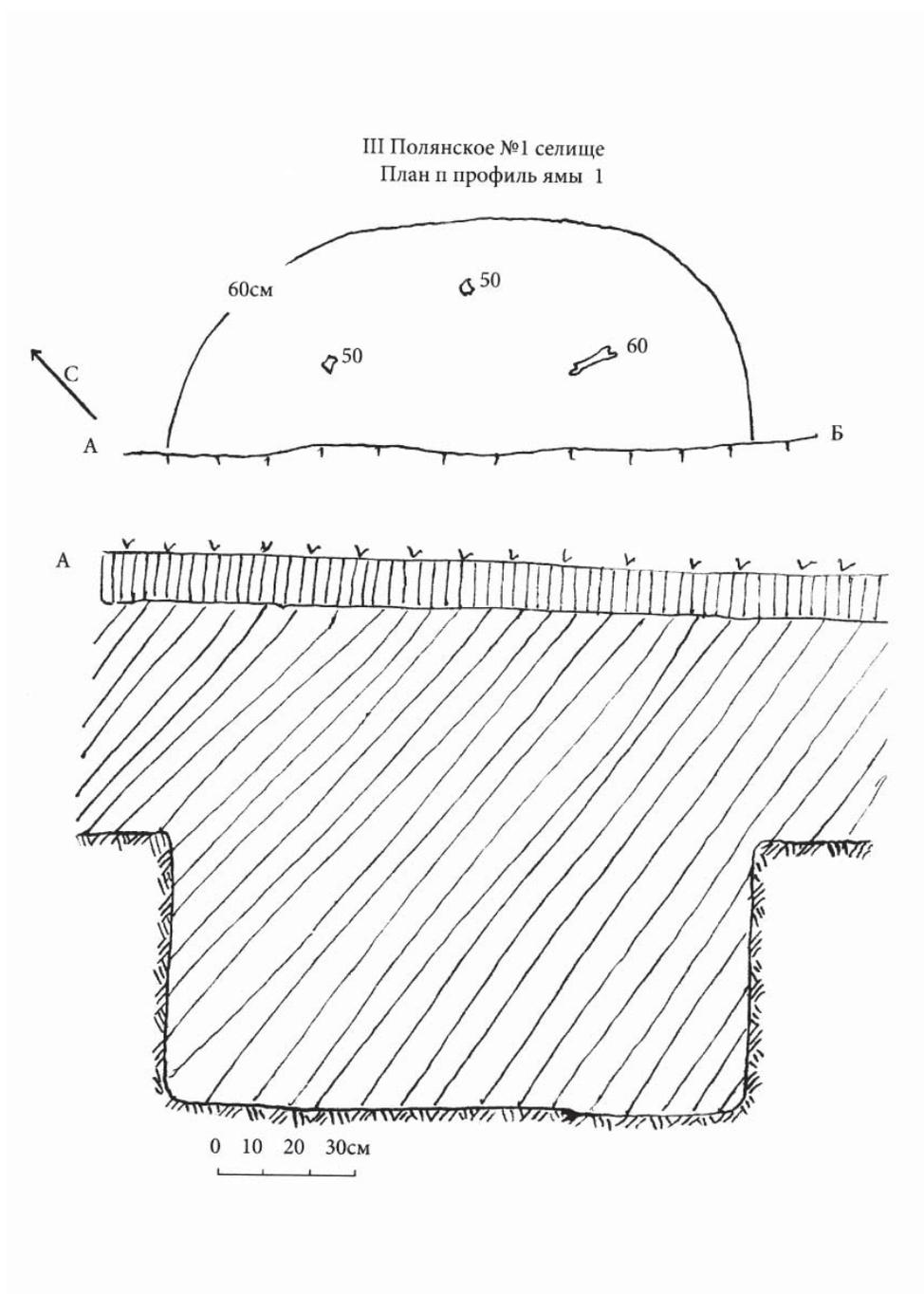

Рис. 4. План ямы 1 Полянского III селища.
Fig. 4. Plan of pit 1 of Polyanskoe III settlement.

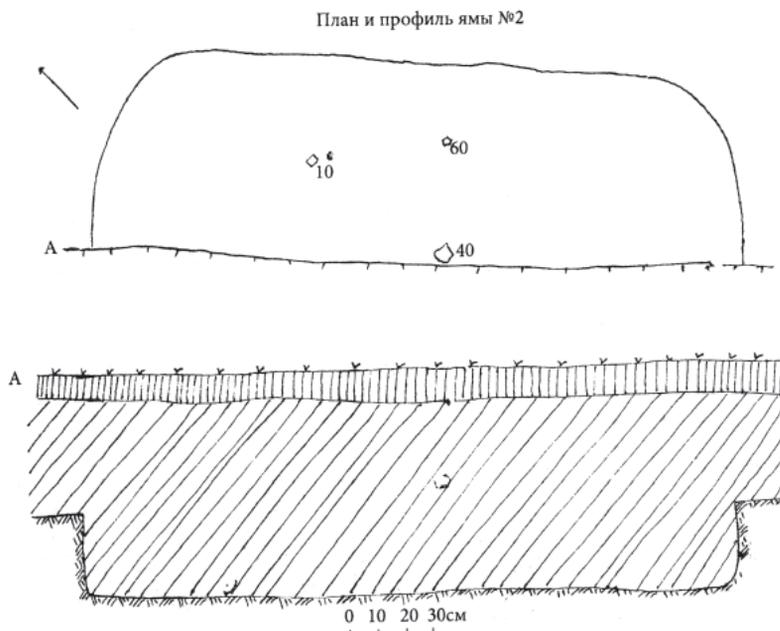

Рис. 5. План ямы 2 Полянского III селища.
Fig. 5. Plan of pit 2 of Polyanksoe III settlement.

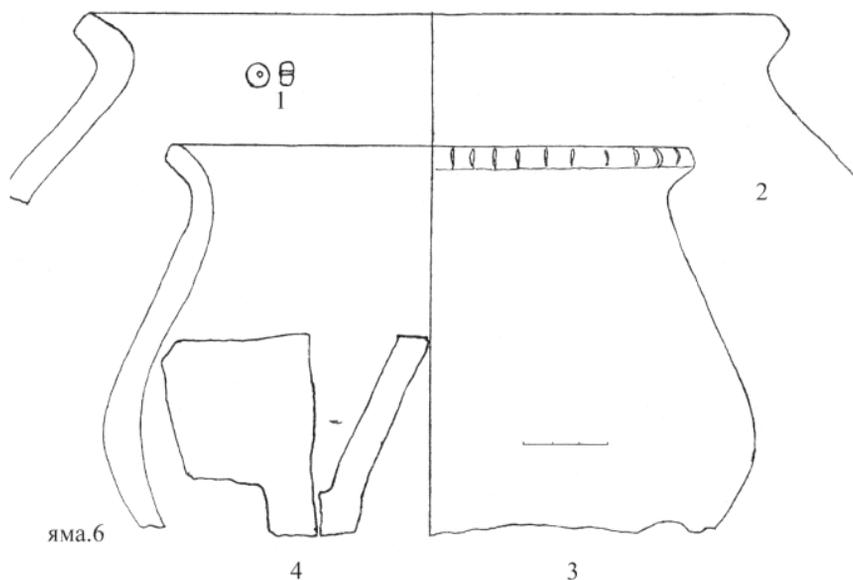

Рис. 6. Находки из ямы погребения 2 III Полянского селища.
 1 – стекло, 2–4 – керамика.
Fig. 6. Finds from the pit of grave 2 from Polyanskoe III settlement.
 1 – glass, 2–4 – ceramics.

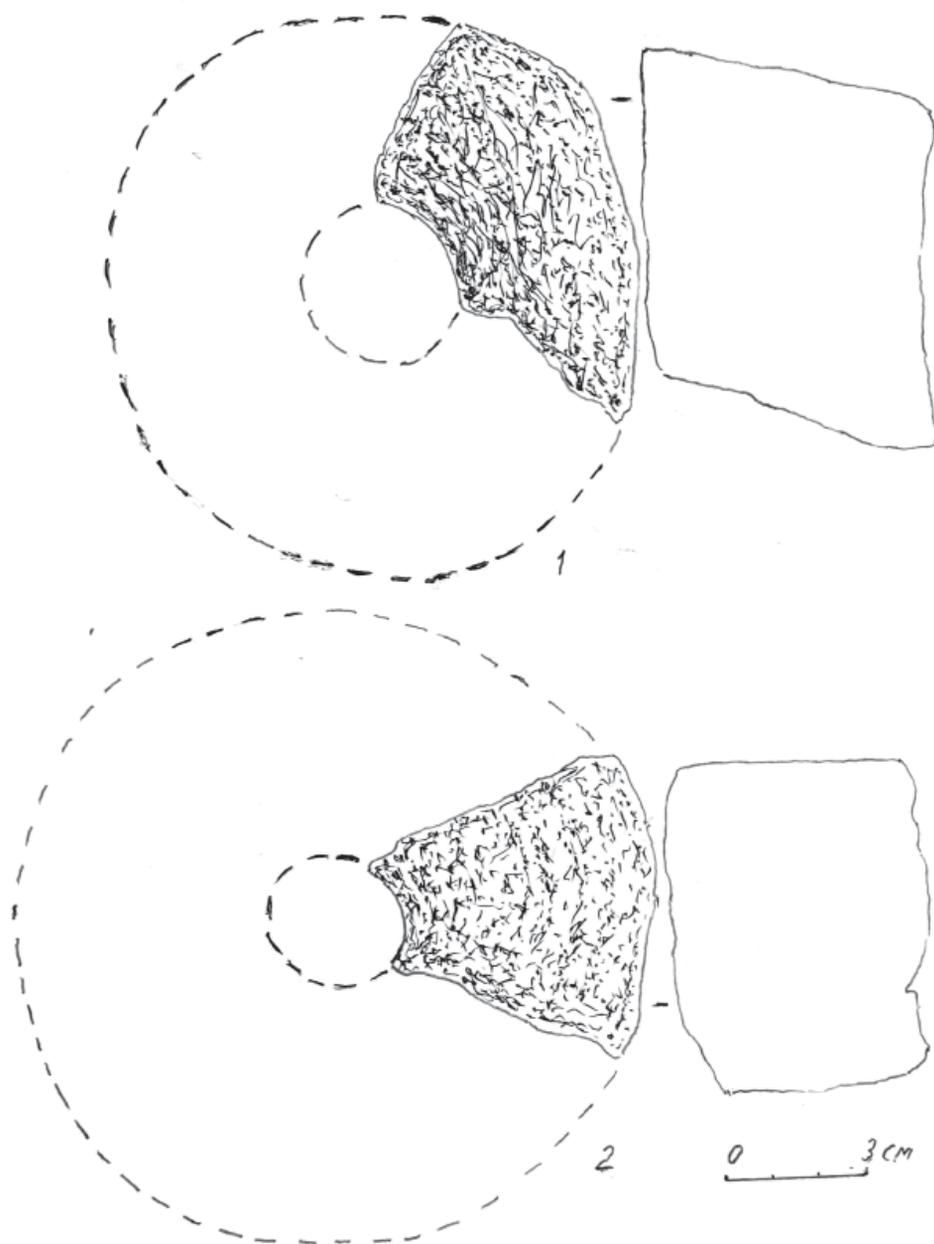

Рис. 7. Культовые изделия из III Полянского селища. Подъемный материал.
Fig. 7. Ritual items from Polyanskoe III settlement. Stray finds.

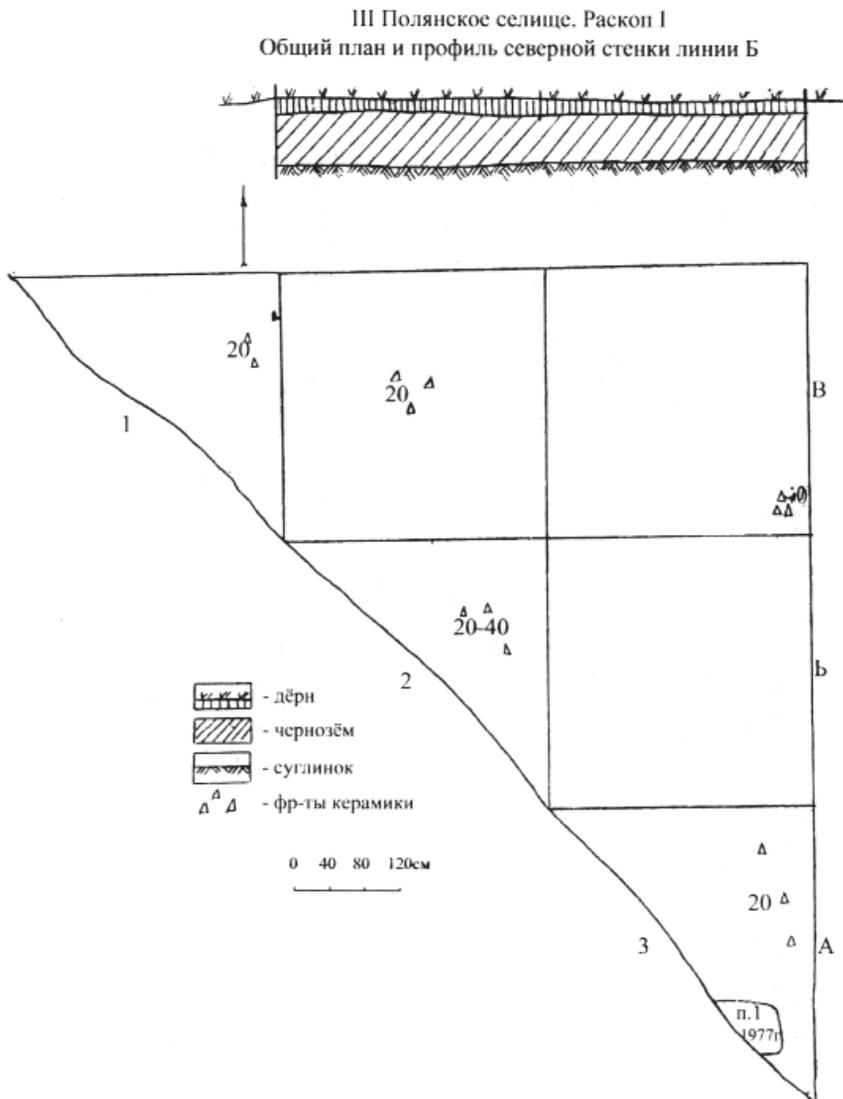

Рис. 8. План раскопа I на Полянском III селище.
Fig. 8. Plan of dig I on Polyanskoye III settlement.

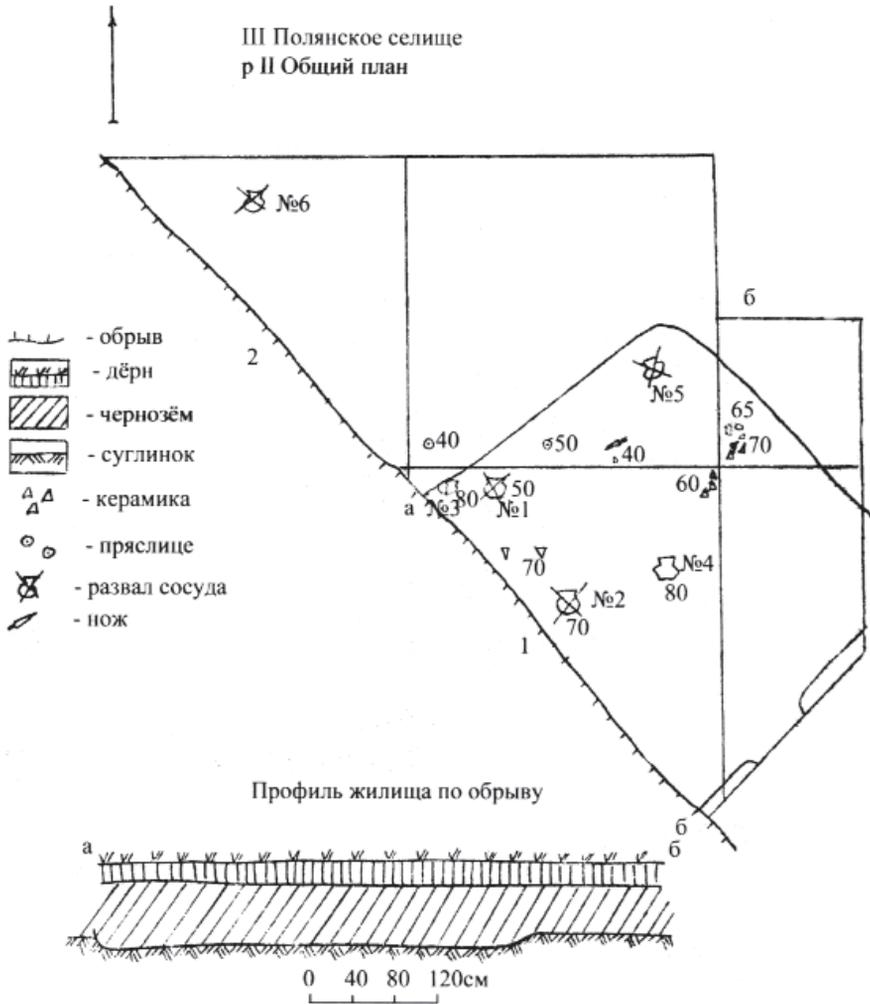

Рис. 9. План раскопа II на Полянском III селище.
Fig. 9. Plan of dig II on Polyanskoe III settlement.

угольную форму размером 3,8 x 2,8 м, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток. Стенки котлована отвесные. Заполнение его черноземное. В юго-восточной стенке имеется черноземный выступ. Вход шириной в 60 см по обеим ее сторонам с внутренней стороны обвалован из плотного чернозема шириной в 3–5 см. Вероятно, здесь был тамбур. В западной половине сохранившейся части жилища найдены отдельные фрагменты и ряд развалов сосудов (рис. 9).

Яма № 1 (рис. 10: 5–8; 11) зафиксирована в обнажении берега. Половина ее обрушилась в реку. Ширина в профиле 70 см, глубина 160 см. Оставшаяся часть ямы, видимо, округлой в плане формы стала проследиваться на глубине 70 см. На глубине 60–80 см встречено 9 мелких фрагментов стенок сосудов, 2 обломка днища, 1 венчик (рис. 10: 6). На глубине 80–120 см найдено 8 мелких обломков стенок и 1 венчик. На глубине 140 см яма расширялась во все стороны на 20 см. На глубине 140–160 см у плоского дна отмечены вкрапления золы, угля, известняковых камней, 6 обломков стенок, 3 обломка днищ и 2 обломка шеек сосудов (рис. 10: 7, 8).

Материалы Полянского III селища несомненно указывают на принадлежность его к именьковским древностям. Длительное время большинство исследователей связывало их со славянами, но, как показывают новые материалы, особенно полученные при работе Раннеболгарской экспедиции, аналогии им, прежде всего, имеются в турбаслинско-именьковском круге сарматского мира (Казаков, 1995, с. 39–42). С древности сарматские племена с их подвижным образом жизни привлекали богатейшие по

природным ресурсам земли Закамья, которые использовались в летний период для выпасов стад домашних животных.

В эпоху средневековья движение сармат к северу, в основном до р. Камы, происходило в несколько этапов и было связано с изменениями военно-политической обстановки на обширных пространствах Евразии. В гуннскую и постгуннскую эпоху (конец IV–V вв. н.э.) отмечены памятники, оставленные сдвинувшими на север сарматами. Один из них расположен всего в 20 км к югу от III Полянского селища, у райцентра Ст. Майна Ульяновской обл. Судя по обряду и инвентарю, особенно по керамике, это был типичный могильник восточноевропейских сармат (Казаков, 1987, с. 114–119). Другой памятник – Тураевский могильник – содержал дружинные захоронения азиатских сармат, вынужденных укрываться на правобережье р. Камы. Обряд и вещевой материал, имеющий среднеазиатские и иранские аналогии, позволяет сопоставить этот памятник с древностями джетыясарской культуры Приаралья (Казаков, 2011, с. 9–10).

Следующий этап сарматской миграции относится к V–VI вв. н.э. В это время сюда проникают ближайшие южные соседи Закамья. В основном это были земледельцы, ведущие оседлый образ жизни. Хотя такие памятники изучены слабо, наличие характерных мисок позволяет связывать их носителей с восточноевропейскими сарматами (Сташенков, 2005, с. 69, рис. 9; с. 70, рис. 10).

Ряд именьковских поселений этого времени изучен в Восточном Закамье. Так, на Полянском I селище «Шихан» (Альметьевский р-н РТ) встречен ти-

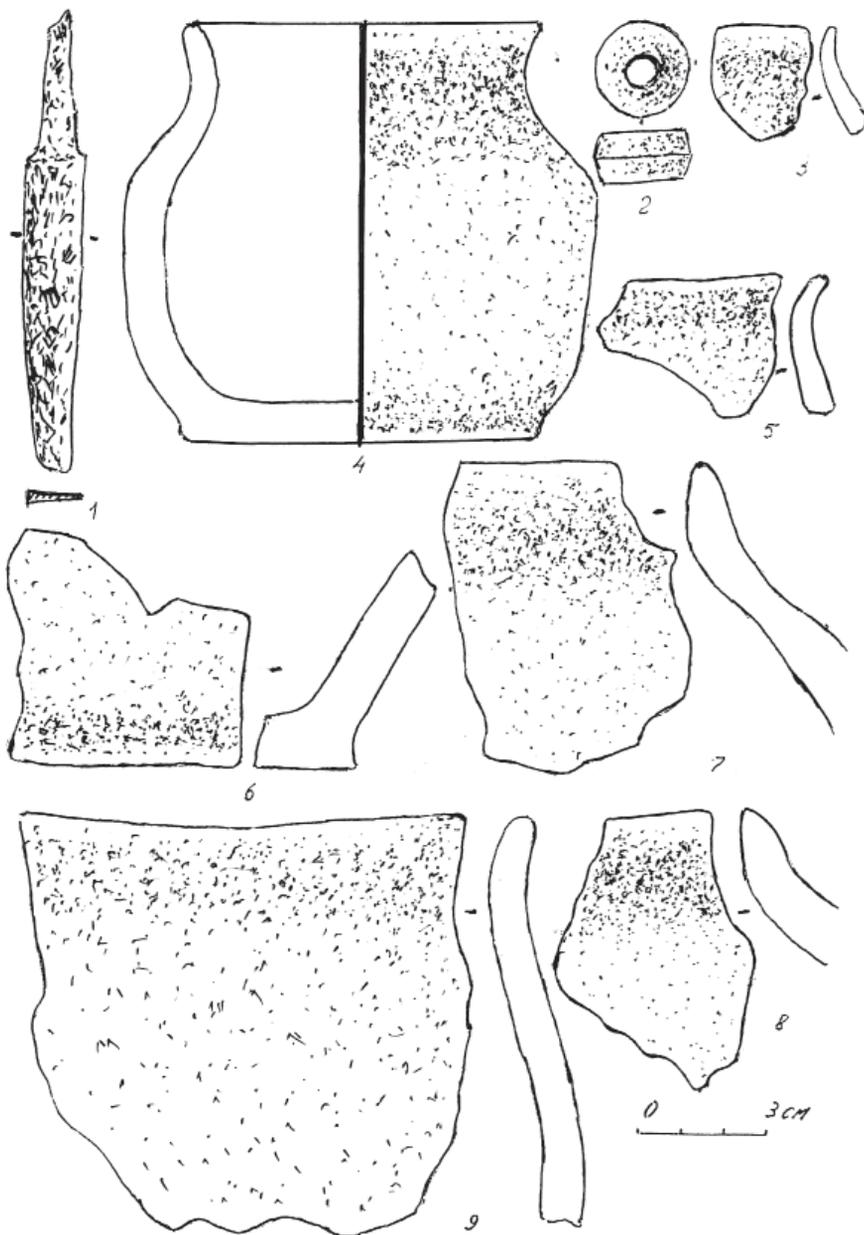

Рис. 10. Вещевой материал раскопа II Полянское III селища. 1 – железо, остальное керамика. 1 – уч. Б/2, гл. 40 см, 2 – уч. Б/1, гл. 40 см; 3 – уч. А/1, гл. 50 см (сосуд №1); 4 – уч. А/1, гл. 80 см (сосуда №4); 5–8 – яма 1(3); 9 – уч. Б/2, гл. 30 см (сосуда № 6); 5–8 – яма 1 (3), остальное жилище на раскопе II.

Fig. 10. Goods from dig II from Polyanskoe III settlement. 1 – iron, the rest is ceramics. 1 – sector Б/2, depth 40 cm, 2 – sector Б/1, depth 40 cm; 3 – sector А/1, depth 50 cm (vessel no. 1); 4 – sector А/1, depth 80 cm (vessel no. 4); 5–8 – pit 1(3); 9 – sector Б/2, depth 30 cm (vessel no. 6); 5–8 – pit 1 (3), the rest is from a dwelling from dig II.

пично сарматский сосуд с сосковидными налестками. В материале селища «Шихан» отмечены черты турбаслинской и именьковской культур (Казаков, Рафикова, 1999, с. 30–31).

Следующая мощная волна сарматских мигрантов в Закамье связана с глобальными военно-политическими событиями в Евразии, связанными с образованием Первого Тюркского каганата. В середине VI в. здесь появляются оседлые именьковские и полукочевые восточноевропейские и турбаслинские племена сармат¹. Их памятники особенно часто встречаются на надпойменных террасах богатых луговыми травами широких долин Камы и Волги. Здесь они оставили крупные некрополи с богатыми комплексами вещей (Казаков, 1998, с. 97–150). Они расположены всего в 40 км к северо-востоку от рассматриваемого поселения.

В 3 км к северо-востоку находится другая, так называемая маклашеевская группа именьковских памятников, состоящая из городища и нескольких селищ (Старостин, 1967.) Все указывает на то, что пришлое именьковское население плотно заселило надпойменные террасы над долинами рек Камы, Волги и др.

Вопрос о времени существования подобных поселений сармат затруднен исключительной бедностью их датирующим материалом. Относительно Полянского III селища можно сказать, что оно связано с эпохой Западного Тюркского каганата. Именно в это время в Прикамье появляются новые группы сармат. Среди них за-

хоронения вождей с большим количеством изделий из драгоценных металлов (в числе их Коминтерновский II – Бураковский клад). Среди датируемых элементов в Полянском III селище находится костяная обкладка лука сложного типа (рис. 3: 1). Такие предметы отмечены во многих памятниках VII в, в том числе в Новинковских древностях (Матвеева, 1997, с. 187, рис. 89: 4, 5).

Захоронения этого времени (с костями домашних животных, вооружением) изучены на поздней части Коминтерновского II могильника. Среди них захоронение 84 с характерными накладками сложного лука (Казаков, 2011, с. 33–34).

Во второй трети VII в. сарматское население Закамья было вытеснено племенами кушнаренковской культуры маняжского этапа (Казаков, 2011, с. 20).

Технологический анализ керамики Полянского III селища.

Технологический анализ керамики проводился в рамках историко-культурного направления, по методике, разработанной А.А. Бобринским (Бобринский, 1978). Исследование осуществлялось с помощью микроскопа МБС-10.

Целью анализа было изучение особенностей культурных традиций в гончарстве населения, оставившего Полянское III селище, и привлечение полученных данных для обсуждения вопросов историко-культурного характера. В силу фрагментированности материала доступными для изучения оказались прежде всего навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс.

Всего на анализ представлено 46 фрагментов керамики (обломки днищ,

¹ У авторов статьи разные точки зрения на этническую принадлежность именьковцев: с сарматами их связывает Е.П. Казаков.

венчиков и стенок). Ниже приведены данные технологического анализа, информация по днищам и венчикам дается отдельно по каждому, а стенки объединены в группы и по ним технологическая информация приводится суммарно. Чтобы избежать лишних повторов в тексте, даем некоторые пояснения, касающиеся отдельных деталей технологии: 1) глина пластичная – глина, в которой песок и иные естественные примеси присутствуют в очень небольшой концентрации; 2) глина средней пластичности (по исследованному материалу) содержит в своем составе очень мелкий песок в средней концентрации; 3) шамот крупный — старые, вышедшие из употребления сосуды, раздробленные до размеров более 2 мм; 4) навоз жвачных животных фиксировался по наличию включений и отпечатков растительности разных размеров со следами деформации в виде перекусывания (далее в тексте – навоз); 5) выжимка из навоза жвачных животных фиксировалась по наличию небольшого количества сильно измельченных (до 2–2,5 мм) включений растительности; 6) поскольку методика определения концентрации органики не разработана, ее определения в тесте примерные; 7) практически все сосуды, фрагменты которых анализировались, заглажены либо рукой гончара, либо кусочком ткани, а часто — сочетанием этих «инструментов».

Образец № 44 – фрагмент дна. Сосуд был изготовлен из смеси двух глин: ожелезненной и неожелезненной. Обе глины пластичные, смешивались во влажном состоянии. Основой служила ожелезненная глина с естественной примесью бурого железняка и мелких охристых включений. Неожелезнен-

ная глина выступала как добавка. Для составления формовочной массы в смесь глин добавляли крупный шамот в концентрации 1:4 и выжимку из навоза жвачных животных. Сосуды, пошедшие на изготовление шамота, сделаны из ожелезненной глины и из смеси двух глин; формовочная масса их составлена по рецепту шамот и органика. Частично шамот изготовлен из бракованных сосудов, что однозначно указывает на местный характер производства.

Судить о конструировании сосуда можно с большой долей вероятности: начин спирально-жгутовой, полое тело – кольцевой налеп.

Аналогичные навыки отбора исходного сырья и составления формовочных масс зафиксированы по образцам № 40 и 41.

Образец № 49 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В формовочную массу были введены крупный шамот и навоз жвачных животных, концентрация шамота 1:3, навоза – 1:4. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, в который был введен навоз жвачных животных.

Образец № 36 – фрагмент венчика с насечками. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины. В составе формовочной массы можно отметить крупный шамот в концентрации 1:3 и навоз жвачных животных в концентрации 1:5. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, к которой добавлен навоз жвачных животных. Можно предположить спирально-лоскутный способ наращивания стенок (из коротких жгутов по спиралевидной траектории.).

Образец № 50 – фрагмент венчика. Изготовлен из смеси двух глин: основная – ожелезненная с естественными включениями охристого бурого железняка, вторая – нежелезненная с естественной примесью мелкого песка. В составе формовочной массы зафиксированы крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка. Шамот изготовлен из смеси двух глин с добавлением органики, на его изготовление использовали бракованные сосуды. Сам сосуд погиб в огне.

Образец № 51 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожелезненной пластичной глины с естественной примесью пылевидного песка и оолитового бурого железняка. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины, к которой в качестве примеси добавлена органика. Сосуд погиб в огне.

Образец № 54 – фрагмент днища. Изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности. В формовочной массе зафиксирована искусственная примесь крупного шамота в концентрации 1:2 и навоза жвачных животных в концентрации 1:4. Сосуды, из которых сделан шамот, изготовлены из ожелезненной глины, к которой добавлены шамот и органика.

Образец № 57 – фрагмент донца. Изготовлен из ожелезненной пластичной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В состав формовочной массы был введен крупный шамот в концентрации 1:3 и выжимка из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины с примесью шамота и органики.

Образец № 60 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелез-

ненной глины с примесью крупного шамота и навоза жвачных животных. Шамот изготовлен также из ожелезненной глины, но состав его формовочной массы зафиксировать не удалось. Сосуд погиб в огне.

Образец № 52 – фрагмент днища. Изготовлен из ожелезненной глины средней пластичности. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:4 и навоз жвачных животных в концентрации 1:5. Шамот изготовлен из смеси двух глин, причем одна из них (скорее всего, нежелезненная) была сильно запесочена. Никаких других добавок в составе формовочной массы шамота проследить не удалось.

Образец № 65 – фрагмент дна. Изготовлен из смеси двух глин, основная – ожелезненная, высоко пластичная глина с естественными включениями оолитового бурого железняка, вторая глина – нежелезненная глина средней пластичности с большим содержанием песка. В состав формовочной массы сосуда введен крупный шамот в концентрации 1:5 и навоз в такой же концентрации. Шамот, скорее всего, из смеси ожелезненной и нежелезненной глин, других добавок не зафиксировано.

Образец № 59 – фрагмент венчика. Изготовлен из пластичной ожелезненной глины с примесью крупного шамота и выжимки из навоза. Шамот изготовлен из ожелезненной глины и из смеси двух глин (т.е. на шамот использовались два вида посуды). В составе формовочной массы шамота – шамот и органика. О конструировании можно говорить предположительно: спирально-лоскутный налп.

Образец № 53 – фрагмент днища. Изготовлен из глины средней

пластичности, ожеженной с естественными включениями мелкого песка и оолитового бурого железняка. В состав формовочной массы введен крупный шамот в концентрации 1:6 и выжимка. Шамот – из ожеженной глины. Никаких добавок в формовочной массе шамота не зафиксировано.

Образец № 67 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожеженной пластичной глины. В состав формовочной массы введен крупный шамот в концентрации 1:4 и выжимка из навоза. Шамот – из ожеженной глины с искусственными включениями органики. Сосуд погиб в огне.

Образец № 34 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожеженной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка и охристых включений. В составе формовочной массы зафиксирован крупный шамот в концентрации 1:5 и выжимка. В составе формовочной массы шамота зафиксирована искусственная примесь органики.

Образец № 27 – фрагмент венчика. Изготовлен из ожеженной глины средней пластичности с большим содержанием мелкого песка. В формовочную массу введены крупный шамот в концентрации 1:5 и выжимка. Сосуды, пошедшие на изготовление шамота, сделаны из глины того же состава с искусственным введением органической примеси.

Образец № 19 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожеженной глины. В формовочной массе зафиксирована примесь крупного шамота в концентрации 1:3 и выжимки. Шамот изготовлен из двух разных видов сосудов: из ожеженной глины и из смеси ожеженной и нежеженной

ной глины. В составе шамота – также шамот и органика.

Образец № 29 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожеженной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В формовочной массе зафиксирована искусственная примесь крупного шамота в концентрации 1:4 и выжимки. Шамот изготовлен из ожеженной глины с примесью шамота и органики.

Образец № 9 – фрагмент дна. Изготовлен из пластичной ожеженной глины с естественными включениями оолитового бурого железняка. В составе формовочной массы зафиксирована примесь крупного шамота в концентрации 1:3 и выжимки. Шамот – из ожеженной глины с примесью шамота и органики.

Фрагменты стенок. Как указывалось выше, рассматриваются суммарно, т.к. возможна их принадлежность к одним сосудам.

По особенностям исходного сырья и составов формовочных масс выделено три группы посуды:

I группа – сосуды, изготовленные из пластичной глины с естественным включением оолитового бурого железняка (образцы № 64, 55, 4, 6, 3, 7, 1, 2, 47, 59, 46, 43, 38). В качестве искусственной примеси отметим крупный шамот в концентрации 1:3–1:5 и органику (1:5–1:6). Причем органические примеси – это и навоз жвачных, и выжимка из навоза. В этих сосудах шамот в основном из ожеженной глины, лишь в трех случаях (образцы № 38, 43, 46) зафиксировано два вида шамота: из ожеженной глины и из смеси двух глины. В качестве искусственных добавок в формовочную

массу шамота можно отметить шамот и органику.

II группа – сосуды, изготовленные из глины средней пластичности с большим содержанием очень мелкого естественного песка и оолитового бурого железняка. Эти глины ожелезненные (образцы № 63, 56, 58, 5, 48, 45). В качестве примеси выступает крупный шамот в концентрации 1:3 – 1:6 и выжимка из навоза. Шамот в них изготовлен в основном из ожелезненной глины с примесью либо органики, либо шамота и органики (образцы № 48, 45). Лишь в образце № 45 зафиксирован шамот как из ожелезненной глины, так и из смеси двух глин.

III группа – сосуды, изготовленные из смеси двух глин: ожелезненной и неожелезненной (образцы № 62, 45 (1), 39, 37, 61, 42). Как правило, основная глина в них – ожелезненная, пластичная. Неожелезненная выступает в роли добавки, часто она с большим содержанием песка. В качестве искусственных добавок зафиксирован крупный шамот и выжимка из навоза. Концентрация шамота 1:4 – 1:5. Шамот изготовлен либо только из ожелезненной глины (образцы № 62, 45 (1), 39, 37), либо из ожелезненной и из смеси двух глин (образцы № 61 и 42). В качестве искусственной добавки в формовочную массу шамота введены шамот и органика.

Проведенный технологический анализ позволил выделить в составе керамического комплекса пять микрогрупп, соответствующих группам населения: 1) отбор ожелезненной пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+навоз; 2) отбор ожелезненной пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза; 3)

отбор ожелезненной средне пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+навоз; 4) отбор ожелезненной средне пластичной глины, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза; 5) составление глиняных концентратов из ожелезненной пластичной и неожелезненной глин, составление формовочной массы по рецепту шамот+выжимка из навоза (табл.1). Первые четыре группы полностью соответствуют технологии керамики, зафиксированной в целом по именьковской культуре (Салугина, 1987; 2014). Составление глиняных концентратов из смеси ожелезненной и неожелезненной глин не характерно для населения именьковской культуры. Это совершенно особая группа населения с устойчивыми технологическими традициями, на что указывает и состав шамота: на его изготовление дробили сосуды, сделанные также из смеси двух глин. Наличие данной группы керамики указывает на контакты с инокультурным населением. Эти контакты явно имели длительную историю, что отражается в особенностях технологии керамики. Так, в случаях, когда изучаемое население делало посуду из одной ожелезненной глины, в формовочную массу вводился шамот, на изготовление которого использовались сосуды, сделанные из смеси двух глин. Что это за группа населения в культурном отношении, предстоит выяснить. Но данные технологического анализа керамики Полянского III селища еще раз подтвердили тезис о смешанном составе населения, оставившего именьковскую культуру.

Таблица 1.

Соотношение навыков отбора исходного сырья и составов формовочных масс в керамике Полянского III селища

Составы формовочных масс	Навыки отбора и подготовки исходного сырья			Всего
	Ожелезненная глина, пластичная	Ожелезненная глина, средней пластичности	Глиняные смеси из ожелезненной и не ожелезненной глин	
ШЗ + Выжимка	11	7	11	29 – 63%
ШЗ + Навоз	14	3	–	17 – 37%
Всего	25 – 54,3%	10 – 21,7%	11 – 23,9%	46 – 100%

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарстана АССР. Западное Закамье – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1986. – С. 22–24.
2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва: Наука, 1978. – 272 с.
3. Казаков Е.П. Отчет о работах в зонах водохранилищ на территории Татарии в 1977 году. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1978 / Архив ИА РАН. – С. 36.
4. Казаков Е.П. Старомайнский II могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1987. – С. 114–119.
5. Казаков Е.П. Турбаслинско-именьковские пятники Закамья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. док. – Самара, 1995. – С. 39–42.
6. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи Тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 97–150.
7. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // Finno-Ugrica. – 2011. – № 12–13. – С. 8–39.
8. Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Альметьевск, 1999. – 119 с.
9. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: изд-во СамГУ, 1997. – 225 с.
10. Салугина Н.П. Технология гончарного производства населения Среднего Поволжья в эпоху раннего средневековья (по материалам именьковской культуры). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 27 с.
11. Салугина Н.П. Особенности культурного состава населения Самарского Поволжья в первой половине I тыс. н.э. по данным технологического анализа керамики // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15. – М., 2014. – С. 236–250.
12. Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. – Вып. Д 1-32. – М.: Наука, 1967. – 95 с.
13. Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. – М., 2005. – 150 с.

Информация об авторах:

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ncai@mail.ru

Салугина Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент, Самарский государственный институт культуры (г. Самара, Российская Федерация); nsalug@gmail.com

**POLYANSKOE III SETTLEMENT
(ON THE ISSUE OF EXPLORATION OF THE LANDS ACROSS
THE KAMA RIVER BY THE IMENKOVO POPULATION)**

E.P. Kazakov, N.P. Salugina

The Imenkovo culture is one of the central topics in the medieval archaeology of Eastern Europe; this culture occupied a vast area from the Urals to Mordovia. Archaeologists admit that its bearers were strangers. However, its dating and ethnic-cultural belonging is still debatable. It was maintained for a while that this culture was brought into that region from the west, by the Slavs. The last decade brought new evidence on Imenkovo culture, including some rich necropolises (Kominternovskiy II, Izmerskiy IX) and settlements uncovered by the Early Bulgarian expedition in Tatarstan. The materials from Polyanskoe III settlement (Republic of Tatarstan) allow examining stages in exploration of the territories across the Kama River by this population during the Turkic Khaganates.

Keywords: archaeology, history, Volga-Ural Region, early Middle Ages, Imenkovo culture, time of Turkic Khaganates, Sarmatians, settlements, burial grounds.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (red.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'ye* (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region). Kazan: Institute of Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 22–24 (in Russian).
2. Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya* (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study). Moscow: "Nauka" Publ.
3. Kazakov, E. P. 1978. *Otchet o rabotakh v zonakh vodokhranilishch na territorii Tatarii v 1977 godu* (Report on the Fieldworks in the Area of Water Reservoirs in the Territory of Tatarstan in 1977). Kazan: Institute of Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Povolzh'ye* (Archaeological Investigations in the Middle Volga Area). Kuybyshev, 114–119 (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1995. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletiya n. e.* (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD), 39–42 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 1998. In *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiya n. e. (voprosy khronologii)* (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology)). Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2011. In *Finno-Ugrica* 12–13, 8–39 (in Russian).
8. Kazakov, E. P., Rafikova, Z. S. 1999. *Ocherki drevnei istorii Vostochnogo Zakam'ya* (Essays on the Ancient History of the Eastern Trans-Kama Area). Almetyevsk (in Russian).

9. Matveeva, G. I. 1997. *Mogil'niki rannikh bolgar na Samarskoi Luke (Burial Grounds of the Early Bulgars on the Samara Bend)*. Samara: Samara State University (in Russian).

10. Salugina, N. P. 1987. *Tekhnologiya goncharnogo proizvodstva naseleniia Srednego Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (po materialam imen'kovskoi kul'tury)*. (Technology of Pottery Production among the Population of the Middle Volga Region in the Early Middle Ages (based on the Imenkovo Culture Materials)). PhD Thesis. Moscow.

11. Salugina, N. P. 2014. In *Rannoslavianskii mir. Arkheologiya slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors)* 15. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 236–250.

12. Starostin, P. N. 1967. *Pamiatniki imen'kovskoi kul'tury (Sites of the Imenkovo Culture)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1-32. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Stashenkov, D. A. 2005. *Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ia v I–V vekakh n.e. (Sedentary Population of the Samara Forest-steppe Volga Region in the 1st–5th Centuries AD)*. Moscow (in Russian).

About the Authors:

Kazakov Evgenii P., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Salugina Natalya P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Samara State Academy of Culture and Arts. Frunze St., 167, Samara, 443010, Russian Federation; nsalug@gmail.com

УДК 314.952/.954

КОНТАКТЫ СЛАВЯНСКОГО МИРА И ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

© 2015 г. В.В. Колода

Статья посвящена сложной и многогранной проблеме взаимоотношения славян с миром восточноевропейских степных и лесостепных народов в конце I тыс. н.э. Современное состояние археологических источников позволяет пересмотреть господствующую до настоящего времени точку зрения об изначально и перманентно конфликтных отношениях славян и населения Хазарского каганата. В контактной зоне в бассейне Северского Донца имеется значительное количество артефактов, которые позволяют говорить о позитивных комплиментарных отношениях северян и племен лесостепной Хазарии. Факты этнокультурного и технологического взаимовлияния прослеживаются в ряде аспектов, таких как керамическое производство, домостроительство, фортификация и сельское хозяйство. Новые исследования и переосмысление старых данных позволяют утверждать, что салтовское население оказывало многовекторное позитивное воздействие на материальное производство, культуру и общее социально-экономическое состояние сопредельных славянских племен. Взаимное влияние со стороны славян было аналогичным, но не столь ярко выраженным. Процесс сотрудничества и взаимовлияния способствовал мирному сосуществованию, а на отдельных памятниках – и смешению разноэтничных групп населения. Это дает возможность говорить о начале складывания синкретичного по своей материальной и духовной культуре населения в зоне приграничных контактов славянского мира и многоэтничного населения каганата.

Ключевые слова: археология, история, Северский Донец, восточные славяне, Древняя Русь, Хазарский каганат, роменская культура, салтовская культура, межэтнические контакты, этнокультурные процессы.

В конце I тыс. н.э. на юге Восточной Европы доминируют две этнополитические силы, занимающие сопредельные территории: восточные славяне, освоившие лесную, полескую и северную часть лесостепной зоны; и разноэтничные племена, объединенные в своем большинстве в государство Хазарский каганат, который располагался к югу и юго-востоку от славян, занимая обширные территории, включающие зону южной лесостепи, степь, а также Северный Кавказ и Крым (рис. 1).

Вопросы взаимоотношений славян и Руси с Хазарией и народами, населявшими ее, находятся в плоскости практического интереса историков России начиная с конца XVIII в. (Влащенко, 2006, с. 6–8). Основой формирования первоначального понимания этих отношений стали сообщения главного летописного сочинения по истории Руси – «Повести временных лет» (Повесть..., 1950, с. 16–18). В ее недатированной части есть сообщение: *«По сих же лѣтѣх по смерти братьѣ сея [Кий, Щек и Хорив – КВВ] быша обидим древлѣми и инѣми*

окольными. И наидоша я хозарѣ, сѣдѣще на горах сих в лѣсѣхъ, и реша Козарѣ: «платите нам дань». Обдумавше же поляне и вдаша от дыма мечъ, и несомѣ хозари ко князю своему и къ старѣйшимъ своимъ». Не вдаваясь в комментарии, отметим, что в данном отрывке хазары представлены инициаторами этих отношений. В статье, датированной 858 г., сообщается: «**В лѣто 6337. Имаху дань варязи изъ заморья на чуди и на словѣнах, на мѣри и на всѣхъ, кривичѣхъ. А хозари имаху на полянѣх, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣрвице от дыма**», что свидетельствует о неопременительной, четко фиксированной дани, взимаемой с трех восточнославянских племен. Еще в одной статье (862 г.) говорится, что жители Киева на вопрос Аскольда и Дира: «**Чий се градокъ?**» – ответили: «**Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сѣдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ их, платяче дань хозарамъ**».

Основываясь на древнерусском летописании, исследователи XIX в. сформулировали тезис о неравенстве этих отношений с военно-политическим и торговым доминированием Хазарии (Карамзин, 1989, с. 171; Ключевский, 1956, с. 57; Костомаров, 1990, с. 19, 52; Соловьев, 1988, с. 116–117). Несмотря на то что к середине XX в. салтово-маяцкая археологическая культура, представляющая древности Хазарского каганата, была не только открыта, но и достаточно известна (Спицын, 1909; Бабенко, 1914, с. 464–470; Артамонов, 1935, 1937, 1940; Мерперт, 1950 и др.), идеи, изложенные в указанном выше тезисе, постепенно трансформировались в

теорию об извечной и перманентной конфликтности восточнославянского населения и Руси с государством Хазария и народами, что населяли его (Насонов, 1951, с. 28–46; Рыбаков, 1953, с. 128–140). И, несмотря на более чем столетние исследования древностей салтовской археологической культуры, что позволило значительно по-новому взглянуть на уровень материальной и духовной культуры населения Хазарии, эта «конфликтная» теория до сих пор не изжита. Более того, к рубежу XX–XXI вв. идея извечной конфликтности славян (мирного оседлого земледельческого населения со спокойным размеренным жизненным укладом) и Хазарии, а в широком понимании народов степи (с их постоянными войнами и нестабильностью) все еще постулируется в большинстве учебников и пособий, а также продолжает освещаться в научной литературе (Например: Толочко, 1996, с. 35–39; 1999, с. 34–52; Толочко, Толочко, 1998, с. 36–39; Усманов, 2013, с. 122–128).

Первые попытки увидеть позитивные аспекты взаимоотношений населения каганата и славян были предприняты в 1960–1970-е гг., когда на основе археологических материалов постулировалось позитивное влияние славян на их юго-восточных соседей в керамическом производстве и домостроительстве (Артамонов, 1962, с. 365–384; Плетнева, 1962, с. 83–94; 1972, с. 108–118). Чуть позднее обратили внимание на влияние салтовского керамического производства на славян Днепровского лесостепного Левобережья (Березовец, 1965, с. 58) и Дона (Винников, 1982, с. 168–171; 1990, с. 133–134; 1995, с. 146–147).

Рис. 1. Территория юга Восточной Европы в конце I тысячелетия.
Условные обозначения: 1 – Хазарский каганат, 2 – восточные славяне.

Fig. 1. Southern part of Eastern Europe in late I Millennium. *Legend:*
1 – Khazar Kaganate, 2 – Eastern Slavs.

Фундаментом для пересмотра славяно-кочевнических отношений стали археологические исследования конца XX – начала XXI в. Работы специалистов по изучению салтовских и восточнославянских древностей, которые были опубликованы в это время расширяли не только источниковую базу исследования хазаро-славянских отношений, но и в значительной степени показывали многообразие и разновекторность этих процессов (Колода, 2005, с. 338–345; 2005а, с. 72–81; 2009, с. 232–240; Красильников, 1998, с. 44–50; Новосельцев, 1990, с. 219–231; Плетнева, 2000, с. 82–98; Приходнюк, 2002, с. 125–130; Сухобоков, 2003, с. 85–94 и др.). Перспектив-

ность исследований по выявлению и изучению культурных взаимовлияний различных народов, в том числе и восточных славян, с населением Хазарии, как одного из важных направлений современной восточноевропейской медиевистики, подтвердил и ряд представительных международных научных форумов этого же периода.¹

¹ Два хазарских коллоквиума: в Иерусалиме (1999) и в Москве (2002), Хазароведческий симпозиум в Харькове (2002), а также конференции: «Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья» в Воронеже (2008), V Международная археологическая конференция в Самаре (2013), где одним из направлений работы было рас-

В процессе проведенных исследований наметились наиболее перспективные зоны изучения взаимодействия восточнославянских племен с населением Хазарского каганата. Наиболее перспективными в этом плане, на наш взгляд, представляются контактные зоны на северных и северо-западных границах Хазарии в лесостепной зоне Днепро-Донского междуречья, особенно в зоне верхнего течения Северского Донца, а также на Верхнем и Среднем Дону (рис. 1). Масштабные раскопки поселенческих памятников конца I тыс. в верхнем течении Северского Донца, которые начали планомерно проводиться с конца XX в., дали важные материалы, позволяющие вновь поставить и рассмотреть проблему отношений населения северо-западной Хазарии и восточных славян. К таким памятникам относятся, прежде всего, городища Водяное, Коробовы Хутора и Мохнач (рис. 2). Первый из упомянутых памятников относится к роменской археологической культуре (поздние славяне-северяне), остальные имеют культурные отложения как салтовской, так и роменской культуры.

Предыстория

Взаимоотношения восточных славян с многоэтничным населением степи и лесостепи Восточной Европы, входившим в состав Хазарского каганата, имеют многовековую историю. Впервые славяне Днепровского Левобережья столкнулись с жителями восточноевропейской степи уже в конце IV ст.² Эти взаимодействия

смотрение взаимодействия евразийских кочевников с окружающим их миром оседлых народов.

2 Это так называемое «гуннское нашествие», положившее начало эпохе Ве-

были нестабильными. Сосуществование с воинствующими соседями делало невозможной полную независимость для славян, которые в VI–VII вв. лишь осваивали лесостепь левого берега Днепра. Скорее всего, они были в каком-то подчиненном положении (возможно, в даннической зависимости от Великой Болгарии), принимая участие в военных действиях протоболгар в Подунавье и на Балканах. О мирном сосуществовании славян и болгар тех времен свидетельствует ряд памятников современной Полтавщины. В своем большинстве это захоронения V–VII вв. (Володарец-Урбанович, 2007, с. 35–36), в том числе и погребения представителей дружинной верхушки перещепинского типа (Малое Перещепино, Новые Санжары, Макухивка). Кроме того, в этом контексте обращает на себя внимание гончарный центр в с. Мачухи, а также соседство синхронных поселений земледельцев-славян и стойбище кочевников близ с. Полузорье (Приходнюк, 2002, с. 129). В целом археологические материалы VI–VII вв. отражают весьма разнообразные культурные связи между отдельными группами восточных славян и степным кочевым миром Восточной Европы (Скиба, 2006, с. 24). Несмотря на военно-политическое доминирование и некоторое культурное влияние кочевников, эти отношения в своем большинстве были мирными, что

ликого переселения народов для юга Восточной Европы. В определенном смысле гунны выступали как опосредованные союзники восточных славян, которые в это время начинают объединяться в борьбе против готов (хрестоматийный пример: неудачное восстание 70 славянских племен во главе с Божем).

позволяло населению пеньковской культуры, в состав которого входили и славяне-анты, проникать в степную зону по берегам Северского Донца (к юго-востоку от основного массива памятников – рис. 3), где они сосуществовали с протоболгарами (Колода, Кушченко, Швецов, 2004, с. 145–155; Швецов, 2006, с. 275–278).

Таким образом, взаимодействия земледельцев и тюркоязычных кочевников-скотоводов юга Восточной Европы изначально не были однозначно конфронтационными, в своем большинстве они были на уровне взаимовыгодного сосуществования. Основой относительно «мирных» отношений было наличие значительных плодородных просторов (при чересполосном расположении степных и облесенных участков) в малозаселенной на то время контактной зоне. Это, с учетом различной хозяйственной основы жизнедеятельности племен, позволяло им занимать различные эколого-хозяйственные ниши, избегая частых конфликтов.

С разгромом Великой Болгарии хазарами (≈660 г.) притеснения от последних могли испытать и анты, как бывшие «союзники» болгар. Однако наступление каганата на славянские земли было отложено по причине проведения хазарами активных наступательных операций на южном (закавказском) направлении против арабов, где они действовали в союзе с Византией. В это же время (70-е гг. VII в. – середина VIII в.) происходит окончательное расселение восточных славян на Левобережье Днепра. Можно сказать, что наиболее ранние контакты славян с населением степи и, возможно, Хазарского каганата относятся ко времени последней фазы

существования пеньковской культуры (летописных антов). Именно в пеньковских древностях мы видим отдельные черты материальной культуры кочевников, в частности, юртообразные (круглоплановые) жилища и украшения кочевнического круга (наиболее полно эти сведения собраны: Скиба, 2006, с. 110–126). Это, в свою очередь, свидетельствует о смешанном характере населения и позитивном взаимоотношении в материальной и духовной сфере.

Тесные контакты пеньковской и салтовской культур наиболее показательны прослеживаются в бассейне Северского Донца и его притока – Оскола. Здесь выявлено немало поселений, на которых в культурных отложениях пеньковской культуры (VI–VII вв.) есть и салтовские артефакты, или же пеньковские комплексы (культурные остатки) перекрыты салтовскими наслоениями (Афанасьев, 1987, с. 168–187; Любичев, 1994, с. 88–91; Николаенко, 1990, с. 7–20). Причем ни каких следов разрушений, пожаров или иных последствий нападения нет. Дополнительным доказательством преимущественно мирного сосуществования степных народов и славян VI–VII вв. служит отсутствие защищенных поселений (городищ).

Волынцевская археологическая культура, которая представляет ранний этап развития летописных северян имеет определенные отличия от роменской и датируется серединой VII – серединой VIII в. Ее памятники расположены преимущественно в Днепровском Левобережье. В обозначенном регионе, как на С. Донце, так и на Осколе, тоже наблюдается взаимодействие восточных славян – ранних северян и жителей Хазарско-

го каганата. Центром этих связей выступает единственное городище этой культуры – Битица-I (рис. 3).

Исследователи интерпретируют его как потенциальный раннегородской центр, одной из важных черт которого является наличие разноэтнического населения – славян и тюрко-алан-болгар (Сухобоков, 2008, с. 89). Это проявляется в различных традициях домостроительства. Отметим также, что значительное количество украшений и орудий земледельца, плотника, предметов быта имеет сугубо славянское происхождение, а немалое количество предметов вооружения, снаряжение коня, железные клепаные котлы и крючки для их подвешивания имеют южное степное или северокавказское происхождение. Здесь найдено немало украшений, имеющих салтовское происхождение или созданных по провинциально-византийским образцам, которые могли попасть на городище лишь через Хазарию. Еще одним пунктом совместного проживания салтовцев и ранних северян было поселение Вовки на Полтавщине (Горюнов, 1975, с. 4). Именно керамические материалы (гончарные волынцевские сосуды, сочетающие в себе традиции славянского и аланского производства, а также лепные подражания им) позволяют говорить о проживании аланского, а, возможно, и болгарского населения в славянской среде, по крайней мере на городище Битица-I и селище Вовки (Колода, 2008а, с. 90–92; 2009б, с. 164–178).

Мирное сосуществование ранних северян и жителей каганата на территории Днепровского Лесостепного Левобережья подтверждается и тотальным господством открытых

поселений среди волынцевских памятников. Все это свидетельствует о преимущественно мирных, позитивно-комплиментарных отношениях между представителями различных этносов, по крайней мере, на указанных выше памятниках.

Приведенное выше склоняет нас к мысли о том, что, по крайней мере, до середины VIII в. отношения славян с кочевыми и полукочевыми народами юга Восточной Европы (в том числе и на начальном этапе истории Хазарии) не имели напряженного характера. Однако события 730-х гг. в истории каганата привели к их изменению. Инициатором перемен были южные соседи северян, которые к тому времени овладели значительной территорией юга Восточной Европы.

Хазария была этнически неоднородна, ее разноплеменной конгломерат находился на различных уровнях социально-экономического и духовного развития, что затрудняло проведение единой политики центральной хазарской власти по отношению к подвластным территориям. Центральная власть Хазарского каганата оказалась перед проблемой идейного, духовного объединения государства с целью его укрепления и усиления центральной власти. Традиционным для этого было проведение религиозной реформы путем принятия монотеистической религии. Согласно письменным источникам каган Булан в 730 г. принял иудаизм (Коковцев, 1932, с. 78–80, 93, 95–97). Причина такого выбора имеет свое объяснение: православие и ислам ставили бы Хазарию в идейную и политическую зависимость от Византии или Арабского халифата соответственно. Религиозные нововведения сразу усилили противостояние хазар

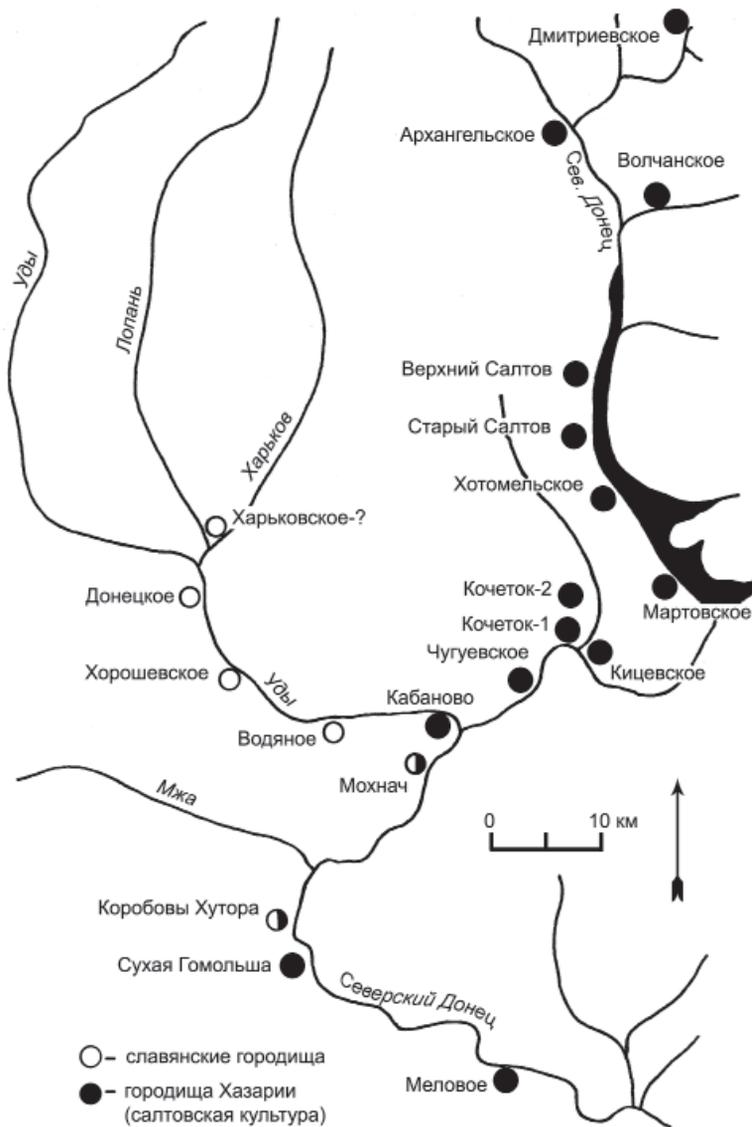

Рис. 2. Городища контактной зоны на Северском Донце.
Fig. 2. Hillforts in the contact zone on the Seversky Donets.

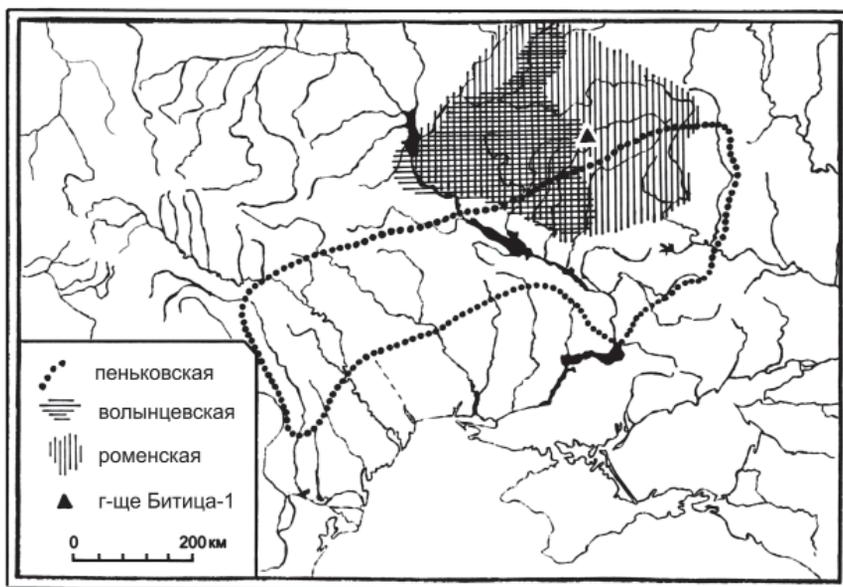

Рис. 3. Карта распространения археологических культур в контактной зоне на юге Восточной Европы.

Fig. 3. Distribution of archaeological cultures in the contact zone in the south of Eastern Europe.

с арабами. Это вылилось в очередной военный поход каганского войска на Кавказ, взятие Ардебилля и разгром войск арабского полководца Джераха. Чтобы заручиться поддержкой Византии или хотя бы нейтрализовать ее в противостоянии с арабами, состоялось заключение брака между византийским царевичем Константином Копронимом и родственницей кагана Чичак (Чичуров, 1980, с. 68), что в те годы представляло собой межгосударственное мирное соглашение. Однако это не помогло. На протяжении 732–735 гг. было предпринято несколько походов на Хазарию арабского войска во главе с Мерваном, которые заставили хазар перенести свою столицу на Волгу (Итиль) и на определенное время прекратить походы в южном на-

правлении. Кроме того, в 737 г., закрепляя свою победу, Мерван заставил кагана принять мусульманство, усилив свое влияние путем навязывания 10 тыс. отряда мусульман ал-арсиев в качестве личной гвардии кагана (Новосельцев, 1990, с. 182–185).

После отхода арабских войск в Дамаск (744 г.) положение на южных границах Хазарии стабилизировалось (Беляев, 1966, с. 203–204), а свою агрессию каганат обращает в другую сторону – на северо-запад, в направлении восточнославянских территорий, где проживали племена вятичей (боршевская культура лесостепного Подонья) и северян (роменская культура Левобережья Днепра и Северского Донца). Укрепляя свои северо-западные границы путем создания

военно-экономической базы для господства над славянами, центральная власть каганата переселяет на Оскол и С. Донец часть северокавказских алан. Они становятся этнической основой лесостепного варианта салтовской культуры (середина VIII – середина X в.)³ и создают густую сеть городищ на северо-западных рубежах каганата. Кроме алан в создании новой группы памятников приняли участие пришлые группы болгарского и угорского населения, а также славяне и остатки ираноязычного населения, которое сохранилось здесь с предыдущей эпохи (племена ясов-ассов).

Таким образом, начиная с середины VIII в. смешанное многоэтническое население с аланской культурной доминантой стало соседями славян в Днепровском Левобережье (северяне-роменцы) и в Среднем Подонье (вятичи-боршевцы). Изменение в славяно-хазарских отношениях иллюстрируется изменением характера и топографии славянских памятников. Вместо открытых поселений волынцевского времени появляются городища, занимающие мысы с ярко выраженными защитными свойствами. Большинство таких городищ вообще не имеют соседних открытых синхронных поселений. Все это определенным образом согласовывается с древнерусским летописанием о «хазарской дани». Но археологические данные показывают, что не все так однозначно.

Расстояние между двумя группами памятников в верхнем течении Север-

ского Донца невелико; оно составляет 12–40 км (рис. 2). Между ними нет существенных естественных препятствий. Это позволяет преодолеть его за время одно-, двухчасового перехода конного войска. Подобная ситуация наблюдается и на среднем Дону. Сохранять напряженные межэтнические отношения в таких условиях практически невозможно. Противостояние неизбежно привело бы к военному столкновению и разрушениям. Однако, кроме городища Битица-1, следы разрушений и пожаров на салтовских или синхронных им роменских поселениях практически отсутствуют. Из этого, по нашему мнению, следует, что противостояние, вызванное агрессивной внешней политикой каганата, а возможно и увеличением дани (вторая половина VIII – начало IX в.), постепенно перерастает в сосуществование. Последнее приводит к усилению культурных и хозяйственных связей, взаимовлияний и в конечном итоге к территориальному взаимопроникновению и частичному смешению этносов в контактной зоне. Тем более что каждый из народов имел определенные достижения практически во всех сферах жизни.

Современное состояние археологических источников, значительное пополнение которых связано с исследованиями конца XX – начала XXI в., на Северском Донце свидетельствует не только о мирном сосуществовании в отдельных микрорегионах указанных территорий, но и о более глубоких и тесных отношениях славян с их юго-восточными соседями (аланами и тюркоязычными степными народами Хазарии). Эти процессы в разной степени пронизывали многие сферы материальной, а в некоторой степени

³ Уточнение хронологии салтовской культуры и времени бытования салтовских памятников лесостепи требует отдельного скрупулезного исследования и не является темой данной работы.

и духовной культуры соседних народов. Однако наиболее ярко они проявились в керамическом производстве, домостроительстве, фортификации и в сельском хозяйстве.

Керамическое производство

Периодически возникающая в научной литературе дискуссия о происхождении гончарной керамики волынцевской культуры не завершена (несмотря на множасьее количество публикаций). Однако мы считаем, что ее производителями в среде ранних северян были этнические аланы – выходцы с Северного Кавказа – носители соответствующих технологических, морфологических и орнаментальных традиций (Колода, 2008а, с. 90–92; 2009б, с. 164–178). Если рассматривать вопрос в целом, то регионом зарождения волынцевской гончарной керамики являются юго-восточные территории северянского племенного союза (средние течения Ворсклы, Псла, Сейма и Сулы – левые притоки Днепра).⁴ Распространение данной группы керамики за пределы указанного ареала древностей связано с миграцией части волынцевского населения (носителя этих технологических традиций) после трансформации раннесевярянских древностей в роменскую археологическую культуру, и с началом военно-политической активности Хазарского каганата по отношению к восточнославянским племенам (середина – вторая половина VIII в.), которое вылилось, в том числе, и в разгром городища Битица-1.

⁴ Мы поддерживаем мнение о неоднородности роменской культуры и о выделении указанного региона как одного из ее локальных вариантов (Приймак, 2007, с. 32, 33, 54–56).

Расселение отдельных групп волынцевского (раннесевярянского) населения происходило по нескольким направлениям: на Средний Днепр (село Стовпяги); Северский Донец (село Жовтневое); в Курское Посемье (Сныткино-2, Харасея-1, Иваново-2, Княжий-1) и на лесостепной Дон (Колода, 2009б, с. 168–176). Попав в иную этнокультурную среду (салтовская культура Северского Донца и Оскола, славяне Посемья и Дона), пришельцы постепенно растворяются (ассимилируются) в основной массе господствующих этносов. Знакомство славян с аланским гончарным производством еще на этапе существования волынцевской культуры и в постволынцевское время создало благоприятные условия для восприятия аланских керамических традиций в последующем. Это с различной степенью интенсивности проявилось в салтово-роменских и салтово-боршевских отношениях.

Для контактной зоны Днепровского Левобережья это проявляется как в салтовской культуре (Хазария), так и в роменской (северяне). Среди первой группы памятников следует выделить городище Мохнач, селища Верхний Салтов, Коробовы Хутора, Червоный Шлях; а среди второй – городище Большое, Водяное, Коробовы Хутора, Мохнач, Новотроицкое (Колода, 2008, с. 106–112). Особенно наглядным является восприятие салтовских форм и орнаментальных мотивов северянами-роменцами (рис. 4).⁵

⁵ У славян, что проживали на Дону (боршевская археологическая культура), влияние салтовских керамических традиций на местное керамическое производство было еще более значительным (Винников, 1990,

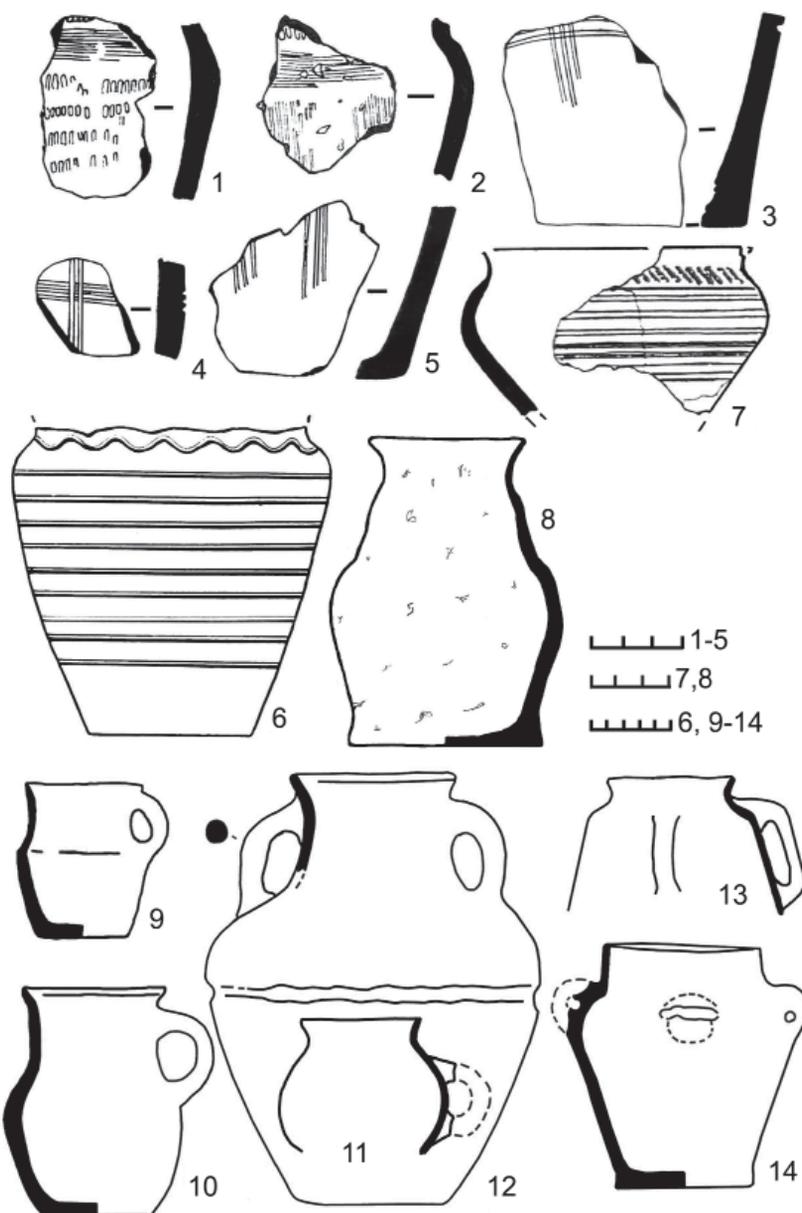

Рис. 4. Северянская керамика, отражающая влияние гончарных традиций народов Хазарии: 1–7 – в орнаментации, 8–14 – по форме (1–6 – городище Водяное, 7 – городище Мохнач, 8 – городище Коробовы Хутора, 9–14 – Новотроицкое городище).

Fig. 4. Siverian ceramics reflecting influence of Khazarian peoples' ceramic traditions: 1–7 in ornamentation, 8–14 in shapes (1–6 – Vodyanoe hillfort, 7 – Mokhnach hillfort, 8 – Korobovy Khutora hillfort, 9–14 – Novotroitskoe hillfort).

Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод о том, что артефакты с памятников лесостепной зоны Днепровского Левобережья и Северского Донца дают значительный количественный и качественный материал о разнообразном взаимодействии этнокультурных традиций между восточными славянами и населением Хазарского каганата в области керамического производства. Эти взаимодействия и взаимовлияния прослеживаются в технологии изготовления, формах и орнаментации сосудов. В этом мы видим разнообразное (разновекторное и многоуровневое) проявление синкретизма в керамическом комплексе, которое свидетельствует не только о преимущественно мирном сосуществовании в указанном регионе, но и о тесном взаимодействии соседствующих групп населения, в том числе и в рамках одной семейной общины. Мы также не исключаем и смешение этих этносов на уровне семейно-брачных отношений.⁶

Причина разнообразного по количеству и качеству влияния салтовской керамической традиции на славянское население рассматриваемой зоны в целом кроется в более высоком качестве керамики и организации производства посуды, позволявшей изготавливать более качественные изделия, способные преодолеть традиционные взгляды на керамику и у соседних славянских племен. Салтовское население несло в славянский мир новые

технологии в изготовлении посуды, новые возможности ее орнаментации, новую организацию процесса, продвигая соответствующие новации в довольно традиционном мире восточных славян. Местные мастера иногда старались скопировать иноэтничные образцы посуды, но чаще старались переосмыслить пришлые традиции и применить их в своих изделиях.

Домостроительство

Домостроительство, наряду с керамикой, является одной из наиболее характерных черт этноса. В нем сочетаются как традиции создания жилища и его внутреннее обустройство (интерьер), так и уровень овладения окружающей природной средой с ее строительными материалами, а также развитие технологии обработки необходимого сырья.⁷ Для решения вопросов, связанных со взаимным влиянием домостроительства славян и населения лесостепной Хазарии, необходимо определить традиционные черты каждого из народов в этой сфере.

Характерной чертой традиционного аланского домостроительства является наличие каменных строений для горных районов и в западной части Кавказской Алании, а также господство заглубленных турлучных строений (плетеных и обмазанных глиной) – на равнинах и в восточной части Алании. Не менее традиционным был открытый (иногда обложенный рваным камнем) очаг в углу или близ одной из стен на глинобитном полу (Кузнецов, 1973, с. 66–71; 1992, с. 273–276). Традиционное жилище

с. 124–137; 1995, с. 72–85, 145–148; Колода, 2009, с. 61–98).

⁶ Несколько иного мнения относительно степени и глубины взаимоотношений славян и лесостепного населения каганата на Дону высказано в работе: Винников, 2010, с. 209–214.

⁷ Мы понимаем, что феномен жилища более репрезентативен для реконструкции древних обществ, но для данной статьи мы ограничиваемся именно этими показателями.

разноэтничных кочевников Хазарии (болгары, угры, хазары, отдельные группы тюрков) – наземная округлая в плане юрта на легком жердяном каркасе, с открытым округлым или овальным очагом по центру. Очаг мог размещаться на уровне пола или же в тарелкообразном углублении, крайне редко очаг обкладывался плоскими камнями (Плетнева, 1967, с. 52–53; Флеров, 1996, с. 69–92). Для восточных славян, соседствующих с каганатом, традиции домостроительства и отопительные устройства были иные. Это квадратные (реже – прямоугольные) заглубленные жилища со стенами срубной или каркасно-столбовой конструкции, которые оснащались печами нескольких типов: на основе вырезанного материкового глиняного останца, сводчатые глинобитные (иногда расположенные в угловой нише-подбье – у северян), сложенные из рваного камня (глиняных вальков, имитирующих камень – у северян), комбинированные из глины и камня (Винников, 1995, с. 21–23; Сухобоков, 1975, с. 66–70). Внешне славянская печь имела вид куба (чаще – у боршевцев) или сводчатого сооружения (чаще – у северян); ее остатки в плане имели вид подковы.⁸ Обратим внимание на то, что нагревательная поверхность славянского жилища у населе-

⁸ В последнее время благодаря работам луганских археологов на салтовских памятниках Среднего течения Северского Донца высказывается обоснованное мнение о возможном самостоятельном (без влияния славян) появлении у болгарского оседлого населения печей из камня (Красильников, 2009, с. 59–63). Заметим, однако, что славяне использовали мелкие и средние фракции рваного камня или окатанный камень, тогда как салтовцы – каменные плиты (блоки).

ния роменской и боршевской культур (за редчайшим исключением) была приподнята над полом – в среднем на 0,3 – 0,6 м, это создавало дополнительные удобства для его обслуживания и приготовления пищи.

Отметим еще один аспект, усложняющий сравнительный анализ домостроительства лесостепного салтовского населения и соседствующих с ними славян. У северян и донских вятичей типология жилищ в общем-то известна и укладывается в общеславянскую типологию жилых сооружений (Славяне..., 1990, с. 266–273; Винников, 1995, с. 18–32), а для жилищ салтовской культуры она и до нынешнего времени представляет одну из задач. Вопрос типологии жилищ у населения Хазарии, как правило, решается локально, для каждого конкретного памятника.⁹ Это связано с рядом факторов. Во-первых, Хазария была многоэтничной, что априори предполагает множественность строительных традиций. Во-вторых, различные природные зоны, которые включал в себя каганат, обладали разнообразным строительным материалом. И, в-третьих, что вытекает из двух предыдущих, перемещение многих этносов из одной зоны в другую, что связано как с изменением способа жизни, так и с изменением форм хозяйства, заставляло население корректировать (приспосабливать) свои традиции под местные природные условия. Все это создавало причудливое, порой неповторимое сочетание

⁹ Последней работой, претендующей на обобщение домостроительства лесостепного населения Хазарии, можно считать недавнее диссертационное исследование одного из воронежских коллег (Савицкий, 2011).

различных черт в жилищном строительстве у населения лесостепных территорий Хазарии. Определенную этнографическую параллель можно провести с народами Сибири XVIII–XIX вв., с их многообразием внешних проявлений жилища даже при сохранении основных традиций (Попов, 1961, с. 131–226).

И все же, пользуясь выделенными выше этническими (племенными) основными признаками жилища, рассмотрим их корреляции в определенных конкретных случаях (комплексах) у населения контактной зоны Днепро-Донской лесостепи.

Анализ домостроительных традиций на Верхнем Салтове позволил определить, что отдельные жилища создавались с использованием восточнославянских традиций (Колода, 2000, с. 40–54). У 66 % жилых сооружений стены имели каркасно-столбовую или срубную конструкцию; у 39 % жилищ, вероятно, имелись двухскатные крыши, в двух жилищах выявлены печи, низ которых был вырезан в материковом глиняном останце. Славянским влиянием можно считать и открытые очаги, расположенные не на уровне пола, а на возвышениях (природные глиняные останцы или искусственные глиняные вымостки). В этом приподнятом расположении открытого очага мы видим определенный шаг от традиций алан или кочевников в сторону «славянизованного» интерьера жилища. В 30 % жилищ Верхнего Салтова мы видим проявление нескольких славянских черт домостроительства и интерьера, а в одном из них (рис. 5) эти черты сочетались и со славянским (частично) материалом заполнения (Колода, 1999а, с. 15–20).

Весьма показательны и древности городища Мохнач.

В одном из юртообразных жилищ салтовского времени (Колода, 2003, с. 70–73), общая площадь котлована которого составляет около 15 м², стены основного помещения были прямыми с сильно закругленными углами (рис. 6). По центру помещения на материковом останце располагался почти круглый в плане открытый очаг с размерами 65 × 60 см. По всей площади останца прослеживается глиняная вымостка толщиной 1–2 см, а пропеченность материка под ней составляла около 5 см. К югу от останца с очагом на полу выявлено обожженное пятно материкового пола, на котором найдено некоторое количество золы и мелких фракций древесного угля. Вдоль стен жилого помещения на глубине 80–90 см располагались материковые останцы-лежанки шириной 60–90 см, которые представляли собой единое целое. Между лежанками и очагом находилось углубленное рабочее пространство, связанное с обслуживанием описанного выше отопительного устройства. В юго-восточном углу сооружения выявлена обширная вписанная яма-ниша. К кочевническим чертам мы относим наличие открытого очага и его расположение по центру жилого помещения, что формировало жизненное пространство с останцами-лежанками вокруг него, а также значительную закругленность углов. Явно оседлой внеэтнической чертой можно считать наличие прямых параллельных стен. А вот углубленное рабочее пространство вокруг очага представляется нам весьма примечательным. Несмотря на то, что это открытое обогревательное устройство находилось на одном

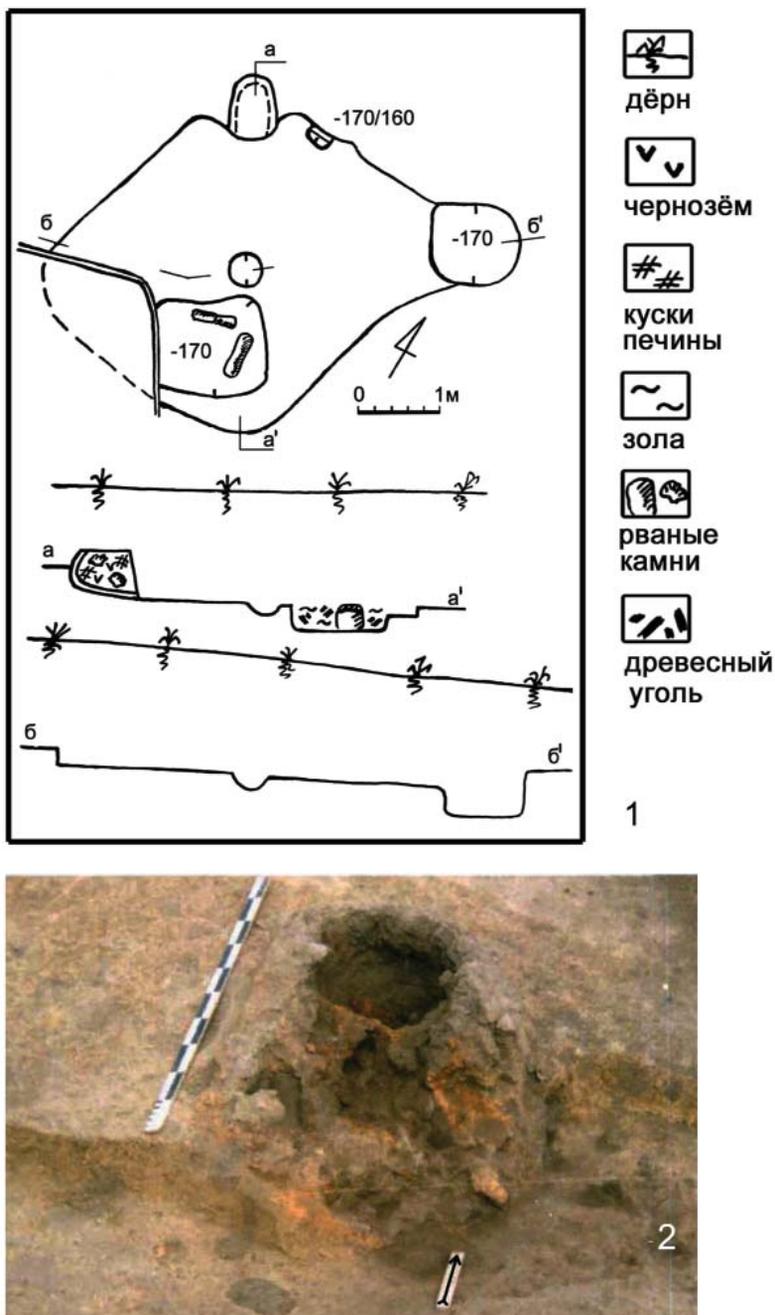

Рис. 5. Жилище со славянскими чертами на селище Верхний Салтов: 1 – план и профили, 2 – фото славянской сводчатой глинобитной печи.
Fig. 5. A dwelling with Slavic features on Verkhniy Saltov settlement: 1 – plan and profiles, 2 – photo of a Slavic vaulted mud hearth.

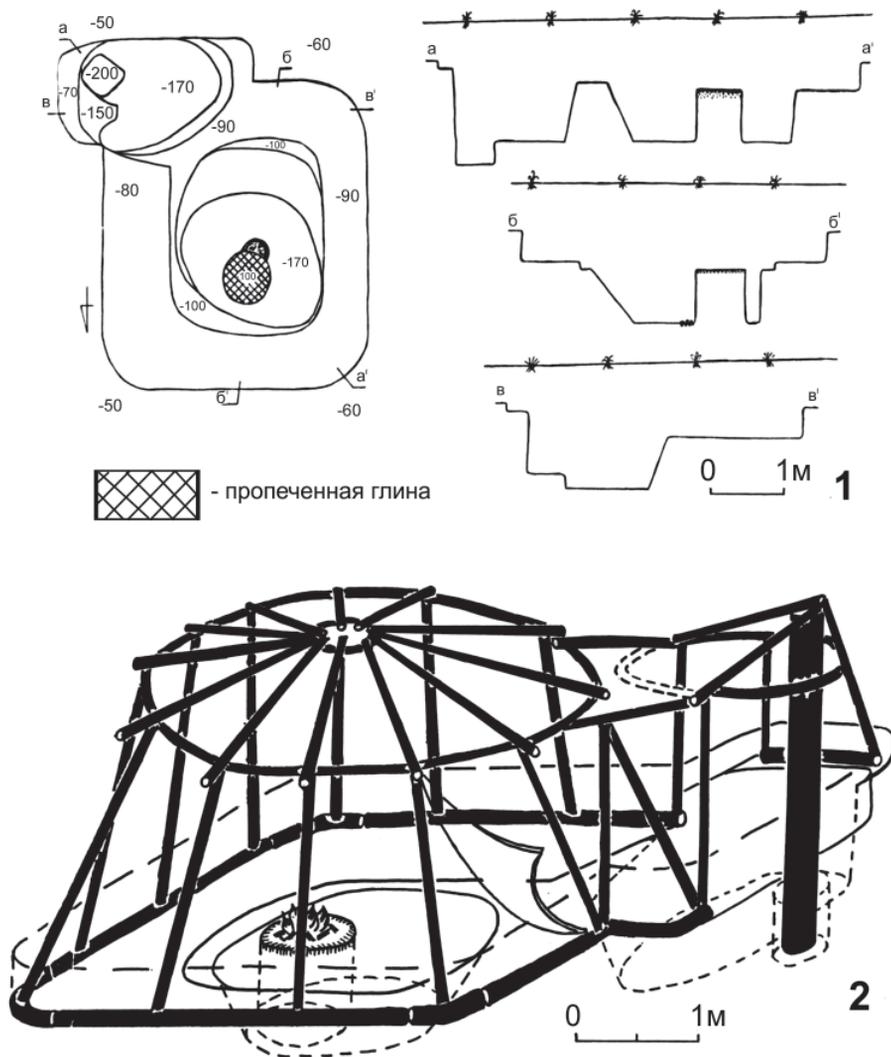

Рис. 6. Салтовское жилище со славянизированным интерьером на городище Мохнач.
Fig. 6. The Saltovskaya culture dwelling with Slavicized interiors on Mokhnach hillfort.

горизонтальном уровне с лежанками, что соответствует кочевническим традициям, оно было значительно приподнято относительно пола жилища на 70 см, что облегчало обслуживание очага и давало возможность свободно двигаться и удобно сидеть вокруг него. Попутно отметим, что высота

размещения рабочей поверхности в 70–75 см над полом является современным стандартом для изготовления кухонной, столовой и канцелярской мебели, так как этот размер является максимально удобным с точки зрения анатомии человека.

Впоследствии такой «славянизированный» интерьер (открытый очаг на уровне основного пола и углубленное рабочее пространство близ отопительного устройства) не раз встречался на салтовских памятниках Северского Донца, например, в жилище гончара на том же городище Мохнач (Колода, 2010, с. 149–163) и на селище Пятницкое-I (Квитковский, 2011, с. 17–18).

Для славянского периода существования городища Мохнач мы также имеем соответствующие примеры. Так, два (из трех выявленных) роменских жилища содержали по 2 обогревательных устройства. В одном случае сводчатая глинобитная печь, созданная на материковом останце в нише-подбье одного из углов, сочеталась с очагом, который был обложен камнем, – у противоположной стены (рис. 7). В другом случае: славянская угловая печь, сложенная из рваного камня на глиняном материковом останце, была дополнена очагом-камином у противоположной стены (Колода, 1999, с. 40–45). Добавим, что и керамика в этих жилищах была представлена как фрагментами славянских (роменских), так и салтовских сосудов (Колода, 2005а, с. 76).

На салтовском селище Коробовы Хутора также выявлено ряд жилищ, сочетающих в себе черты домостроительства народов, входивших в Хазарию, и славян. Одно из них – юртообразное в плане, с печью на останце в нише, при создании которой

использовался камень. Добавим, что здесь же найдено 2 фрагмента от синкретичных сосудов (Колода, 2008б, с. 125–136). Еще в одном жилище (рис. 8) с типичным салтовским заполнением и конструкцией стен найдено 2

славянских отопительных устройства – печи (Колода, 2007, с. 218–222).

Необходимо упомянуть и о печах в степной части Северского Донца (среднее течение), относительно которых их исследователи высказывали разные точки зрения. Изначально они интерпретировались как отопительные устройства, созданные женщинами-славянками, попавшими в болгарскую степную среду (Красильников, 1998, с. 44–50; 2007, с. 78–79). В дальнейшем исследователи уходят от этого тезиса, предлагая считать эти печи неким общим восточноевропейским, а не этническим признаком (Красильникова, 2005, с. 10; Красильников, Красильникова, 2010, с. 155). Как видим, вопрос непростой и требует отдельного самостоятельного исследования.

Последнее обобщающее исследование строительных традиций и техники северян Днепровского Левобережья (в том числе и в создании жилищ) привело к выявлению отопительных устройств и типов сооружений, которые связываются с салтовской культурой (Пуголовков, 2013, с. 150, 157, рис. 4: 10).

Суммируя вопросы взаимовлияния традиций домостроительства отдельных этносов в контактной зоне верхнего течения Северского Донца, следует подчеркнуть следующее. Приспособление пришедших на эту территорию более южных народов, входивших в состав Хазарии, происходило в виде индивидуальной адаптации отдельных домохозяйств к новым способам жизни (часто и к измененным формам хозяйства), к природным условиям и материалам. «Новоселы» не могли не обращать внимания на традиции домостроительства «старожилов», по-

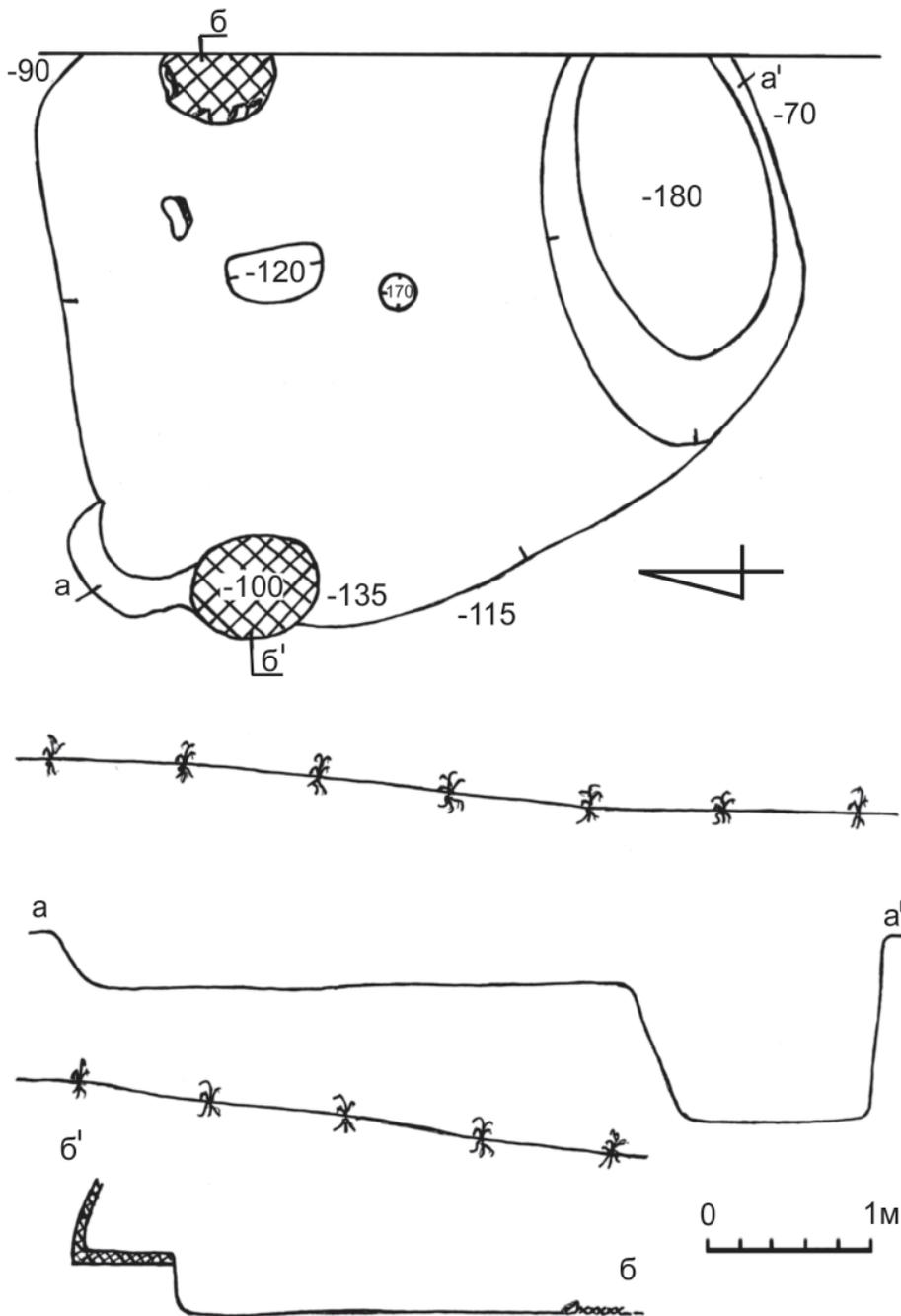

Рис. 7. Роменское жилище с салтовскими чертами на городище Мохнач.
Fig. 7. The Romenskaya culture dwelling with the Saltovskaya culture features on Mokhnach hillfort.

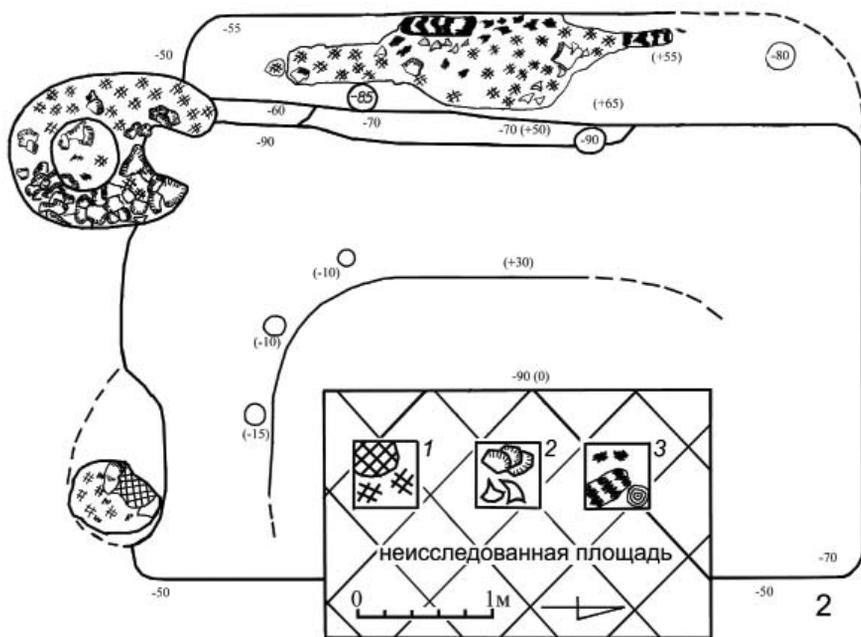

Рис. 8. Салтовское жилище на селище Коробовы Хутора: 1 – вид на западную часть жилища с юга, 2 – план жилища.

Условные обозначения: 1 – под печи, печина; 2 – развал камней, керамика; 3 – древесный уголь, горелое дерево.

Fig. 8. The Saltovskaya culture dwelling on Korobovy Khutora settlement: 1 – view of its western part from the south, 2 – plan. Legend: 1 – oven sole; 2 – stone debris, ceramics; 3 – charcoal, burnt wood.

степенно перенимая отдельные черты жилищного строительства и преломляя сквозь призму своих традиций, нередко использовали их.

Фортификация

В настоящее время можно с уверенностью говорить лишь об одном памятнике – городище Мохнач, где при строительстве оборонительных линий славянами-северянами проявились традиции салтовской аланской фортификации. Материал подробно проанализирован в ряде наших работ (Колода, 2008в, с. 311–323; 2009а, с. 236–237.), поэтому в настоящей статье мы приводим лишь наиболее важные тезисы и выводы.

Оборонительная система мысового городища Мохнач состоит из линии обороны, что сооружена по периметру, и четырех дополнительных поперечных линий (рис. 9). Сейчас она представляет собою плод усилий нескольких поколений строителей. Проведенные исследования позволили выявить четыре строительных периода: скифский (конец V – IV в. до н.э.), хазарский (IX – начало X в.), северянский (вторая половина X – первая половина XI в.) и слобожанский (вторая половина XVII – XVIII в.) – (Колода, 2007а, с. 9–15). Славянами были созданы три южные поперечные линии по системе «ров-вал». Конструкция первой и третьей (по счету с юга) не укладывается в общие для восточных славян традиции, а тем более в традиции северян.

Использование при создании насыпи самого южного вала рваного камня и щебня не находит аналогий ни у племен роменской культуры, ни у донских славян (Сухобоков, 1992, с. 117–166; Винников, 1995, с. 12–18). Более того, это вообще не характерно

для славян юга Восточной Европы (Кучера, 1999, с. 61–82). Предварительно заметим, что 2 дополнительных вала салтовского периода строительства охраняли въезд на городище (с юга), сопровождая дорогу с обеих сторон (рис. 9). Раскоп был заложен таким образом, что накрывал «восточный» дополнительный придорожный вал, простиравшийся по направлению ЮЮВ–ССЗ, и самую южную «славянскую» линию обороны, шедшую дугой от дороги на восток (рис. 10). В определенной степени факт присутствия в данной «славянской» насыпи рваного камня и щебня можно объяснить тем, что грунт для нее брался из ядра насыпи более раннего «салтовского» вала (рис. 11: 1). Основная часть камней складировалась в кучи с целью их дальнейшего использования при возведении нового вала. Доказательством этому служат несколько групп камней, что выявлены в данном раскопе (рис. 10).

Второе неординарное обстоятельство – наличие каменного панциря по внешнему склону насыпи этого самого южного вала (рис. 11: 3), что имеет аналогии лишь на четырех из 670 (!) славяно-русских городищ юга Восточной Европы. И все они находятся в западном регионе восточнославянского мира (Кучера, 1999, с. 76). Но даже там, где так богаты традиции использования камня в зодчестве и много соответствующего природного материала, эти городища являются исключением. Еще одна особенность самой южной славянской оборонительной линии – наличие многослойных «опорных баз» («А» и «Б» – рис. 10; 11: 2), которые являются своеобразным связующим звеном между новой (роменской) линией обороны и ранее

возведенной (салтовской). Такой элемент или технологический прием и вовсе не известен у славян Восточной Европы. Все три указанные выше особенности создания самой южной (славянской) линии обороны, а особенно присутствие рваного камня в засыпке вала, наличие опорных баз с внешней и внутренней стороны вала, их многослойность, имеют устойчивые аналогии в традициях фортификации населения Хазарского каганата. Примером могут служить ближайшие городища салтовской лесостепи: Волчанское (Колода, 2004, с. 265–271), Дмитриевское (Плетнева, 1989, с. 14–20), Коробовы Хутора (Свистун, 2007, с. 46; 2007а, с. 407), да и фортификации салтовского времени на том же городище Мохнач (Свистун, 2001, с. 117–119).

Еще одним фактом, подтверждающим этот тезис, могут служить результаты исследования третьей (считая с юга) поперечной оборонительной линии (рис. 9). Работы позволили выявить двухслойную насыпь (рис. 12: 2). Первоначальная насыпь была сооружена в роменское время, что доказывается находками соответствующей керамики. В ее структуре определяется несколько слоев и прослоек из чистой глины и чернозема, а верхний слой представлял смесь этих двух компонентов. Обращают на себя внимание следующие два обстоятельства: первое – поверх слоя материковой глины в подошве вала был отсыпан слой рваного камня аналогичной ширины и мощностью 10–20 см (рис. 12: 2, 3); второе – под слоем рваного камня в слое сырой глины обнаружено пятиметровое бревно (диаметром ≈ 15 см), лежавшее поперек линии вала посередине (рис. 12: 1, 3).

Описанная конструкция не имеет аналогий в кругу восточнославянских древностей. Чередование слоев рваного камня и сырой глины мы находим у южных соседей северян – населения салтовской археологической культуры. Использование слоя сырой глины в качестве подстилающей подушки-фундамента также характерно для салтовцев (городища Волчанское, Маяцкое, Правобережное Цимлянское). Наличие деревянного бревна значительных размеров в описанной насыпи также имеет прямые аналогии в салтовской фортификации. Ближайшей из них является соседний, следующий к северу вал (рис. 9: Л-4; 13), сооруженный салтовцами на этом же Мохначанском городище в преславянское время (Колода, 2009а, с. 236–237. Рис. 3). Наличие поперечных деревянных конструкций в грунтовых валах подтверждается результатами исследований многих салтовских памятников лесостепной зоны (Афанасьев, 1987, с. 91–113).¹⁰

Из сказанного напрашивается вывод: во время создания двух упомянутых южных оборонительных линий Мохначанского городища в северянский период существования памят-

10 Изначально использование деревянных элементов во внутренней конструкции грунтово-каменных сооружений у аланов Северного Кавказа связано, по нашему мнению, с амортизирующими свойствами дерева в плане противодействия разрушительной силе землетрясений. Это подтверждается раскопками аланских памятников на Северном Кавказе (Аржанцева, 2007, с. 96; 2007а, с. 84). То, что на Кавказе было необходимо, при частичном переселении алан в лесостепную зону утратило свой технологический смысл, превратившись в одну из традиций.

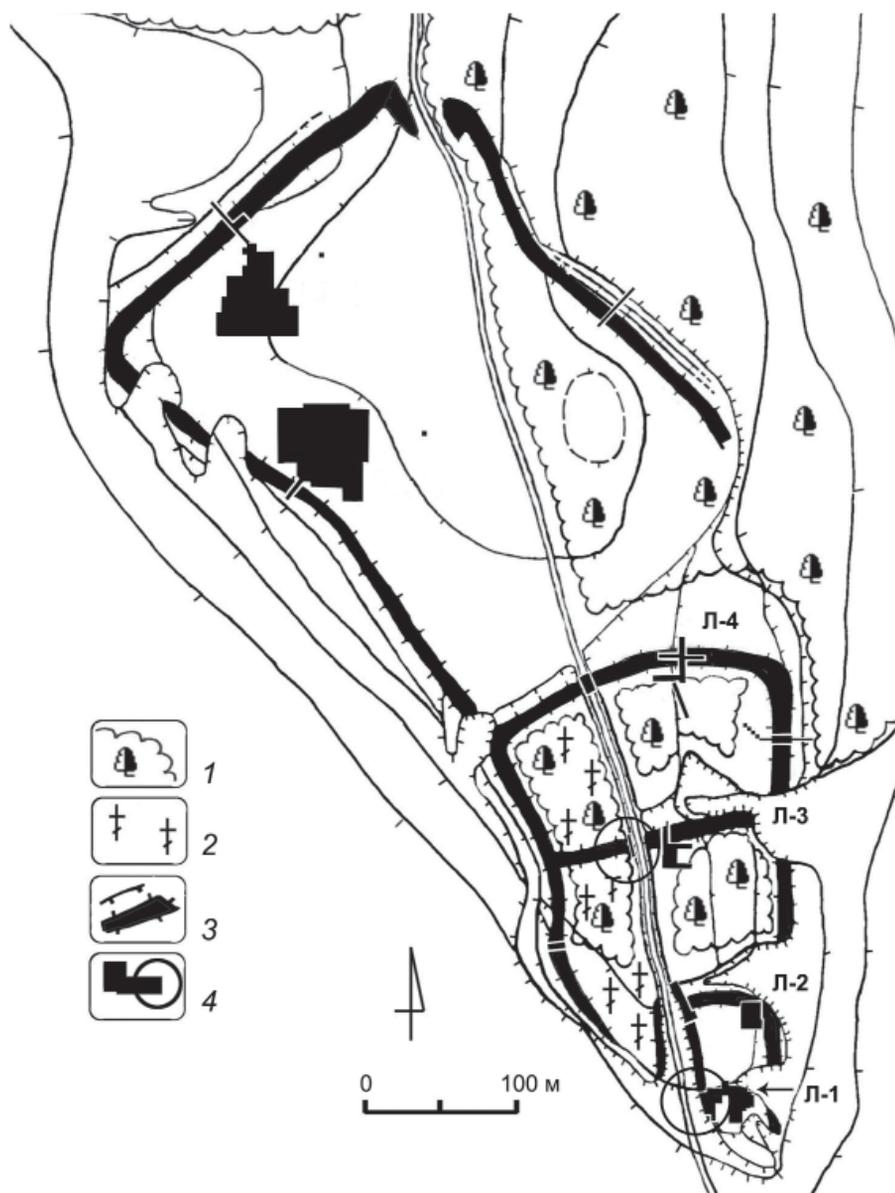

Рис. 9. План городища Мохнач с указанием раскопов и мест исследования структуры славянской фортификации. Условные обозначения: 1 – лес и его границы; 2 – современное кладбище; 3 – рвы и валы; 4 – раскопы и места исследования славянских оборонительных линий.

Fig. 9. Plan of Mokhnach hillfort, with digs and spots where Slavic fortification structure was studied. Legend: 1 – wood and its boundaries; 2 – modern cemetery; 3 – moats and walls; 4 – digs and spots where Slavic defense lines were studied.

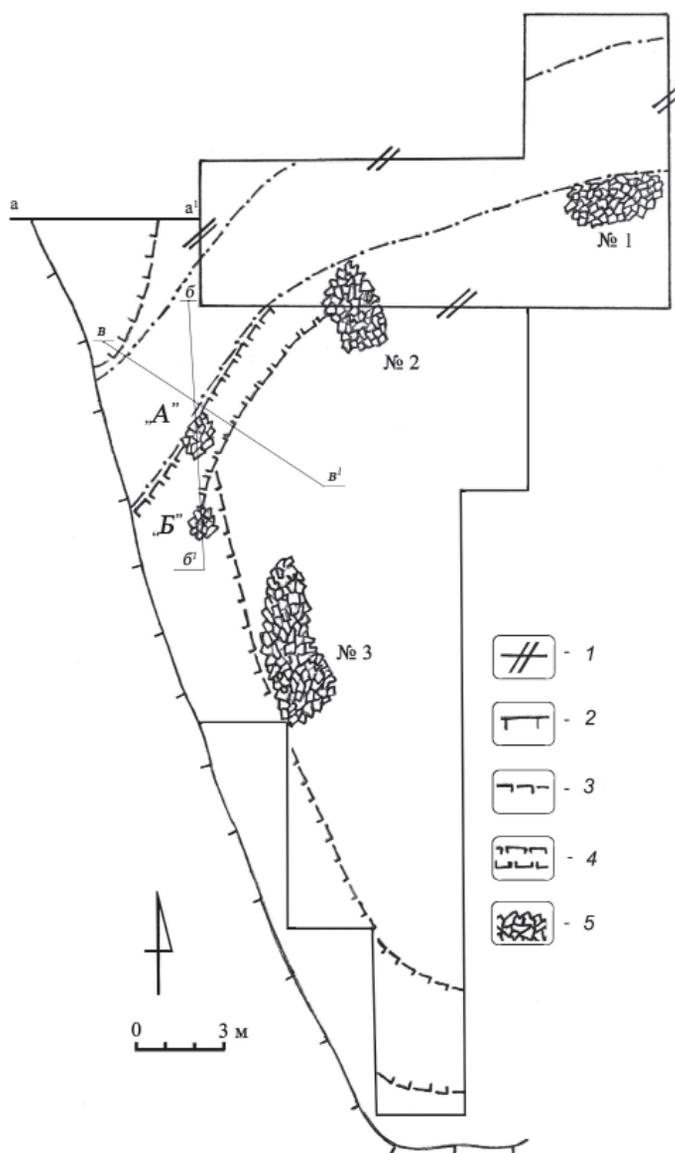

Рис. 10. Западный участок раскопа № 5 на городище Мохнач (южная поперечная линия обороны). Условные обозначения: 1 – раскоп 1954 г. С.А. Плетневой, 2 – верхняя граница плато, 3 – вал салтовской культуры, 4 – границы каменного панциря» вала роменской культуры, 5 – скопления рваного камня, «А», «Б» – многослойные «базы» (внешняя и внутренняя)

Fig. 10. Western section of dig no. 5 on Mokhnach hillfort (southern transversal line of defense). Legend: 1 – dig of 1954 led by S.A. Pletneva, 2 – the upper border of the plateau, 3 – a wall of the Saltovskaya culture, 4 – borders of the stone armor of a Romenskaya culture wall, 5 – multilayer “bases” (external and internal).

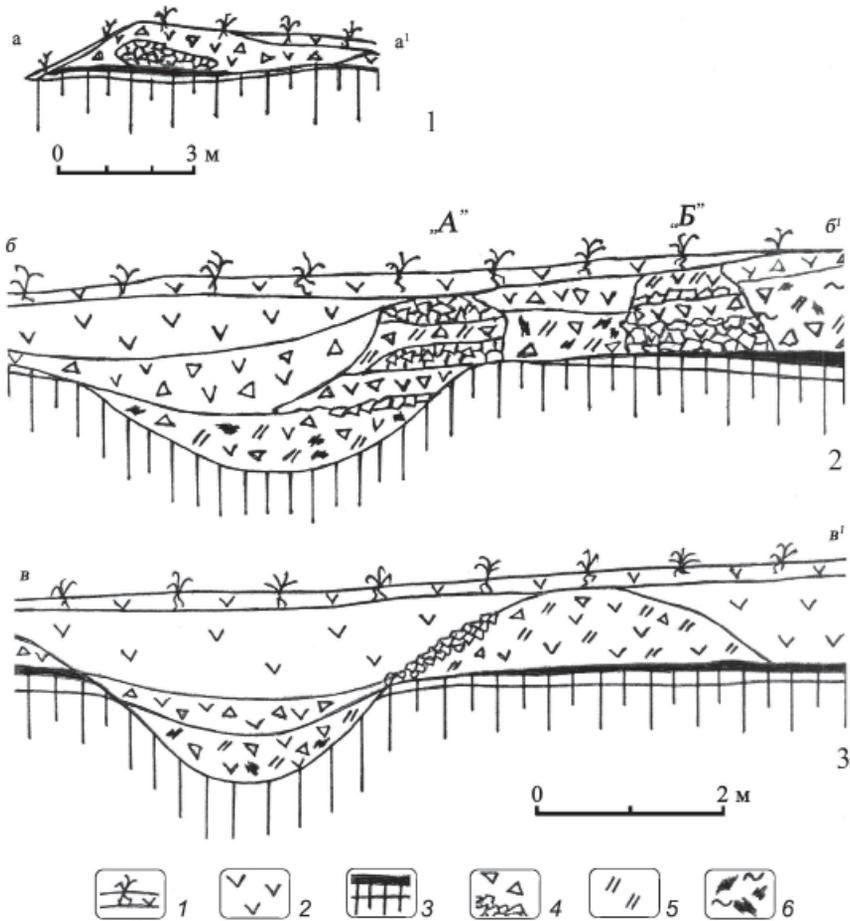

Рис. 11. Профили западного участка раскопа № 5 на городище Мохнач. Условные обозначения: 1 – дерн, 2 – чернозем, 3 – погребенная почва, предматерик, материк, 4 – скопление камней и отдельные камни, 5 – сырая глина, 6 – древесный уголь и зола.
Fig. 11. Profiles of the western section of dig no. 5 on Mokhnach hillfort. Legend: 1 – turf, 2 – chernozem, 3 – buried soil, pre-mainland, mainland, 4 – scatterings of stones and stray stones, 5 – raw clay, 6 – charcoal and ashes.

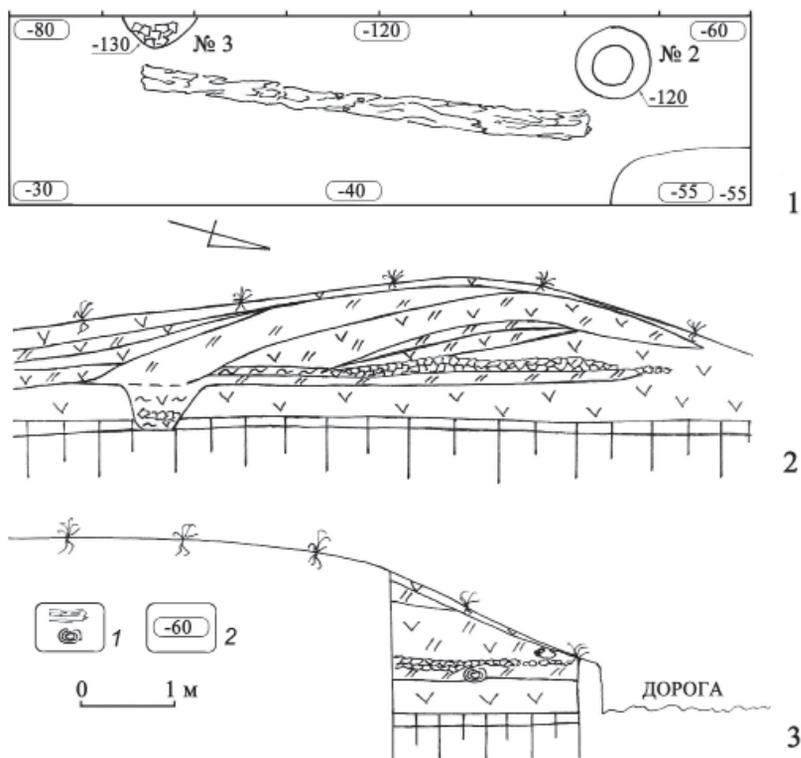

Рис. 12. План и профили раскопа роменского вала (третий поперечный с юга). Условные обозначения: 1 – дерево, 2 – уровень зачистки относительно дневной поверхности (остальные знаки см. на рис. 11).

Fig. 12. Plan and profiles of a dig in the Romenskaya culture wall (the third transversal one from the south). Legend: 1 – wood, 2 – the level cleared in relation to the day surface (for the rest see fig. 11).

ника среди строителей были мастера, усвоившие салтовскую, а если быть точнее – северокавказскую (аланскую) традицию фортификационного зодчества, а, возможно, и частично оставшееся здесь население предыдущего (хазарского) периода. Это, в свою очередь, дает возможность утверждать сосуществование славян и алан в северянский период на городище Мохнач.

Сельское хозяйство

Многочисленные полевые и лабораторные исследования, отраженные в ряде относительно недавних специальных статей и разделе монографии избавляют нас от необходимости приводить повторные описания материала и доводы в пользу определенного позитивного влияния земледельческих традиций населения Хазарского каганата на земледелие славян (Горбаненко, 2002, с. 64–74; Колода,

Горбаненко, 2010, с. 139–153; 2011, с. 315–326; Горбаненко, Колода, 2013, с. 161–180). Несмотря на безусловное самостоятельное развитие сельского хозяйства и его глубокие традиции у восточных славян, материалы славянских памятников контактной зоны на Северском Донце свидетельствуют о заимствовании северянами некоторых орудий обработки почвы (тесла-мотыжки, стержневые чересла, наиболее прогрессивные формы наральников) и переработки урожая (массивные жернова).

* * *

На основании полученных и проанализированных данных можно сделать несколько выводов:

– отношения восточных славян и Руси со степными соседями и Хазарским каганатом не были однозначно конфликтными и перманентно конфликтными. Периоды напряжения и добрососедства сменяли друг друга в зависимости от внутреннего положения в самой Хазарии и баланса военно-политических сил в Циркумпонтийском регионе;

– инициаторами интенсивных славяно-хазарских отношений были представители центральной власти каганата, стимулировавшие создание полосы интенсивного (преимущественно аланского) заселения лесостепной части Северского Донца в середине VIII в. Причины этого кроются в невозможности проводить агрессивную внешнюю политику в иных возможных направлениях с целью получения дополнительной прибыли (Закавказье, крымские провинции Византии, Поволжье);

– данное население, входившее номинально в состав Хазарии и призванное блюсти интересы кагана и его

окружения, было довольно независимо в социально-экономическом и военном отношении (особенно в сравнении со степным населением среднего течения Северского Донца). Это позволило им избежать многих хозяйственных и политических катаклизмов, характерных для Центральных и Южных районов Хазарского каганата и строить самостоятельные отношения с соседствующими славянскими племенами;

– полученные в результате новых исследований материалы свидетельствуют, что «конфронтационная» теория взаимоотношений восточных славян и Руси с населением Хазарского каганата нуждается в определенной коррекции. На отдельных территориях приграничья, в частности в верхнем течении Северского Донца, вполне возможное начальное противостояние славян и населения Хазарии перерастает в сосуществование, из которого постепенно возникает сотрудничество;

– в процессе сотрудничества намечается явная тенденция усиления позитивной культурной и этнической комплиментарности, способствующей мирному сосуществованию, а на отдельных памятниках и смешению разноэтничных групп населения. Это, в свою очередь, дает возможность говорить о начале складывания синкретичного по своей материальной и духовной культуре населения в зоне приграничных контактов славянского мира и многоэтничного населения каганата. Половецкая угроза (середина XI в.) способствовала сворачиванию процесса создания нового синкретичного этноса;

– интенсивные торгово-экономические связи северян с Хазарией и через

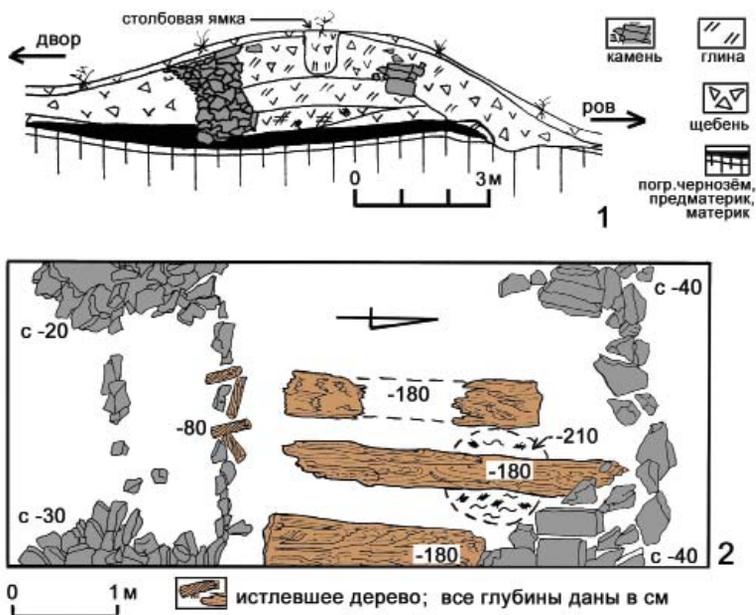

Рис. 13. Салтовская (четвертая с юга) линия обороны городища Мохнач: 1 – профиль вала, 2 – план раскопанного участка вала.

Fig. 13. The Saltovskaya culture (fourth from the south) defense line on Mokhnach hillfort: 1 – profile of the wall, 2 – plan of excavated section of the wall.

территорию каганата с арабским миром, подкрепляется значительным количеством кладов дирхемов (рис. 14), число которых превышает количество монетных кладов на иных племенных территориях восточных славян. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что северянская земля занимала особое место в ряду иных союзов племен восточных славян в предгосударственный и раннегосударственный период;

– транзитное положение контактной зоны Северского Донца между славянским миром и многоэтничной Хазарией (северяне и население лесостепного варианта салтовской культуры) способствовало ускорению

социально-экономического развития общества с обеих сторон. У северян это выразилось в значительном накоплении монетного арабского и иного серебра в виде кладов, а также, вероятно, в создании собственной денежно-весовой системы (Колода, Лебедев, Енуков, 2014, с. 22–29).¹¹ А у лесостепного населения Хазарии на Северском Донце это проявилось в значительном количестве погребального инвентаря, количество, качество и номенклатура которого превосходят

¹¹ Проблемы денежного обращения в среде северян имеют собственную значительную историографию и заслуживают отдельной работы.

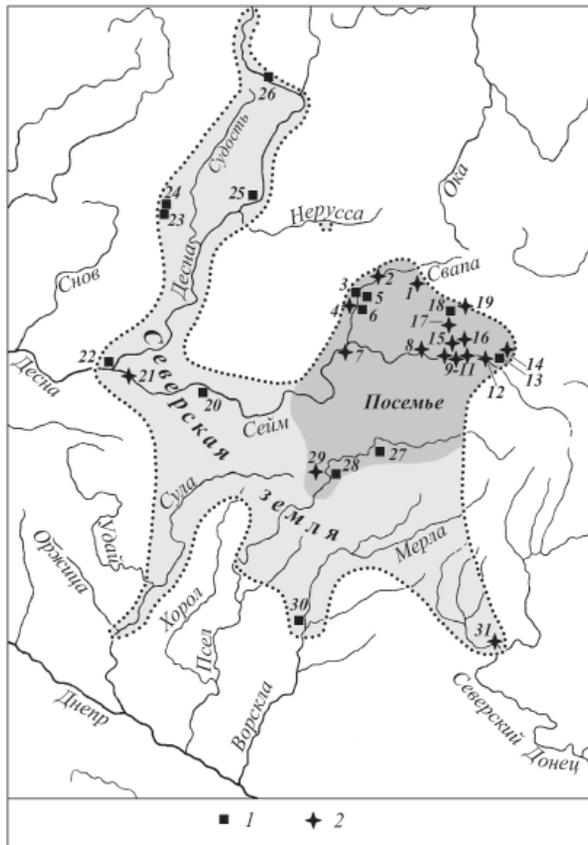

Рис. 14. Клады монет на территории Северской земли (автор: В.В. Енуков): 1 – Жидеевка (975 г.); 2 – Ратманово (977 г.); 3 – Береза (920-е гг.); 4 – Береза (952 г.); 5 – Моисеево (833 г. – нач. X в.); 6 – Моисеево (IX в.); 7 – Мазеповка (952 г.); 8 – Кудеярова гора (980-е гг.); 9 – Курск (928 г.); 10 – Курск (943 г.); 11 – Курск (955 г.); 12 – Красниково (сер 970-х гг.); 13 – Шеховцово (920 г.); 14 – Ратский (941 г.); 15 – Шуклинка (980 г.); 16 – Волобуево (975 г.); 17 – Переверзево (958 г.); 18 – Коренная пустынь (976 г.); 19 – Воробьевка 2-я (976 г.); 20 – Паристовский (788 г.); 21 – Лухтовка (932 г.); 22 – Сосницкий (914 г.); 23 – Бобрин (914 г.); 24 – Бобрин (952 г.); 25 – Нижние Новоселки (812 г.); 26 – Малфа; 27 – Погребное (876 г.); 28 – Нижняя Сыроватка (813 г.); 29 – Шпилевка (966 г.); 30 – Полтава (833 г.); 31 – Безлюдовка (950-х гг.). *Условные обозначения: 1 – клады дирхамов, 2 – клады дирхамов с преобладанием крупных вырезок.*

Fig. 14. Hoards of coins on the territory of Siverian land (author: V.V. Enukov): 1 – Zhideevka (975); 2 – Ratmanovo (977); 3 – Bereza (920s); 4 – Bereza (952); 5 – Moiseevo (833 – early 10th century); 6 – Moiseevo (9th century); 7 – Mazepovka (952); 8 – Kudayarova Mount (980s); 9 – Kursk (928); 10 – Kursk (943); 11 – Kursk (955); 12 – Krasnikovo (mid 970s); 13 – Shekhovtsovo (920); 14 – Ratsky (941); 15 – Shuklinka (980); 16 – Volobuevo (975); 17 – Pereverzevo (958); 18 – Korennaya pustyn (976); 19 – Vorobievka 2 (976); 20 – Paristovsky (788); 21 – Lukhtovka (932); 22 – Sosnitsky (914); 23 – Bobrik (914); 24 – Bobrik (952); 25 – Nizhnie Novoselki (812); 26 – Malfa; 27 – Pogrebnoe (876); 28 – Nizhnyaya Syrovatka (813); 29 – Shpilevka (966); 30 – Poltava (833); 31 – Bezludovka (950s). *Legend: 1 – hoards of dirhams, 2 – hoards of dirhams with large clippings prevailing.*

аналогичные показатели в любом из иных известных регионов Хазарского каганата;

– материалы новых исследований и переосмысление старых данных позволяют утверждать, что салтовское

население оказывало многовекторное позитивное воздействие на материальное производство и культуру сопредельных славянских общин. Обратный процесс был аналогичным, но не столь ярко выраженным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аржанцева И.А.* Аланские крепости VII–X: археологический аспект алаано-хазарских отношений // *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник материалов XII Международной научной конференции.* – Ростов-на-Дону: ИИМК РАН, 2007. – С. 95–96.
2. *Аржанцева И.А.* Каменные крепости алан // *РА.* – 2007. – № 2. – С. 75–88.
3. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции). – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 117 с.
4. *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 136 с.
5. *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // *СА.* – 1940. – Т. VI. – С. 130–167.
6. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
7. *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. // *Археологические открытия на новостройках.* – Вып. 2. – М.: Наука, 1987. – 200 с.
8. *Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России // *Труды XV АС.* – М., 1914. – Т. I. – С. 435–480.
9. *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. – М.: Наука, 1966. – 280 с.
10. *Березовець Д.Т.* Слов'яни й племена салтівської культури // *Археологія.* – Т. XIX. – Київ, 1965. – С 47–67.
11. *Винников А.А.* Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. // *СА.* – 1982. – № 3. – С. 165–180.
12. *Винников А.З.* Контакты донских славян с алаано-болгарским миром // *СА.* – 1990. – № 3. – С. 124–137.
13. *Винников А.З.* Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. – 168 с.
14. *Винников А.З.* Донские славяне и алаано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние // *Хазары: миф и история.* – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. – С. 189–216.
15. *Ващенко Э.Д.* «Хазарская проблема» в отечественной историографии XVIII–XX вв. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – 195 с.
16. *Володарець-Урбанович Я.* Кочівницькі елементи ареалу пенківських старожитностей Полтавщини // *Матеріали VI Міжнародної студентської наукової археологічної конференції.* – Чернігів: Сіверянська думка, 2007. – С. 35–38.
17. *Горбаненко С.А., Колода В.В.* Сільське господарство на слов'янохазарському порубіжжі. – Київ: ІА НАН України, 2013. – 236 с.
18. *Горбаненко С.А.* Про землеробство жителів городища Мохнач (роменська культура) // *Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції.* – Луганськ: ІА НАН України, 2002. – С. 64–74.
19. *Горюнов Е.А.* О памятниках волынцевского типа // *КСИА.* – Вып. 144. – М.: Наука, 1975. – С. 3–10.

20. Карамзин Н.М. История государства российского в 12-ти томах. – Т. 1. – М.: Наука, 1989. – 640 с.
21. Квитковский В.И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцка культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. – Харків: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини, 2011. – С. 14–20.
22. Ключевский В.О. Краткий курс русской истории. – М.: Госполитиздат, 1956. – Ч. 1. – 427 с.
23. Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 134 с.
24. Колода В.В. Некоторые итоги археологических исследований Мохначанского городища // Християнські старожитності Лівобережної України. – Полтава: Археологія, 1999. – С. 40–45.
25. Колода В.В. Слов'янське житло на Верхньому Салтові // Збірник наукових праць: історичні науки. Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету. – Харків: Харківський державний педагогічний університет ім. Г.С. Сковороди, 1999а. – Вип. 2. – С. 15–20.
26. Колода В.В. Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія. – 2000. – № 4. – С. 40–54.
27. Колода В.В. Опыт реконструкции одного из раннесредневековых жилищ осевшего кочевника // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 70–73.
28. Колода В.В. Исследования Волчанского городища // Древности 2004. – Харьков: Научно методический центр, 2004. – С. 265–271.
29. Колода В.В. К вопросу о наследии Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Евреи и славяне. – Т. 16. – Иерусалим: Гешарим, М.: Мосты культуры; 2005. – С. 338–345.
30. Колода В.В. Слов'яно-хазарські відносини крізь призму нових археологічних даних з басейну Сіверського Донця // Археологічний літопис Лівобережної України. – № 1–2. – Полтава: Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, 2005а. – С. 72–81.
31. Колода В.В. Археологические исследования Харьковского педуниверситета в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. – Вип. 9. – Київ: ІА НАН України, Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С. 218–222.
32. Колода В.В. Створення оборонних споруд Мохначанського городища та динамка заселення його округи // Археологія. – 2007а. – № 2. – С. 9–15.
33. Колода В.В. Взаимовлияние северянской и алано-болгарской керамических традиций конца I тысячелетия в Днепровском лесостепном Левобережье // Славяно-русские древности Днепровского левобережья. – Курск: Курский государственный университет, 2008. – С. 106–112.
34. Колода В.В. Гончарная керамика волынцевской культуры как отражение межэтнических контактов и исторической судьбы ранних северян // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей раннего средневековья (Материалы научной конференции). – Воронеж: Истоки, 2008а. – С. 90–92.
35. Колода В.В. О проявлении этнического синкретизма в среде лесостепного салтовского населения (на примере материалов раскопа-4 селища Коробовы Хутора) // Древности 2006–2008. – Харьков: Харьковское историко-археологическое общество, 2008б. – С. 125–136.

36. Колода В.В. Техника создания славянских оборонительных линий на городище Мохнач как отражение межэтнических контактов в раннем средневековье // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. – М.: ИА РАН, 2008в. – С. 311–323.
37. Колода В.В. Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Евразии в эпоху средневековья. – Т. 7. Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2009. – С. 61–98.
38. Колода В.В. Влияние хазаро-арабо-византийских отношений на контакты славян (Руси) с населением Хазарии // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009а. – С. 232–240.
39. Колода В.В. Гончарная керамика волынцевской культуры: Историческая судьба ранних северян и их межэтнические контакты // Дивногорский археологический сборник: труды музея-заповедника “Дивногорье”. – Вып. 1: Археология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009б. – С. 164–178.
40. Колода В.В. Жилище и мастерская гончара на городище Мохнач // Верхнедонский археологический сборник. – Вып. 5. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2010. – С. 149–163.
41. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. – Киев: ИА НАН Украины, 2010. – 216 с.
42. Колода В.В., Горбаненко С.А. Сравнительный анализ материалов сельского хозяйства у носителей салтовской культуры и славян Днепровского Левобережья // *Stratum plus*. – 2011. – № 5. – С. 315–326.
43. Колода В.В., Куценко А.В., Швецов М.Л. Памятник железопроизводства у с. Богородичное Донецкой области // Донецкий археологический сборник. – Вып. 11. – Донецк: Изд-во Донецкого государственного университета, 2004. – С. 145–155.
44. Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В. Безлюдовский клад и его место в денежно-весовой системе Северной земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Сб. науч. статей. Серия “Археология евразийских степей” – Вып. 18. – Казань: Отечество, 2014. – С. 6–160.
45. Костомаров Н.И. Черты народной южнорусской истории // Исторические произведения. Автобиография. – Киев: Лыбидь, 1990. – С. 8–107.
46. Красильников К.И. Печи славянского типа в жилищах салтово-маяцкой культуры Среднедонечья // Вопросы истории славян. Археология. Этнография: Сборник научных трудов. – Вып. 12. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 44–50.
47. Красильников К.И. Этнопроцессы в среде праболгар Степного Подонцовья // Проблеми на прабългарската история и култура. – Вып. 4–1. – София: Национален археологически институт с музей на Болгарската академия наук, 2007. – С. 77–90.
48. Красильников К.И. Население степного Подонцовья в Хазарское время // Дивногорский археологический сборник: труды музея-заповедника “Дивногорье”. – Вып. 1. Археология. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009. – С. 52–82.
49. Красильников К.И., Красильникова Л.И. Идентифицирующие признаки населения Степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2010. – С. 153–188.
50. Красильникова Л.И. Будівлі салтово-маяцької культури Степового Наддніччя. Автореф. ... дис. канд. іст. наук. – Київ: ІА НАН України, 2005. – 22 с.
51. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. – 1973. – № 2. – С. 60–74.
52. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.

53. *Кучера М.П.* Слов'яно-руські городища VIII – XIII ст. між Саном і Сіверським Донцем. Київ: ІА НАН України, 1999. – 252 с.
54. *Любичев М.В.* Контакти слав'ян Дніпро-Донського междуреч'я і населення северо-западної Хазарії в кінці VII – началі VIII вв. // *Древности 1994.* – Харків: Бизнес інформ, 1994. – С. 87–100.
55. *Мерперт Н.Я.* Верхнее Салтово. Салтовская культура. Дисс. канд. ист. наук – М., 1950. // *Архив ИА РАН.* P2, – № 884. – 416 л.
56. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 260 с.
57. *Николаенко А.Г.* Древности земли оскольской (Список и карта археологических памятников лесостепного Приосколья). – Волоконовка (препринт), 1990. – 26 с.
58. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
59. *Плетнева С.А.* О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами // *СА.* – 1962. – № 1. – С. 83–94.
60. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / *МИА.* – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.
61. *Плетнева С.А.* Об этнической неоднородности населения Северо-Западного хазарского пограничья // *Новое в археологии.* – М.: Наука, 1972. – С. 108–118.
62. *Плетнева С.А.* О заселении славянами Саркела – Белой Вежи // *Археология восточноевропейской лесостепи. Европейская лесостепь в эпоху раннего средневековья.* – Вып. 14. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. – С. 82–98.
63. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М.: Наука, 1989. – 288 с.
64. *Повесть временных лет.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I. – 404 с.
65. *Попов А.А.* Жилище // *Историко-этнографический атлас Сибири.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 131–226.
66. *Приймак В.В.* Путівльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини. – Полтава: Центр Пам'яткознавства НАН України, 2007. – 180 с.
67. *Приходнюк О.М.* Восточные славяне и степной мир в эпоху становления Хазарского каганата // *Хазарский альманах.* – Т. 1. – Харків: Каравелла, 2002. – С. 125–130.
68. *Пуголовок Ю.О.* Будівництво населення роменської культури Дніпровського Лівобережжя. Дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 2013 – 366 с / *Архив ИА НАН Украины.* – Ф. 12. – № 980.
69. *Рыбаков Б.А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // *СА.* – Т. XVIII. – Москва, 1953. – С. 128–150.
70. *Савицкий Н.М.* Жилые постройки лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Воронеж: ВГУ, 2011. – 23 с.
71. *Свистун Г.Є.* Конструктивні особливості оборонної лінії Мохначанського городища // *Археологічний літопис Лівобережної України.* – Ч. 2. – Полтава: Центр охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, 2001. – С. 117–119.
72. *Свистун Г.Є.* К вопросу о строительном материале и архитектуре салтовских лесостепных городищ бассейна Северского Донца // *Харьковский археологический сборник.* – Вып. 2. – Харків: Мачулин, 2007. – С. 40–58.
73. *Свистун Г.Є.* Строительный материал и типология городищ салтовской лесостепи // *Проблеми на прабългарската история и култура.* – Т. 4-1. – София: Национален археологически институт с музей на Болгарската академия наук, 2007а. – С. 403–416.

74. Скиба А.В. Взаємовідносини кочовиків і слов'ян Південно-Східної Європи у 6–7 ст. (культурно-політичний аспект). Автореф. ... дис. канд. іст. наук. – Київ: Інститут археології НАН України, 2006. – 25 с.

75. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. – Киев: Наукова думка, 1990. – 488 с.

76. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – Кн. I. – Т. 1–2. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.

77. Спицын А.А. Историко-археологические изыскания. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал министерства народного просвещения. – 1909. – № 1. – С. 67–83.

78. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (Роменская культура и ее предшественники). – Киев: Наукова думка, 1975. – 167 с.

79. Сухобоков О.В. До витоків історії ранніх контактів тюркського та слов'янського етносів на Лівобережній Україні // Східний світ. – 2003. – № 1. С. 85–94.

80. Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. – Київ: Наукова думка, 1992. – 216 с.

81. Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. – Київ: Видавничий дім “Альтернативи”, 1998. – 352 с.

82. Толочко П.П. Київська Русь. – Київ: Абрис, 1996. – 360 с.

83. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев: Абрис, 1999. – 200 с.

84. Усманов Э.М. История Хазарии в школьных учениках Российской Федерации // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. – Вип. 3. – Харків: Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини, 2013. – С. 122–128.

85. Флёров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М.: ИА РАН, 1996. – 100 с.

86. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарии» Никифора. Тексты, перевод, комментарии. – М.: Наука, 1980. – 216 с.

87. Швецов М.Л. Взаимоотношение степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья – Приазовья) // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛГУ, 2006. – С. 275–278.

Информация об авторе:

Колода Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина); koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru

RELATIONSHIPS BETWEEN THE SLAVIC WORLD AND THE KHAZAR KAGANATE ON THE SEVERSKY DONETS RIVER: AN ETHNOCULTURAL ASPECT

V.V. Koloda

The article addresses the issue of complicated and multifaceted relations of the Slavs and the world of Eastern European steppe and forest-steppe peoples in the end of 1st millennium

AD. The current data provided by the archaeological sources allow reviewing the so far dominant standpoint about intrinsic and permanent conflicting relations between the Slavs and the population of the Khazar Kaganate. There is a large number of artefacts found in the Seversky Donets basin contact zone, which allow us to talk about some positive complementary relations between the Northern peoples and the tribes of the forest-steppe Khazaria. The facts confirming mutual ethnocultural and technological impacts can be traced in a number of aspects: ceramics, house building, fortification and farming. The recent research and review of the old data suggest that the Saltovskaya population had a positive multidimensional effect on the material production, culture, and general socioeconomic condition of their Slavic neighbouring tribes. The reciprocal impact from the Slavic side was analogous, yet not so strongly marked. Such cooperation and mutual influences led to a peaceful coexistence, and on some separate sites – to the mixing of different ethnic groups. This fact suggests the beginning of a population (identified as syncretic in its material and spiritual culture) in the zone of borderline contacts between the Slavic world and multiethnic population of the Khazar Kaganate.

Key words: archaeology, history, Seversky Donets, Eastern Slavs, Early Rus', the Khazar Kaganate, the Romenskaya Culture, Saltovskaya Culture, interethnic contacts, ethnocultural processes.

REFERENCES

1. Arzhantseva, I. A. 2007. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka (International Relations in the Black Sea Basin in Antiquity and Middle Ages)*. Rostov-on-Don: Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 95–96 (in Russian).
2. Arzhantseva, I. A. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 75–88 (in Russian).
3. Artamonov, M. I. 1935. *Srednevekovye poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii (Medieval Settlements on the Lower Don River: Based on the Materials of North Caucasian Expedition)*. Leningrad: "Sotsekgiz" Publ. (in Russian).
4. Artamonov, M. I. 1936. *Ocherki drevneishei istorii khazar (Essays on the Earliest History of Khazars)*. Leningrad: "Sotsekgiz" Publ. (in Russian).
5. Artamonov, M. I. 1940. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* VI, 130–167 (in Russian).
6. Artamonov, M. I. 1962. *Istoriia khazar (The History of Khazars)*. Leningrad: State Hermitage Museum (in Russian).
7. Afanas'ev, G. E. 1987. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8h – 10h Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))* *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh (Rescue Archaeological Investigations)* 2. *Naselenie lesostepnoi zony basseina Srednego Dona v VIII-X vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury) (Population of the Forest-Steppe Area of the Middle Don Basin in 8h – 10h Centuries (the Alan Variant of the Saltovo-Mayaki Culture))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Babenko, V. A. 1914. In *Trudy XV AS (Proceedings of the 15th Archaeological Congress)* I. Moscow, 435–480. (in Russian).
9. Beliaev, E. A. 1966. *Araby, islam i Arabskii khalifat v rannee srednevekov'e (The Arabs, Islam and the Arab Caliphate in the Early Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Berezovets', D. T. 1965. In *Arkheolohiya (Archaeology)* XIX, 47–67 (in Ukrainian).
11. Vinnikov, A. A. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 165–180 (in Russian).
12. Vinnikov, A. Z. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 124–137 (in Russian).

13. Vinnikov, A. Z. 1995. *Slaviane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII — nachalo XI veka) (The Slavs of Forest-Steppe Don Basin in the Early Middle Age (8th — Beginning of 11th Century))*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
14. Vinnikov, A. Z. 2010. In *Khazary: mifi i istoriia (The Khazars: Myth and History)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 189–216 (in Russian).
15. Vashchenko, E. D. 2006. «*Khazarskaia problema*» v *otechestvennoi istoriografii XVIII–XX vv. (The "Khazars Problem" in the National Historiography in 18th — 20th Centuries)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
16. Volodarets'-Urbanovych Ya. 2007. In *Materialy VI Mizhnarodnoi students'koï naukovoï arkeolohichnoi konferentsii (Proceedings of the 6th International Students Scientific Archaeological Conference)*. Chernihiv: "Siveryans'ka dumka" Publ., 35–38 (in Ukrainian).
17. Horbanenko, S. A., Koloda, V. V. 2013. *Sil's'ke hospodarstvo na slov'yano-khozars'komu porubizhzhii (Agriculture on the Slavic-Khazar Borderland)*. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
18. Horbanenko, S. A. 2002. In *Istorychna nauka: problemy rozvytku (Historical Science: Problems of Development)*. Lugansk: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine, 64–74 (in Ukrainian).
19. Goriunov, E. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology)* 144. Moscow: "Nauka" Publ., 3–10 (in Russian).
20. Karamzin, N. M. 1989. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo v 12-ti tomakh (History of the Russian State, in 12 vols.)* 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Kvitkovskii, V. I. 2011. In *Saltovo-mayats'ka arkeolohychna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vyvchennya na Kharkivshchyni (The Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: 110 Years from the Start of its Research in Kharkov Region)*. Kharkiv: Kharkiv Scientific-Methodical Center for Protection of Cultural Heritage, 14–20 (in Russian).
22. Kliuchevskii, V. O. 1956. *Kratkii kurs russkoi istorii (Short Course of the Russian History)* 1. Moscow: "Gospolitizdat" Publ. (in Russian).
23. Kokovtsev, P. K. 1932. *Evreisko-khazarskaia perepiska v X v. (Jewish – Khazar Correspondence in 10th Century)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
24. Koloda, V. V. 1999. In *Khrystyians'ki starozhynosti Livoberezhnoi Ukraïny (Christian Antiquities of the Left-bank Ukraine)*. Poltava: "Arkheologiiia" Publ., 40–45 (in Russian).
25. Koloda, V. V. 1999. In *Zbirnyk naukovykh prats': istorychni nauky. Naukovyj visnyk Kharkivs'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu (Collected Scientific Papers: Historical Sciences. Scientific Bulletin of the Kharkiv State Pedagogical University)* 2. Kharkiv: Grigory Skovoroda Kharkiv State Pedagogical University, 15–20 (in Ukrainian).
26. Koloda, V. V. 2000. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (4), 40–54 (in Ukrainian).
27. Koloda, V. V. 2003. In *Problemy istorii ta arkeolohii Ukraïny (Problems of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkiv: "Skhidno-rehional'nyj tsentr humanitarno-osvitnikh initsiatyv" Publ., 70–73 (in Russian).
28. Koloda, V. V. 2004. In *Drevnosti 2004 (Antiquities 2004)*. Kharkov: Scientific-Methodical Center, 265–271 (in Russian).
29. Koloda, V. V. 2005. In *Khazary. Evrei i slaviane (The Khazars. The Jews and the Slavs)* 16. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ., 338–345 (in Russian).
30. Koloda, V. V. 2005. In *Arkheolohichnyj litopys Livoberezhnoi Ukraïny (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* (1–2). Poltava: Archaeological Sites Protection and Research Center, Culture Department, Poltava Oblast Public Administration, 72–81 (in Ukrainian).
31. Koloda, V. V. 2007. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2005-2007 rr. (Archaeological Investigations in Ukraine in 2005–2007)* 9. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine; Zaporizhzhya: "Dikoe Pole" Publ., 218–222 (in Russian).
32. Koloda, V. V. 2007. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (2), 9–15 (in Ukrainian).
33. Koloda, V. V. 2008. In *Slaviano-russkie drevnosti Dneprovskogo levoberezh'ia (Slavic-Russian Antiquities of the Left-Bank Dnieper Area)*. Kursk: Kursk State University, 106–112 (in Russian).

34. Koloda, V. V. 2008. In *Vostochnoslavianskii mir Dnepro-Don'skogo mezhdurech'ia i kochevni-ki iuzhnorusskikh stepei v epokhu rannego srednevekov'ia (The East-Slavic World of the Dnieper-Don Interfluvium and the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Early Middle Age)*. Voronezh: "Istoki" Publ., 90–92 (in Russian).
35. Koloda, V. V. 2008. In *Drevnosti 2006–2008 (Antiquities 2006–2008)*. Kharkov: Kharkov Historical and Archaeological Society, 125–136 (in Russian).
36. Koloda, V. V. 2008. In *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina (Antiquities of the South of Russia: in Memory of A. G. Atavin)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 311–323 (in Russian).
37. Koloda, V. V. 2009. Vliianie traditsii saltovskogo goncharnogo proizvodstva na keramicheskii kompleks borshevskoi kul'tury Podon'ia. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages) 7. Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 61–98 (in Russian).
38. Koloda, V. V. 2009. In *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia (International Relations in the Black Sea Basin in the Scythian and Khazar Time)*. Rostov-on-Don: "Media-Polis" Publ., 232–240 (in Russian).
39. Koloda, V. V. 2009. In *Divnogorskii arkhelogicheskii sbornik. Trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» (Divnogorye Archaeological Collection. Proceedings of the "Divnogorye" Museum-Reserve) 1. Arkheologiia (Archaeology)*. Voronezh: Voronezh State University, 164–178 (in Russian).
40. Koloda, V. V. 2010. In *Verkhnedonskoi arkhelogicheskii sbornik (Upper Don Archaeological Collected Papers) 5*. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University, 149–163 (in Russian).
41. Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2010. *Sel'skoe khoziaistvo nositelei saltovskoi kul'tury v lesostepnoi zone (The Rural Economy of the Bearers of Saltovo Culture in the Forest-Steppe Zone)*. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
42. Koloda, V. V., Gorbanenko, S. A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 315–326 (in Russian).
43. Koloda, V. V., Kushchenko, A. V., Shvetsov, M. L. 2004. In *Donetskii arkhelogicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected Works) 11*. Donetsk: Donetsk State University 145–155 (in Russian).
44. Koloda, V. V., Lebedev, V. P., Enukov V.V. 2014. In *Bezliudovskii klad X v.: materialy i issledovaniia (Bezliudovsky Hoard of 10th Century: Materials and Studies)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 18. Kazan: "Otechestvo" Publ., 6–160 (in Russian).
45. Kostomarov, N. I. 1990. In Kostomarov, N. I. *Istoricheskie proizvedeniia. Avtobiografiia (Historical Writings. Autobiography)*. Kiev: "Lybid'" Publ., 8–107 (in Russian).
46. Krasil'nikov, K. I. 1998. In *Voprosy istorii slavian. Arkheologiia. Etnografiia (Issues of Slavic History: Archaeology, Ethnography)*. 12. Voronezh: Voronezh State University, 44–50 (in Russian).
47. Krasil'nikov, K. I. 2007. In *Problemi na prabalgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture) 4 (1)*. Sofia: National Archaeological Museum, Bulgarian Academy of Sciences, 77–90 (in Russian).
48. Krasil'nikov, K. I. 2009. In *Divnogorskii arkhelogicheskii sbornik. Trudy muzeia-zapovednika «Divnogor'e» (Divnogorye Archaeological Collection. Proceedings of the "Divnogorye" Museum-Reserve) 1. Arkheologiia (Archaeology)*. Voronezh: Voronezh State University, 52–82 (in Russian).
49. Krasil'nikov, K. I., Krasil'nikova, L. I. 2010. In *Khazary: mif i istoriia (Khazars: Myth and History)*. Moscow: "Mosty kul'tury"; Jerusalem: "Gesharim", 153–188 (in Russian).
50. Krasyl'nikova, L. I. 2005. *Budivli saltovo-mayats'koi kul'tury Stepovoho Naddintsiv'ya (Dwellings of the Saltovo-Mayaki Culture in the Donets Steppes)*. PhD Thesis. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
51. Kuznetsov, V. A. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology) (2)*, 60–74 (in Russian).
52. Kuznetsov, V. A. 1992. *Ocherki istorii alan (Essays on Alan History)*. Vladikavkaz: "Ir" Publ. (in Russian).
53. Kuchera, M. P. 1999. *Slov'vano-rus'ki horodyshcha VIII – XIII st. mizh Sanom i Sivers'kym Dontsem (Slavic-Russian Fortified Sites of 8th – 13th Centuries between the San and Seversky Donets Rivers)*. Kiev: Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
54. Liubichev, M. V. 1994. In *Drevnosti 1994 (Antiquities 1994)*. Kharkov: "Biznes-inform" Publ., 87–100 (in Russian).

55. Merpert, N. Ya. 1950. *Verkhnee Saltovo. Saltovskaia kul'tura (Upper Saltovo: the Saltovo Culture)*. PhD Diss. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R2, no. 884 (in Russian).
56. Nasonov, A. N. 1951. «*Russkaia zemlia*» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: *Istoriko-geograficheskoe issledovanie ("Russian Land" and the Formation of Territory of the Russian State: a Study in Historical Geography)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
57. Nikolaenko, A. G. 1990. *Drevnosti zemli oskol'skoi (Spisok i karta arkheologicheskikh pamiatnikov lesostepnogo Prioskol'ia) (Antiquities of the Oskol Land: List and Map of the Archaeological Sites in the Forest-Steppe Zone near the Oskol River)*. Volokonovka (preprint) (in Russian).
58. Novosel'tsev, A. P. 1990. *Khazarское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа (Khazarian State and Its Role in the History of Eastern Europe and Caucasus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
59. Pletneva, S. A. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 83–94 (in Russian).
60. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo-Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
61. Pletneva, S. A. 1972. In *Novoe v arkheologii (New Discoveries in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108–118 (in Russian).
62. Pletneva, S. A. 2000. In *Arkheologiya vostochnoevropskoi lesostepi (Archaeology of the Forest-Steppe Zone)* 14. *Evropeiskaia lesostep' v epokhu rannego srednevekov'ia (European Forest-Steppe Zone in the Early Middle Ages)*. Voronezh: Voronezh State University, 82–98 (in Russian).
63. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarском погранич'е. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (On the Border Between the Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
64. *Povest' vremennykh let (Primary Chronicle)*. 1950. Part I. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
65. Popov, A. A. 1961. In *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri (Historical and Ethnographical Atlas of Siberia)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 131–226 (in Russian).
66. Pryjmak, V. V. 2007. *Putivl's'ke udil'ne knyazivstvo Chernihovo-Sivershchyny (Putivl' Principality in Chernihiv – Siveria)*. Poltava: Archaeological Sites Research Center, National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
67. Prikhodniuk, O. M. 2002. In *Khazariskii al'manakh (Khazar Almanac)* 1. Kharkov: "Kara-vella" Publ., 125–130 (in Russian).
68. Puholovok, Yu. O. 2013. *Budivnytstvo naseleenna romens'koi kul'tury Dniprovs'koho Livoberezhzhya (Building of the Population of Romenskaya Culture on the Dnieper Left Bank)*. PhD Diss. Kiev: Archive of the Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine. Fund 12, no. 980 (in Ukrainian).
69. Rybakov, B. A. 1953. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XVIII, 128–150 (in Russian).
70. Savitskii, N. M. 2011. *Zhilye postroiки lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury (Dwellings of the Forest-Steppe Variant of Saltovo-Mayaki Culture)*. PhD Thesis. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
71. Svistun, G. E. 2001. In *Arkheolohichnyy litopys Livoberezhnoï Ukraïny (Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine)* 2. Poltava: Archaeological Sites Protection and Research Center, Culture Department, Poltava Oblast Public Administration, 117–119 (in Ukrainian).
72. Svistun, G. E. 2007. In *Khar'kovskii arkheologicheskii sbornik (Kharkov Archaeological Collection)* 2. Kharkov: "Machulin" Publ., 40–58 (in Russian).
73. Svistun, G. E. 2007. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 4 (1). Sofia: National Historical Museum, Bulgarian Academy of Sciences, 403–416 (in Russian).
74. Skyba, A. V. 2006. *Vzayemovidnosyny kochovykiv i slov'yan Pivdenno-Skhidnoï Yevropy u 6–7 st. (kul'turno-politychnyj aspekt) (Interrelations between Nomads and the Slavs in South-Eastern Europe in 6th — 7th Centuries: Cultural and Political Aspect)*. PhD Thesis. Kiev: Archaeology Institute of the Ukraine National Academy of Sciences (in Ukrainian).
75. Baran, V. D. (ed.). 1990. *Slaviane Iugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period (The Slavs of South-Eastern Europe in the Pre-State Period)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

76. Solov'ev, S. M. 1988. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen (History of Russia from the Earliest Past)*. Book I. Vols. 1–2. Moscow: “Mysl” Publ. (in Russian).
77. Spitsyn, A. A. 1909. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Journal of the Ministry of Popular Education)* (1), 67–83 (in Russian).
78. Sukhobokov, O. V. 1975. *Slaviane Dneprovskogo Levoberezh'ia (romenskaia kul'tura i ee predshestvenniki) (The Slavs of the Left Bank of Dnieper (Romenskaia Culture and Its Predecessors))*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
79. Sukhobokov, O. V. 2003. In *Skhidnyj Svit (East World)* (1), 85–94 (in Ukrainian).
80. Sukhobokov, O. V. 1992. *Dniprovs'ke Lisostepove Livoberezhzhya u VIII – XIII st. (Forest-Steppe Zone of the Left Bank Dnieper Area in 8th – 13th Centuries)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).
81. Tolochko, O. P., Tolochko, P. P. 1998. *Kyivs'ka Rus' (Kiev Rus')*. Kiev: “Al'ternatyvy” Publ. (in Ukrainian).
82. Tolochko, P. P. 1996. *Kyivs'ka Rus' (Kiev Rus')*. Kiev: “Abrys” Publ. (in Ukrainian).
83. Tolochko, P. P. 1999. *Kochevye narody stepei i Kievskaiia Rus' (Nomadic People of the Steppes and Kiev Rus')*. Kiev: “Abrys” Publ. (in Russian).
84. Usmanov, E. M. 2013. In *Saltovo-maiats'ka arkeologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia (Saltovo-Mayaki Archaeological Culture: Problems and Research)* 3. Kharkiv: Kharkiv Scientific-Methodical Center for Protection of Cultural Heritage, 122–128 (in Russian).
85. Flerov, V. S. 1996. *Rannesrednekovoye iurtoobraznye zhilishcha Vostochnoi Evropy (Early Medieval Yurta-shaped Dwellings in Eastern Europe)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).
86. Chichurov, I. S. 1980. *Vizantiiskie istoricheskie sochineniia: «Khronografiia» Feofana, «Breviarii» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarii (Byzantine Historical Writings: “Chronography” by Theophanes, “Breviarium” by Nicephor. Texts, Translation, Comments)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
87. Shvetsov, M. L. 2006. In *Arkeologicheskoe izuchenie Tsentral'noi Rossii (Archaeological Studies in Central Russia)*. Lipetsk: Lipetsk State University, 275–278 (in Russian).

About the Author:

Koloda Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda”. Artioma St., 29, Kharkov, 61002, Ukraine; koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru

УДК 622.35

ЗНАКИ НА КИРПИЧАХ СЕМИКАРАКОРСКОЙ КРЕПОСТИ

© 2015 г. В.С. Флёрв, В.Е. Флёрва

Статья посвящена исследованию помеченных различными знаками кирпичей из Семикаракорской крепости Хазарского каганата на Нижнем Дону, конец VIII – начало IX вв. Здесь собрано около ста обожженных кирпичей, преимущественно во фрагментах, и один фрагмент сырцового кирпича со знаками. В Семикаракорской крепости знаки на кирпичах встречаются реже, чем на кирпичах Саркела и Правобережной Цимлянкой крепости, но на Нижнем Дону сегодня это единственная выборка, позволяющая проследить распределение типов знаков по разным участкам крепости. Благодаря этому она дает новую информацию об организации строительного дела в Восточной Европе в раннем средневековье и конкретно в Хазарском каганате. В этом аспекте семикаракорская коллекция знаков может быть сопоставлена с собранной в Плиске.

Анализ типологического набора знаков показал, что он менее разнообразен, чем в Саркеле и на Маяцком городище. Наиболее многочисленны два типа знака – колоколо-видный и в виде трезубца с прямоугольной чашечкой. Первый имеет локализацию на участке северной стены крепости, второй – в районе цитадели. Отмечается корреляция между размерами кирпичей и типами знаков. Для техники начертаний свойственно применение инструментов. Начертания пальцем встречаются редко (12%). Знаки наносились на верхнюю (при изготовлении) сторону кирпича по сырой глине до обжига. Анализ техники и манеры изображения показал, что однотипные знаки наносились разными людьми.

Ключевые слова: археология, Хазарский каганат, Семикаракорское городище, кирпич, метки-знаки строителей, типология изображений, организация строительства.

Семикаракорское городище¹ находится в нынешних границах Ростовской обл., Семикаракорский район, в четырех с лишним километрах к западу от г. Семикаракорска (ранее – станица Семикаракорская), в 115 км к востоку от г. Ростова-на-Дону, на левобережье нижнего течения р. Дон при впадении в него левого притока – р. Сал (рис. 1: 1). До 1917 г. – это территория Первого Донского округа Области Войска Донского. Характерный степной район юга европейской части

России. План Семикаракорского городища прослеживается на поверхности и местами уточнен раскопками (рис. 1: 2). Основное оборонительное сооружение – собственно крепость, т.е. внешняя линия оборонительных стен, внутри которых располагалась цитадель. Контуры обоих сооружений близки к квадрату, хотя формально это неправильные четырехугольники с разными по длине стенами и разной величиной углов между ними. Стены крепости и цитадели сложены из сырцовых кирпичей. Среди них встречаются и обожженные. Знаки (метки) на последних и являются предметом рассмотрения в данной статье.

¹ Наряду с названиями «Семикаракорское городище» и «Семикаракорская крепость» допустим сокращенный вариант – «Семикаракорь».

До настоящего времени на кирпичях крепостей Хазарского каганата в бассейне Северского Донца и на притоке Дона р. Тихая Сосна знаки не обнаружены. Известна серия из четырехсот знаков на блоках Маяцкой крепости. Знаки этой крепости позволяют проследить их разброс на разных участках ее стен. Меньшая по объему и по документированности, эта коллекция также сопоставима с фондом знаков Плиски, давшей материал для решения проблемы топографии знаков и их связи с организацией строительства (Димитров, 1993, с. 69–78; Иванов, 2003, с. 222–229; Макарова, Плетнева, 1984). Знаки есть на городище Хумара на Северном Кавказе (Биджиев, 1983, с. 82–93).

На Нижнем Дону около трехсот меченых знаками и рисунками кирпичей найдено в Саркеле и около десяти на Правобережном Цимлянском городище². Поскольку стены Саркела были разобраны до основания местным населением, Семикаракорская крепость – единственный памятник кирпичного строительства Хазарского каганата, дающий некоторое представление о топографии знаков (рис. 2), хотя и оно неполноценно. Всего найдено около ста обожженных кирпичей, преимущественно фрагментов, с различными метками. Только один знак удалось зафиксировать на сырцовом кирпиче³.

²Здесь и далее использованы материалы из книги В.Е. Флёровой: *Граффити Хазарии*. – М., 1997 (2-е изд., 2013), где можно найти более подробные ссылки. Данные о знаках Семикаракорской крепости, которые там были опубликованы, в настоящей статье дополнены и переработаны.

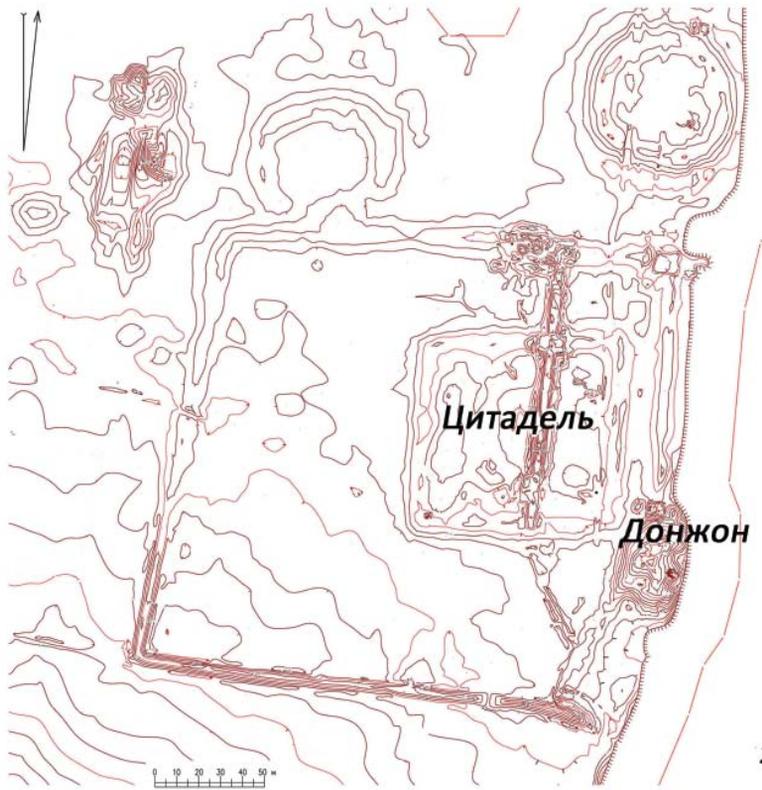
³Кирпичи со знаками, в т. ч. фрагмент сырцового, из раскопок 1971–1974 гг. хранятся в музее г. Таганрога Ростовской области.

А именно сырцовые кирпичи составляли основной массив стен крепости. При расчистке и разборке сырцовых кладок, где она проводилась, больше знаков на сырце обнаружено не было. Причина в том, что знаки крайне редко наносили на ту сторону кирпича, которая при формовке была нижней, а при кладке в стену кирпич укладывали нижней плоскостью вверх, и знак оказывался вниз. Перевернуть сырцовый кирпич при расчистке стены почти невозможно из-за его хрупкости. находка только одного знака на сырце вызвана еще и тем обстоятельством, что в отличие от обожженных кирпичей, выпавшие из стены сырцы превращались в аморфную массу. Задачей будущего будет именно выявление знаков на сырцовых кирпичях. *Количество меченых сырцовых кирпичей может быть очень большим, неизмеримо превосходящим меченые обожженные кирпичи.*

Положение меченых сырцовых кирпичей, знаками вниз, отмечается и на среднеазиатских памятниках. В.Л. Воронина объясняла это тем, что помимо обозначения норм выработки, когда знаком отмечалась партия кирпича, выделанная одним или группой рабочих, вдавленные линии меток содействовали более плотному сцеплению кирпича с раствором, т.е. часть меток наносилась исключительно с практической целью. Такие чисто функциональные знаки в виде оттисков пальцев и нанесенных пальцами диагональных или продольных борозд особенно характерны для среднеазиатского кирпича эпохи средневековья. Отмечено, что разнообразие меток напрямую связано с масштабом строительства, что можно объяснить большим количеством отдельных групп

1

2

Рис. 1. 1 – Хазарские крепости Нижнего Дона; 2 – План Семикаракорского городища
Fig. 1. 1 – Khazar fortresses in the Lower Don region; 2 – Plan of the Semikarakorsk Fortress

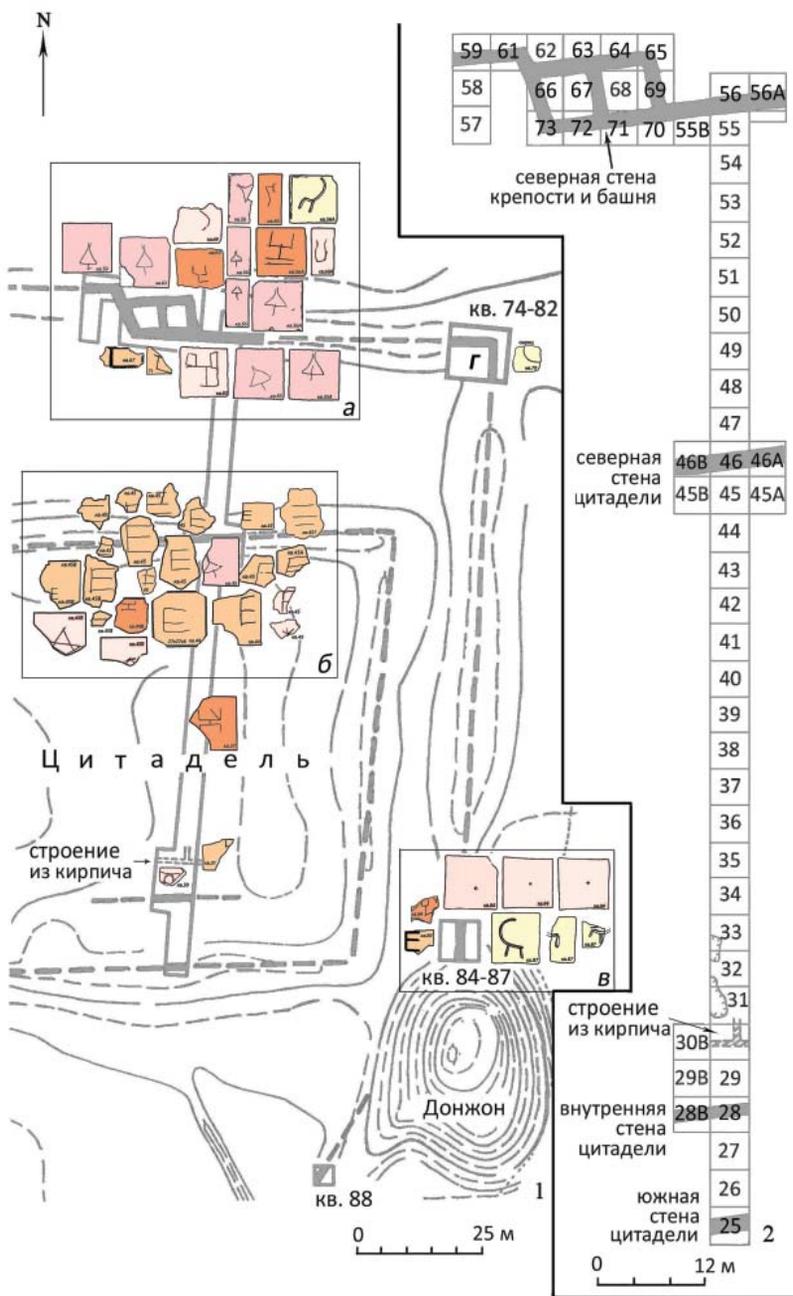

Рис. 2. Семикаракорская крепость. 1 – распределение типов знаков на кирпичях (окрашены в разные цвета) по раскопанным объектам: а – северная стена крепости и башня; б – северная стена цитадели; в – восточная стена крепости у донжона; г – северо-восточный угол крепости. 2 – план раскопа-траншеи 1971–1974 гг.

Fig. 2. Semikarakorsk Fortress. 1 – distribution of types of signs on bricks (marked in different colors) by explored sites: а – the northern wall of the fortress and the tower; б – the northern wall of the Citadel; в – the eastern wall of the fortress near the dungeon; г – the north-eastern corner of the fortress. 2 – plan of the dig (trench) 1971–1974.

изготовителей кирпича (Воронина, 1953, с. 6, 7; Гертман, 1979).

Обожженные кирпичи в положении *in situ* в массиве сырцовых стен Семикаракорской крепости вообще немногочисленны. Лишь в северной стене крепости (кв. 55/56) обнаружен небольшой участок второго слоя кладки, полностью сложенный из обожженных кирпичей, в т.ч. трех меченых. Всего восемь случаев, когда меченые кирпичи в Семикаракорках найдены в кладках, из них в семи знаки обращены вниз. Какую функцию в кладке имели обожженные кирпичи и с какой регулярностью они в нее попадали – это вопрос, который еще предстоит решать при будущих раскопках.

Среди обожженных кирпичей, по нашим подсчетам, на 280 приходился один со знаком. Этот показатель меньше, чем в Саркеле, где один знак приходился на 125 кирпичей, или на Правобережном Цимлянском городище, где на 300 кирпичей, включая обломки, пришлось пять со знаками, т.е. меченым оказался один из 60 кирпичей. При этом на обломках блоков, которые тщательно просматривались на предмет знаков каменотесов и граффити, никаких начертаний не было найдено. Отметим, что расчеты доли меченых кирпичей весьма приблизительны. М.И. Артамонов упоминал, что в Саркеле один знак приходился на 1500 кирпичей (Артамонов, 1935, с. 94). В.Е. Флёрова посчитала это ошибкой и опиралась больше на приведенные в той же работе М.И. Артамонова данные по коллекции Н.И. Веселовского, отобравшего на складе у перекупщика 200 кирпичей со знаками из более 25 000 там хранившихся. Находки кирпичей на Пра-

вобережном городище, построенном из блоков, можно также считать входящими в саркелскую коллекцию. Для достоверных заключений выборка в 300 кирпичей слишком мала. Нельзя исключить обусловленность частоты встречаемости и тем обстоятельством, что меченые кирпичи отбирались для вторичного использования с большей охотой. То же может относиться и к коллекции, которая в последние годы собирается на могильнике золотоордынского времени у хутора Овчинников, размываемого ныне Цимлянским водохранилищем. Склепы могильника сложены из кирпичей не золотоордынского, а, скорее всего, саркелского происхождения. Уже известно десять меченых кирпичей из х. Овчинников (Флёров, Петрухин, 2004, с. 183, рис. 4; Флёров, Ермаков, 2006, с. 94, 94, рис. 6; Парусимов, 2009, рис. 2)⁴.

Рассмотрим типологический набор семикаракорских знаков. Сразу бросается в глаза его меньшее разнообразие по сравнению с коллекцией знаков Саркела (Флёрова, 2013, с. 45–48). Причем и внутри типологических групп знаки менее различаются деталями, т.е. тем, что применительно к тамгообразным знакам называют «отпятьнышами». Можно говорить только о разнице в технике исполнения и манере рисунка. Кирпичи с одинаковыми по типу знаками также отличались разными способами заглаживания поверхности и различиями в размерах,

⁴ Кирпичи из х. Овчинников, собранные экспедицией «Хазарский проект», ныне хранятся в музее г. Волгодонска. В настоящее время авторы собирают сведения о кирпичах Саркела и Семикаракорской крепости, которые в разное время и по разным причинам оказались в иных местонахождениях.

что свидетельствует о том, что одинаковые знаки наносились разными людьми.

Наиболее характерным для коллекции является колоколовидный знак (рис. 3: 1–9; 4: 1–3), нигде кроме Семикаракорского городища не встреченный. Девять кирпичей с этим знаком частично или полностью сохранили данные о формате. Квадратные изготовлены в небольших рамках и после обжига получили размеры 23–24 см в стороне и 4–5 см толщиной. Два полуформатных с размерами 24–23,5 : 11,5 : 5 см. Все эти кирпичи происходят из развала раскопанного участка северной стены крепости (рис. 2). Один кирпич был найден непосредственно в массиве северной стены (рис. 3: 6). Он лежал во втором слое кладки среди сырцовых кирпичей. Меченая сторона кирпича обращена вниз. Недалеко от него в стену уложен еще один обожженный кирпич, но без знака. В цитадели в развале ее северной стены оказался только один кирпич с колоколовидным знаком (рис. 3: 3). Но при этом его размеры соответствовали тем кирпичам, что применялись при постройке северной оборонительной стены крепости. Для стен и построек цитадели свойственны кирпичи более крупного формата.

Для кирпичей из цитадели более характерным оказался знак «трезубец с прямоугольной чашечкой» – «Е» (рис. 4: 4–7; 5: 1–16, 18, 19, 22). Это самая многочисленная группа знаков в крепости – встречены 28 раз. Для заключения о том, связан ли он с кирпичами определенного формата, еще мало данных, т.к. практически все знаки найдены на фрагментах. Только один нанесен на сохранившийся кирпич размером 27 : 27 : 6 см (рис. 5: 14).

Отметим, что и в этом случае можно говорить только о преобладании, а не о четкой локализации данного типа меток. В восточной крепостной стене также был обнаружен фрагмент кирпича с таким знаком (рис. 2; 5: 17), а два найдены в башне на северной стене крепости (рис. 5: 20, 21).

Как и в предыдущей группе, знаки типа «Е» наносились разными людьми, о чем свидетельствует разнообразие их размеров, пропорций, а также способов нанесения. Интересны и наблюдения, что для кирпичей с разной манерой нанесения знака отмечаются и некоторые различия в замесе и формовке, составившие несколько групп.

- 1) Кирпичи хорошего качества, тесто розовое и бежевое; верхняя плоскость хорошо заглажена; знак почти в центре; линии, как правило, тонкие и четкие (рис. 4: 4, 5; 5: 1–3, 5, 6 и еще три фрагмента, не вошедшие в таблицу).
- 2) Глина та же, плотная розовая или бежевая, но поверхность шероховатая, а знаки нанесены неровными, более широкими, смазанными линиями, сделанными тупым орудием (рис. 5: 14, 15 и еще два фрагмента).
- 3) Более хорошее качество, глина плотная, поверхность заглажена; знаки меньше, чем в первой группе; нанесены четко широкой и глубокой линией; всего шесть фрагментов, в т.ч.: (рис. 4: 6; 5: 13, 17).
- 4) Глина как в группе 2, но знаки небольшие, вырезаны тонкими линиями на шероховатой поверхности; один на полуформатном кирпиче (рис. 5: 16, 18 и еще два фрагмента).
- 5) Особняком стоят три знака с выступающими за контур «дна» чашечки средней линией. Из них два процарапаны тонким орудием (рис. 5: 19, 20), а один нанесен пальцем (рис. 5: 21).

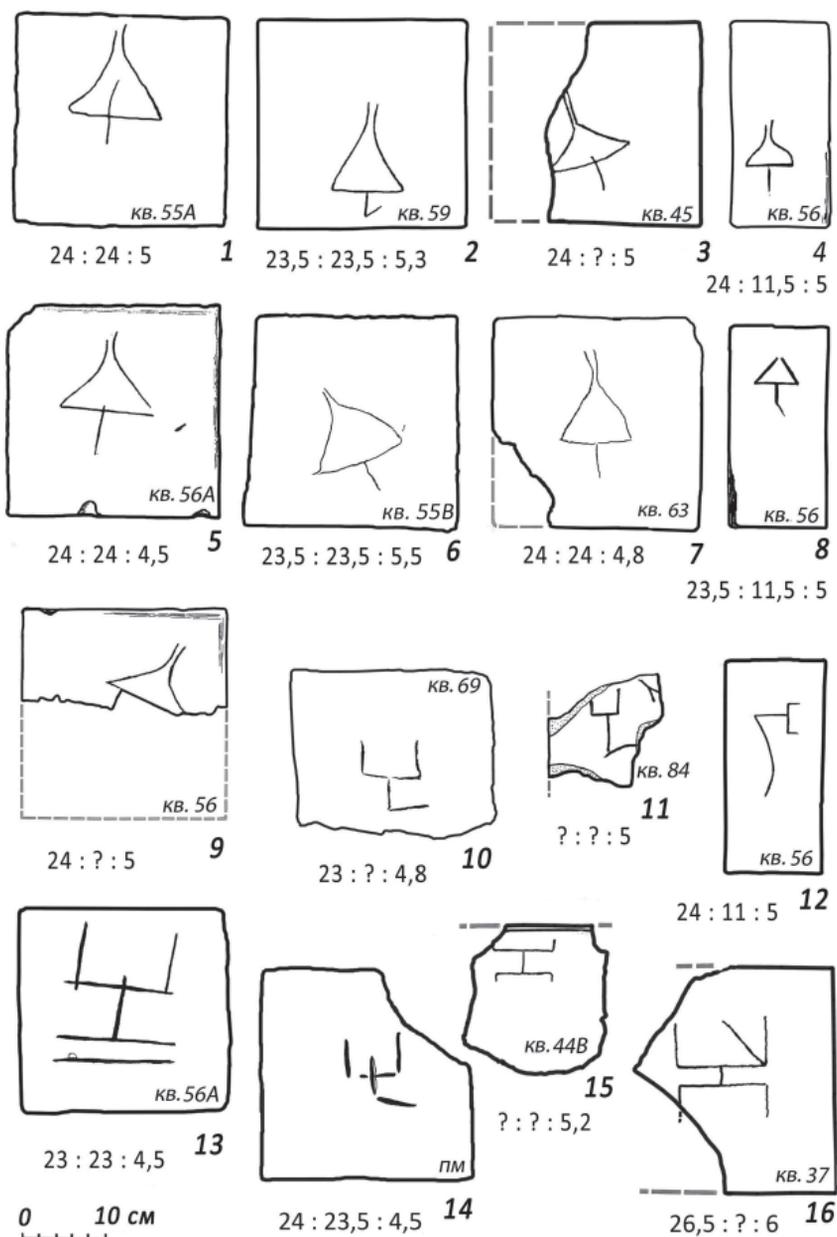

Рис. 3. Семикаракорская крепость. Знаки на кирпичах. 1–9 – колоколовидные; 10–16 – двузубцы

Fig. 3. Semikarakorsk Fortress. Signs on bricks. 1–9 – bell-shape; 10–16 – bidents

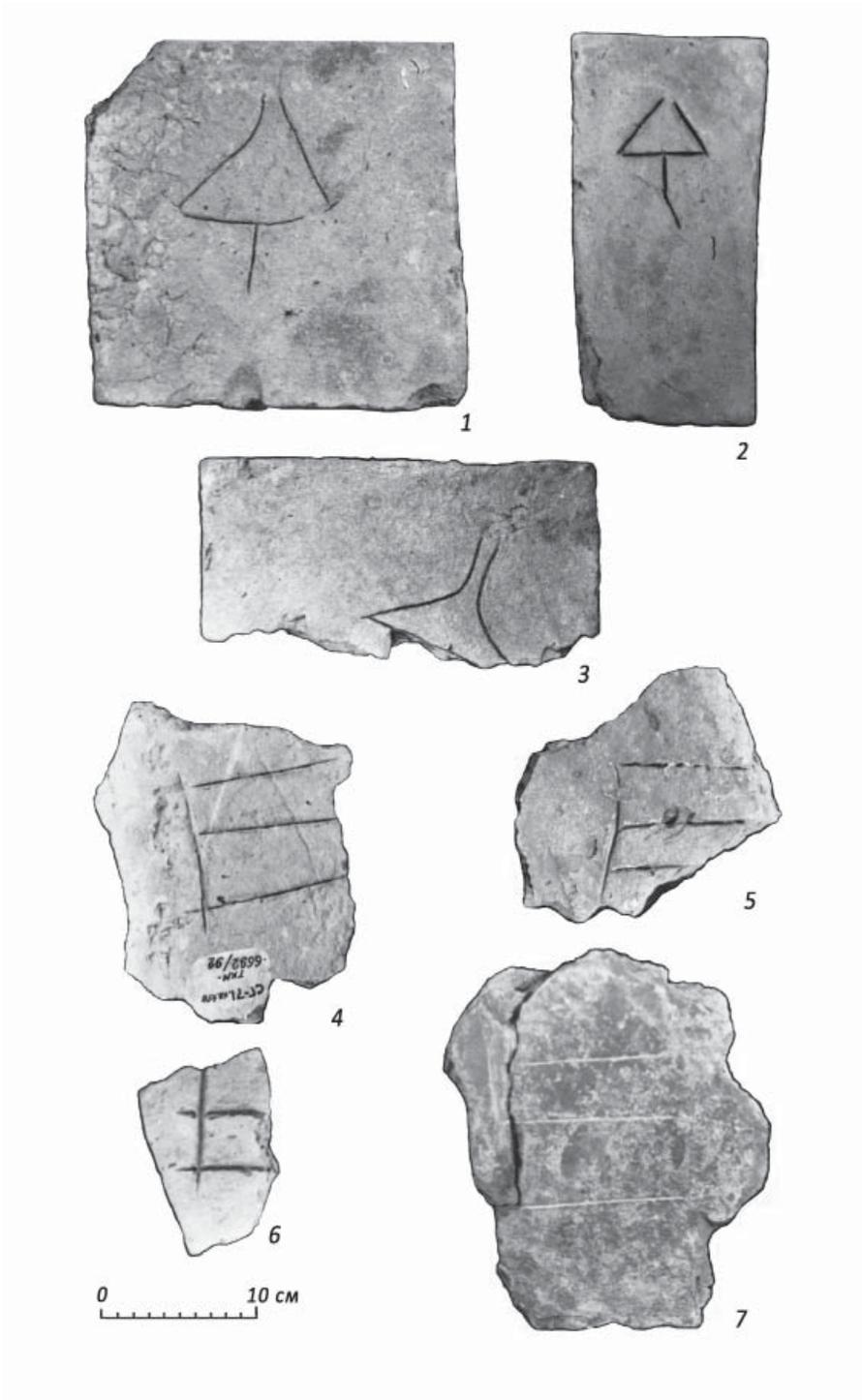

Рис. 4. Семикаракорская крепость. Знаки на кирпичях. 1–3 – колоколовидные; 4–7 – трезубцы
Fig. 4. Semikarakorsk Fortress. Signs on bricks. 1–3 – bell-shape; 4–7 – tridents

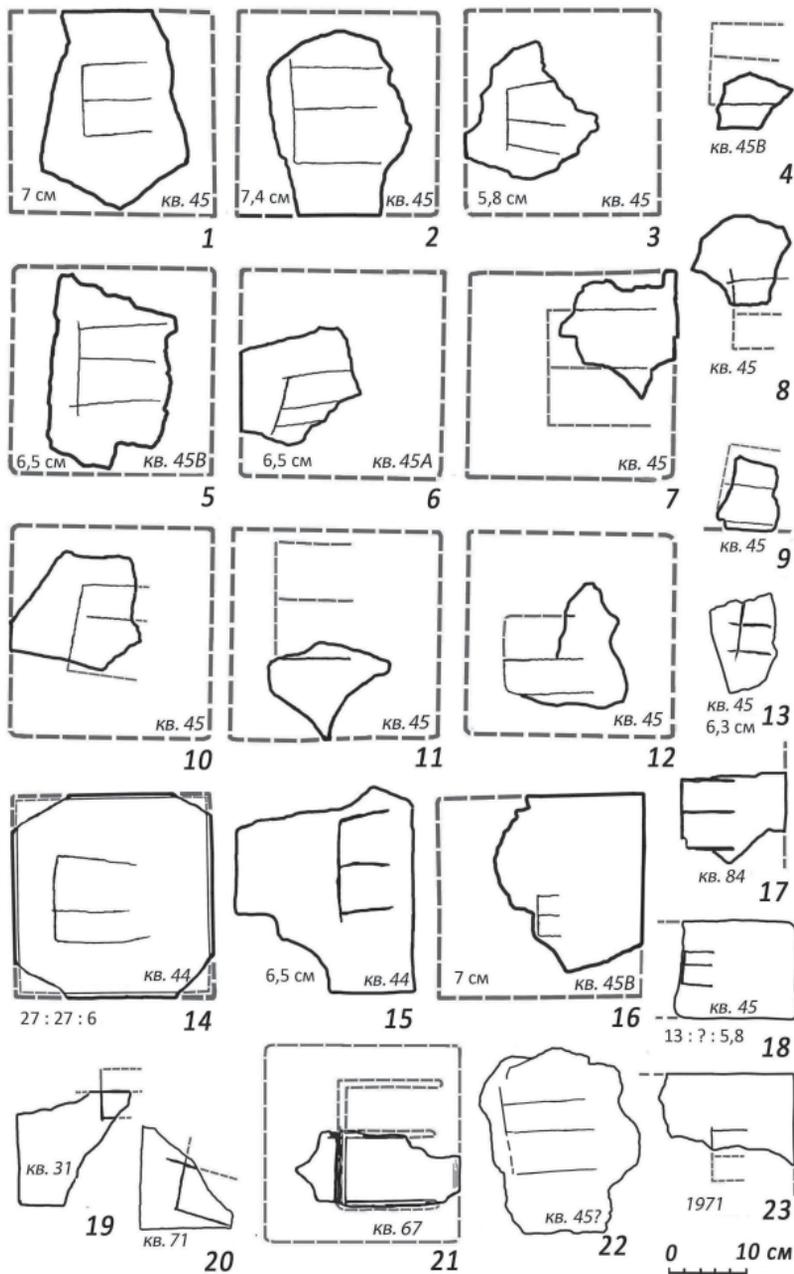

Рис. 5. Семикаракорская крепость. Кирпичи и их фрагменты со знаком трезубец
 Fig. 5. Semikarakorsk Fortress. Bricks and fragments with sign of trident

Знаки «**двузубец с прямоугольной чашечкой**» (рис. 3: 10–16; 6: 1, 2; 7: 1–4) и не столь многочисленны на Семикаракорском городище, и не столь специфичны для него, поскольку известны очень широко (Флёрова, 2013, с. 155). Топография находок и размеры кирпичей также разнообразны, как и типологический набор (рис. 2). Односторонние двузубцы имеются на кирпичах из северной и восточной стен крепости. Один небольшой кирпич, 24 : 23,5 : 4,5 см, найден С.Ф. Токаренко около городища (рис. 3: 14; 6: 2). Необычен способ нанесения на него знака – торцом обрубка ребра крупного животного, ширина 6 см; глубина отиска 1,2–1,8 см⁵. Маниера его исполнения в виде коротких отрезков находит аналогии среди знаков строителей Маяцкой крепости, где подобные знаки выбивались теслом с шириною лезвия 5–7 см. Их глубина в среднем составляла 2 см (Флёрова, 2013, табл. IV: 27–30, 40, 115).

Всего пять знаков-двузубцев распадаются на три типа: два двузубца имеют отходящую от основания прямую черту (рис. 3: 10, 14; 7: 2), два – длинную изогнутую (рис. 3: 11, 12; 7: 1), один «на постаменте» в виде двух параллельных линий (рис. 3: 13; 6: 1).

Знак в виде **двустороннего двузубца**, чьи чашечки обращены в разные стороны в принципе также можно рассматривать как двузубец на постаменте, в качестве которого служит вторая чашечка. Оба кирпича с двусторонними двузубцами происходят из цитадели (рис. 3: 15, 16; 7: 3, 4). Второй знак имеет отпятныш и помещен на кирпи-

че характерного для цитадели размера 26,5 : ? : 6 см (рис. 3: 16).

С.А. Плетнева выдвинула гипотезу, согласно которой знаки, имеющие в основе дву- или трезубцы являлись знаками феодалов⁶ и ремесленников, работавших на них (Плетнева, 1967, с. 128). Исследователи тамг связывают использование символов в виде двузубцев и трезубцев правящими родами от Хорезма и Боспорского царства до Золотой Орды с иранским влиянием (Полубояринова, 1980, с. 173; Флёрова, 2001, с. 53–64; там же ссылки на соответствующую литературу). Вряд ли концентрация трезубцев именно в районе семикаракорской цитадели связана с каким-то «ханским заказом», но все же можно отметить этот факт. Во всяком случае, постепенное накапливание материалов относительно знака «ипсилон» в Первом Болгарском царстве позволило сделать неожиданные и интересные наблюдения о его значении и месте в историческом процессе (Степанов, 1999, с. 5–9).

Знаки «**дуга**» найдены на шести кирпичах (рис. 7: 5–9; 8: 1–7), но только два из них, сохранившиеся полностью, показывают, что дуга имеет два отростка у одного из концов (рис. 7: 5; 8: 1, 2). Эти дуги нанесены пальцами, они однотипны, но при этом зеркально перевернуты. Для двух фрагментов на основании техники нанесения пальцем, а также топографических данных можно предположить, что они относятся к тому же типу (рис. 7: 6, 7; 8: 3, 4). У одного из них дополнительная черточка у основания. Если реконструкция верна, то и эти два знака зеркально перевернуты – классиче-

⁵ В.С. Флёров передал кирпич на хранение в Гос. исторический музей. Акт ВХ ЭФЗК № 64 от 16 июня 2009 г. № ВХ 1188.

⁶ О феодализме в Хазарском каганате см.: Флёров, 2011, с. 208–212.

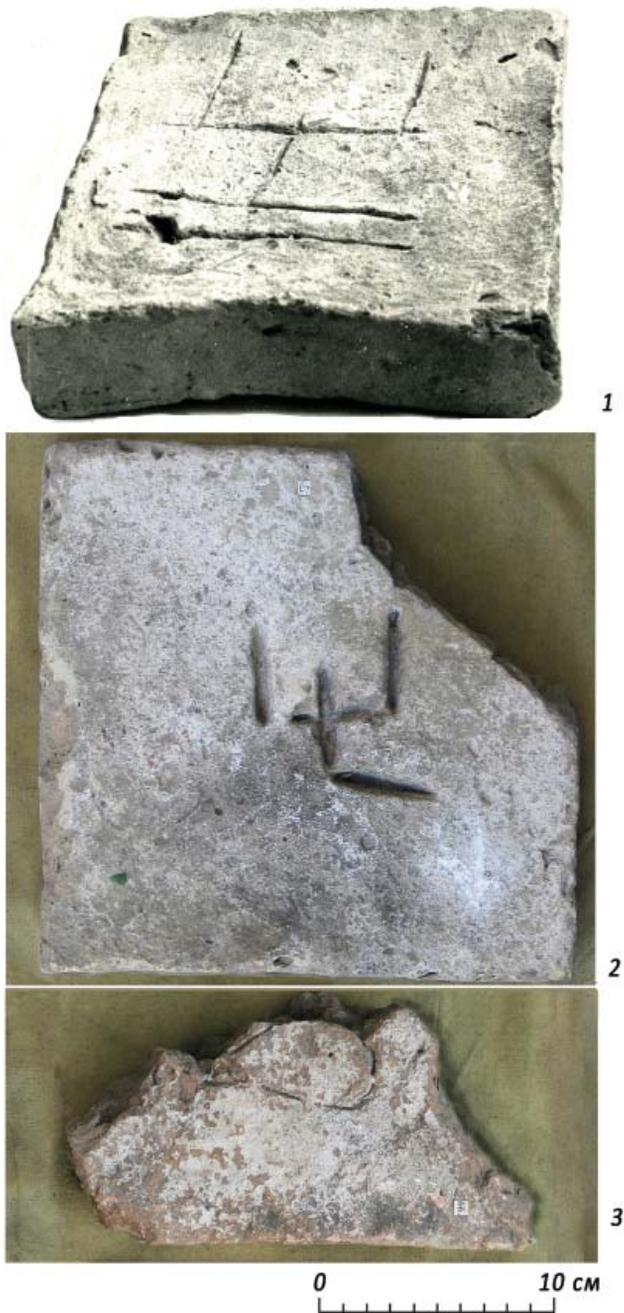

Рис. 6. Семикаракорская крепость. Знаки на кирпичах. 1 – двузубец на «постаменте»;
2 – двузубец; 3 – фрагмент криволинейного знака

Fig. 6. Semikarakorsk Fortress. Signs on bricks. 1 – bident on 'pedestal'; 2 – bident;
3 – fragment of a curvilinear sign

Рис. 7. Семикаракорская крепость. Знаки на кирпичах. 1–4 – двузубцы; 5–7, 9 – дугообразные знаки; 8 – U-образный; 10 – редкий тип знака
Fig. 7. Semikarakorsk Fortress. Signs on bricks. 1–4 – bidents; 5–7, 9 – arcuate signs; 8 – U-shaped; 10 – a rare type of sign

ский случай образования тамги по наблюдениям известного исследователя кавказских тамг Л.И. Лаврова: «Если семья или группа семей обзаводилась собственным трафаретом для таврения, то форма новой тамги обычно приобретала дополнительные черты. Это происходило либо в результате зеркального воспроизведения прежней тамги, либо из-за незначительного изменения ее вида (более широкое или обуженное ее воспроизведение, замена волнистых линий прямыми или изменение пропорционального соотношения между деталями и пр.) или добавления прежде отсутствовавших деталей (черточек, крючков, треугольников, кружков и пр.)» (Лавров, 1978, с. 105).

Сами по себе дуги известны среди знаков Саркела, Маяцкого и Правобережного Цимлянского городищ, городища Хумара на Северном Кавказе. Но есть только один знак, аналогичный семикаракорским дугам с двумя отростками, – на кирпиче с Правобережного городища (Флёрова, 2013, с. 155, табл. VIII: 3). Не исключено, что знак «дуга» был более распространен в Семикаракорах, чем это представляется на основании собранных при раскопках материалов. Имеется сообщение В. Секретева о том, что когда в 90-х гг. XIX в. «станичники ... делали раскопки для добытия жженого кирпича», то находили «кирпичи с клеймами в виде *полумесяца* и какими-то ненашенскими словами» (Секретев, 1901).

Менее вероятно, что к «дуге с двумя отростками» относится четвертый фрагмент дуговидного знака (рис. 8: 6).

Одним экземпляром представлен **U-образный знак** (рис. 7: 8; 8: 5). В репертуаре знаков хазарского Подо-

нья аналогии неизвестны. Довольно близкий по очертаниям знак происходит из «аула Омуртаг» в Болгарии (Антонова В., 1963, обр. 9, 10).

Один знак реконструируется как **пентаграмма** (рис. 8: 9), которая известна среди граффити Маяцкого городища и клейм салтово-маяцкой керамики (Флёрова, 2013, с. 27, 97, 155).

Уникален не полностью сохранившийся знак, составленный из **четырёхугольных фигур** (одна сколота), более похожий на некую графическую схему (рис. 7: 10; 8: 8). Изображен он на полноформатном кирпиче 24,5 : 24 : 5,5 см. Кирпич во время постройки крепости раскололи и уложили во внешний ряд северной оборонительной стены. Причем одна половинка оказалась уложенной знаком вниз, а другая в том же втором слое кладки – знаком вверх. Интересно небрежное отношение к этому знаку: кирпич намеренно раскололи, чтобы получить из него два узких для включения в ряд полуформатных кирпичей, и не стали переворачивать одну из половинок знаком вниз. Скорее всего, данный случай связан с утилитарным назначением начертания, представлявшим собой не родовой или более общего плана сакральный символ, а своего рода чертеж, возможно, поясняющий какие-то строительные задачи.

Три кирпича с одиночными **пальцевыми вдавлениями** по центру (рис. 8: 15–17) обнаружены в раскопе у донжона. Они лежали в ряд в перекрытии сквозного каналца в восточной стене. Меченые стороны были обращены вниз. Оттиск пальца в качестве меток в иных местах крепости не встречен. В Саркеле найдено только два экземпляра с рядами пальцевых вдавлений. В Волгодонском музее хранится фрагмент

кирпича с двумя рядами парных пальцевых вдавлений (инв. № 249-3 А-3), предположительно происходящий из Саркела. Его размеры 29 : ? : 4–4,5 см. Еще один кирпич полуторного размера с тремя рядами вдавленных четырех пальцев происходит с Карнауховского поселения, куда, наверняка, попал из Саркела (Флёрова, 2013, табл. VI: 294, 296; табл. VIII: 9). Интересный образец найден при наших раскопках на Правобережном Цимлянском городище в 1987 г. в юртообразном жилище № 43. Вся нижняя поверхность кирпича (размеры 29–28,5 : 25,5 : 6 см) была покрыта грубыми параллельными ложбинами, выполненными пальцами.

В упомянутой небольшой коллекции меченых кирпичей из х. Овчинников на двух экземплярах также есть очень похожие ряды пальцевых вдавлений (Парусимов, 2009, рис. 2: 6, 7). Еще на одном кирпиче (Флёров, Ермаков, 2006, с. 94, 95, рис. 6) по периметру верхней постелистой стороны нанесены пальцем ложбины, а ближе к центру – маленькая окружность из многочисленных вдавлений, но вдавлены они уже не пальцем, а уплощенной палочкой (рис. 8: 18)⁷.

Все эти вдавления сильно отличаются от характера тех знаков или орнаментов, какие встречаются на позднеантичных кирпичях среднеазиатских и балканских памятников. Кстати, В. Антонова отмечала, что качество обжига и типы знаков позволяли различать кирпичи «аула Омуртаг». Кирпичи с праболгарскими знаками

слабо обожжены, они темно-красного цвета. Напротив, ранние переиспользованные кирпичи обожжены хорошо, имеют розовый цвет и знаки «диагональные линии», нанесенные пальцем (Антонова, 1963, с. 52, 53, обр. 9: 15–17).

В отличие от среднеазиатских позднеантичных и средневековых кирпичей, на которые метки наносились пальцами, в Семикаракорях таких всего 12%, считая фрагменты. Основная часть знаков выполнена при помощи инструментов. Все сделаны по сырой глине. Процарапанных после обжига не встречено.

В Семикаракорях найдено еще несколько фрагментированных знаков, которые невозможно типологически определить (рис. 8: 10–14). Они свидетельствуют о том, что репертуар знаков здесь был разнообразнее, чем можно заключить по результатам наших раскопок.

Композиции знаков и надписи не обнаружены. Упомянутые В. Секретевым кирпичи с «какими-то ненашенскими словами» дают основание предполагать, что в Семикаракорях, возможно, существовала практика ставить на одном изделии сразу несколько меток. Такая традиция прослежена на кирпичях Саркела и на каменных блоках Маяцкого городища (Флёрова, 2013, Приложение 2). Композиции знаков, действительно, иногда внешне могут напоминать надпись (Нахапетян, 1991, рис. 3, 4).

Возвращаясь к теме топографии знаков, можно констатировать, что два раскопа на городище, в районе т.н. башни на северной стене крепости и на северной стене цитадели, дали два совершенно разных набора знаков. Для первого характерен колоколовид-

⁷ Попутно отметим, что один из двух десятков кирпичей, найденных в 2003 г. в х. Овчинников, имел знак, глубоко вырезанный по сырой глине на нижней, а не на верхней постелистой стороне (рис. 9) (Флёров, Петрухин, 2004).

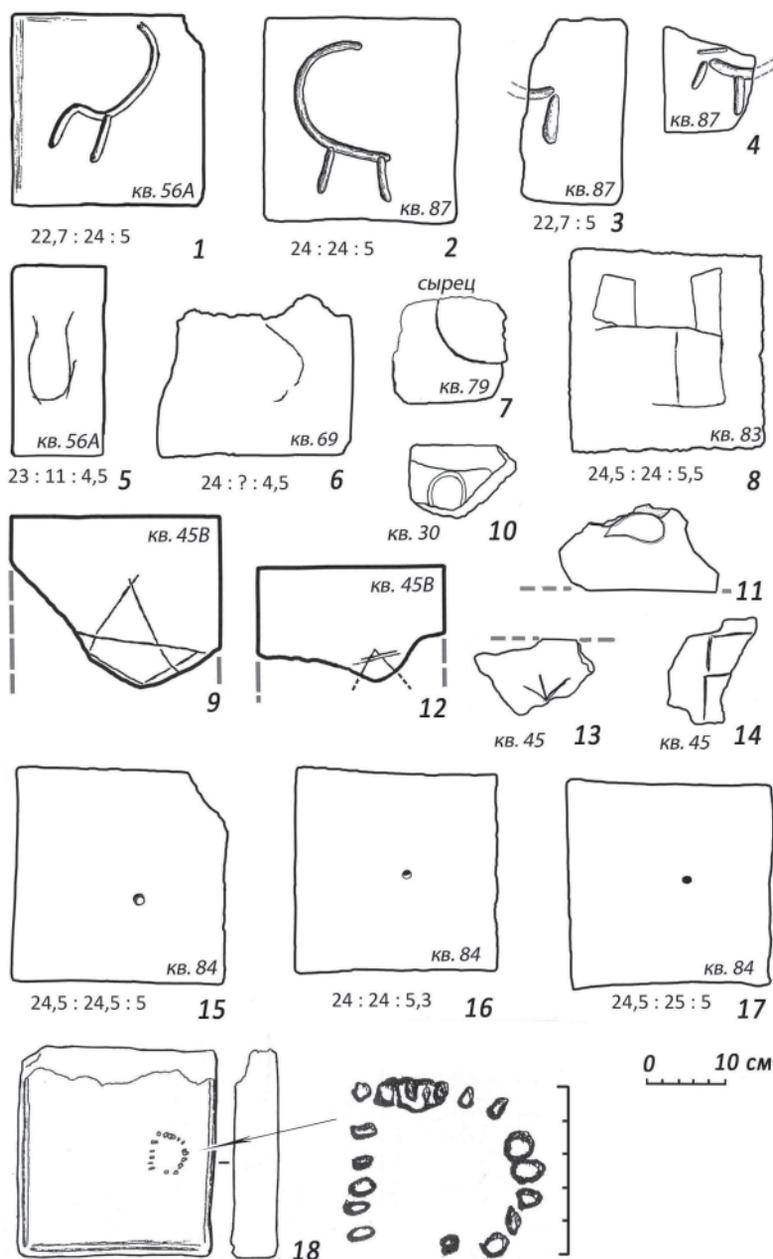

Рис. 8. Семикаракорская крепость, знаки на кирпичах: 1–4, 6, 7 – дугообразные; 5 – U-образный; 8, 11–14 – редкие и неопределимые; 9 – пентаграмма; 15–17 – пальцевые вдавления. 18 – хутор Овчинников, кирпич вторичного использования; происходит предположительно из Саркела

Fig. 8. Semikarakorsk Fortress, signs on bricks: 1–4, 6, 7 – arcuate; 5 – U-shaped; 8, 11–14 – rare and unidentifiable; 9 – pentagram; 15–17 – finger imprints. 18 – Ovchinnikov farm, second-use bricks; presumably from Sarkel

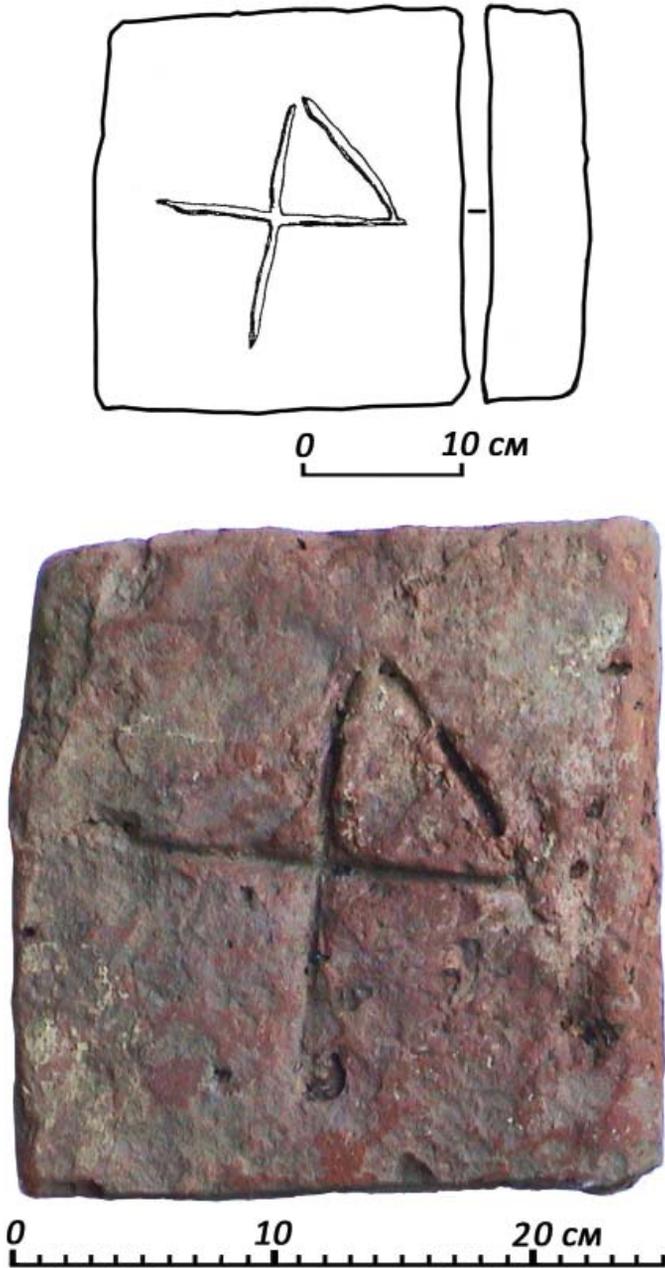

Рис. 9. Хутор Овчинников. Обожженный кирпич, предположительно из Саркела, со знаком на нижней стороне.

Fig. 9. Ovchinnikov farm. Baked brick, presumably from Sarkel, with a sign on its bottom side

ный знак (8 экз.). Для второго – трехзубец с прямоугольной чашечкой (20 экз. и отдельные обломки, предположительно того же типа знака). По каким-то соображениям в оба места концентрации кирпичей со сходными метками одновременно попадали экземпляры, изготовленные представителями групп, имеющих другой знак.

Поскольку все знаки нанесены до обжига, то есть сразу после формовки, то их локализация связана с процессом поставки партий готового кирпича к месту строительства. Здесь встает вопрос о контингенте работавших на сооружении крепостных стен. Был ли он постоянным от начала до завершения строительства или менялся по мере возведения стен? Форматы кирпичей на одних и тех же участках сильно варьируются, но прослежена определенная тенденция: возможно в задачи мастеров, которые изготавливали отдельные группы кирпичей, входила также и последующая их поставка на конкретные участки.

На связь знаков с традицией формовки указывают отличия в толщине кирпичей с колоколовидным и Е-образным знаками. Даже при незначительности выборки меченых кирпичей эту разницу сложно не заметить. Для кирпичей с колоколовидным знаком, которые локализуются у северной стены крепости, это диапазон 4,5–5,5 см с максимумом распределения 5 см. Для северной стены крепости сделано наибольшее количество замеров целых обожженных кирпичей и толщины фрагментированных: основная масса кирпичей имеет толщину 4–5,5 см. Менее 4% – 6 см; 5 см – 44%, т.е. тот же максимум, что и для кирпичей с колоколовидным знаком.

Для группы Е-образных знаков, сконцентрированных у северной стены цитадели, диапазон толщины кирпичей – 5,7–7,5 см, основная масса имеет толщину от 6 до 7 см. На данном участке отмечается заметное колебание размеров, но при этом проявляется тенденция к увеличению массивности кирпичей: 70% имеют толщину от 5,5 до 8 см (Флёров, 2009, с. 499, табл. 8).

На участке восточной стены крепости у донжона использовались кирпичи меньшего, чем в цитадели, размера: 23,5–25 : 23,5–25 : 4–5,5 см. На этом участке в основании крепостной стены находился сквозной канал, сложенный из смеси сырцовых и обожженных кирпичей. Именно здесь обнаружены метки в виде оттиска одного пальца на трех из пяти кирпичей перекрытия. Их размеры 25 : 24,5 : 5 | 24,5 : 24,5 : 5 | 24 : 24 : 5,3 см. На этом же участке на одном квадрате найдены кирпич и два фрагмента с дуговидными знаками, имеющими отростки (рис. 2). Размер сохранившегося кирпича – 24 : 24 : 5 см, фрагмента – 22,7 : ? : 5 см. Кирпич с северной стены башни с типологически близким зеркально перевернутым знаком имел аналогичные небольшие размеры – 22,7 : 24 : 5 см.

Материал о топографическом распределении меток Семикаракорской крепости незначителен и статистические подсчеты невозможны. Но кирпичи со знаками позволяют рассмотреть проблему организации строительного дела, в частности, по какому признаку формировались коллективы людей, работавших на изготовлении кирпича и возведении стен. Возможно, ядро каждого составляли люди, имевшие типологически близкие тамги, что

могло указывать, если судить по этнографическим параллелям, на их родственные связи. Отсутствие сходства основных типов знаков Саркела и Правобережной крепости с семикаракорскими не позволяет ставить вопрос о наличии в регионе Нижнего Дона артелей профессиональных кирпичников, что также могло бы объяснить употребление одного и того же знака разными людьми. Судя по типологии и топографии тамгообразных знаков, наиболее прочные родственные связи между работавшими, видимо, существовали на Семикаракорах.

В целом ситуация с распределением отдельных типов знаков и их вариантов на Семикаракорах близка к особенностям топографии знаков каменотесов Маяцкой крепости. Там также отмечено большое разнообразие как техники исполнения, так и глубины типологически однородных знаков, а также различия в их размерах. В ряде случаев на маяцких блоках одного участка рядом находились однотипные знаки, выполненные в разной технике. Зафиксировано только два случая, когда однотипные знаки, сделанные в одной технике и, видимо, принадлежащие одному человеку, происходили с близлежащих блоков. Топография знаков Маяцкой крепости позволила сделать два вывода. Во-первых, расположение типологически близких, но не тождественных знаков рядом на одном блоке, на разных гранях одного блока и на близлежащих блоках из завалов стен свидетельствует о том, что люди, ставившие похожие тамгообразные знаки и, вероятно, связанные родством, часто работали на одном участке или же совершали последовательные операции в контакте друг с другом. Аналогичное яв-

ление отмечено и для знаков Плиски (Дончева-Петкова. 1985, с. 100). Во-вторых, участки строившейся Маяцкой крепости не были четко поделены между определенными группами строителей. Такая топография скорее свидетельствует об отсутствии каких-либо артелей и других признаков специализированного ремесла (Флёрова, 2013, с. 40). Видимо, строительство осуществлялось представителями отдельных родов или семей, ставивших свои тамги с сакральной целью, в качестве своего рода закладной жертвы, которые, как мы знаем из этнографии, совершались при многочисленных обрядах, сопровождавших строительство (Байбурин, 1983). Подобная организация труда сохранялась до окончательного обособления ремесла. Еще в 20-х гг. XX в. у ингушей строительство домов и таких сложных сооружений, как башни, осуществлялось всем родом. При этом «камни приносились и клались всеми родственниками и при постройке отмечались крестами, пятнами и другими знаками» (Крупнов, 1971, с. 136).

Топография знаков на стенах Плиски менее подходит в качестве сравнительного материала к меткам на кирпичах. Т.И. Макарова и С.А. Плетнева предположили на основании изучения знаков каменотесов Плиски, что участки стен были поделены между отдельными мастерами (Макарова, Плетнева, 1984, с. 220–223). При этом разбивка на участки помечалась на нижних рядах кладки глубоко вырезанными, в отличие от граффити, знаками каменотесов. Проведенный ими анализ материала дал возможность говорить лишь о преобладании тех или иных знаков на участках, а не

о четком делении участков между владельцами определенных знаков.

Ст. Иванов продолжил наблюдения Т.И. Макаровой и С.А. Плетневой над топографией знаков Плиски. Новые данные до некоторой степени подтвердили выводы этих исследовательниц о распределении знаков по секторам и вероятность существования нескольких основных строительных бригад, участвовавших в возведении стен. Новым было то, что Ст. Иванов учел распределение знаков по вертикали, яснее показавшее такие участки. Он предположил чередование бригад по мере возведения стены до определенной высоты. Это, вероятно, делалось с целью избежать резкого различия горизонтальных секторов стен по манере строительства. Еще одна возможная причина – переброска работников с участка на участок, чтобы избежать сбоев в работе (Иванов, 2003, с. 227, 228).

Для кирпичного строительства Семикаракорской крепости мы можем делать заключения только о системе поставок партий строительного материала на отдельные участки, т.к. нанесение знаков по сырой глине связано не с процессом укладки, а с процессом изготовления.

Более перспективны в этом плане сравнения с данными о распределении знаков на блоках Плиски, происходящих из разных карьеров, сделанные Т. Балабановым (1985, с. 117–132). Он рассмотрел первичные знаки каменотесов, нанесенные до укладки в стены, а не на поверхности стен, а также знаки на кирпичях, нанесенные до обжига. Во время раскопок восточной стены Плиски было замечено, что в отдельных ее участках блоки имели неоднородное происхождение. Удалось

установить, что на блоках из различных видов камня врезаны различные знаки. Кроме того, отдельные участки стены сооружены преимущественно из камней одного и того же карьера. На стенах также выявлено много зон, в которых определенному виду камня соответствовали одни и те же знаки. Эти факты показывают, что для возведения крепостных сооружений Плиски блоки вытесывали несколько групп каменотесов в разных карьерах. Особенно ценно для нас то, что при этом каждая группа доставляла свою продукцию в определенный сектор. Т. Балабанов предполагает, что линия будущих крепостных стен и ворота были разделены на большие сектора, порученные отдельным мастерам, которые и заботились о поставке строительных материалов. Для наиболее важных участков, как ворота и башни, – строительный материал доставляли все карьеры. Поэтому здесь встречается большое разнообразие знаков.

Т. Балабанов также сопоставил типы знаков на кирпичях и черепице с их цветом и составом глины и отметил, что каждому виду глины соответствовал один или определенная группа похожих знаков, соотносимая, видимо, с количеством мастеров-кирпичников и мастерских.⁸

Сравнивая топографию знаков Плиски, Маяцкой и Семикаракорской

⁸ Вдоль крепостных стен Плиски тогда было открыто свыше 1000 фрагментов кирпичей со знаками, но из них около 350 с печатями римских легионов и частных лиц. О точном количественном соотношении произведенного в Плиске и вторично использованного керамического строительного материала автор тогда не смог сделать окончательных выводов, которые потребовали бы более углубленного исследования (Балабанов, 1985, с. 129, 130).

крепостей, надо отметить, что наиболее яркая картина прослеживается все же в Семикаракорах, хотя здесь площадь раскопок и количество открытых знаков невелики⁹. Такая относительная четкость распределения и монолитность групп семикаракорских знаков, как мы предполагаем, связаны не с развитым артельным производством, а, наоборот, с более патриархальной организацией строительного дела, когда производство строительного материала и возведение укреплений осуществлялось на основе родственных связей.

Еще один аспект, который приходится учитывать, – это нахождение знаков строителей не на лицевой плоскости стены, а в ее толще. Если при раскопках стену не разбирали до основания, то, чем больше развал сооружения, тем больше кирпичей или блоков со знаками мы находим. В Плиске, по подсчетам Я. Димитрова, 66% знаков были скрыты в толще стены, т.к. их вырезали на верхней грани блока (как и знаки на кирпичах при изготовлении). Статистика сделана Димитровым только для знаков, найденных на месте, а не из развалов, и не из музеев. Причем он вполне справедливо отмечает, что точное сопоставление количества знаков на стенах различных построек, невозможно, т.к. это зависело от количества блоков сохранившихся *in situ* и открытых в развалах. Относительно топографии болгар-

ский коллега пришел к менее утешительным выводам, чем Т.И. Макарова и С.А. Плетнева. Одни и те же знаки встречаются в разных сооружениях без возможности установить системность в их распределении. Наряду с этим основным и общим выводом, необходимо отметить факты, представляющие исключения, когда какой-либо знак характерен или преобладает на определенном участке (Димитров, 1993, с. 69–78).

Похоже, что это заключение Я. Димитрова станет общим местом в работах о топографии строительных знаков, как Первого Болгарского царства, так и Хазарского каганата.

Многие типы знаков и их расположение в стенах Семикаракорской крепости нам остаются неизвестными: точно также они скрыты внутри стены, как и знаки на блоках при каменном строительстве на Маяцком и в Плиске. Мы используем в своих выводах только те, что оказались доступны вследствие разрушения стены в древности, при разборке ее местным населением в недавнее время и при наших раскопках. Но то, что эти знаки удалось распределить по площадям – большое достижение. В Саркеле для почти трехсот знаков мы и этого не имеем. И все же не следует забывать, что *in situ* в Семикаракорах найдены только три кирпича со знаками при разборе северной стены (рис. 3: 6, 12; 8: 8), один сырце с фрагментом дуговидного знака из северо-западного угла и три кирпича, помеченных точками, лежавшие рядом на перекрытии сквозного канала в восточной стене у донжона. Каков был разброс выпавших из стен и перемещенных позднее фрагментов кирпичей установить уже невозможно.

⁹ Протяженность вскрытых стен Плиски с внешней и внутренней сторон 2769 м и только на них, не считая отдельных находок, зафиксировано 398 знаков камнотесов. Причем это полноценный, а не фрагментированный материал, и знаки находятся на своем месте, а не перемещены (Макарова, Плетнева, 1984, с. 219).

В заключение отметим, что на кирпичах Семикаракорской крепости пока не оказалось граффити в виде изображений человека, животных, а также «вавилон» («дама»). На это

стоит обратить внимание, сравнивая семикаракорский репертуар знаков с представленным в Саркеле, где перечисленные граффити есть.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону / ИГАИМК. – Вып. 131. – Л.: ОГИЗ, 1935. – 117 с.
2. *Антонова В.* Аулыт на Омуртаг при с. Цар Крум // Археология. – Кн. 2. – София (България), 1963. – С. 49–56. (на болгарском яз.).
3. *Байбурун А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 191 с.
4. *Балабанов Т.* Разкопки на Северната и Източната крепостна стена в Плиска (1977-1978) // Плиска–Преслав. – Т. 4. – София: Изд-во на БАН, 1985. – С. 117–131 (на болгарском яз.).
5. *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. – Черкесск, Ставропольское кн. изд-во, 1983. – 168 с. + 58 илл.
6. *Воронина В.Л.* Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследие. – № 3. – М., 1953. – С. 3–35.
7. *Гертман А.Н.* Некоторые особенности маркировки кирпичей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 70–73.
8. *Димитров Я.* Знаци по зидовете на монументални постройки в Плиска // Плиска – Преслав. – Т. 6. – София: Изд-во на БАН, 1993. – С. 69–78. (на болгарском яз.).
9. *Дончева-Петкова Л.* Разкопки на западната крепостна стена в Плиска (проучвания на южния сектор през 1973–1977) // Плиска – Преслав. – Т. 4. – София, 1985. – С. 9–16. (на болгарском яз.).
10. *Иванов Ст.* Съпоставка на знаците от крепостните стени на Плиска // Плиска – Преслав. – Т. 9. – Шумен (България): Антос, 2003. – С. 222–229. (на болгарском яз.).
11. *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. – М.: Наука, 1971. – 208 с.
12. *Лавров Л.И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.: Наука. – 184 с.
13. *Макарова Т., Плетнева С.* Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. – София: Изд-во на БАН, 1984. – С. 212–223.
14. *Нахапетян (Флёрова) В.Е.* Существуют ли рунические надписи Саркеля? // Проблемы на прабългарската история и култура. – Вып. 2. – София: Аргес, 1991. – С. 43–51.
15. *Парусимов И.Н.* Могильник золотоордынского времени у хут. Овчинников // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. – С. 295–298.
16. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – 1967. – № 142. – 198 с.
17. *Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 165–213.
18. *Секретев В.* Рукопись «Сведения о каменных бабах Донской области» / Гос. архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 55.– Оп. 1. – Ед. хр. 523. – Л. 46–50 (о Семикаракорском городище на лл. 49–50, датировано 1901 г.).
19. *Степанов Цв.* «Ипсилон» с двумя пиками (IYI) и его значения (К символике в раннесредневековой Болгарии) // Bulgarian Historical Review. – 1999. – № 3–4. – С. 3–9.

20. Токаренко С.Ф., Ребров А.Ю. Технология изготовления строительной керамики в Хазарском каганате. Опыт реконструкции на примере Семикаракорского городища // ПА. – 2015. – № 1. – С. 40–69.

21. Флёров В.С. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 7. – Хазарское время. – Донецк: Донецкий национальный ун-т, 2009. – С. 479–488.

22. Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – Москва-Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2011. – 264 с.

23. Флёров В.С., Ермаков С.Н. Исследования и проблема сохранения городищ хазарского времени на Нижнем Дону. Третий полевой сезон экспедиции «Хазарский проект» // ИАИАНД. – Вып. 22. – Азов: Азовский музей, 2006. – С. 86–101.

24. Флёров В.С., Петрухин В.Я. Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // ИАИАНД. – Вып. 20. – Азов, 2004. – С. 172–189.

25. Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. – Москва-Иерусалим: Гешарим/Мосты культуры, 2001. – 154 с.

26. Флёрова В.Е. Граффити Хазарии / Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 172 с.

Информация об авторах:

Флёров Валерий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Российская Федерация); valerij-flyorov@yandex.ru

Флёрова (Нахапетян) Валентина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Российская Федерация); valerij-flyorov@yandex.ru.

SIGNS ON BRICKS OF THE SEMIKARAKORSK FORTRESS

V.S. Flyorov, V.E. Flyorova

The article presents a study of bricks with different signs from Semikarakorsk fortress of the Khazar Khaganate on the Lower Don, dating to the late 8th – early 9th centuries. It deals with about one hundred burnt bricks, mainly in fragments, and a fragment of adobe brick, each marked with signs. Signs on bricks from Semikarakorsk fortress are less common than on bricks of Sarkel and Pravoberezhnaya Tsimlyanskaya fortresses, but today, it is the unique collection on the Lower Don that allows tracking how various types of signs are distributed across different sections of the fortress. This approach gives new information on organization of construction business in Eastern Europe in the early Middle Ages, and specifically in Khazar Khaganate. In this regard, the Semikarakorsk collection is comparable to the one from Pliska site.

Typological analysis has shown that the Semikarakorsk corpus of signs is less diverse compared to Sarkel and the Mayaki hillfort. Two types of signs are most numerous – bell-shaped and trident with a rectangular cup. The former is localized on the northern wall of the fortress, while the latter near the citadel. There is a correlation between sizes of bricks and types of signs. Signs were typically produced by use of tools. Finger drawings are rare (12 %). Signs were applied on the top (during the manufacturing process) side of the brick, on raw clay, before baking. The analysis of techniques and styles of drawing showed that similar signs were applied by different people.

Keywords: archaeology, Khazar khaganate, Semikarakorsk hillfort, brick, builder's marks, typology of drawings, organization of construction business.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1935. *Srednevekoyve poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii (Medieval Settlements on the Lower Don River: Based on the Materials of North Caucasian Expedition)*. Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) 131. Leningrad: "OGIZ" Publ. (in Russian).
2. Antonova, V. 1963. In *Arkheologiia (Archaeology)* (2). Sofia, 49 – 56 (in Bulgarian).
3. Baiburin, A. K. 1983. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian (The House in the Rites and Beliefs of Eastern Slavs)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Balabanov, T. 1985. In *Pliska–Preslav (Pliska-Preslav)* 4. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 117–131 (in Bulgarian).
5. Bidzhiev, Kh. Kh. 1983. *Khumarinskoe gorodishche (Khumar Fortified Site)*. Cherkessk: "Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
6. Voronina, V. L. 1953. In *Arkhiturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)* (3). Moscow, 3–35 (in Russian).
7. Gertman, A. N. 1979. In *Etnografiia i arkheologiia Srednei Azii (Ethnography and Archaeology of Central Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 70–73 (in Russian).
8. Dimitrov, Ya. 1993. In *Pliska–Preslav (Pliska-Preslav)* 6. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 69–78 (in Bulgarian).
9. Doncheva-Petkova, L. 1985. In *Pliska–Preslav (Pliska-Preslav)* 4. Sofia, 9 – 16 (in Bulgarian).
10. Ivanov, St. 2003. In *Pliska–Preslav (Pliska-Preslav)* 9. Shumen: "Antos" Publ., 222–229 (in Bulgarian).
11. Krupnov, E. I. 1971. *Srednevekovaia Ingushetiia (Medieval Ingushetia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Lavrov, L. I. 1978. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza (Historical and Ethnographical Sketches on Caucasus)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Makarova, T., Pletneva, S. 1984. In *Sbornik v pamet na prof. Stancho Vaklinov (Collected Papers in memoriam Prof. Stancho Vaklinov)*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 212–223 (in Russian).
14. Nakhpetian (Flyorova), V. E. 1991. In *Problemi na prabalgarskata istoriya i kultura (Issues of Pre-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: "Arges" Publ., 43–51 (in Russian).
15. Parusimov, I. N. 2009. In *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia (5th Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: Kuban State University, 295–298 (in Russian).
16. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltvomaiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. SaltovoMayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 142 (in Russian).
17. Poluboiarinova, M. D. 1980. In *Srednevekoyve drevnosti evraziiskikh stepei (Medieval Antiquities from the Eurasian Steppes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 165–213 (in Russian).
18. Sekretev, V. 1901. *Svedeniia o kamennykh babakh Donskoi oblasti (Information on the Kurgan Stelae in the Don Region)*. State Archive of the Rostov Oblast. Fund 55. Inv. 1, item 523, sheets 46–50 (in Russian).
19. Stepanov, Tsv. 1999. In *Bulgarian Historical Review* (3–4), 3–9 (in Russian).
20. Tokarenko, S. F., Rebrov, A. Yu. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1, 40–69 (in Russian).
21. Flyorov, V. S. 2009. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 479–488 (in Russian).
22. Flyorov, V. S. 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaia real'nost' ("Cities" and "Castles" of the Khazarian Khaganate: Archaeological Reality)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

23. Flyorov, V. S., Ermakov, S. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 22. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 86–101 (in Russian).

24. Flyorov, V. S., Petrukhin, V. Ya. 2004. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region)* 20. Azov: Azov Historical-Archaeological and Palaeontological Open-Air Museum, 172–189 (in Russian).

25. Flyorova, V. E. 2001. *Obrazy i siuzhety mifologii Khazarii (Images and Subjects of the Mythology of Khazaria)*. Moscow: “Mosty kul’tury” Publ.; Jerusalem: “Gesharim” Publ. (in Russian).

26. Flyorova, V. E. 2013. *Graffiti Khazarii (Graffiti of Khazaria)*. Moscow: “Librokom” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Flyorov Valerij S., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; valerij-flyorov@yandex.ru

Flyorova (Nakhapetyan) Valentina E., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; valerij-flyorov@yandex.ru

УДК 623.11

О ФОРТИФИКАЦИИ ГОРОДИЩ ЗАПАДНОГО ПОВОЛЖЬЯ

©2015 г. А.М. Губайдуллин, А.Г. Мухамадиев

Рассматриваются особенности устройства оборонительных линий средневековых городищ Западного Поволжья домонгольского времени (X – начало XIII вв.). Эти укрепленные поселения расположены в основном в долине реки Сура. Археологические исследования выявили некоторую специфику фортификации данных памятников, однако все они входят в общую концепцию строительства крепостных сооружений Волжской Булгарии. Большинство городищ данного региона располагается на мысах, вследствие этого они невелики по занимаемой площади. Тем не менее, эти городища имеют сложную систему оборонительных сооружений, состоящую из одной или нескольких (до трех) линий земляных валов с деревянными стенами и рвов. Некоторые из них устроены в один пояс, другие состоят из отдельных защитных рубежей и разделяют поселения на внутренний и внешний город. Конструкции стен были различны и варьировали от вертикального палисада (частокола) до деревянных клетей. Предместья городищ могли окружаться простой деревянной стеной без дополнительных земляных укреплений.

Ключевые слова: археология, история, Западное Поволжье, средневековые укрепленные поселения, оборонительные сооружения.

Укрепленные поселения Западного Поволжья в основном датируются домонгольским временем, т.е. X – первой третью XIII в. Большинство из них находятся в бассейне р. Суры и это, по-видимому, повлияло на их месторасположение: данные памятники подчинены рельефу местности и относятся к типу мысовых. Для определения конструктивных особенностей оборонительных сооружений, а также возможной специфики нами была рассмотрена фортификация некоторых из них – это Юловское, Сундровское, Садовское II и Неклюдовское I городища.

Юловское городище расположено в верховьях р. Суры в месте слияния двух речек – Кичкилейки и Юловки. Площадь, занимаемая памятником, – 22 га (рис. 1). Он состоит из двух частей: внешней и внутренней. Первая представляет собой вал и ров, а вторая –

тройную линию. Городище датируется X – первой третью XIII в.

Раскоп, заложенный Г.Н. Белорыбкиным через всю систему обороны внутреннего города, состоявшую из 3 валов и 3 рвов, позволил выявить слои, из которых были сложены насыпи, и остатки конструкций (рис. 2). Внутренний вал, самый небольшой, имел ширину около 8 м, высоту около 1 м и был сложен из глины со щебнем, взятых из внутреннего рва, глубина которого составляла около 1,5 м. В самой же насыпи во время археологических работ были зафиксированы следы деревянных конструкций (Белорыбкин, 1987, с. 23–24).

Средний вал на время начала исследований имел ширину 8 м и высоту 1,7 м от материка. Он оказался сложен из трех насыпей, в основном состоящих из щебня с глиной.

Г.Н. Белорыбкиным был выявлен также и тлен от деревянной постройки в виде серой супеси с углем, относящейся ко второй насыпи. Конструкция имела ширину 3 м и представляла собой срубы, положенные уступами. В третьей насыпи также были выявлены остатки древесного тлена в виде слоя мощностью около 0,1 м.

Внешняя линия обороны внутреннего города состояла также из вала шириной 11 м, высотой 1,5 м и рва. Оборонительная насыпь делилась на 3 слоя. В основании вала исследователем были зафиксированы «многочисленные линзы и полосы угля толщиной 5–10 см с прокалами». По его мнению, это остатки стоявшего здесь частокола, уничтоженного перед сооружением новой, уже срубной стены. О последней свидетельствует слой серой супеси с трухой толщиной 0,2–0,7 м и шириной 5 м. Следующий, третий слой, сложен из глины со щебнем, по верху которого, возможно, стояла крепостная стена. Как полагает Г.Н. Белорыбкин, об этом говорит «полоска коричневой трухи по всей насыпи». По мнению автора исследований, первоначально сооружался средний вал, а затем внешний и внутренний. Последний раз они подновлялись незадолго до разрушения, связанного с монгольским нашествием в 1237–1238 гг. (Белорыбкин, 1987, с. 24–25). Как считает исследователь, наиболее наглядно следы этого события отражены на примере внутреннего вала, «где деревянную стену соорудили перед самым нашествием и даже не успели полностью насыпать вал» (Белорыбкин, 1988, с. 84).

Как считает Г.Н. Белорыбкин, крепостные сооружения всех трех линий обороны внутреннего города Юлов-

ского городища представляли собой срубные конструкции (Белорыбкин, 1990, с. 7). Мы поддерживаем такую интерпретацию имеющихся археологических сведений по отношению к внешней и центральной насыпям. Однако это касается лишь внутривальных деревянных сооружений, тогда как наземные, возможно, имели другой вид и отличались друг от друга.

Так, например, вдоль первой линии могла стоять тыновая ограда, а вдоль второй – городни, или наоборот. Необходимо заметить, что нахождение в относительной близости и на одном уровне двух мощных стен из городней бессмысленно и бесполезно с точки зрения обороны. В этом случае невозможен многоярусный эшелонированный обстрел противника. Относительно же реконструкции внутренней линии обороны вызывает сомнение отождествление ее с первыми двумя. Имеются некоторые возражения: во-первых, небольшая мощность вала, даже в оплывшем состоянии, тогда как наличие срубов подразумевает более значительную насыпь; во-вторых, несколько отличная стратиграфическая картина, касающаяся, в первую очередь, характера самих конструкций.

По нашему мнению, они представляли собой более легкий тип – двухрядный тын или двухрядную столбовую конструкцию с внутренней забутовкой. Возможно, в этом случае мы имеем дело с типом укреплений, получившим позднее название абшнит¹. Однако это лишь подтвержда-

¹ Внутренняя крепостная вспомогательная постройка в виде вала со рвом, дававшая возможность продолжать оборону после того, как противник занял главный вал (также имеет название ретраншемент).

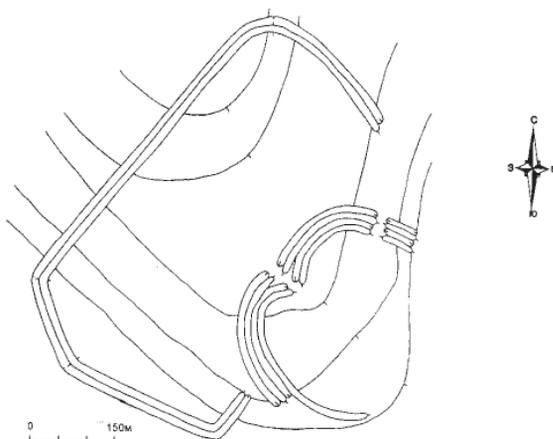

Рис. 1

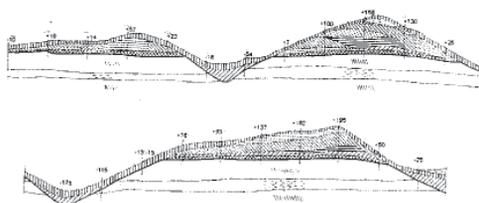

Рис. 2

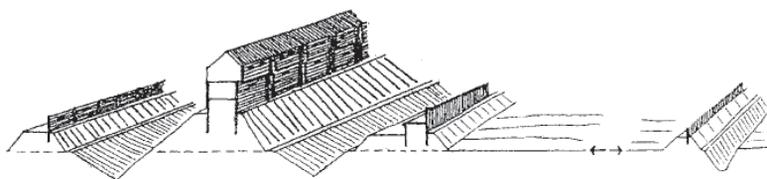

Рис. 3

Рис.1 Юловское городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.1 Yulovo hillfort. General plan (after G.N. Belorybkin).

Рис.2 Профиль линий обороны Юловского городища (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.2 Profile of defense lines of Yulovo hillfort (after G.N. Belorybkin).

Рис.3 Реконструкция оборонительных сооружений Юловского городища.
Fig.3 Defense structures of Yulovo hillfort, reconstruction.

ет значительную сложность и высокий уровень обороны поселения, тем более существовало еще и внешнее кольцо защитных сооружений в виде однорядной системы вала и рва. Она располагалась на некотором расстоянии от цитадели, образуя «внешний город», а также пространство – болонье (рис. 3).

Все оборонительные рвы «внутреннего города» довольно широкие и достигают 6–8 м, а также они имеют треугольную в профиле форму (Белорыбкин, 2003, рис. 32: 6). Их отлогости примерно равны по своей крутизне, за исключением внутреннего рва. Его эскарп заложен более круто по сравнению с контр-эскарпом, что должно затруднить подъем по нему. По-видимому, так было сделано преднамеренно, с целью как можно более воспрепятствовать противнику быстрое форсирование последней преграды. Таковым является один из элементов последнего рубежа защиты, тогда как основная оборонительная нагрузка ложилась на внешние рвы.

Второе укрепленное поселение находится в верховьях р. Суры, на мысу, образованном оврагом и р. Сундровкой. Высота площадки над уровнем воды – около 12 м. Площадь, занимаемая памятником, – 1,4 га. Городище относится к типу сложномысовых и соответственно имеет сложную систему обороны. Она представлена тремя отдельными линиями, каждая из которых состоит из вала и рва (рис. 4).

На памятнике исследовался только внутренний вал. Современная ширина его около 6–7 м, высота – около 1,5 м. Он был сложен из супеси, которую при насыпке разравнивали слоями (рис. 5). По верху стояла срубная стена, засыпанная внутри песком. Она

была разрушена вследствие пожара, из-за которого часть ее сползла в овраг, а также упала во внутреннюю сторону. Кроме того, в процессе исследований на склоне оврага был зафиксирован котлован от какой-то постройки, засыпанный внутри утрамбованным грунтом (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Другие оборонительные линии городища не изучались и поэтому их первоначальный облик нам не известен. Все же, если судить по значительной величине внешних укреплений, можно предположить существование здесь каких-то мощных дерево-земляных конструкций типа городней. Об этом свидетельствуют современные размеры вала, имеющего высоту 2–2,5 м и ширину около 8 м, а глубина рва составляла 1–1,5 м и ширину около 6 м. При этом средняя оборонительная линия была менее значительной и уступала внешней примерно в 1,5 раза. Исходя из ее размещения не исключено, что она могла осуществлять функции дополнительной защиты по отношению к внутренней линии и обороняемой ею основной части – цитадели. Ее первоначальный облик также неизвестен, но вряд ли он был сложнее конструкций из частокола или каркасно-столбового сооружения. Рвы на памятнике имели треугольную в профиле форму и достигали ширины 6–8 м.

Возможно, дополнительно ограждался и посад городища, располагавшийся к северу и занимавший продолжение мыса. Эта его часть представляет собой подпрямоугольную площадку, ограниченную с запада и востока склонами террасы. Поэтому совсем не трудно было бы перегородить ее со стороны поля простой линией частокола или тына, тем

более учитывая неограниченное количество материала для этого. В свою очередь, данные укрепления могли не только служить защитой для посада, но и существенно дополнить оборонительную силу внешней линии обороны самого городища. Однако это все лишь предположение автора статьи – не более.

Следующий памятник, Садовское II городище, расположен на мысу в верховьях р. Суры, на левом берегу ручья, правого притока р. Ишимки. Высота над уровнем поймы – около 12 м. Занимаемая площадь – около 4 га. Система обороны поселения состоит из трех валов и трех рвов, представляющих один пояс (рис. 6). Внутренний вал в настоящее время имеет высоту около 1 м, ширину – 10 м, ров находится в сильно оплывшем состоянии. Далее располагается средний вал высотой 1 м и шириной 10 м, с внешней стороны которого находится ров глубиной 1,5 м и шириной 7 м. Внешнюю линию обороны также составляет вал высотой 1–1,5 м, шириной 10 м. Перед ним находится ров глубиной 1 м и шириной 6 м.

В процессе археологических исследований было определено, что насыпи внешнего и среднего валов были сложены из суглинка. Также удалось установить, что в среднем валу имеются подчетырехугольные конструкции размерами 3,8 x 3,8 м (рис. 7). По мнению автора раскопок Г.Н. Белорыбкина, это остатки деревянного сруба, укрепленного в основании суглинком, а с наружной стороны камнями. По-видимому, данный объект являлся частью крепостной стены из отдельно стоящих срубов. Они соединялись друг с другом посредством горизонтально положенных бревен,

шедших вдоль вершины внешней отлогости оборонительной насыпи. В свою очередь, вдоль фаса вала была зафиксирована и целая группа столбовых ямок. Возможно, они представляли собой остатки дополнительного препятствия в виде стенки барьера или отдельных кольев.

Судя по профилю внутренней оборонительной насыпи, на этом месте возможно также имелись внутривальные сооружения, однако сложно определить, какого они были типа (Белорыбкин, 2003, рис. 32). Не исключено, что тулово вала здесь также скреплялось деревянными срубами. Что касается самой наземной крепостной постройки, то вряд ли она представляла какую-то мощную конструкцию, т.к. вызывает очень большое сомнение факт одновременного существования двух параллельных стен, находящихся в относительной близости и составленных из городней.

При изучении внешнего вала сначала были выявлены лишь три столбовые ямки, что не давало возможности представить первоначальный облик наземных защитных конструкций (Белорыбкин, 1990, с. 11–12). Лишь затем, благодаря последующим почвоведческим исследованиям, удалось определить, что вал при насыпке тщательно утрамбовывали. На самой же оборонительной насыпи стояла дубовая срубная стена (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Тем не менее, опираясь на вышеизложенное, можно предположить, что крепостные стены, следами которых являются «три столбовые ямки», представляли собой частокол или столбовую конструкцию, как и в некоторых рассмотренных ранее случаях. Основу

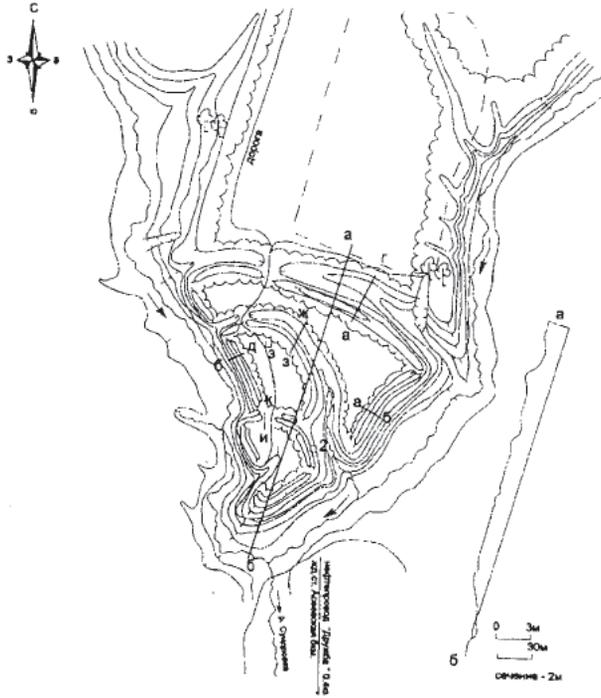

Рис. 4

Рис. 5

Рис.4 Сундровское городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.4 Sundrovo hillfort. General plan (after G.N. Belorybkin).

Рис.5 Профиль вала Сундровского городища (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.5 Profile of the rampart of Sundrovo hillfort (after G.N. Belorybkin).

Рис. 6

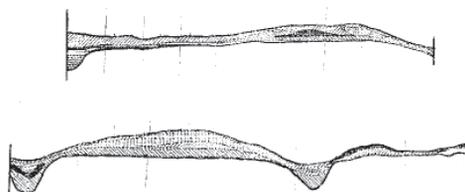

Рис. 7

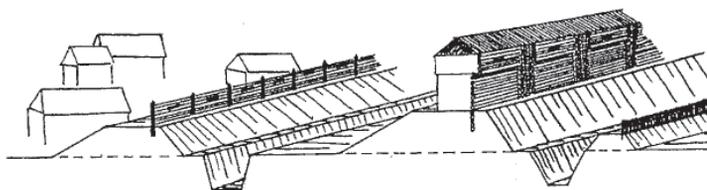

Рис. 8

Рис.6 Садовское II городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину).

Fig.6 Sadovo II hillfort. General plan (after G.N. Belorybkin).

Рис.7 Профиль линий обороны Садовского II городища (по Г.Н. Белорыбкину).

Fig.7 Profile of defense lines of Sadovo II hillfort (after G.N. Belorybkin).

Рис.8 Реконструкция оборонительных сооружений Садовского II городища.

Fig.8 Defense structures of Sadovo II hillfort, reconstruction.

же вала могло крепить именно какое-то сооружение в виде деревянного сруба, или же перечисленные выше постройки являлись двухрядными с внутренней забутовкой. Здесь наверняка можно исключить такие типы, как городни, и тем более, тарасы.

Отличаются от многих других городищ рвы, выявленные на этом памятнике (Белорыбкин, 2003, рис. 32: 7). Они более узкие и имеют трапециевидную или даже подпрямоугольную в профиле форму, что не характерно для укрепленных поселений Волжской Булгарии. Такого типа объекты проще засыпать, а также форсировать во время штурма. Поэтому не ясно, для чего они были так устроены. Можно только предположить, что эта разновидность является показателем развития одной из местных фортификационных школ (рис. 8).

Неклюдовское I городище расположено на большом мысу в верховьях р. Суры. Занимаемая им площадь – 8 га. Его оборона состоит из двух поясов: внешний – из вала и рва, внутренний – из двух линий валов и трех рвов (рис. 9).

Археологическими работами изучены внутренние и внешние укрепления городища (рис. 10). Они также были проанализированы почвоведческими исследованиями (Пономаренко, Офман, Пономаренко, 1995, с. 14–23). Внешний вал внутренней линии высотой 160 см и шириной 7 м состоял из различных слоев, падающих от внутренней части к внешней, которые представляли собой супесь, смешанную с крупным щебнем. Он насыпался, начиная с внутренней стороны. По мнению исследователей, довольно спорному, здесь сверху стоял сруб, установленный ближе к внеш-

нему краю и впоследствии сгнивший (Белорыбкин, 2003, с. 60).

Если судить по профилю вала, то действительно внутри него находились остатки какой-то конструкции, упавшей во внутреннюю сторону (Белорыбкин, 2003, рис. 32: 5). Не исключено, конечно, что он представлял собой сруб. Все же характер внутривальных напластований, скорее, свидетельствует о существовавшей здесь двойной «каркасно-столбовой» постройке с внутренней забутовкой.

Следующая исследованная насыпь – внутренняя, являвшаяся синхронной предыдущей. Ее высота составляла 130 см при ширине около 6 м. Внутренний вал был сложен более однородным материалом, состоящим из песка, мелкой и крупной щебенки. Было заключено, что в отличие от внешнего вала здесь находился небольшой сруб, который располагался ближе к фасу оборонительной насыпи. По мнению его исследователей, это сооружение не было расположено только внутри вала, но и возвышалось над его поверхностью. При сооружении внешней линии обороны использовался принесенный со стороны грунт, который затем утрамбовывался. Сверху на нем была установлена срубная стена, засыпанная землей, а внешняя ее часть обмазана глиной против воздействия огня (Белорыбкин, 2003, с. 60) (рис. 11). Сами же оборонительные сооружения памятника были разрушены и сожжены в период монгольского нашествия, о чем свидетельствуют многочисленные слои угля и прокалы (Белорыбкин, 1988, с. 84).

Судя по приведенному материалу, внутренние дерево-земляные укрепления Неклюдовского I горо-

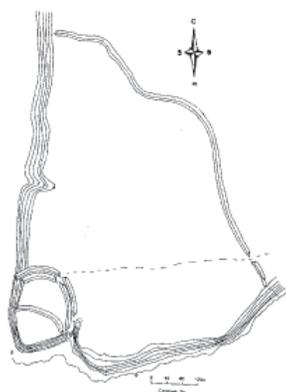

Рис. 9

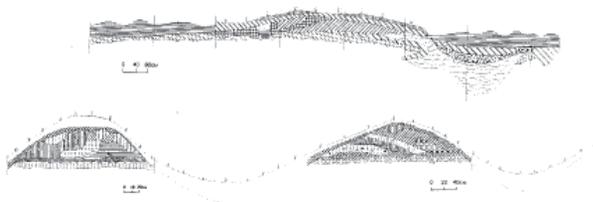

Рис. 10

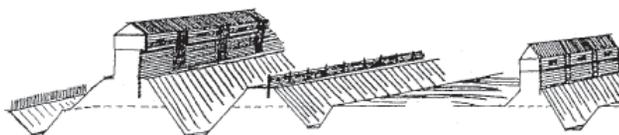

Рис. 11

Рис.9 Неклюдовское I городище. Общий план (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.9 Neklyudovo I hillfort. General plan (after G.N. Belorybkin).

Рис.10 Профиль линий обороны Неклюдовского I городища (по Г.Н. Белорыбкину).
Fig.10 Profile of defense lines of Neklyudovo I hillfort (after G.N. Belorybkin).

Рис.11 Реконструкция оборонительных сооружений Неклюдовского I городища.
Fig.11 Defense structures of Neklyudovo I hillfort, reconstruction.

дища представляли собой комбинированную систему из городней во внутреннем валу и каких-то конструкций во внешнем. Вряд ли здесь по верху насыпи стоял частокол или тыновая ограда, от которых должны были остаться следы заглубления. Столбовые же конструкции могли заглубляться через определенные промежутки при помощи вертикально врытых бревен-связок, тогда как горизонтальные бревна проходили вдоль верхней части насыпи и возвышались над ней. Возможно, вследствие этого

и не удалось зафиксировать их внутри вала, а лишь в его верхнем горизонте в виде темного гумуса.

Несмотря на то, что представлены сведения только по четырем памятникам, здесь открываются некоторые детали общей военно-инженерной картины, характерной для городищ Западного Поволжья. Таким образом, мы можем говорить и об общих тенденциях в науке об укреплениях на территории всей Волжской Булгарии, но часто имевших свои некоторые специфические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных бургас // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. – С. 82–87.
2. Белорыбкин Г.Н. Новые открытия на Юловском городище // Поиски и находки: из записных книжек краеведов. – Саратов: Приволжское кн. изд-во (Пенз. отд.), 1990. – Кн. 2. – С. 3–9.
3. Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 2003. – С. 60.
4. Пономаренко Е.В., Офман Г.Ю., Пономаренко С.В. Анализ природной среды и природопользования в лесостепной зоне в Средние века на примере городищ Пензенской области // Страницы истории Волго-Донья. – Пенза: Изд-во Пензенского гос. педагог. ун-та, 1995. – С. 3–32.

Информация об авторах:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); airg_g@mail.ru

Мухамадиев Азгар Гатауллович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); am-m@yandex.ru, gatason@yandex.ru

ON FORTIFICATION OF ANCIENT SETTLEMENTS OF THE WESTERN VOLGA REGION

A.M. Gubaidullin, A.G. Mukhamadiev

The authors examine specific features of defense lines in the pre-Mongol medieval forts from the Western Volga region (10th – early 13th centuries). Such fortified settlements are located in the valley of the Sura river, predominantly. The archaeological studies revealed some specific features of fortification on these sites. However, all of them fit into the general concept of fortifications in the Volga Bulgaria. Most of the forts in this region are located on capes, and thus are compact. Still, they have a complex system of fortifications consisting of one or several (up to three) lines of ramparts with wooden walls and moats. Some of them are arranged as one belt, others consist of separate protective boundaries and divide settlements into internal and external town. Walls had different constructive features and varied between vertical palisades (row of stakes) to wooden cages. Suburbs could be protected by a simple wooden wall without any additional earthen fortifications.

Keywords: archaeology, history, Western Volga region, medieval fortified settlements, defense structures.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 1988. In *Volzhskaya Bulgariia i mongol'skoe nashestvie (Volga Bulgaria and the Mongol Invasion)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 82–87 (in Russian).
2. Belorybkin, G. N. 1990. In *Poiski i nakhodki: iz zapisnykh knizhek kraevedov (Search and Finds: from the Local Lore Students' Notebooks)* 2. Saratov: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., Penza Branch, 3–9 (in Russian).
3. Belorybkin, G. N. 2003. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka (The Western Volga Region in the Middle Ages)*. Penza: Penza State Pedagogical University, 60 (in Russian).

4. Ponomarenko, E. V., Ofman, G. Yu., Ponomarenko, S. V. 1995. In *Stranitsy istorii Volgo-Don'ia* (*Pages from the Volga-Don History*). Penza: Penza State Pedagogical University, 3–32 (in Russian).

About the Authors:

Gubaidullin Airat M., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Mukhamadiev Azgar G., Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, Republic of Tatarstan, Russian Federation

УДК 902/ 904

ПЛАНИРОВКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БОЛГАРА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

© 2015 г. Д.Ю. Бадеев, Р.Р. Валиев

Представлены результаты многолетних исследований городской планировки Болгара. Показана динамика развития научных представлений (с начала XX в. до настоящего времени) о планировочной структуре этого золотоордынского города. Первые представления о городской планировке средневекового Болгара стали складываться в начале XX в. Они основывались на расположении сохранившихся на тот момент руин монументальных сооружений и особенностях рельефа. После начала систематических археологических исследований (1938 г.) был накоплен значительный объем данных о различных элементах городской планировки золотоордынского Болгара. На территории городища были выявлены фрагменты улиц и площадей с различными типами мощения, новые монументальные сооружения и заглубленные постройки. Это позволило исследователям Болгара выдвинуть несколько версий о развитии городской планировки. Веерная схема развития городских коммуникаций была предложена А.П. Смирновым (1974). Принцип ландшафтно-исторического зонирования территории города с квартальной застройкой был сформулирован Т.А. Хлебниковой (1987). К городам линейного типа с усадебно-квартальной застройкой относит золотоордынский Болгар историк архитектуры Х.Г. Надырова (2013). Новые возможности исследования городской планировки средневековых городищ предоставляют методы создания геоинформационных систем (ГИС). Новейшие разработки в этом направлении для Болгара, их результаты и перспективы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: археология, история, Среднее Поволжье, Болгар, золотоордынский город, городская планировка, история исследований, геоинформационная система (ГИС).

Исследованию золотоордынских городов в наши дни уделяется значительное внимание. Во многом это связано с накопленным археологическим материалом, который наряду с письменными свидетельствами выступает основным источником знаний, позволяющим осветить как общие вопросы по динамике и особенностям развития золотоордынского градостроительства в целом (Егоров, 1985, с. 75–140; Федоров-Давыдов, 1994), так и вопросы, которые относятся к особенностям регионального, этнокультурного характера, взаимосвязи городских центров и их окружи (Блохин, Яворская,

2006; Зеленева, 2010, с. 113–122; Недашковский, 2010). Между тем, актуальным остается вопрос, связанный с формированием и развитием элементов планировки золотоордынских городов Поволжья как тех, что возникли до их включения в состав улуса Джучи, так и вновь основанных. Важной составляющей городской планировки является устройство уличных систем, исследование которых «позволяет выявить утраченные исторические градостроительные элементы, а также решать вопросы социальной топографии города» (Ситдииков, 2011, с. 64).

Особое место среди золотоор-

дынских городов занимает Болгар, история которого к моменту его включения в состав Золотой Орды насчитывала более 300 лет. Болгар, возникший как мысовое укрепленное поселение на рубеже IX–X вв., наибольшего своего расцвета достигает к XIV в.: его площадь в границах валов 380 га, на территории зафиксировано около 100 каменных и кирпичных сооружений. Предметом исследования выступают элементы городской планировки Болгара, включающие в себя как археологизированные объекты (улицы, ограды, остатки заглубленных сооружений, системы водоснабжения и водоотведения), так и руины сохранившихся монументальных сооружений, а также оборонительные укрепления – вал со рвом.

Попытки проследить планировочную систему города Болгара золотоордынского периода и реконструировать направление его улиц предпринимались еще исследователями XIX – начала XX в. Расположение видимых на тот момент каменных руин, остатков зданий, а также земляных всхолмлений и ям позволило исследователям выделить наиболее значимые места в планировочной системе города: Соборная мечеть, Черная палата и Малый минарет (Казаринов, 1888, с. 17–36; Худяков, 1921, с. 79). Высказывался ряд предположений о характере трассировки улиц средневекового Болгара, например, что от Черной палаты и Малого минарета улицы и хорошие здания шли по направлению к цитадели (т.е. Малому городку), но сами «улицы были кривы, и нечего предполагать какую-то большую улицу около тех развалин, которые сохранились доныне» (Березин, 1853, с. 22–26). Последующие археологиче-

ские работы опровергли данное предположение.

Со времени систематических археологических исследований Болгарского городища в 1938 г. накоплен значительный материал по городской планировке Болгара золотоордынского периода. Первые версии о планировке города, его исторической и социальной топографии на основе археологических исследований в 30–60 годов XX в. были высказаны А.П. Смирновым. Он, в частности, допускал веерную схему развития городских коммуникаций с предположительно квартальной застройкой, при этом не видел «оснований намечать какие-либо ремесленные кварталы», за исключением квартала, связанного с металлообработкой; он располагался «к юго-западу от Четырехугольника, просуществовал с начала возникновения города вплоть до его окончательного падения» (Смирнов, 1974, с. 5, рис. 1). Кроме того, были определены возможные направления трех дорог (улиц), проходящих через город: «одна – в сторону Ага-Базара, другая – к юго-западу и третья – к югу», все они выходили из городского центра, который в начале XIV в. формируется у Соборной мечети (Смирнов, 1974, с. 13). Данные направления улиц исследователем были заданы в качестве предположения, основанного на расположении основных архитектурных сооружений, городских укреплений и важных объектов за границами городища, например, речного порта Ага-Базар.

Широкая картина планировки Болгара в ее хронологической и топографической динамике представлена Т.А. Хлебниковой в статье, которая вошла в первый том коллектив-

ной монографии «Город Болгар» (Хлебникова, 1987, с. 32–83), в ней формулируется принцип ландшафтно-исторического зонирования золотоордынского Болгара: выделяются заречная и подгорная части – нижняя терраса; мысовая («замошная») и завражные части города (западная, юго-западная, юго-восточная и восточная) – верхняя терраса (рис. 1). Кроме того, автор возвращается к вопросу о социальной топографии и планировке средневекового города, отмечая для золотоордынского Болгара следующие ключевые районы:

– центр города к началу XIV в. формируется вокруг Соборной мечети, где с запада, севера и востока оформляется площадь, мощенная дробленным белым камнем, а южнее мечети проложена улица с деревянной мостовой, трижды обновлявшейся в течение первой половины XIV в. Вокруг центра города развивается жилая застройка, где наряду со срубными домами с подпольями появляются дома из сырцового и жженого кирпича с глинобитными полами, но в то же время здесь продолжают существовать небольшие производственные объекты (меднолитейное и косторезное ремесла) и хозяйственные постройки (Хлебникова, 1987, с. 71);

– в подгорной части города до середины XIV в. функционируют как минимум три общественных бани с оформленными вокруг них площадями, мощенными белокаменными плитами (Хлебникова, 1987, с. 73);

– к юго-западу от центра города, по направлению к Черной палате формируется район металлургического ремесла, который первоначально, в XI–XII вв., возникает на юго-западной

окраине города (Хлебникова, 1987, с. 72);

– ремесленный район (гончаров, медников и кузнецов) формируется у северо-восточного края Голландского озера. К югу и юго-западу от озера функционирует небольшой могильник (Хлебникова, 1987, с. 75);

– район, заселенный представителями привилегированной части населения города, формируется в юго-восточной и восточной частях городища. Архитектурными доминантами для этой части города являются Малый минарет и Ханская усыпальница. Застройка усадебного типа представлена сырцовыми и кирпичными постройками, хозяйственными службами и пространством между усадьбами. С середины XIV в. данную территорию постепенно занимает могильник (Хлебникова, 1987, с. 76);

– заречный район на протяжении первой половины XIV в. развивается как ремесленный посад города, а на его восточной окраине функционирует «русский поселок» (Хлебникова, 1987, с. 76);

– загородные районы Болгара на верхней площадке террасы: т.н. армянская слобода и Малый городок (Хлебникова, 1987, с. 77).

Следующей работой, собравшей практически весь археологический материал (вплоть до конца XX в.) по благоустройству древнего Болгара, включая объекты планировочной структуры (улицы, площади, вымостки и изгороди, предполагаемое место расположения городского базара), объекты водоснабжения (колодцы, природные водоемы и искусственные бассейны, трубопроводы, фонтаны, дренажные и противозрозийные объекты, дамбы), объекты санитар-

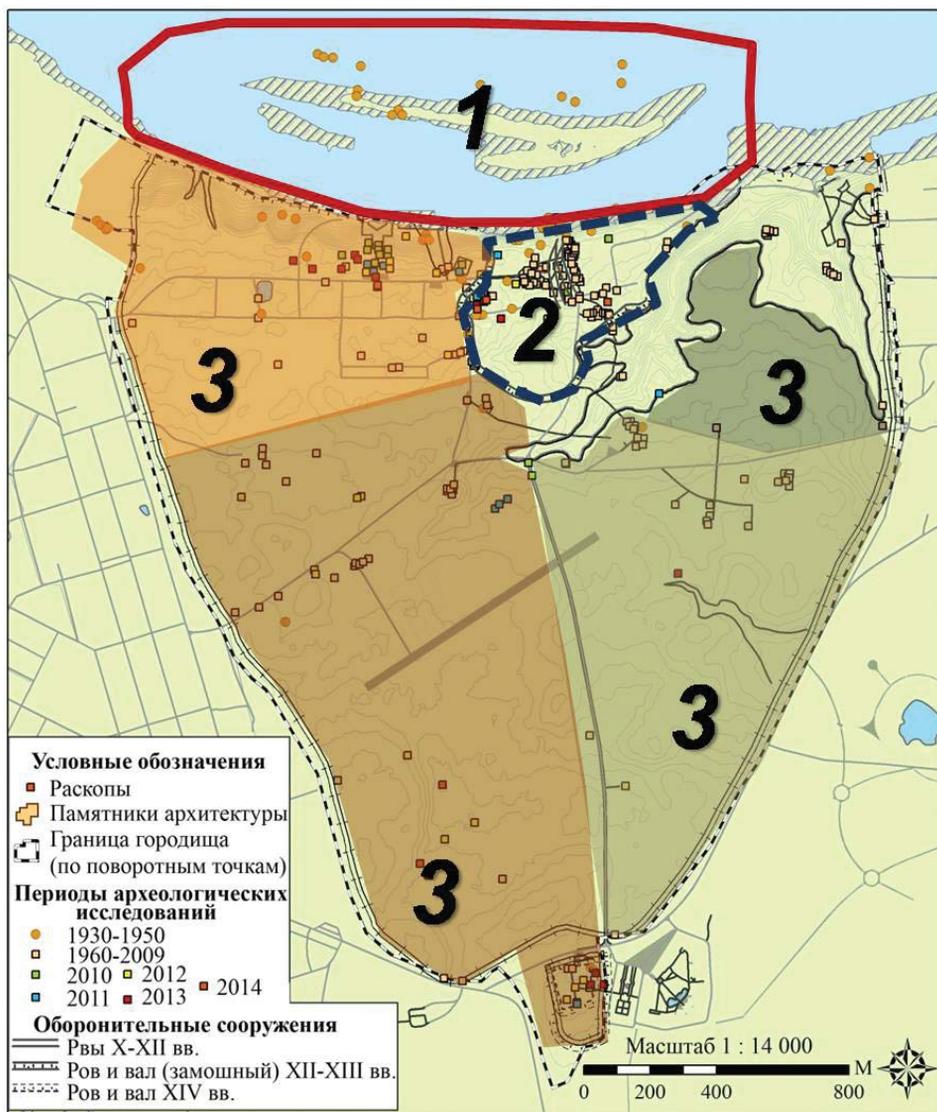

Рис. 1. Ландшафтное зонирование золотоордынского Болгара (по Т.А. Хлебниковой). 1 – заречная и подгорная части – нижняя терраса; 2 – «замошная» (мысовая) часть – верхняя терраса; 3 – заовражные части (западная, юго-западная, юго-восточная и восточная).

Fig. 1. Landscape zoning of the Golden Horde town of Bolgar (after T.A. Khlebnikova). 1 – the parts across the river and at the foothill – the lower terrace; 2 – the part on the cape – the upper terrace; 3 – the parts across the ravine (western, south-western, south-eastern and eastern).

но-гигиенического назначения и обслуживания городской территории (в том числе общественные бани), стала диссертационная работа В.С. Баранова (2001а). Рассматривая становление и динамику благоустройства Болгара на фоне градостроительного хозяйства X–XV вв. Восточной Европы и Средней Азии, автор приходит к выводу «о достаточно высокой степени инженерной подготовки территории города, особенно в социально- и общественно-значимых районах», сосредоточенных у монументальных сооружений второй половины XIII–XIV вв. Однако сам исследователь отмечает, что до сих пор «получено не слишком много сведений об уличной сети средневекового Болгара» (Баранов, 2001б, с. 317).

Исходя из того что золотоордынский Болгар вплоть до второй половины XIV в. «развивался как открытый город линейного типа» с усадебно-квартальной застройкой, характерной для многих золотоордынских городов первой половины XIV в. (Федоров-Давыдов, 1994, с. 14–15), архитекторами Х.Г. Надыровой и Н.Е. Троепольской на основе метода реконструкции исторического градостроительного объекта была осуществлена попытка графической реконструкции пространственно-планировочной структуры города Болгара середины XIV в. (Надырова, Троепольская, 2013, с. 32–45). Исследователи, анализируя данные картографических материалов, натурного обследования, аэрофото- и космических снимков, а также ландшафтных условий, материалов археологических исследований и предполагаемого расположения въездных проемов в валу городища, приходят к выводу о возможности су-

ществования трех основных направлений уличной сети: западное – от Соборной мечети через реконструируемый западный проезд в валу и далее в сторону Ага-Базара; южное – от Соборной мечети через юго-западную оконечность Иерусалимского оврага к реконструируемому южному проезду в валу; восточное – от комплекса Малого минарета и Ханской усыпальницы к реконструируемому восточному проезду в валу.

Новые данные о городской планировке золотоордынского Болгара предоставили широкомасштабные археологические работы 2010–2014 гг., которые проводились в рамках республиканского проекта «Возрождение». Так, были зафиксированы два типа городских улиц, характерных для золотоордынских городов – общегородские и квартальные (раскоп CLXXIX и CLVIII, CLIX, CLXI, CLXXVI, CLXXXV), новые типы оград для Болгара – из сырцовых кирпичей (дувал) (раскопы CLXXVI, CLXXIX). Кроме того, перспективным направлением для исследования уличной сети и динамики изменения городской территории (посредством полигонов Тиссена) представляется возможность использования ГИС «Болгарское городище и Остров-град Свияжск», разработанной специалистами К(П)ФУ и ИА АН РТ в программе ArcGis компании Esri (Бадеев, 2014, с. 16–17). Геоинформационные системы позволяют объединить и работать со значительным объемом информации: топография и аэрофотосъемка городища, расположение и ориентировка монументальных зданий, «привязка» к современному плану памятника исторических планов городища.

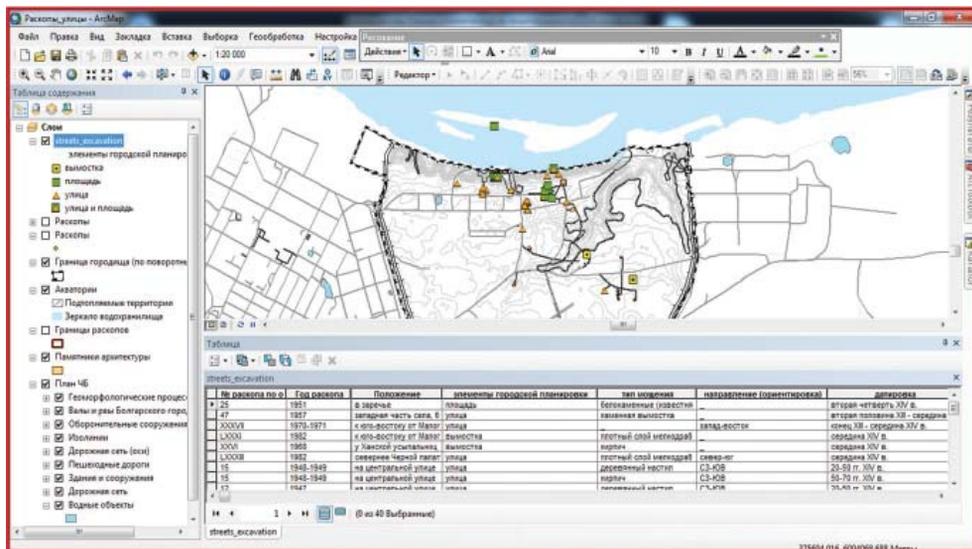

Рис. 2. База данных «Элементы городской планировки» в ГИС «Болгарское городище и Остров-град Свияжск» (screenshot).

Fig. 2. Database 'Elements of urban planning' in the GIS "The Bolgar fortified settlement and the Ostrov-grad Sviyazhsk" (screenshot).

Так, на основе ГИС «Болгарское городище Остров-град Свияжск» была создана электронная базы данных «Элементов городской планировки», которая содержит следующую информацию (рис. 2):

- тип элемента городской планировки (улица, площадь, вымостка, монументальное сооружение);

- номер раскопа, на котором был зафиксирован объект;

- тип мощения объекта или его строительные характеристики (строительный материал);

- место расположения объекта (географическое или с привязкой к архитектурному объекту);

- направление (ориентировка) объекта;

- датировка объекта и др.

Это позволяет нам не только определить место расположения того или иного объекта, но и составить выборку объектов по представленным кате-

гориям, соотнести его с памятниками архитектуры, рельефом местности, историческими планами и наблюдениями исследователей. Наиболее удачным является план одного из исследователей Болгара, Н.Ф. Калинина, который был составлен на основе других исторических планов городища, а также дополнен личными наблюдениями автора (Архив ИЯЛИ АН РТ. Ф. 8, оп. 1, д. 13, л. 8.). Учитывая данные плана Н.Ф. Калинина, где были отмечены места переправ через реку Меленку и Иерусалимский овраг конца XIX – начала XX в.¹, а

¹ Нам представляется допустимым использование таких элементов планировки конца XIX – начала XX в., как мосты, переправы и плотины по той причине, что они имеют традиционный характер устройства, так как их устройство более связано с природно-ландшафтными условиями их расположения, которые практически не претерпели изменений за рассматриваемый период.

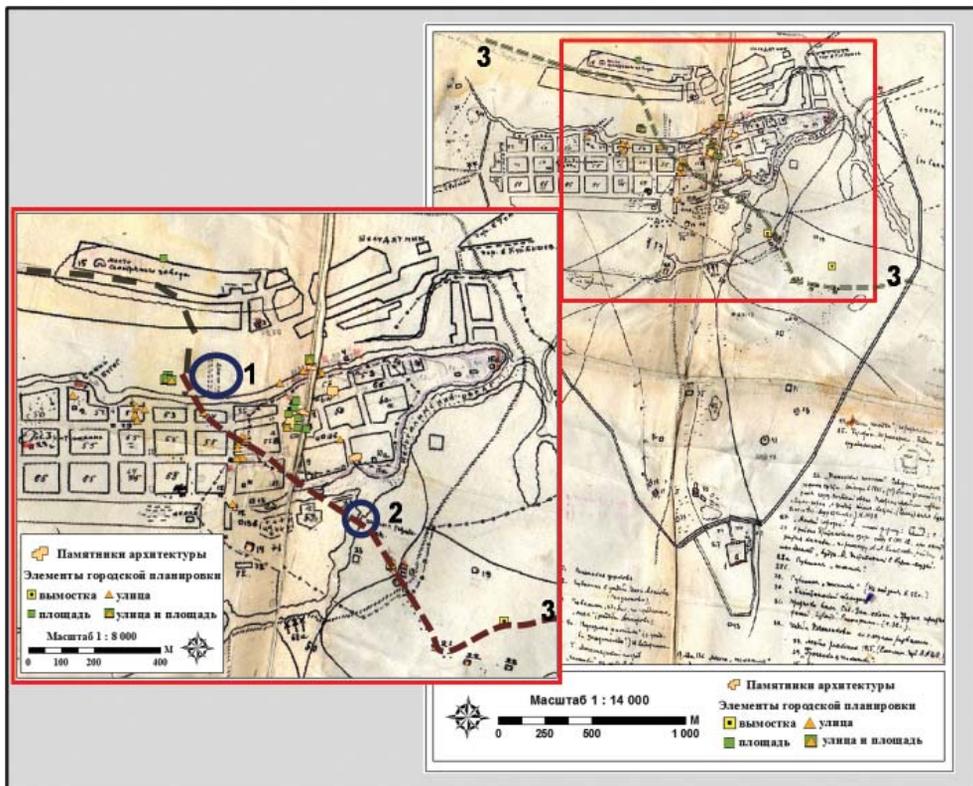

Рис. 3. План Болгарского городища по Н.Ф. Калинину с «привязкой» в ГИС, с элементами городской планировки и предполагаемой трассировкой улицы 20–70 гг. XIV века.

1 – место расположения переправы (моста) через р. Меленку (к. XIX в.); 2 – место расположения плотины (дамбы) в Иерусалимском овраге (н. XX в.); 3 – предполагаемая трассировка улицы.

Fig. 3. The plan of Bolgar fortified settlement after N.F. Kalinin, with GIS positioning, with elements of urban planning and the assumed tracing of a street in 1320s-1370s.

1 – ford (bridge) over the Melenka River (late 19th century); 2 – dike (dam) in the Jerusalem ravine (early 20th century); 3 – assumed tracing of a street.

также сведения об элементах городской планировки (улицы, вымостки), выявленных в ходе археологических раскопок (раскопы XXVI, XXXVII, CXII, CLXXVI, CLXXIX 2012, 2013 гг.), мы можем наметить трассировку улицы (дороги) 20–70 годов XIV в., которая пересекала Болгар с запада – северо-запада на восток – юго-восток, связывала Ага-Базар с заречной частью города, далее, вблизи бани № 2, поднималась на верхнюю пло-

щадку городища, где проходила в восточную часть, которая активно начинает осваиваться во второй половине XIII в. (рис. 3). Именно наличие данной улицы (дороги), вероятно, повлияло на создание восточного входа в линии укреплений позднезолотоордынского Болгара.

Накопленные и обработанные на данный момент археологические материалы по планировке золотоордынского Болгара позволяют сделать

некоторые предварительные выводы о динамике ее развития. В раннезолотоордынский период (вторая половина XIII – начало XIV в.) городская планировка, скорее всего, во многом основывается на домонгольской организации городского пространства: рельеф местности (край надпойменной террасы и северо-западный склон Иерусалимского оврага) и, вероятно, выделяющихся на местности остатках оборонительных сооружений (валы и рвы) в западной части городища, об этом свидетельствует как ориентировка первых монументальных сооружений («Ханский дворец» и «Восточная палата»), так и зафиксированные в ходе археологических исследований границы усадеб и улиц.

Изменения в планировке города начинают происходить на рубеже XIII–XIV вв., и в значительной степени связаны с позднезолотоордынским периодом (20–60 гг. XIV в.): во-первых, формируется новый городской центр вокруг здания Соборной мечети с Северным и Восточным мавзолеями, здесь появляется мощеная площадь (Полякова, 2001, с. 180); во-вторых, активное заселение «подгорной» части городища у р. Меленки и территорий к югу и юго-востоку от границ домонгольского города, где вокруг естественных водоемов формируются производственные центры (гончарные и металлургические), приводит к развитию уличной сети города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадеев Д.Ю.* Использование ГИС-технологий в археологии (на примере Болгарского городища) // Наука и регион. – 2014. – № 2. – С. 16–20.
2. *Баранов В.С.* Благоустройство городов Волжской Болгарии (по археологическим материалам Болгарского городища X–XV вв). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001а. – 40 с.
3. *Баранов В.С.* Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001б. – С. 319–362.
4. *Березин Н.* Булгар на Волге. – Казань: Тип. ун-та, 1853. – 91 с.
5. *Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 249 с.
6. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
7. *Зеленев Ю.А.* Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. – Вып. № 1(11). – М.: Учитель, 2010. – С. 113–122.
8. *Казаринов В.А.* Развалины древних зданий при селе «Болгары» // ИОАИЭ. – Т. IV. – Вып. 2. – Казань, 1888. – С. 17–36.
9. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: Восточная литература, 2010. – 351 с.
10. *Надырова Х.Г., Троепольская Н.Е.* Пространственно-планировочная структура города Булгар середины XIV века: опыт графической реконструкции // Известия КГАСУ. – 2013. – № 4 (26). – С. 32–45.
11. *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. – М.: Наука, 2001. – С. 155–180.
12. *Ситдиков А.Г.* Улицы средневековой Казани: локализация и идентификация // Уч. зап. Казан. ун-та. – Т. 153, кн. 3. – Казань, 2011. – С. 63–73.

13. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 4–13.
14. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 228 с.
15. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – С. 32–83.
16. Худяков М. Развалины Великого города // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1–2. – С. 78–83.
17. План Болгарского городища, составленный Н.Ф. Калининым / Архив ИЯЛИ АН РТ. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 8.

Информация об авторах:

Бадеев Денис Юрьевич, научный сотрудник, ИА РАН (г. Москва, Российская Федерация); denisbadeev@mail.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация), vtr80@yandex.ru

PLAN OF THE GOLDEN HORDE BOLGAR TOWN: HISTORY AND PERSPECTIVES OF RESEARCH.

D.Yu. Badeev, R.R. Valiev

The paper presents findings of an extensive research into the urban plan of Bolgar. The authors present evolution of scholars' perceptions (from the early 20th century to the present) regarding the structural plan of this Golden Horde town. Some first ideas about the urban plan of the medieval Bolgar developed in the beginning of the 20th century. They were based on localization of then surviving ruins of large buildings and landscape features. Once some systematic archaeological research began (in 1938), it allowed the researchers to accumulate a vast amount of data about different elements of Bolgar's urban planning. The territory of this fortified place revealed fragments of streets and squares with different types of paving, new monumental buildings and some buried structures. This allowed the researchers to advance a few versions regarding the development of its urban planning. Thus, A.P. Smirnov (1974) suggested a fan pattern for the development of its urban communications. The principle of historical landscape zoning of the urban territory into districts was formulated by T.A. Khlebnikova (1987). Thus, Kh.G. Nadyrova, a researcher of architectural history, classifies the Golden Horde town of Bolgar as a linear town, with distinguishable estates and urban districts (2013). Geo-information systems (GIS) offer new opportunities for research of urban development of medieval hillforts. The article examines the newest elaborations concerning Bolgar, including their results and prospects.

Keywords: archaeology, history, Middle Volga Region, Bolgar, Golden Horde town, urban planning, history of research, geo-information system (GIS).

REFERENCES

1. Badeev, D. Yu. 2014. In *Nauka i region (Science and Region)* (2), 16–20 (in Russian).
2. Baranov, V. S. 2001. *Blagoustroistvo gorodov Volzhskoi Bolgarii (po arkheologicheskim materialam Bolgarskogo gorodishcha X–XV vv.) (Improvement of the Volga Bulgaria Towns (on the*

Archaeological Materials from the Bolgar Fortified Site, 10th — 15th Centuries). PhD Thesis. Moscow (in Russian).

3. Baranov, V. S. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 319–362 (in Russian).

4. Berezin, N. 1853. *Bulgar na Volge (Bulgar Town on the Volga River)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

5. Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ia (Archaeology of Golden Horde Towns in the Lower Volga Area)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

6. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

7. Zeleneev, Yu. A. 2010. In *Istoriia i sovremennost' (History and Contemporaneity)* 1 (11). Moscow: "Uchitel'" Publ., 113–122 (in Russian).

8. Kazarinov, V. A. 1888. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Bulletin of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* IV (2), 17–36 (in Russian).

9. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga River Region and their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

10. Nadyrova, Kh. G., Troepol'skaia, N. E. 2013. In *Izvestiia Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta (Bulletin of the Kazan State Architecture and Construction University)* (4 (26)), 32–45 (in Russian).

11. Poliakova, G. F. 2001. In *Gorod Bolgar. Monumental'noe stroitel'stvo, arkhitektura, blagoustroistvo (Town of Bolgar. Monumental Building, Architecture, Improvement)*. Moscow: "Nauka" Publ., 155–180 (in Russian).

12. Sitdikov, A. G. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific Bulletin of the Kazan University)* 153 (3), 63–73 (in Russian).

13. Smirnov, A. P. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 4–13 (in Russian).

14. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

15. Khlebnikova, T. A. 1987. In *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (Town of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 32–83 (in Russian).

16. Khudiakov M. 1921. In *Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin)* 1–2, 78–83 (in Russian).

17. *Plan Bolgarskogo gorodishcha, sostavlennyi N. F. Kalininym (Plan of the Bolgar Fortified Settlement Prepared by N. F. Kalinin)*. Archive of the Institute of Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Fund 8. Inv. 1, dossier 13, sheet 8 (in Russian).

About the Authors:

Badeev Denis Yu., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; vrr80@yandex.ru

УДК 902: 340.6

МЕДИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ НА ЧЕРЕПАХ ИЗ РАСКОПОК БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹

©2015 г. А.И. Жолобов, К.В. Кириягин, И.Р. Газимзянов

В статье приводятся предварительные результаты медико-криминалистического анализа травматических повреждений на черепах из средневековых захоронений на территории Болгарского городища. Из более 300 черепов для исследования были отобраны девять, визуально определяемые как имеющие механические повреждения. Из них только на пяти черепах, по данным стереомикроскопии, рентгенографии и анатомо-морфологического анализа, травматические повреждения были идентифицированы как прижизненные, а на остальных черепах – как посмертные, связанные с воздействием факторов внешней среды (грунта, грунтовых вод и т.д.). При исследовании прижизненных травм были определены видовые, родовые и групповые признаки орудия нанесения травмы (травмирующего предмета). Установлено, что не все отмеченные травмы приводили сразу к летальному исходу. Следы заживления отдельных повреждений свидетельствуют о том, что субъект продолжал жить некоторое время после нанесения травмы. Дальнейшее исследование прижизненных повреждений предполагает установление предметов, орудий, оружия, которыми были нанесены травмы, вплоть до групповых их характеристик.

Ключевые слова: антропология, археологические памятники, Болгарское городище, медико-криминалистические исследования, погребения, черепа, травматические повреждения, видовые и групповые признаки повреждений.

При крупномасштабных археологических исследованиях, особенно сельских или городских кладбищ, довольно часто встречаются человеческие скелеты со следами травматических (механических) повреждений. В лучшем случае опытный археолог отметит этот факт у себя в полевом дневнике или в научном отчете и передаст, по возможности, специалисту-антропологу для более углубленного изучения. Однако и антропологу, в силу своей квалификации или отсутствия специального оборудования,

не всегда удастся четко определить характер травмы (боевая или бытовая), идентифицировать орудие или предмет, которым было нанесено повреждение и т.д. В этом случае обращение к судебным медикам, которые из-за специфики своей работы регулярно сталкиваются с такими проблемами, оправданно. При обладании профессиональными навыками в этой области и набором специального оборудования, их выводы по факту травматических повреждений научно обоснованны и более объек-

¹ Работа проводилась при частичном финансировании РФФИ по проекту № 14-06-00463, «Особенности жизнедеятельности населения средневекового Болгара по антропологическим и генетическим данным».

тивны. Поэтому дирекция Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан обратилась в медико-криминалистическое отделение ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» с просьбой о проведении судебно-медицинских исследований антропологических материалов, полученных в ходе археологических раскопок на Болгарском городище.

В качестве объекта исследования из большого антропологического фон-

да (около трехсот скелетов половозрелого возраста) было отобрано девять черепов с визуально-определяемыми следами механических повреждений. Краниологический материал происходит из некрополей города Болгара золотоордынского времени (XIII–XV вв.) или культурного слоя этого периода. Черепа были пронумерованы. Их местонахождения приведены в сводной таблице (табл. 1) и отмечены на карте Болгарского городища (рис. 1).

Таблица 1

Черепы с травматическими повреждениями из археологических раскопок на территории Болгарского городища

№	Место нахождения	Автор и год раскопок	Пол	Возраст	Антропологический тип
1.	Раскоп 119, «Восточный мавзолей», склеп 1, яма 1	В.С. Баранов, 1993	Мужской	35 – 45 лет	Европеоидный с монголоидной примесью
2.	Раскоп 121, культурный слой, череп 1	Р.Ф. Шарифуллин 1993	Мужской	Maturus	Европеоидный с монголоидной примесью
3.	Раскоп 132, Усть-Иерусалимский мог-к, погр. 310	И.Р. Газимзянов, 2003	Женский	30 – 40 лет	Европеоидный с монголоидной примесью
4.	Раскоп 156, некрополь в районе «Памятного знака», погр. 4	М.В. Сивицкий, 2011	Мужской	40 – 50 лет	Монголоидный
5.	Раскоп 156 «Г», некрополь в районе «Памятного знака», погр. 2	М.В. Сивицкий, 2011	Мужской	около 50 лет	Европеоидный
6.	Раскоп 154, некрополь в районе «Белой палаты», погр. ?	А.В. Беляев, 2011	Женский	около 50 лет	Монголоидный

7.	Раскоп 174, некрополь вокруг мавзолея в южной части Болгарского городища, погр. 52 (в заполнении могилы - комплекс женских украшений)	И.И. Ёлкина, 2012	Женский	35 – 45 лет	Европеоидный с монголоидной примесью
8.	Раскоп 191, некрополь в северной части Болгарского городища, погр. 31	А.Г. Ситдилов, 2013	Мужской	Maturus	Европеоидный
9.	Из случайных сборов во время хозяйственных работ (локализация не определена)	-	Мужской?	16 – 18 лет	Европеоидный

Исследования проводились с использованием следующей аппаратуры: стереомикроскоп LEICA MZ 12.5 с цифровой цветной камерой LEICA DFC 320 и программным обеспечением ImageScore Color, позволяющим производить «Мультифокальную реконструкцию цифровых изображений», цифровая камера SONY DSC-NX200, рентгеновский аппарат «РЕНТГЕН-47», рентгеновский спектрометр «Спектроскан-МАКС-G».

При исследовании применялись следующие методы: подготовка объектов, визуальный, измерительный, стереомикроскопия, фотографический, рентгенография, анатомо-морфологический анализ, спектральный анализ, сравнительный.

Из девяти черепов только на пяти (№ 1, 2, 4, 5, 8), по данным стереомикроскопии, рентгенографии и

анатомо-морфологического анализа, травматические повреждения были идентифицированы как прижизненные, а на остальных черепках (№ 3, 6, 7, 9) как посмертные, связанные с воздействием факторов внешней среды (грунта, грунтовых вод и т.д.) (рис. 2).

Учитывая значимость медико-криминалистического анализа прижизненных повреждений на черепках из средневековых захоронений Болгара, мы сочли возможным привести в статье более подробное описание этих травм.

Череп № 1. На лобной кости слева имеется вдавленный перелом, расположенный вдоль височной линии на расстоянии 5 см от условной средней линии лобной кости и 3,5 см от венозного шва (рис. 4). Форма перелома линейно-дугообразная, длиной 38 мм, длинный ориентирован соот-

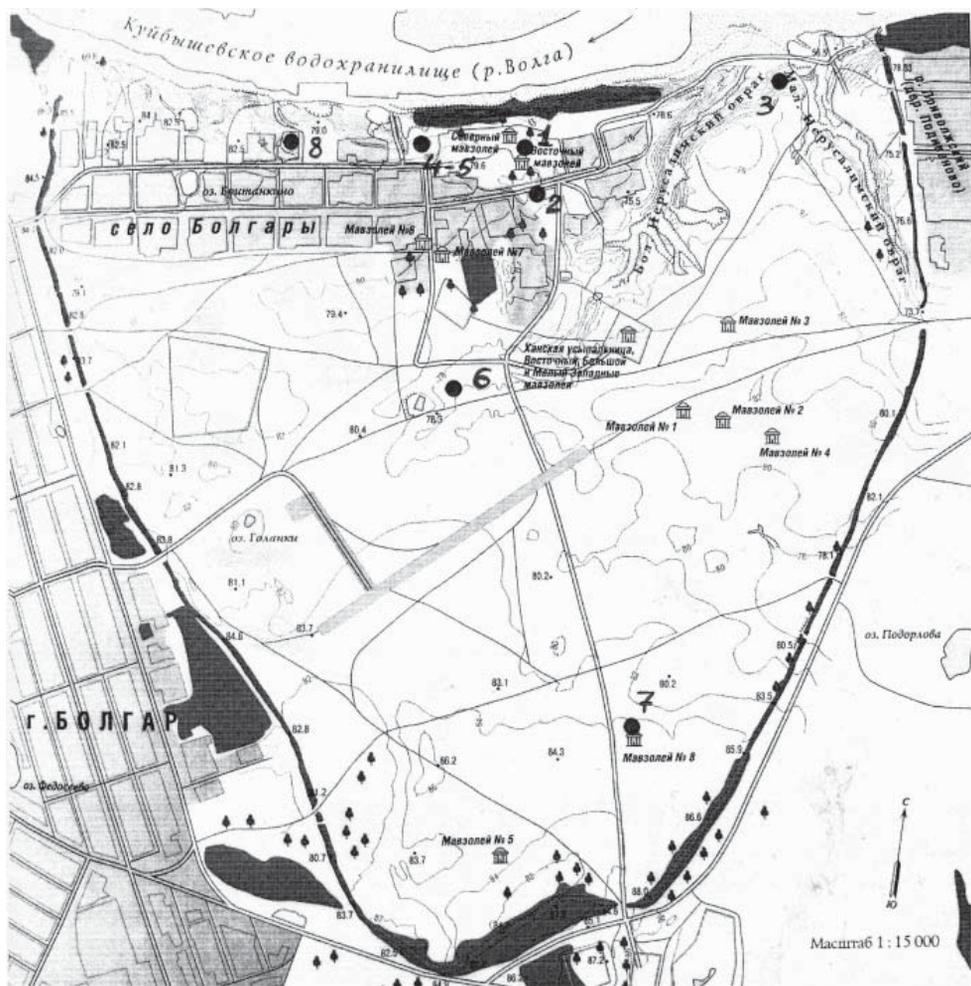

Рис.1. План Болгарского городища.
Fig.1. Plan of Bolgar fortified settlement.

ответственно цифрам «1» и «7» условного циферблата часов. Выпуклость дуги минимальна, высотой около 3 мм, направлена вправо. Нижний конец пересекает верхний край левой глазницы и в виде линейной волнообразной трещины распространяется на верхнюю стенку левой глазницы, на длину 2,7 см, с раздвоением конца трещины под тупым углом около 130 градусов. От верхнего конца вдавленного перелома отходит дополнительная трещина, распространяющаяся

сверху вниз, справа налево по боковой части лобной кости, длиной 3 см, которая прерывается по типу конец вбок клиновидно-лобным швом слева. Кроме того, имеется расхождение левого скулолобного шва с зиянием просвета между зубцами шва до 2 мм, от которого отходит трещина по клиновидно-лобному шву, длиной 1,5 см. В результате соединения вдавленного перелома и дополнительных трещин образуется костный фрагмент лобной кости треугольной формы, вершиной

Рис. 2. Повреждения на черепах № 3, 6, 7 посмертного происхождения.
Fig. 2. Post-mortem injuries on skulls no. 3, 6, 7.

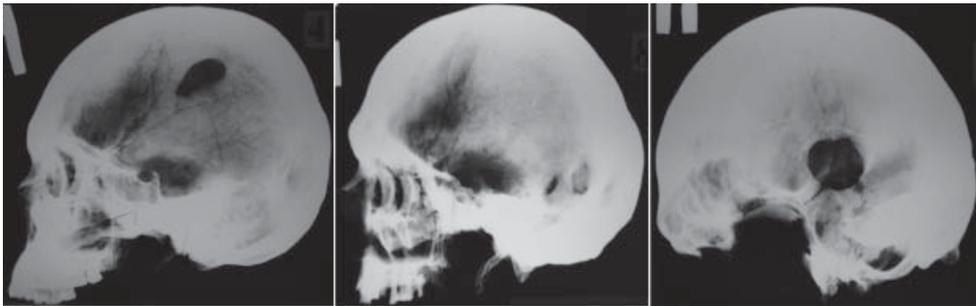

Рис. 3. Рентгенография черепов (слева – направо) № 4, 8, 5 с прижизненными повреждениями.
Fig. 3. Radiography of skulls (from left to right) no. 4, 8, 5 with intra vitam injuries.

Рис. 4. Прижизненные повреждения на черепах № 1 и № 2.
Fig. 4. Intra vitam injuries on skulls no. 1 and 2.

направленный вверх, высотой 4 см, шириной основания 2,5 см, которым является верхний край левой глазницы. Правый край фрагмента вдавлен на глубину 3 мм, неровный скошенный с выкрашиванием костного вещества. В области вершины фрагмента, вдоль правого края, имеется дополнительная дугообразная трещина длиной основания 1,5 см, высотой 2 мм, с направлением выпуклости дуги вправо и вверх. В проекции вдавления на внутренней поверхности черепа имеется трещина с относительно ровными, отвесными краями. Края основного вдавленного перелома на наружной поверхности сглажены. Вдоль вдавленного края на наружной компактной пластинке выявлено гребневидное разрастание костной ткани с мелкоячеистой структурой, незначительно выступающей (менее чем на 1 мм) над поверхностью окружающей кости.

Заключение: Выявленные морфологические свойства перелома являются признаками ударного воздействия тупого твердого предмета, в направлении снаружи внутрь, в состав контактирующей части которого входило прямолинейное ребро от двух сходящихся граней длиной не менее 38 мм. В области краев перелома установлено наличие признаков заживления, которые свидетельствуют о прижизненном образовании данного перелома и переживаемости его сроком не более одного месяца до момента наступления смерти (Абрамов и др., 2000, с. 43–60; Диагностикум, 2000, с. 47–82; Хохлов, 2010, с. 295–297).

Череп № 2. В месте схождения правой и левой теменных костей на стреловидном шве в 1,3 см от места соединения его с венечным швом имеется дырчато-вдавленный пере-

лом с костным дефектом треугольной формы, размером основания 8 мм, высотой 4 мм, основание направлено влево и несколько кзади (рис. 4). По краю его компактное вещество со сколом и выкрашиваниями. На наружной компактной пластинке форма дефекта треугольная, размером основании 14 мм, высотой 7 мм. Основание треугольника направлено влево и несколько кзади. Углы закруглены, боковые стенки сходятся под тупым углом около 100 градусов к вершине, к основанию под острыми углами около 45 градусов. Боковые края относительно ровные, скошенные наружу. Со стороны основания имеется участок вдавления полого-скошенный снаружи внутрь в сторону костного дефекта, разделенный стреловидным швом. Участок ограничен трещиной контура контакта, дугообразной формы, размером 8 x 12 мм. Со стороны внутренней компактной пластинки имеется участок шатерообразного вспучивания, выступающий на высоту около 5 мм, разделенный четырьмя радиальными трещинами, сходящимися на вершине вспучивания, концы которых ограничены концентрической трещиной овальной формы, размером около 12 x 13 мм. Края радиальных трещин ровные, отвесные. Края концентрической трещины скошены.

Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками воздействия предмета, обладающего пробивным клиновидным действием, который на поперечном сечении, на уровне погружения имел треугольную форму, размером 7 x 14 мм, и, вероятно, острый конец (Абрамов и др., 2000, с. 43–60; Диагностикум, 2000, с. 47–82). Левый сосцевидный отросток полностью от-

сутствует, в области его основания имеется ровная площадка овальной формы, размером 3 x 4,5 см, скошенная по отношению к сагиттальной и горизонтальной плоскостям около 45 градусов. Поверхность площадки относительно ровная, с наличием чередующихся параллельных валиков и борозд (трасс), ориентированных по отношению к черепу снаружи внутрь сзади наперед слева направо.

Заключение: Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками ударного воздействия острого предмета, обладающего рубящим действием, т.е. имеющего в составе контактировавшей части лезвие длиной не менее 4,5 см, относительно большую массу, воздействовавшего с силой, достаточной для рассечения кости. Направление действия рубящего предмета по отношению к черепу снаружи внутрь, сзади наперед, слева направо, сверху вниз (Скопин, 1960).

Череп № 4. На левой теменной кости на расстоянии 2,5 см кзади от венечного шва и в 6,5 см от стреловидного шва имеется дырчатый перелом (рис. 5). Со стороны наружной костной пластинки форма перелома сложная, состоит из трех условных частей: задняя (верхняя) его часть полуовальной формы, размером 15 x 18 мм, средняя часть трапециевидной формы, шириной основания 15 мм, вершиной 9 мм, передняя (нижняя) часть полукруглой формы, диаметром около 9 мм. Общий размер перелома 18 x 37 мм. Длинником ориентирован соответственно цифрам «1» и «7» условного циферблата часов. Края со стороны наружной костной пластинки относительно ровные. Дефект конусообразно равномерно расширя-

ется в полость черепа. Края дефекта со стороны внутренней костной пластинки неровные, скошены.

Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками ударного воздействия тупого твердого предмета с ограниченной контактирующей поверхностью сложной формы, размером 18 x 37 мм (Абрамов и др., 2000, с. 43–60; Диагностикум, 2000, с. 47–82).

Обнаружен полный косопоперечный перелом тела нижней челюсти. Линия перелома волнообразной формы условно начинается от основания альвеолярной лунки первого зуба слева, распространяется вниз и вправо, пересекая нижний край тела в 1 см вправо от условной средней линии тела. Края перелома на наружной и внутренней поверхности в области нижней его трети неровные, скошены, со сколом и выкрашиванием компактного вещества, плохо сопоставимые. В средней и верхней трети ровные, отвесные, сопоставляются по типу «замка». Таким образом, плоскость перелома распространяется сверху вниз. Первый, второй зубы на нижней челюсти справа и первый зуб слева отсутствуют (при наличии в своих лунках всех остальных зубов). На эмали первого – четвертого зубов верхней челюсти справа, первого – третьего слева имеются единичные продольные трещины на наружной поверхности коронок в средней части, трещины на первых зубах переходят на корни.

Заключение: Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками ударного воздействия тупого твердого предмета в подбородочную область в направлении снизу вверх со смыканием и ударом друг об друга зубных рядов

верхней и нижней челюстей (Диагностикум, 2000, с. 82–102).

Череп № 5. На правой теменной кости на расстоянии 7 см от стреловидного шва и в 0,5 см кпереди от правой ветви ламбдовидного (затылочного) шва имеется дырчатый перелом с костным дефектом овальной формы, размерами 35 x 28 мм, длинником ориентирован соответственно цифрам «2» и «8» условного циферблата часов (рис. 5). Со стороны наружной костной пластинки края относительно ровные, по верхнему и заднему краю отмечается гребневидное костное разрастание, шириной до 0,5 см с утолщением и закруглением края дефекта. Дефект конусообразно расширяется в полость черепа. Края перелома со стороны внутренней костной пластинки неровные, с гребневидными костными разрастаниями, наиболее выраженными по задним и верхним краям. От нижнего края перелома соответственно цифре «5» условного циферблата часов отходит сквозная прямолинейная трещина, длиной 25 мм, прерывающаяся вышеописанным костным дефектом на уровне правого височно-теменного шва. Края трещины зияют на ширину до 1,5 мм, сглажены. От верхнего края дырчатого перелома, соответственно цифре «11» условного циферблата часов отходит сквозная трещина прямолинейной формы, длиной 24 мм, заканчивающаяся на расстоянии 35 мм от стреловидного шва и 12 см от правой ветви ламбдовидного (затылочного) шва. Края трещины сглажены.

На прицельной рентгенограмме черепа в области расположения данного повреждения выявлено разрежение костной структуры ячеистого

характера в окружности костного дефекта (рис. 3).

Заключение: Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками ударного воздействия тупого твердого предмета с ограниченной контактирующей поверхностью, предположительно овальной формы, размерами около 28 x 35 мм. В области краев перелома установлено наличие признаков заживления (рис. 3), которое свидетельствует о прижизненном образовании данного перелома и переживаемости сроком более одного месяца до момента наступления смерти (Абрамов и др., 2000, с. 43–60; Диагностикум, 2000, с. 47–82; Хохлов, 2010, с. 295–297).

Череп № 8. В лобной области справа на расстоянии 2,5 см от условной средней линии лобной кости и 6 см выше верхнего края правого глазницы, на наружной компактной пластинке, имеется участок вдавления удлинено овальной формы, длиной 35 мм, с максимальной шириной вдавления до 10 мм (рис. 6). Дно вдавления желобовидное, к нему полого и неравномерно сходятся стенки вдавления. Глубина вдавления около 3 мм, длинник ориентирован соответственно «2» и «8» цифрам условного циферблата часов. По переднему краю отмечается валикообразное разрастание костной ткани, размерами 1 x 2 см, наиболее выражено в области средней и правой части вдавления.

Аналогичное вдавление имеется на правой теменной кости на расстоянии 5 см от стреловидного шва и 6 см от венечного шва, длиной 4 см, максимальной шириной 1,5 см, длинник ориентирован косо-продольно по отношению к стреловидному шву сзади наперед, справа налево снизу вверх.

Рис. 5. Прижизненные повреждения на черепах № 4 и № 5.

Fig. 5. Intra vitam injuries on skulls no. 4 and 5.

Рис. 6. Прижизненные повреждения на черепе № 8.

Fig. 6. Intra vitam injuries on skull no. 8.

Валикообразное костное разрастание отмечается по левому краю участка вдавления, общая глубина его около 5 мм, внутренняя компактная пластинка в проекции вышеописанных участков вдавления без видимых признаков повреждений с сохраненным сосудистым рисунком.

На теменной кости слева, в месте схождения височного, сосцевидного и затылочного швов, имеется дефект округлой формы со стороны наружной компактной пластинки, диаметром 15 мм, по нижнему краю которого дефект имеет сквозной характер серповидной формы на внутренней компактной пластинке, дуга которого

открыта вверх. Ширина сквозного дефекта около 1 мм. Основная часть дефекта представлена вдавлением, имеющим дно в виде костной пластинки, толщиной около 2 мм, вдавленной на глубину около 5 мм, края которой сращены со стенками дефекта в верхней и частично задней части. По нижнему краю эта пластинка выступает внутрь полости черепа на глубину около 7 мм. Края дефекта закруглены, сглажены, валикообразно утолщены. Выше верхнего края дефекта на 5 и 20 мм имеются 2 полукольцевидных следа в виде узких борозд, шириной около 0,5 мм, незначительной глубиной, ориентированных параллельно

друг другу и верхнему краю дефекта, шириной основания 20 x 35 мм.

На левой теменной кости в области заднего края чешуи височной кости сквозной дефект овальной формы, размером 0,5 x 10 мм, расположенный в 5 см от вершины левого сосцевидного отростка, в 11 см от места соединения стреловидного и затылочного швов и в 9 мм от переднего края вышеописанного дефекта круглой формы. От нижнего края данного дефекта вниз и впереди по наружной поверхности левого сосцевидного отростка распространяется трещина, переходящая на заднюю, переднюю стенки левого слухового прохода, далее – в сторону вершины пирамиды левой височной кости, на которой она и прерывается. Общая длина трещины 8 см, края ее на основном протяжении сращены между собой, местами зияют до 1 мм, в местах зияния края сглажены, несколько утолщены или истончены.

Данные повреждения являются следами от заживших вдавленных и вдавленно-дырчатых переломов, вероятно образовавшихся в результате ударного воздействия тупого твердого предмета (предметов), установить конструкционные особенности которого не представляется возможным, ввиду выраженности признаков заживления костной ткани, свидетельствующих о прижизненном образовании данных переломов и переживаемости сроком более одного года до момента наступления смерти (рис. 3).

Обнаружен полный поперечный перелом тела нижней челюсти справа. Линия перелома волнообразной формы условно начинается от основания альвеолярной лунки третьего зуба справа, распространяется вниз, пересекая нижний край тела в 1,3 см

вправо от условной средней линии тела. Края перелома на наружной и внутренней поверхности в области нижней его трети неровные, скошены, со сколом и выкрашиванием компактного вещества, плохо сопоставимые. В средней и верхней трети ровные, отвесные, сопоставляются по типу «замка». Таким образом, плоскость перелома распространяется сверху вниз (Абрамов и др., 2000, с. 43–60; Диагностикум, 2000, с. 47–82; Хохлов, 2010, с. 295–297).

Заключение: Выявленные морфологические свойства данного повреждения являются признаками ударного воздействия тупого твердого предмета в подбородочную область в направлении снизу вверх (Диагностикум, 2000, с. 82–102).

Проводился рентгеноспектральный анализ смывов (Информационное письмо..., 2004, с. 6–8) из области повреждений на черепках №№ 1, 2, 4, 7, 9, при этом установлено достоверно повышенное:

– содержание железа на углообразном крае дырчатого перелома черепа № 1;

– содержание железа, меди в трех точечных повреждениях затылочной области черепа № 1;

– содержание железа, меди и следы марганца в рубленом повреждении № 1 на черепе № 2;

– содержание железа и следы марганца в повреждении №2 (травма тупым твердым предметом) на черепе № 2;

– содержание железа, меди и следы марганца, хрома в краях дырчатого перелома на черепе № 4;

– содержание железа, меди и следы марганца на краях дырчатого перелома № 1 в основании черепа № 7;

– содержание железа, меди и следы марганца на краях дырчатого перелома черепа № 9.

Таким образом, предварительные результаты медико-криминалистического анализа повреждений на черепках из средневековых захоронений Болгара показали, что не все визуально-определяемые травмы являются прижизненными. При исследовании прижизненных травм были определены видовые, родовые и групповые признаки орудия травмы (травмирующего предмета). Установлено, что не все нанесенные травмы приводили сразу к летальному исходу. Следы заживления отдельных повреждений могут свидетельствовать о том, что субъект мог жить некоторое время и

после нанесения травмы. Дальнейшее исследование прижизненных повреждений предметов, орудий, оружия, которыми были нанесены травмы, вплоть до групповых их характеристик.

Вышеизложенное позволяет определить пригодность выявленных повреждений для сравнительного исследования с целью групповой идентификации предполагаемого орудия травмы. То есть при предоставлении предполагаемых травмирующих предметов возможно проведение дополнительных исследований, позволяющих определить, каким именно из представленных предметов было нанесено то или иное повреждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов С.С., Гедыгушев И.А., Звягин В.Н., Назаров Г.Н., Томилин В.В.* Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под ред. док. мед. наук, проф. В.В. Томилина. – М.: НОРМА – ИНФРА, 2000. – 472 с.
2. *Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета // Механизмы и морфология переломов костей черепа.* – Т. 5. – Новосибирск: Наука, 2000. – 214 с.
3. *Хохлов В.В.* Судебная медицина: Руководство. Изд-е 3-е перераб. и доп. – Смоленск, 2010. – 992 с.
4. *Скотин И.В.* Судебно-медицинское исследование повреждения рубящими орудиями. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та; 1960. – 209 с.
5. Информационное письмо «Метод рентгеноспектрального флуоресцентного анализа (РСФА) в судебно-медицинской практике» от 12.01.04. – М.: Министерство здравоохранения РФ, 2004. – 16 с.

Информация об авторах:

Жолобов Альберт Иванович, врач, судебно-медицинский эксперт, ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» (г. Казань, Российская Федерация); Albert.Zholobov@tatar.ru.

Кирягин Константин Валерьевич, врач, судебно-медицинский эксперт, «ГАУЗ «Республиканское бюро судебно-медицинской экспертизы МЗ РТ» (г. Казань, Российская Федерация); kiryagin@mail.ru.

Газимзянов Ильгизар Равильевич, к.и.н., заведующий лабораторией археобиологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); G-Ilgizar@yandex.ru

MEDICAL-FORENSIC RESEARCH OF INJURIES ON THE SKULLS DISCOVERED DURING ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS ON BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT²

A.I. Zholobov, K.V. Kiryagin, I.R. Gazimzyanov

The article presents some preliminary results of medical and forensic analysis of traumatic injuries on the skulls from medieval burials found on the territory of Bolgar fortified settlement. The researchers selected nine out of more than 300 skulls for research by visually detecting some mechanical injuries on them. Of these nine, only five were identified through stereomicroscopy, radiography, anatomical and morphological analysis as having got some intra vitam traumatic injuries, while the rest had post mortem injuries associated with exposure to some environmental factors (soil, ground waters, etc.). The study of intra vitam injuries identified specific, generic and group characteristics of traumatic weapons. It was established that not all of the identified injuries were fatal. Some injuries showed signs of healing, suggesting that the injured individual was alive some time after. Further research of lifetime injuries intends to determine objects, tools and weapons that caused traumas, and furthermore, to determine their group characteristics.

Keywords: anthropology, archaeological monuments, Bolgar fortified settlement, medical and forensic studies, burials, skulls, traumatic injuries, generic and group characteristics of injuries.

REFERENCES

1. Abramov, S. S., Gedygushev, I. A., Zviagin, V. N., Nazarov, G. N., Tomilin, V. V. 2000. *Mediko-kriminalisticheskaya identifikatsiya. Nastol'naya kniga sudebno-meditsinskogo eksperta (Medical and Criminalist Identification: Reference Book of Forensic Expert)*. Moscow: "NORMA – INFRA" Publ. (in Russian).
2. Diagnostikum mekhanizmov i morfologii perelomov pri tupoi travme skeleta (Diagnostic of Mechanisms and Morphology of Fractures in Skeleton Blunt Trauma). 2000. In *Mekhanizmy i morfologiya perelomov kostei cherepa (Mechanisms and Morphology of Skull Bones Fractures)* 5. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
3. Khokhlov, V. V. 2010. *Sudebnaya meditsina: Rukovodstvo (Forensic Medicine: a Guidebook)*. Smolensk (in Russian).
4. Skopin, I. V. 1960. *Sudebno-meditsinskoe issledovanie povrezhdeniia rubiashchimi orudiyami (Forensic Study of Injuries from Hacking Weapons)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).
5. *Informatsionnoe pis'mo «Metod rentgenospektral'nogo fluorestsentnogo analiza (RSFA) v sudebno-meditsinskoi praktike» ot 12.01.04 (Information Letter 'Method of X-Ray Spectrum Fluorescent Analysis (XSFA) in Forensic Practice' of 12.01.04)*. Moscow: RF Ministry of Healthcare, 2004 (in Russian).

About the Authors:

Zholobov Albert I., State Autonomous Health-Care Agency «Republican Bureau for Forensic Medical Examination, Ministry of Health, Republic of Tatarstan». Siberian Road, 31a, 420029, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Albert.Zholobov@tatar.ru.

² The work was co-financed by the Russian Fundamental Research Fund within Project no. 14-06-00463 "Specific Vital Activities of the medieval Bolgar Population by Anthropological and Genetic Data".

Kiryagin Konstantin V., State Autonomous Health-Care Agency «Republican Bureau for Forensic Medical Examination, Ministry of Health, Republic of Tatarstan». Siberian Road, 31a, 420029, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; kiryagin@mail.ru.

Gazimzyanov Ilgizar R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

УДК 902.26

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА В 2014 Г. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

©2015 г. Д.А. Кубанкин

В публикации приводятся новые сведения по исторической топографии Увекского городища, основанные на изучении архивных данных, музейных коллекций и материалах полевых исследований 2014 г. Нанесенные на план фортификационные сооружения очерчивают центральную часть города – зону сплошного распространения культурного слоя. Исследования 2014 г. проводились на южной, северной и северо-западной окраинах городища. На южной окраине расположены исламские некрополи с гончарными и металлургическими горнами. Нумизматические находки датируют период активного освоения территории 1310–1360 гг., а самые ранние элитарные захоронения – рубежом XIII–XIV вв. На западной окраине в результате земляных работ начала XX в. был обнаружен некрополь с захоронениями в кирпичных склепах, а в фонды музея доставлена могильная плита с мусульманского захоронения конца XIII в. В 2014 г. здесь были исследованы мусульманские погребения, содержавшие фрагменты ткани и сердоликовую вставку. На северной окраине в заложенном шурфе зафиксирован переложенный культурный слой с потерянной медной монетой первой половины XIV в. На северо-западной окраине, на самой высокой точке (гора Каланча) слой не зафиксирован, но ранее были найдены медные монеты, датируемые XIV в., не позднее 1350-х гг. Под горой частично раскопаны следы наземного жилища из сырца, датируемого монетами 1360-х гг. Данные исследования представляют собой первый этап работ, задачей которых является составление полной современной карты Увекского городища.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, Поволжье, золотоордынский период, Увекское городище, топография, фортификация, металлургические и гончарные горны, гидротехнические сооружения, погребальные комплексы.

Увекское городище (золотоордынский город Увек) располагается на южной окраине г. Саратова и сейчас практически все застроено частным сектором пос. Увек. Проблема сохранения культурного слоя памятника становится все более насущной, в том числе из-за отсутствия четко разработанной на местном уровне документации¹. Назрела острая необходимость в

создании новой документации, отвечающей современным требованиям. Для этого необходимо четко определить границы сплошного распространения культурного слоя и локальные выходы объектов за пределы этого распространения (усадьбы, технические сооружения, некрополи), определить охранную зону памятника.

За более чем полторавековой период истории накоплен богатейший археологический материал, частично

¹ Присутствует лишь паспорт памятника с условно нанесенными без привязок границами, не выделена охранная зона, городище не внесено в Единый го-

сударственный реестр памятников культурного наследия народов РФ.

осевший в фондах музеев, частично отраженный в архивных записях и публикациях. Эти данные слабо отражены на картах. Известен составленный Л.Ф. Недашковским план с нанесенными границами городища (Недашковский, 2000, с. 4. рис. 1), который был взят за основу при составлении археологического паспорта. До этого были предприняты отдельные попытки составления карты Увекского городища с нанесением некоторых археологических объектов. Но так и не был создан подробный план, куда бы были нанесены все эти объекты. Мы поставили задачу составить современную карту Увекского городища с учетом публикаций, архивных и музейных данных, дополнив ее результатами наших раскопок и шурфовок, предпринимаемых для уточнения данных или в случае выявления угрозы разрушения объектов. Первый этап работ был проведен в 2014 г. Финансирование исследований проводилось по программе «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)» и в рамках областной целевой программы «Развитие культуры» 2013–2017 гг. (Министерство культуры Саратовской обл.). В данной публикации приводятся предварительные данные по проведенным в 2014 г. исследованиям.

Работы проводились в два этапа. После изучения архивных данных и публикаций был выявлен район исследований. Это южная окраина городища (к югу от бывших нефтяных баков Нобеля и современной железнодорожной платформы Правобережная; холм, через который проходят улицы с 11-го по 14-й Увекский проезд), северная окраина (в районе памятника железнодорожникам) и

северо-западная окраина (гора Увек). Проведено сопоставление разновременных архивных данных, подобраны археологические находки из фондов Саратовского музея краеведения, определены участки для шурфовки с целью проверки собранных данных и установления степени сохранности культурного слоя. На втором этапе были проведены полевые работы, в которые входил мониторинг современного состояния исследуемого участка городища, включающий опрос местных жителей и проведение археологических шурфовок. Результаты исследований приводятся в данной публикации².

Попытка картографирования археологических объектов на Увекском городище предпринималась неоднократно. Наиболее информативен план, составленный членом СУАК А.А. Кротковым в 1905–1915 гг. (Малов, 2003, с. 40, рис. 1). Здесь нашли отражение не только многочисленные археологические объекты, известные

² Выражаю признательность всем участникам экспедиции и научным сотрудникам, проводившим определение находок. Отдельная благодарность сотруднику лаборатории естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН Л.Н. Соловьевой (определение пород деревьев), зав. отделом археологии Азовского музея-заповедника к.и.н. А.Н. Масловскому (изучение керамических комплексов), ст. научному сотруднику НИИ и музея антропологи МГУ к.б.н. А.А. Евтеву (определение антропологического материала), А.В. Фадееву (первичная очистка и прорисовка монет), к.и.н. П.Н. Петрову (последующие нумизматические определения), научному сотруднику Саратовского областного музея краеведения А.Л. Кашниковой (чертежные работы на раскопе и рисунки находок для публикации).

исследователю, но и его представления о топографии города с условно обозначенными кварталами (рис. 1). Неоспоримы многочисленные достоинства многолетнего труда Александра Августиновича Кроткова, однако глазомерная съемка не позволила соблюсти точность передачи сложного рельефа городища и привела к определенным разночтениям. В 1913 г. от Управления Рязано-Уральской железной дороги в СУАК была прислана топографическая карта Увека с горизонталями через 1 сажень (КЗВМ СУАК. Т. 2. № 2183), куда, вероятно, наносились известные археологические объекты. Этот документ нам не удалось обнаружить. Наиболее известен план Увекского городища, опубликованный в монографии Ф.В. Баллода (1923, с. 72, рис. 24). Проблема нанесения указанных на ранних планах объектов на современную топооснову связана с утратой привязок прошлых столетий (домов отдельных землевладельцев, несохранившихся административных построек) и с противоречивостью сведений различных источников. Поэтому большинство объектов наносятся нами на карту с определенной долей условности (рис. 2). Необходима проверка этих сведений современными исследованиями.

Увекское городище мы условно делим на центральную часть и окраины. Центр выделяется путем восстановления местоположения городского вала и рва (рис. 2). На сегодняшний день эти объекты не прослеживаются в микрорельефе городища. Однако сохранились упоминания в письменных источниках о существовании инженерных сооружений. На основе этих описаний и наших наблюдений было установлено, что укрепления Увек-

ского городища состояли из северного и юго-западного вала и рва, которые примыкали к склону горы Увек на северной и южной окраинах Увекского городища. Практически все исследователи, упоминавшие укрепления Увекского городища, отмечают участок юго-западного вала в районе Мамайского бугра (Дневные записки, 1771, с. 380; Чернецовы, 1970, с. 125; Саблуков, 1884, с. 305; Пономарев, 1879, с. 322; Голицын, Краснодубровский, 1890, с. 96–98). Высота вала составляла примерно 2–3 м, ширина у основания – 2 м; глубина рва примерно 1–1,5 м при ширине в 1,5–2 м. Общая протяженность юго-западной части укреплений Увека должна была составлять около 700–1000 м. Всеми очевидцами, оставившими записи о фортификационных сооружениях Увекского городища, отмечается участок от южного склона горы Увек до южного края подножия Мамайского шихана. Протяженность этого отрезка составляет 200–220 м. Далее отмечается разрыв укреплений, возможно, проезд. Участок укреплений от Мамайского шихана до Волги упоминается редко, поэтому восстановлен он условно. Северная часть фортификации городища упоминается лишь А.А. Кротковым и указана на раннем варианте его карты (Описание предметов, л. 44). В заключительной версии карты этот участок укреплений не приводится. Поэтому северный вал и ров нанесены нами весьма условно, в качестве рабочей версии для изучения исторической топографии. В таком случае длина укреплений от восточного склона Каланчи до берега Волги составит ориентировочно 440 м, с учетом затопленного на сегодняшний день берега – 460 м.

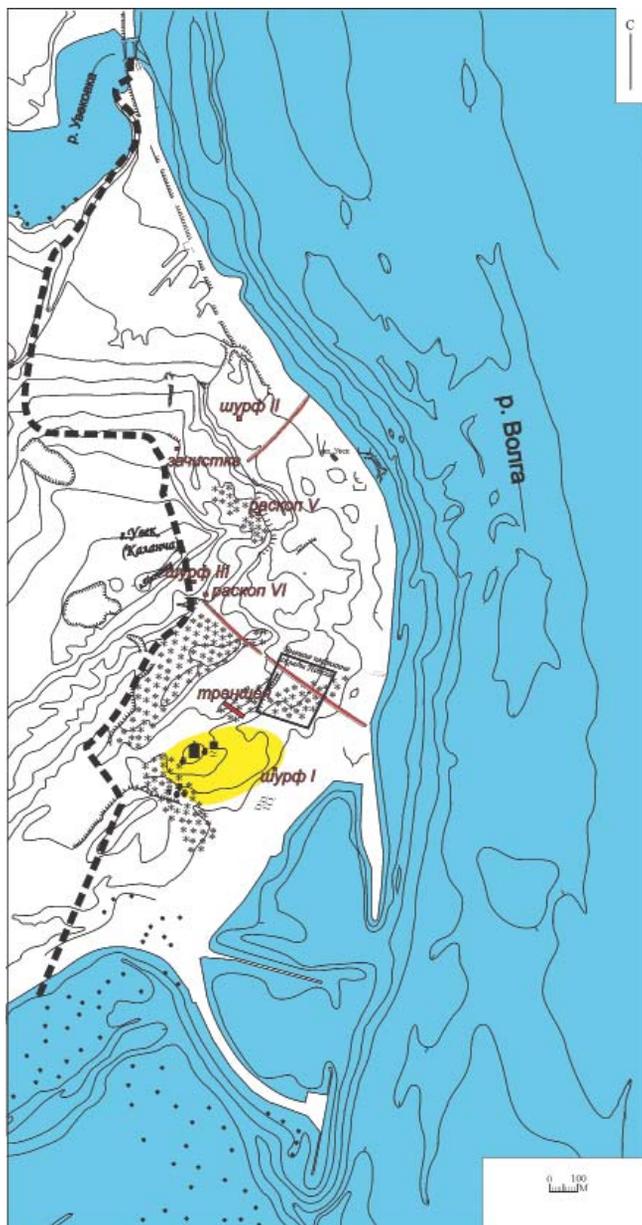

Рис. 1. План Увекского городища, составленный А.А. Кротковым в 1905–1915 гг.
 Fig. 1. Plan of the Uvek fortified settlement, prepared by A.A. Krotkov in 1905–1915.

Учитывая датировку укреплений других золотоордынских городов, даже без исследований местной фортификации, можно с большой долей вероятности предположить, что укрепления города Увека возводились после начала «замятни», т.е. в 1360-е годы. Пока не известно, было ли закончено сооружение защиты или она так и осталась незавершенной. Однозначно можно утверждать, что укрепления должны были опоясывать центральную часть города. Поэтому условно проведенные нами границы фортификации Увекского городища позволяют очертить центральную часть Увека к 1360-м годам. По нашим подсчетам, площадь укрепленной части городища составляет 40 га, с учетом затопленной береговой линии ее можно расширить до 60 га.

Особого внимания заслуживает участок к югу от укреплений Увека. Здесь встречались многочисленные находки, что однозначно указывает на присутствие культурного слоя. Однако современное состояние слоя на этом участке не известно. Изучив данную территорию, можно будет продвинуться далее на юг, вплоть до границ, указанных на современном паспорте Увекского городища. Для этого мы обобщили полученные ранее данные и провели дополнительные исследования.

Ориентиром на картах XIX–XX вв. для нас служат Мамайский шихан и территория бывших нефтяных складов братьев Нобель. Последний участок в начале XX в. был выровнен путем срытия многочисленных холмов и является на сегодняшний день

- Языческий некрополь с северной и северо-восточной ориентировкой
- Границы городища по данным из паспорта Увекского городища
- Предполагаемое местоположение вала и рва городища
- Исследуемый холм на южной окраине городища
- Исламский некрополь
- Исламский некрополь
- Металлургический горн
- Гончарный горн
- Мавзолей

Рис. 2. План исследований, проведенных на Увекском городище в 2014 г.

Fig. 2. Plan of the digs on the Uvek fortified settlement in 2014.

одной из самых ровных площадок на фоне пересеченного рельефа местности городища. Здесь расположены поликлиника, детский сад, магазины и многоэтажные дома.

Холм, который мы выбрали для исследования, полностью застроен частным сектором. На нем располагались, вероятно, в разное время, некрополи, жилые и технические сооружения. Сейчас через холм проходят 4 улицы (с 11-го по 14-й Увекские проезды). К моменту раскопок мавзолея в 1913 г. он еще не был застроен, и здесь планировалось разведение бахчи под огурцы (Кротков, 1915, с. 112). На поверхности был прослежен культурный слой (Баллод, 1923, с. 73–74). В 1920-х годах место раскопок «гостиницы» уже частично застроили частным сектором (Рыков, 1923, с. 590), т.е. начиная с 1920-х годов проводится застройка исследуемого холма домами местных жителей.

На возвышенном участке холма, предположительно там, где сейчас 14-й Увекский проезд, в золотоордынское время располагался двухкомнатный наземный мавзолей с семью кирпичными склепами. Здание было раскопано в 1913 г. (Кротков, 1915, с. 111–133; Кубанкин, 2006, с. 190–201). Погребение 2 в нем датируется серебряными монетами Узбека 715 г.х. или 717 г.х. (1315–1318 гг.). Внутри сооружения в строительном мусоре обнаружена медная монета с изображением цветочной розетки, датируемая 1350-ми гг. (Кротков, 1915, с. 115). До раскопок мавзолея, в 1905 г., Б.В. Зайковским собраны здесь фрагмент серебряного дирхема Токты 1305/1306 г. и медный пул с изображением двуглавого орла, Гюлистан, 766 г.х. (1364/1365 г.). Исходя из

представленных данных можно предположить, что территория возле обнаруженного в 1913 г. мавзолея была обитаема в период с начала XIV в. и до 1360-х годов, с возможным расширением хронологических рамок.

По рассказам местных жителей, в начале 2000-х годов при прокладке водопровода по 14-му Увекскому проезду были обнаружены многочисленные безинвентарные захоронения. Во дворе дома № 12 по 13-му Увекскому проезду, как указывает хозяин земельного участка, при земляных работах было обнаружено два безинвентарных захоронения. Мониторинг территории городища выявил в выкопанной выгребной яме возле д. 12 по 14-му Увекскому проезду пятно, предположительно могильную яму с заполнением черным суглинком в материковой желтой глине. Пятно располагается примерно на глубине 60 см от современной дневной поверхности и ориентировано условно по линии север – юг. Костей не обнаружено. Примерно в 32 м к востоку от здания мавзолея Ф.В. Баллодом были раскопаны два кирпичных склепа с богатым инвентарем (Баллод, 1923, с. 76–77). Типологически они близки ранним захоронениям в располагавшемся рядом мавзолее и условно датируются рубежом XIII–XIV вв. Культурный слой в районе 14-го Увекского проезда нами не обнаружен. Лишь на западном краю проезда местным краеведом А.В. Фадеевым обнаружен медный пул с изображением льва и солнца, чекан Сарая 737 г.х. (1336/1337 г.). Здесь же встречаются фрагменты золотоордынских кирпичей. Во дворе дома № 32 по 13-му Увекскому проезду никаких находок не обнаружено, но одна из внутренних стен дома выложена

золотоордынским кирпичом. В ней использован 64 целый и 91 фрагмент золотоордынских кирпичей (рис. 3).

Помимо погребальных памятников на изучаемом холме Ф.В. Баллодом была раскопана часть саманной постройки с очагом (Баллод, 1923, с. 74–75). В заполнении жилища среди прочего найдена стенка кашинного сосуда с монохромной росписью под бирюзовой глазурью (Баллод, 1923, с. 75, табл. 18. рис. 3). Подобные сосуды датируются серединой – второй половиной XIV в. (Коваль, 2010, ил. 32.). Остается неясным, синхронны ли жилищу находки внутри постройки или являются более поздними. Однако можно утверждать, что в середине – второй половине XIV в. исследованный Ф.В. Баллодом участок возле саманного здания был обитаем.

Ф.В. Баллодом возле мавзолея было обнаружено два горна – в 25 м к юго-западу и в 2 м к востоку от мавзолея соответственно. В заполнении горна 1 были найдены кашинные изразцы, в том числе бракованные, что позволило исследователю предположить, что в нем обжигали архитектурный декор (Баллод, 1923, с. 80).

На холме культурный слой в виде фрагментов красноглиняной керамики фиксируется ближе к бывшей территории нефтяных складов Нобеля, т.е. ближе к центральной части городища, по северному краю 11-го и 12-го Увекского проездов. На дороге по 11-му Увекскому проезду нами были собраны фрагменты красноглиняной керамики золотоордынского времени. Ранее на 11-м Увекском проезде у пересечения с ул. Увекской найдены медный пул с изображением пятиконечной звезды, чекан Сарая 721 г.х. и медный пул Джанибека, че-

кан Хорезма, 749 г.х. (дата в треугольнике)³. На 12-м Увекском проезде, возле спуска к ул. Увекской, им найдены два медных пула Хызра, чекан Сарай ал-Джадид, 762 г.х.

Прилегающие к холму участки дают схожую картину. Здесь культурный слой встречается отдельными участками. По воспоминаниям члена СУАК Б.В. Зайковского, в 1899 г. им было обследовано несколько обнажений по склонам по дороге между станциями Нефтяная и Набережный Увек. Слой залегал на глубине 0,7–1,5 м от поверхности (Заметки об Увеке, л. 17–18). Здесь встречены производственные сооружения и некрополи. В 1909 г. между станцией Нефтяная и нефтяными баками Волкова в результате земляных работ был уничтожен культурный слой, содержащий гончарные горны. В одном из горнов были найдены треножники (сепая), рядом с другим обнаружены сложенные горкой глиняные трубы (кубуры) с боковыми отводами. Среди находок с Увекского городища в фондах Саратовского областного музея краеведения лишь два инвентарных номера относятся к глиняным треножникам (сепая). Тринадцать типичных треножников (СОМК, инв. №: СМК 51985/1-13) с невысокими ножками (рис. 4: 3) были найдены напротив переправы, т.е. на участке, прилегающем к исследуемому холму. Вероятно, именно они были найдены

³ Местный краевед и участник наших экспедиций А.В. Фадеев с 1980-х годов ведет постоянные сборы монет на поверхности городища после дождей (без металлодетектора!). По нашей просьбе он любезно предоставил информацию о находках с исследуемого участка, за что выражаем ему глубокую признательность.

Рис. 3. Стена современной постройки, частично выложенная кирпичами золотоордынского времени.

Fig. 3. A modern wall partly reveted with bricks of the Golden Horde time.

в горне. Еще три треножника (СОМК, инв. №: СМК 51984/1-3) записаны без конкретных привязок места находки, однако время находки делает наиболее вероятным предположение об их обнаружении в том же карьере, напротив железнодорожной переправы, что и предыдущих. Эти три изделия имеют нестандартные высокие ножки (рис. 4: 1–2).

К югу от гончарных горнов земляными работами были уничтожены предположительно металлургические горны, на дне которых обнаружены крицы, известь и «вещество подобное сапожному вару» (Шишкин, л. 29). В июне 1910 г. членами СУАК А.А. Кротковым и С.А. Щегловым был раскопан гончарный горн на земле отчуждения РУЖД «против переправы у

юго-западного угла сада ... И.А. Михина в склоне двух природных увалов, в выемке железнодорожного карьера». Кирпичный горн удалось зафиксировать на уровне пода, где он имел круглую в плане форму диаметром 1,8 м при толщине стенок в размер крупноформатного кирпича – 31 см. Под отверстиями поддерживался столбом толщиной 68 см, который разделял топку на две половины. Высота топки – 68 см. Общая высота горна, по мнению С.А. Щеглова, достигала 2,5 м (Деятельность СУАК, л. 7–8).

Возле железной дороги, в 200–300 м от нефтяных складов Волкова, в результате земляных работ уничтожена часть могильника, который содержал безинвентарные погребения на глубине около 1 м от дневной поверх-

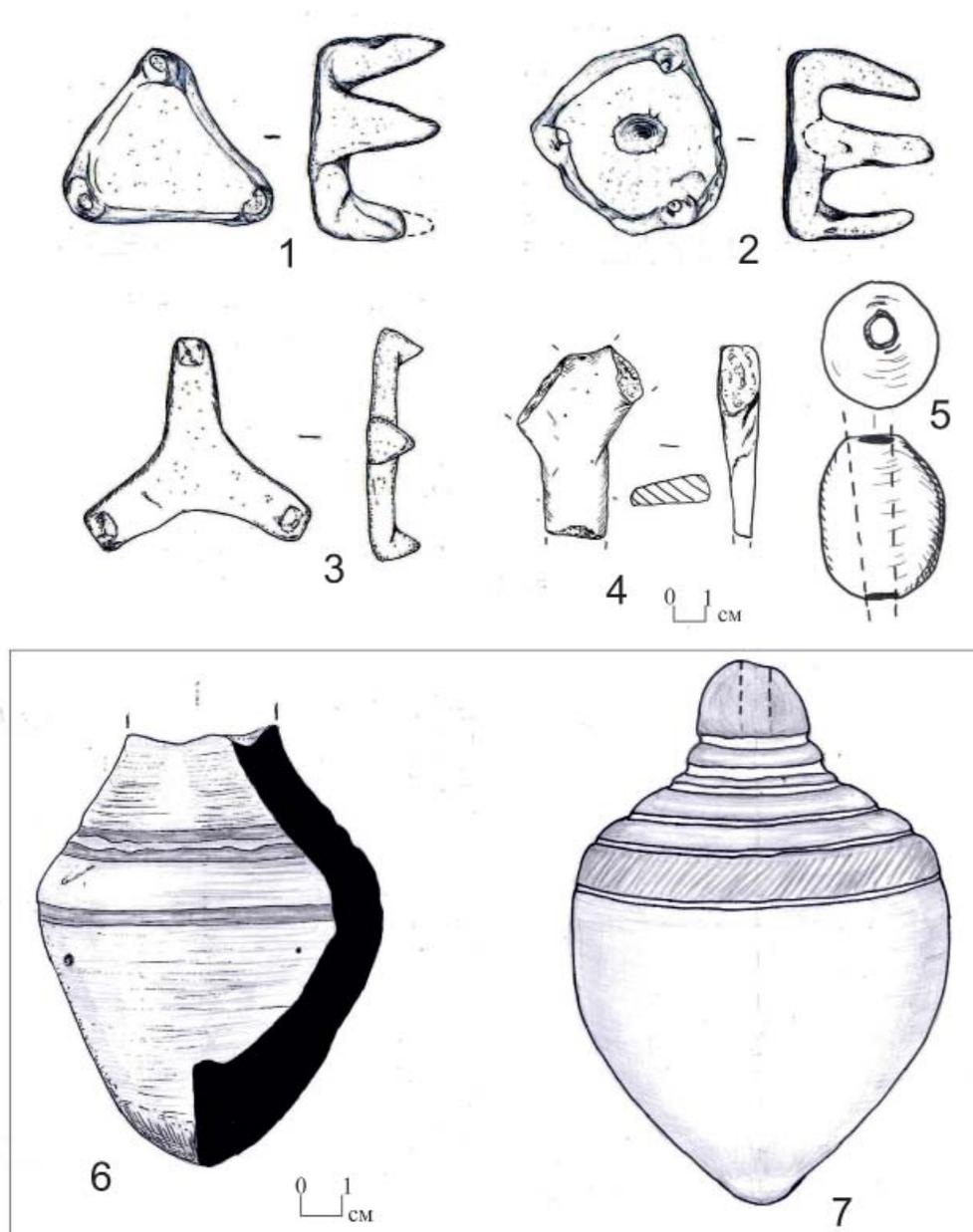

Рис. 4. Находки с территории холма на южной окраине Увекского городища: 1–3, 6–7 – находки из карьера напротив переправы, 1909 г.; 4–5 – находки из шурфа I, 2014 г. 1–4 – треножки (сепая); 5 – грузило рыболовное глиняное; 6 – красноглиняный сфероконус; 7 – светлоглиняный сфероконус.

Fig. 4. Finds from a hill on the southern end of the Uvek fortified settlement: 1–3, 6–7 – finds from a quarry across the ferry, 1909; 4–5 – finds from prospecting pit I, 2014. 1–4 – tripods (sepya); 5 – weight lead, clay; 6 – red clay spherocone; 7 – light clay spherocone

ности. Один костяк лежал вытянуто, головой на северо-запад. Второй – в скорченном положении на левом боку, головой на запад (Шишкин, л. 29 об.).

Вероятно, в том же карьере РУЖД между станцией Нефтяной и Набережным Увеком в 1910 г. в результате земляных работ было уничтожено несколько погребений. Они залегали на метровой глубине от дневной поверхности. Один из погребенных ориентирован головой на запад, лицом на юг, лежал на правом боку. При погребенных обнаружены серебряные серьги с жемчугом, стеклянные бусы, остатки кожаных сапог, «какие-то медные украшения в виде полумесяца» (Деятельность СУАК, л. 18–20 об.).

Краеведом А.В. Фадеевым на территории первой группы нефтебаков Саратовского НПЗ были найдены пул с изображением льва и солнца, чекан Сарай, 737–740 г.х.; медная монета чекана Мохши времен Узбека без даты, анонимный пул с изображением двухглавого орла, чекан Сарай, без даты, предположительно 740-х г.х.

Сбор архивного материала и мониторинг местности позволил установить, что исследуемый холм и прилегающие территории активно осваивались в XIV в. Участок датируется монетами 1310–1360-х годов. Вероятно, к этому времени следует отнести функционирование здесь гончарных и металлургических горнов, сырцово-кирпичной постройки с архитектурным декором и строительство крупного мавзолея. Не совсем понятно одновременное наличие на одних и тех же участках некрополя и ремесленных сооружений. Судя по отдельным элитарным погребениям, первые захоронения здесь следует отнести к рубежу XIII–XIV вв., а функциониро-

вание большинства ремесленных сооружений – к более позднему отрезку XIV в. Вероятно, часть ранних некрополей в XIV в. оказалась застроенной, другая часть продолжала существовать на границе с гончарными и металлургическими горнами.

В Саратовском областном музее краеведения хранятся следующие вещи, обнаруженные при земляных работах напротив переправы: дно поливной чаши производства Юго-Восточного Крыма (инв. № НВСП 27407); горло сероглиняного штампованного кувшина (инв. № НВСП 30213); стенки сероглиняных штампованных сосудов, предположительно хорезмийского производства (инв. №: НВСП 32378–32380, 32384); стенка кашинного сосуда с ручкой (инв. № НВСП 30221); два сфероконуса, красноглиняный (инв. № СМК 51965, рис. 4: 6) и светлоглиняный (инв. № 51968, рис. 4: 7); фрагмент кашинной декоративной плитки с полосами белого, синего и бирюзового цветов (инв. № НВСП 32377); фрагменты красноглиняных неполивных сосудов (инв. № НВСП 32275; НВСП 32381; НВСП 32382); кувшин красноглиняный лощеный с крышкой (Инв. № СМК 51655; Недашковский, 2000, с. 96, рис. 25:4); свинцовые грузики-пломбы (Инв. № НВСП 28301/1-2).

Эти данные необходимо было проверить разведочным шурфом. Поскольку практически вся исследуемая нами территория плотно застроена, наиболее подходящим для шурфовок оказался относительно ровный участок заброшенного огорода, примыкающий к южному склону холма, в 150 м к юго-юго-западу от остановки Правобережная, в 1,2 км к северу от железнодорожного моста через Волгу,

в 22 м к югу от дома № 12 по 11-му Увекскому проезду. Площадь шурфа I составила 16 кв. м. (4 x 4 м). Мощность напластований до уровня материка от дневной поверхности достигала 80 см. Однако все они оказались переотложенными и содержали находки золотоордынского времени и XX в. К золотоордынскому времени относятся 14 фрагментов красноглиняных сосудов (в том числе 1 стенка трапезундской амфоры), 4 глиняных шлака (вспученные стенки красноглиняных сосудов), 1 фрагмент глиняного треножника (сепая) (рис. 4: 4), 1 глиняное рыболовное грузило (рис. 4: 5), 1 фрагмент обгоревшего костяного изделия.

Фрагмент глиняного треножника и глиняные шлаки из нашего шурфа указывают на верность варианта локализации обнаруженных в начале XX в. гончарных горнов. Вероятно, южный склон был скрыт в начале XX в., а материк выровнен, что позволило провести рядом со склоном дорогу.

Подводя предварительный итог исследованиям южной окраины городища, следует отметить, что на рубеже XIII–XIV вв. здесь существовал некрополь, а к середине XIV в. участок был активно освоен: здесь присутствовали не только мавзолей, но и жилые постройки, действовали металлургические и гончарные горны. Самые поздние монеты, обнаруженные здесь, датируются 1360-ми годами, т.е. жизнь после «замятни» если и не затухает, то значительно ослабевает.

К западу от бывших нефтяных складов Нобеля и в 180 м к северу от изученного нами холма располагается еще один оползневый холм, на котором проводились аварийные работы по замене водопроводной трубы

(рис. 2: траншея). Холм расположен между 7-м Увекским проездом и 4-м Увекским тупиком. В результате этих работ старая траншея была расширена, и дальнейшему разрушению подверглись не менее 5 захоронений западного некрополя. Эти захоронения были нами расчищены. Часть некрополя была уничтожена еще при строительстве в начале XX в. нефтяных складов братьев Нобель (Из письма, лл. 111–112). В 1908 г. в музей Саратовской ученой архивной комиссии от заведующего нефтяными Нобелевскими складами на Увек М.Н. Лебедева поступили предметы из захоронений, обнаруженных в 1907 г. «при срытии природных холмов при участии товарищества брат. Нобель под площадки для нефтяных резервуаров». Среди них каменная могильная плита. Тогда же надпись была переведена сыном муллы Енгальчевым: «Да будет над ним благословение Аллаха и изобилие. Яхьи сына Мухаммеда это есть могила 697 г.⁴». Тогда же М.Н. Лебедев передал обожженные кирпичи из могильного склепа. «По словам рабочих, в этом склепе оказались человеческие кости в деревянных гробах. Под одним черепом в склепе найдена рукопись (?) в три листа, которую рабочие изорвали и бросили»⁵. В 1908 г. возле складов Нобеля «при расширении полотна железной дороги от жилых домов к выезду» были уничтожены многочисленные «погребения в истлевших деревянных гробах на глубине 1 аршина». Заведующий нефтяными складами М.Н. Лебе-

⁴ Саратовский областной музей краеведения. Инв. № СМК 75963.

⁵ Книга записей вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 1. Инв. № 700 / Архив Саратовского областного музея краеведения.

дев передал в музей «два человеческих черепа с обеими челюстями. Из них один вынут из земли с большой пробойной в теменной части»⁶. В 1913 г. при проведении земляных работ в северо-западном углу нефтяных складов Нобеля членом СУАК П.Н. Шишкиным было раскопано 7 погребений. Поскольку этот могильник ранее не был исследован, то информация о нем собрана из архивных источников, и границы могильника не установлены пока даже приблизительно. Все они без инвентаря. Костяки в деревянных гробах лежат вытянуто, головой на северо-запад, череп на правом виске. В одном случае у головы встречены угольки. Над некоторыми погребениями обнаружены фрагменты красноглиняной золотоордынской керамики, обломки «печины» (Шишкин, л. 30).

В 2014 г. нами было расчищено пять разрушенных траншеей погребений. Определение костей принадлежит старшему научному сотруднику НИИ и музея антропологии МГУ, к.б.н. А.А. Евтееву. Фрагменты деревянных перекрытий могил отданы на определение пород научному сотруднику лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Н.Л. Соловьевой.

Погребение 1 было окончательно разрушено в результате расширения траншеи. Все находки собраны в отвале. На определение А.А. Евтееву были переданы следующие части скелета, собранные в отвале: 2 плечевые кости, левая лучевая, 2 лопатки, 1 тазовая кость, часть позвоночника и ребер, череп плохой сохранности (мозговая коробка и часть лицевого

скелета). На основании представленных антропологических данных было сделано заключение, что в погребении 1 была захоронена женщина 30–40 лет. В отвале также найдены фрагменты шелковой ткани, которые еще предстоит изучить.

Могильная яма погребения 2 была перекрыта дубовыми досками на заплечиках (рис. 5: 1). На дне стоял гроб, сколоченный из дубовых досок. Захоронение мужчины 25–35 лет на спине с легким доворотом на правый бок, головой на северо-запад, лицо повернуто на юго-запад. Кости частично обернуты в тонкую ткань, предположительно саван. Траншеей была уничтожена нижняя часть скелета, поэтому расчищена только сохранившаяся до тазовых костей включительно верхняя часть скелета.

В погребении 3 разрушена лишь часть черепа (рис. 5: 2). На третьем пласте от поверхности на северном краю заплечика погребения 3 зафиксировано захоронение (погребение 4) ребенка в возрасте 1–2 года. Сохранилась верхняя часть до таза, остальное уничтожено поздними мусорными ямами. Конструкция могильной ямы схожа с предыдущей: деревянное перекрытие на заплечиках перекрывает могильную щель с гробом из дубовых досок. Скелет женщины 45–55 лет лежал на дне деревянного гроба вытянуто, головой на северо-запад. От черепа сохранилась лишь нижняя челюсть. По ее положению следует предположить, что череп лежал на правом виске. Костяк лежал с доворотом на правый бок, т.е. к юго-западу. Левая локтевая кость распложена выше правой. Левое крыло таза выше правого. Кисть левой руки лежит на правой. Стопы ног вытянуты, что

⁶ Книга записей вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 1. Инв. № 711 / Архив Саратовского областного музея краеведения.

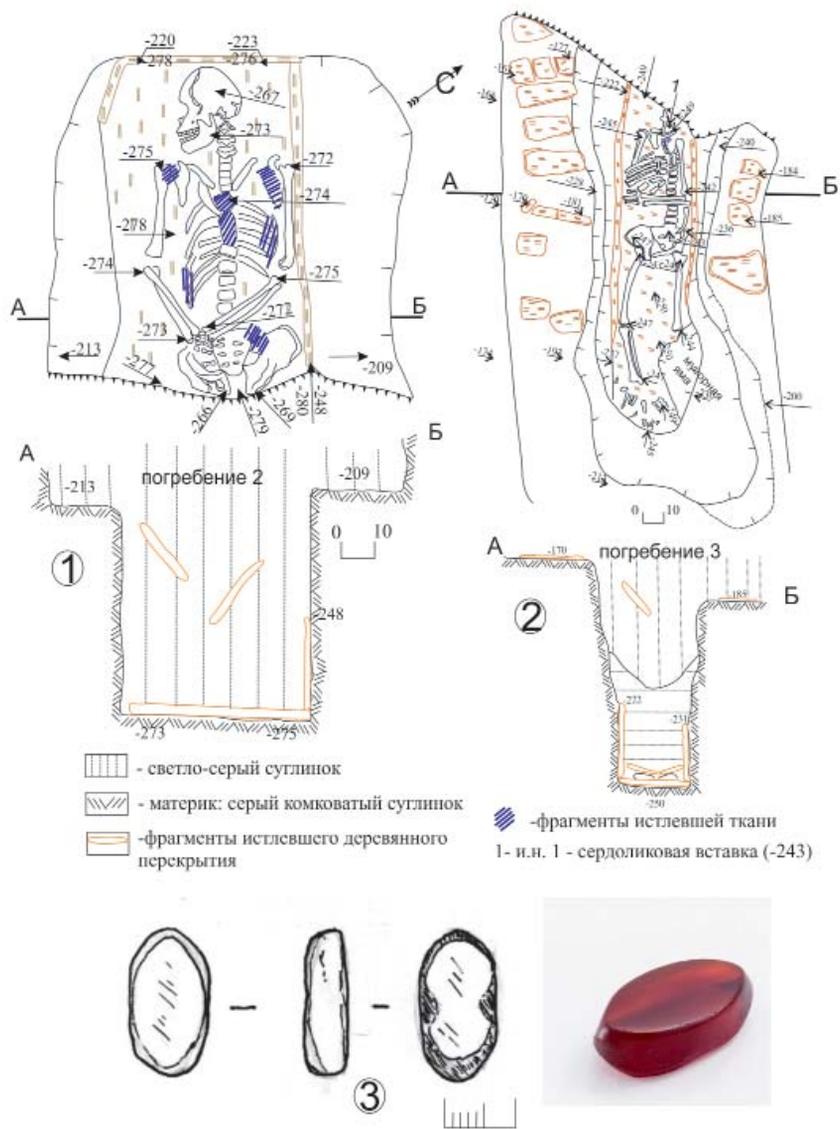

Рис. 5. Погребения из траншеи возле бывших складов Нобеля: 1 – погребение № 2; 2 – погребение № 3; 3 – сердоликовая вставка из погребения № 3.
Fig. 5. Graves from the trench near former Nobel’s warehouses: 1 – grave no. 2; 2 – grave no. 3; 3 – carnelian embedding from grave no. 3.

свидетельствует о наличии савана. Возможно, его следы в виде мелких фрагментов материи обнаружены под челюстью и на правой ключице. Кости левой ноги от берцовой кости и ниже сильно потревожены поздней столбовой ямой. В районе нижней челюсти, возможно, под ней была обнаружена сердоликовая вставка подовальной формы (рис. 5: 3). Традиции исламских захоронений с сердоликовыми украшениями зафиксированы в погребальном обряде жителей средневекового Азака при раскопках некрополей в 2014 г. Возможно, эти традиции маркируют определенный этнос, активно участвовавший в заселении золотоордынских городов.

Погребение 5 было практически полностью уничтожено траншеей. Сохранился лишь череп с двумя позвонками и обломанные берцовые кости со ступнями. Могильная яма не прослежена. Обнаружены лишь детали гробовища. Кости неудовлетворительной сохранности, рассыпались, поэтому сохранить их для определения не удалось. Положение костяка аналогично предыдущим, головой на северо-запад, череп на правом виске, костяк с доворотом на правый бок.

Раскопки разрушенных траншеей погребений на склоне позволили увеличить площадь могильника. Ранее было известно о его присутствии только на территории бывших складов Нобеля. Если дата на могильной плите была прочитана верно, то в конце XIII в. этот могильник уже существовал и являлся мусульманским. Часть погребений в нем принадлежала зажиточным горожанам, о чем свидетельствуют фрагменты шелковой ткани и сердоликовая вставка.

Северная окраина Увекского городища. В 120 м к северу от возможного северного участка вала и рва Увекского городища, в низине между восточным склоном горы Увек и ул. Увекской, в 45 м к северо-западу от памятника строителям железнодорожного моста, на заброшенном огороде нами был заложен шурф II площадью 16 кв. м. Архивных данных о сборах на исследуемом участке не зафиксировано, возможно, по причине отсутствия четких ориентиров. По рассказам местных жителей, весной здесь образуется болото. На противоположной части поля, примерно в 120 м к северо-западу от заложенного нами шурфа, напротив дома № 4 по ул. Увекской, при строительстве гаража было найдено безинвентарное захоронение. До начала раскопок на поверхности собраны многочисленные фрагменты красноглиняной золотоордынской керамики. Мощность культурных напластований до уровня материка – 40 см. Все они находятся в переотложенном состоянии, т.е. уничтожены многочисленной перекопкой огорода. Помимо красноглиняной керамики и костей животных здесь найдена медная золотоордынская монета плохой сохранности, по предположению нумизмата П.Н. Петрова, она (возможно, с изображением двуглавого орла) датируется первой половиной XIV в. При зачистке склона, расположенного рядом с шурфом, обнаружен культурный слой с костями животных и красноглиняной золотоордынской керамикой. Его мощность около 30 см, в верхней части прослежена горелая прослойка в 4 см толщиной, отделяющая слой золотоордынского времени от слоя пос. Увек мощностью 15–20 см. В результате исследования

северной окраины Увекского городища в районе огородов по ул. Увекской удалось установить наличие культурного слоя золотоордынского времени мощностью до 30 см. На отдельных участках этот слой уничтожен в результате копки огорода и находится в переотложенном состоянии.

Следующие исследования были перемещены на *северо-западную окраину городища*, в район горы Увек. В 2011 г. участниками нашей экспедиции на северо-восточном склоне горы были обнаружены две медные монеты: анонимная с тамгой, возможно, чекан Мохши, не позднее 1341 г. и анонимная с изображением цветочной розетки, предположительно 1350-х годов. (рис. 5: 1–2). Они лежали в переотложенном грунте, возле ямы, оставшейся после извлечения местными жителями железной рельсы-опоры от бывшего деревянного столба. Керамики не найдено. Местные жители сообщали нам о редких находках золотоордынских монет на горе Увек. В 2014 г. мы решили провести зачистку борта старой ямы, вероятно, от бывшей емкости для сбора воды на огороде, располагавшейся в непосредственной близости от места находки двух монет. Культурный слой в зачищенном борту ямы не обнаружен. На дневной поверхности находок золотоордынского времени не зафиксировано. Следовательно, можно предположить, что по северному склону горы Увек культурный слой отсутствует, а встречаются лишь отдельные находки золотоордынского времени.

С южной стороны склона горы Увек, на возвышенном участке, где сохранились следы зенитной точки времен Великой Отечественной во-

йны, на грунтовой дороге обнаружен развал красноглиняного кувшина золотоордынского времени (координаты GPS: N 51°25.832' и E 045°57.775'). Заложенный здесь шурф III площадью 4 кв. м указал на полное отсутствие культурного слоя.

На южном склоне того же холма, в 80 м к юго-востоку от шурфа III, нами был заложен раскоп VI площадью 26 кв. м. По северному борту заброшенной дороги, идущей от ул. 2-й Увекской проезд, в 70 м к северу от СЗ угла бывшей пожарной части, напротив д. № 56 по 2-му Увекскому проезду (с северной стороны), местными жителями ранее был устроен песчаный карьер. В результате проведенных нами в 2007 г. разведок здесь удалось зафиксировать фрагмент кирпичной кладки в два ряда, здесь же нами были собраны фрагменты красноглиняной керамики, стенка сероглиняного штампованного сосуда и железный кованый гвоздь (Кубанкин, 2008, с. 111, рис. 93, 94, 97: 1–7).

Дневная поверхность раскопа представляла собой наклонную плоскость без явно выраженного микрорельефа. Наклон в южную сторону составлял перепад высот в 2 м на расстоянии 6 м. В золотоордынское время склон был подрезан, и песчаная поверхность оказалась относительно ровной. После запустения значительная часть слоя золотоордынского времени была перекрыта оползневым слоем из щебня мощностью до 80 см. В результате раскопок исследован фрагмент наземного жилища. В его заполнении встречены фрагменты декоративных кирпичей с голубой поливой (рис. 7: 7), фрагменты чугунного котла (рис. 7: 2–5). На полу сооружения обнаружены 4 медные монеты Хызр-

хана, чекан Сарай ал-Джадид, 762 г.х. (рис. 6: 3–6), фрагменты глиняных труб (кубуров) без нагара с внутренней стороны, медная пластина с насечками (рис. 7: 8) и серебряный перстень (рис. 7: 6). От сооружения сохранились турлучная обмазка и сырцовые кирпичи. Южную часть постройки планируется исследовать в 2015 г.

В результате археологических исследований на данном участке удалось зафиксировать культурный слой средней мощностью в 40 см. Он датируется XIV в. Картину жизни здесь можно представить следующим образом. В результате заселения данного участка был выровнен песчаный материк и возведено сооружение. Для этого уровень пола был углублен на 30–40 см и укреплен утрамбованной глиной. Внутренняя стенка суфы укреплена обожженным слоем глины, верхняя поверхность – сырцовым кирпичом, а внешняя – каменной кладкой. Сооружение датируется четырьмя монетами 1361 г., т.е. временем начала «замятни». О его гибели ничего пока не известно, стены здания не сохранились. Но обнаружен сгоревший столб, частично сохранившийся в столбовой яме.

В 120 м к северо-востоку от раскопа VI в 2008–2009 гг. нами было исследовано жилище ювелира. Оно погибло в пожаре, предположительно конца 1360-х годов. Здание датируется медным пулом Хызр-хана, чекана Гюлистана 7[62] г.х. и медным пулом Абдаллаха – анонимный, без года, предположительно второй половины 1360-х годов. (Кубанкин, 2103, с. 181, 191, рис. 6: 1–2). Здание было построено рядом с гидротехническим сооружением в виде арыка для сбора и распределения технической воды. По нумизматическим находкам и стра-

тиграфическим данным сооружение датируется 1320–1360-ми годами (Кубанкин, 2013, с. 184–185).

Исходя из полученных ранее данных и материалов раскопок 2014 г. можно предполагать, что южная часть склона горы Каланча начала активно осваиваться во времена правления хана Узбека. Здесь строятся гидротехнические сооружения, размещаются жилые постройки, в том числе ювелира. Эти сооружения гибнут в годы «замятни», предположительно при Абдаллахе, т.е. во второй половине 1360-х годов. К северо-востоку от комплекса жилых и технических сооружений располагается северо-западный мусульманский некрополь, на котором мы проводили раскопки в 2005–2007 и 2012 г. (Евтеев, Кубанкин, 2009; Евтеев и др., 2013). В 2014 г. нами было вскрыто еще два погребения, которые располагались на обрыве восточного склона горы Увек, в 130 м к юго-востоку от раскопа I. Захоронениям угрожало разрушение в результате осыпания склона. Оба погребения типологически близки обнаруженным в раскопе I на том же могильнике и погребениям, раскопанным нами на могильнике возле бывших нефтяных складов Нобеля: скелеты лежат в могильных ямах с деревянными перекрытиями на заплечиках. Костяки вытянуты, головой на запад с небольшими отклонениями, корпус с доворотом на правый бок, череп повернут направо. Погребение 1 принадлежало мужчине 40–50 лет, погребение 2 – женщине 30–40 лет. Относительно датировки погребений данных очень мало. На территории могильника и в засыпке могил крайне редко встречаются фрагменты красноглиняной керамики золотоордынского

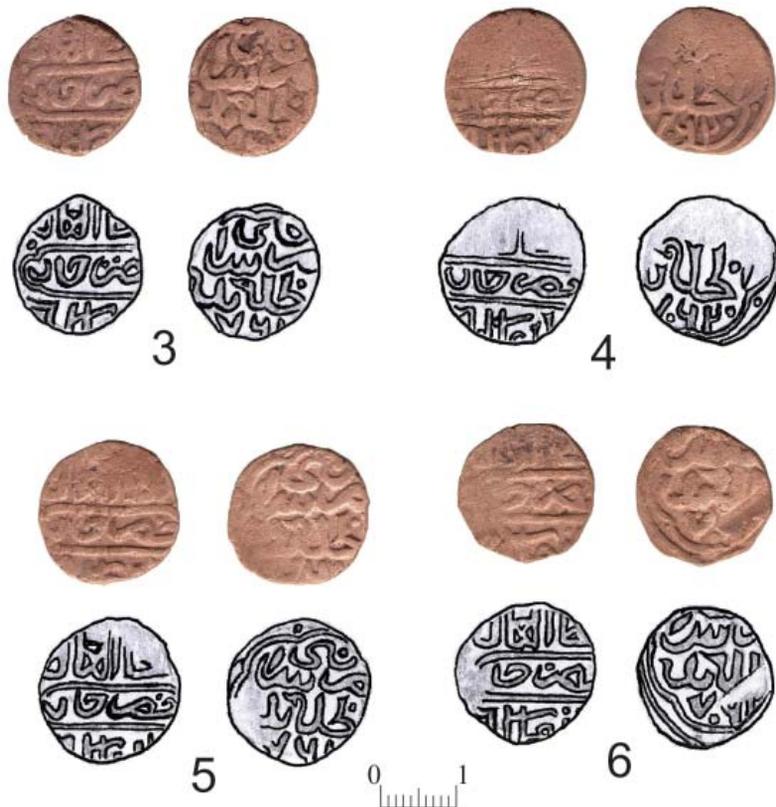
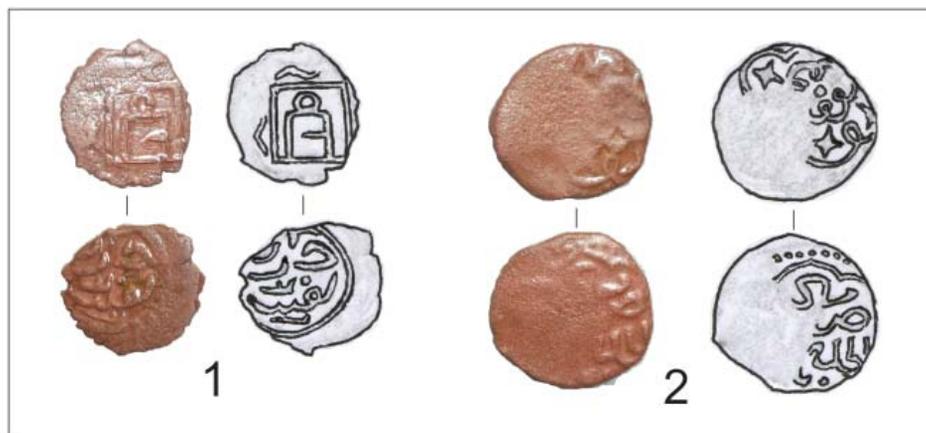

Рис. 6. Находки монет: 1–2 – на северном склоне горы Увек; 3–6 – раскоп VI.
Fig. 6. Finds of coins: 1–2 – on the northern slope of the Uvek Mount; 3–6 – dig VI.

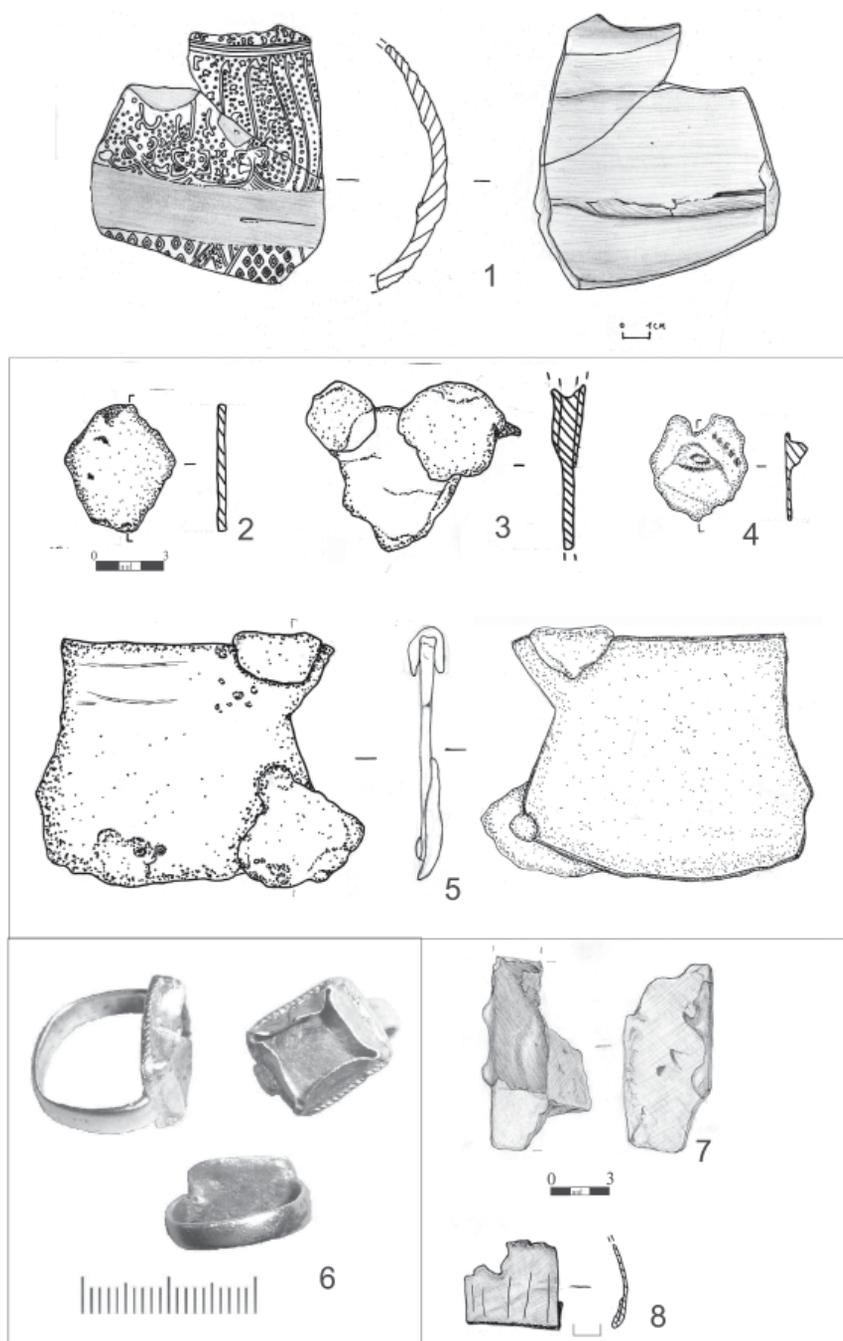

Рис. 7. Находки из раскопа VI. 1 – стенка сероглиняного штампованного кувшина; 2–5 – стенки чугунного котла; 6 серебряный перстень; 7 – фрагмент декоративного поливного кирпича; 8 – фрагмент медной пластины.

Fig. 7. Finds from dig VI. 1 – wall of a gray clay stamped jar; 2–5 – walls of a cast iron cauldron; 6 – silver ring; 7 – fragment of decorative glazed brick; 8 – fragment of copper plate.

времени. В 2013 г. на южном склоне горы возле могильника нами был обнаружен медный пул с изображением льва и солнца, условно датированный 734–740 гг.х. Эта монета соответствует исторической топографии местности. Северо-западный некрополь образовался в период наивысшего расширения площади города (предположительно во времена Узбека и Джанибека), т.к. располагается на самой окраине городища. Погребения совершены по устоявшимся исламским традициям, что наиболее характерно для XIV в.

Итак, северо-западная окраина городища активно осваивалась в XIV в. Здесь располагался крупный исламский некрополь, гидротехническое сооружение по сбору и распределению технической воды, жилые постройки, в том числе ювелира. Запустение данного участка, вероятно, следует связывать с «замытней» второй половины 1360-х годов. Культурный слой здесь расположен отдельными участками, тяготея к редким сооружениям.

Подводя итог исследованиям 2014 г., следует отметить, что на окра-

инных участках городища, прилегающих непосредственно к условно выделенной линии укреплений, присутствует культурный слой XIV в., до 1360-х годов включительно. Возможно, на южной окраине часть некрополей была создана еще в конце XIII в. В XIV в. площадь некрополей разрослась. Могильники соседствовали с жилыми постройками и ремесленными сооружениями, которые частично перекрывают ранние некрополи. Сохранность археологических объектов находится, как правило, в неудовлетворительном состоянии. Культурные слои, незначительные по своей мощности, подвержены серьезному разрушению даже от частой перекопки огородов и уничтожаются полностью в результате строительной деятельности. Научная значимость этих участков велика. Даже при уничтожении культурного слоя в перемешанных отложениях содержатся находки золотоордынского времени, а на уровне материка могут сохраниться хозяйственные ямы, сооружения, погребения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.; Пг., 1923. – 131 с.
2. Голицын Л.Л., Краснодубровский С.С. Уекк. Доклады и исследования по археологии по археологии и истории Уека. – Саратов: Типография губернского земства, 1890. – 102 с.
3. Деятельность Саратовской ученой архивной комиссии по сохранению памятников древности / НА СОМК. Фонд Кроткова. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3-8.
4. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. – Ч. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1771. – 638 с.
5. Евтеев А.А., Кубанкин Д.А. Археологические раскопки северо-западного некрополя Увекского городища в 2005-2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. – С. 129–151.
6. Евтеев А.А., Кубанкин Д.А., Куфтерин В.В., Рассказова А.В. Антропологические исследования северо-западного некрополя Увекского городища // Вестник МГУ. Серия XXIII (Антропология). – 2013. – №1. – С. 88–103).

7. Заметки об Увеке А.А. Кроткова / НА СОМК. Фонд Кроткова. – Оп. 1. – Д. 14. – 81 л.
8. Из письма Саратовской ученой архивной комиссии в Императорскую археологическую комиссию / ГАСО. – Ф. 407. – Оп. 2. – Д. 193. – Л. 111–112.
9. Книга записей вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии (КВЗМ СУАК). – Т. 1–2 / НА СОМК.
10. Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. – М.: Наука, 2010. – 269 с.
11. Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 4. – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 190–213.
12. Кубанкин Д.А. Отчет об археологических работах на Увекском городище Саратовской области, г. Саратова в 2007 году / НА СОМК. – Саратов, 2008.
13. Кубанкин Д.А. Археологические раскопки на Увекском городище в 2008–2009 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 11. – Саратов: Научная книга, 2013. – С. 179–191.
14. Малов Н.М. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Увек // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий. – Саратов: Изд-во Саратовской губернской торгово-промышленной палаты, 2003. – С. 27–42.
15. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 224 с.
16. Пономарев П.А. На развалинах города Увека, близ Саратова (Из путевых заметок) // Древняя и Новая Россия. – 1879. – № 4. – С. 321–335.
17. Описание предметов, найденных при раскопках, карты, рисунки А.А. Кроткова / НА СОМК. Фонд А.А. Кроткова. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 44
18. Рыков П.С. Погибающее городище (Увек) // Новый Восток. – Книга 3. – М., 1923. – С. 585–590.
19. Саблуков Г.С. Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. – Т. III. – Казань, 1884. – С. 298–322.
20. Чернецов Г.Г., Чернецов Н.Г. Путешествие по Волге. – М.: Мысль, 1970. – 191 с.
21. Шишкин П.Н. Материалы к описанию Увекского городища / ГАСО. – Ф. 407. – Оп. 2. – Д. 975. – Л. 29–30.
22. Щеглов С.А. Деятельность Саратовской Ученой Архивной Комиссии по сохранению памятников древности на Увеке / ГАСО. – Ф. 407. – Оп. 2. – Д. 184. – Л. 28–29.

Информация об авторе:

Кубанкин Дмитрий Александрович, старший научный сотрудник, Саратовский областной музей краеведения (г. Саратов, Российская Федерация); Kubankin2008@yandex.ru

EXAMINING ARCHAEOLOGICAL OBJECTS ON THE TERRITORY OF THE UVEK FORTIFIED SETTLEMENT IN 2014 (preliminary report)

D.A. Kubankin

The article presents some new information on historical topography of the Uvek fortified settlement, based on the available archive data, museum collections and 2014 field

archaeological research. The fortification structures marked in the plan outline the central part of the town, which is a massive cultural area. The 2014 survey was conducted in the southern, northern and northwestern outskirts of the settlement. Islamic necropolises from the southern outskirts occur alongside with pottery kilns and melting furnaces. Numismatic finds date the period of active development of the territory in 1310-1360s, while the earliest elite burials are dated by late 13th – early 14th centuries. Some earthwork on the western outskirt in the early 20th century uncovered a necropolis with inhumations in bricked vaults, and the museum thus acquired a gravestone from a Muslim burial of late 13th century. In 2014, the same site yielded Muslim burials with fragments of fabric and cornelian embedding. A prospecting pit in the northern outskirt discovered a redeposited cultural layer with a worn copper coin dated by the first half of 14th century. The highest point in the north-western outskirt (Kalancha Mount) had no cultural layer; however, earlier it used to give some stray copper coins dated by 14th century, as late as 1350s. Debris of a surface adobe-brick dwelling was found downhill, with coins dated by 1360s. These studies are the first stage in the process aiming to produce a complete modern map of the Uvek fortified settlement.

Keywords: archaeology, cultural heritage, Volga region, Golden Horde time, Uvek fortified settlement, topography, fortification, melting furnaces and pottery kilns, waterworks, burial complexes.

REFERENCES

1. Ballod, F. V. 1923. *Privolzhskie Pompei (Pompeii in the Volga Area)*. Moscow; Petrograd: “Mospoligraf” Publ. (in Russian).
2. Golitsyn, L. L., Krasnodubrovskii, S. S. 1890. *Ukek. Doklady i issledovaniia po arkhologii i istorii Ukeka (Ukek. Reports and Studies in Archaeology and History of Ukek)*. Saratov: “Tipografiia gubernskogo zemstva” Publ. (in Russian).
3. *Deiatel’nost’ Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii po sokhraneniui pamiatnikov drevnosti (Activity of the Saratov Academic Archival Commission on the Conservation of the Antiquity Monuments)*. Scientific Archive of the Saratov Regional Museum of Local Lore. Fund of A. A. Krotkov. Inv. 1, dossier 14, sheet 3-8 (in Russian).
4. Lepyokhin, I. I. 1771. *Dnevnye zapiski puteshestviia doktora i Akademii Nauk ad”iunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu (Journey Diary of Ivan Lepyokhin, Doctor and Associate Professor of the Academy of Sciences, to various provinces of the Russian State in 1768 and 1769)* 1. Saint Petersburg: “Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk” Publ. (in Russian).
5. Evteev, A. A., Kubankin, D. A. 2009. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 9. Saratov: “Poligrafiiia Povolzh’ia” Publ. House, 129–151 (in Russian).
6. Evteev, A. A., Kubankin, D. A., Kufterin, V. V., Rasskazova, A. V. 2013. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii XXIII. Antropologiiia (Bulletin of the Moscow State University, Series XXIII: Anthropology)* (1), 88–103 (in Russian).
7. *Zametki ob Uveke A. A. Krotkova (Notes on Uvek by A. A. Krotkov)*. Scientific Archive of the Saratov Regional Museum of Local Lore. Fund of A. A. Krotkov. Inv. 1, dossier 14 (in Russian).
8. *Iz pis’ma Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii v Imperatorskuiu arkhelogicheskuiu komissiiu (From the Letter of the Saratov Academic Archival Commission to the Imperial Archaeological Commission)*. State Archive of the Saratov Region. Fund 407. Inv. 2, dossier 193, sheet 111–112 (in Russian).
9. *Kniga zapisei veshchei muzeia Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Inventory List of the Museum of the Saratov Academic Archival Commission)*. Vol. 1–2. Scientific Archive of the Saratov Regional Museum of Local Lore (in Russian).

10. Koval', V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Kubankin, D. A. 2006. In *Arkheologiiia vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 4. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 190–213 (in Russian).
12. Kubankin, D. A. 2008. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na Uvekskom gorodishche Saratovskoi oblasti, g. Saratova v 2007 godu (Report on the Archaeological Fieldworks on the Uvek Site, Saratov Oblast, Saratov City, in 2007)*. Scientific Archive of the Saratov Regional Museum of Local Lore. Saratov (in Russian).
13. Kubankin, D. A. 2013. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (Archaeological Heritage of Saratov Land)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 179–191 (in Russian).
14. Malov, N. M. 2003. In *Zolotoordynskomu gorodu Ukeku sem's polovinoi stoletii (The Golden Horde City of Ukek is 750 Years Old)*. Saratov: "Saratovskaia gubernskaia torgovo-promyshlennaia palata" Publ., 27–42 (in Russian).
15. Nedashkovskii, L. F. 2000. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City of Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
16. Ponomarev, P. A. 1879. In *Drevniaia i Novaia Rossiia (Ancient and New Russia)* 4, 321–335 (in Russian).
17. *Opisanie predmetov, naidennykh pri raskopkakh, karty, risunki A. A. Krotkova (Description of Items found during Excavations, with Maps and Drawings by A.A. Krotkov)*. Scientific Archive of the Saratov Regional Museum of Local Lore. Fund of A. A. Krotkov. Inv. 1, dossier 150, sheet 44 (in Russian).
18. Rykov, P. S. 1923. In *Novyi Vostok (New Orient)* 3, 585–590 (in Russian).
19. Sablukov, G. S. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III, 298–322 (in Russian).
20. Chernetsov, G. G., Chernetsov, N. G. 1970. *Puteshestvie po Volge (Journey along the Volga River)*. Moscow: "Mysl'" Publ. (in Russian).
21. Shishkin, P. N. *Materialy k opisaniiu Uvekskogo gorodishcha (Materials to Description of the Uvek Site)*. State Archive of the Saratov Region. Fund 407. Inv. 2, dossier 975, sheet 29–30 (in Russian).
22. Shcheglov, S. A. *Deiatel'nost' Saratovskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii po sokhraneniui pamiatnikov drevnosti na Uveke (Activity of the Saratov Academic Archival Commission on the Conservation of the Antiquity Monuments)*. In State Archive of the Saratov Region. Fund 407. Inv. 2, dossier 184, sheet 28–29 (in Russian).

About the Author:

Kubankin Dmitry A., Saratov Regional Museum of Local Lore. Lermontov St., 34, Saratov, 410031, Saratov Region, Russian Federation; Kubankin2008@yandex.ru

УДК 930.2

ЗАМЕТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIV–XV ВЕКОВ О ГОРОДЕ КАФФА¹

©2015 г. С.Г. Бочаров

В статье приводятся сведения путешественников XIV–XV вв. о средневековом городе Каффа на Крымском полуострове. Рассматриваются свидетельства Ибн Батуты, анонимного Венецианского путешественника, Иоганна Шильдбергера, Гильберта де Лануа, Перо Тафура, Жилия ле Бувье, Амборджио Контарини и Иосафато Барбаро. Выявляется, как городской пейзаж Каффы периода генуэзского господства был зафиксирован в их сообщениях, какие городские постройки нашли отражение в данных источниках. Прослеживается, как начиная с последней трети XIII в. из небольшого торгового поселения - фактории Каффа превращается в крупнейший город Северного Причерноморья. В Каффе выделяются три основные градообразующие единицы: 1) цивитас – жилые кварталы внутри цитадели; 2) бург – городские кварталы защищённые внешним оборонительным кольцом; 3) антибург – неукрепленные городские предместья.

Ключевые слова: археология, история, Крым, город Каффа, средневековые путешественники, нарративные письменные источники, историческая топография.

В истории Восточной Европы Каффа занимает особое место по политическому и экономическому значению, площади городской территории, количеству населения. Основанная как генуэзская фактория (небольшая торговая станция) в 70-х гг. XIII в., Каффа в XIV в. становится основным портом генуэзской транзитной торговли и главным административным центром генуэзских поселений в Северном Причерноморье. В течение двух веков город определял характер, направление и размеры международной торговли, выдержав конкуренцию с Венецией, и, как следствие, произошло развитие местного аграрного производства, ремесла, локальной

коммерции, градостроительства и культурных связей с Востоком и Западом.

Из комплекса различных письменных источников, относящихся к Каффе, мы рассмотрим нарративные – описания путешественников. В статье использованы свидетельства: Ибн Батуты, анонимного венецианского путешественника, Иоганна Шильдбергера, Гильберта де Лануа, Перо Тафура, Жилия ле Бувье, Амборджио Контарини и Иосафато Барбаро.

Абуабдаллах Мухаммед Ибн Батута, посетивший Каффу около 1340 г., в книге «Подарок наблюдателям по части диковинных стран и чудес путешествий» так описывает город: *«Из Керчи мы прибыли <...> в город Каффу. Это большой город, который тянется вдоль берега*

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века», поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ им. М.В. Ломоносова).

морского. Населяют его христиане, большая часть которых генуэзцы. Мы остановились в ней (Каффе), в мечети мусульман.

Остановившись в этой мечети, мы пробыли в ней с час. Потом услышали со всех сторон звуки колоколов. Никогда еще не слыхав их и перепугавшись этого, я приказал товарищам моим взойти на башню, прочитать Коран, помянуть Аллаха и совершить призыв к молитве. Они так и сделали. Вдруг к нам вошел человек, на котором были латы и оружие. Он приветствовал нас и на наши вопросы, кто он такой, сообщил нам, что он кади здешних мусульман. «Услышав, – сказал он, – чтение (Корана) и призыв к молитве, я испугался за вас и пришел, как видите». На следующий день пришел к нам эмир и устроил угощение. Мы поели у него, проишлись кругом по городу и увидели в нем прекрасные базары. Все они (жители) неверные. Спустились мы в гавань ее (Каффы) и увидели чудную гавань: в ней (было) до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира» (Тизенгаузен, 1884).

Какой была Каффа в середине XIV в.? Ибн Батута увидел молодой и развивающийся город. Генуэзская торговая фактория Каффа возникла в Восточном Крыму в 70-х годах XIII в., а в 1308 г. после осады города войсками хана Тохту была оставлена жителями. Этот опорный пункт для генуэзцев был временно потерян (Balard, 1989, p. 107–131). После смерти Тохты, коммуна Генуи отправляет 9 августа 1312 года посольство к его преемнику хану Узбеку, которое добивается разрешения на восстановление города Каффы (Balard, 1978).

Из поражения 1308 года были сделаны надлежащие выводы. Для управ-

ления делами торговых поселений в Северном Причерноморье в 1313 году в Генуе была создана специальная коллегия из восьми человек (Officium Gazarie). 18 марта 1316 года был принят план восстановления Каффы (Ordo de Caffa). План предусматривал строительство каменной крепости (castrum), запрещал застраивать пространство за крепостной стеной, прилегающее к дороге на Солхат, а также разделение города на две зоны: территорию, окруженную крепостной стеной (civitas), и местность за ее пределами, но входящую в границы города (burg) (Balard, Veinstein, 1981, p. 79–131).

Территория внутри крепости разделялась на участки, предназначенные для продажи с торгов для граждан Генуи, на которой они к концу 1320 года были обязаны построить дом. За крепостными стенами все участки земли должны были сдаваться в аренду под застройку представителям нелатинских общин городского населения и арендная плата за них должна вноситься в казну Каффы (Balard, 1978, p. 204). Население города всегда составляли представители различных народов и конфессий и, видимо, такой план восстановления фактории предполагал на случай конфликта отделить колонистов из Западной Европы от представителей восточных общин каменными стенами крепости.

После восстановления города генуэзские официалы поддерживают мирные отношения с правителями Золотой Орды, город переживает экономический подъем, связанный, в первую очередь, с удачной торговой деятельностью, выгодной и Орде, и Каффе (вспомним описание каффийской гавани у Ибн Батуты). В первой

половине XIV в. за счет новых переселенцев растет население города, которое начинает занимать и осваивать участки земли к югу и западу от крепости. Городская территория подразделяется на кварталы (*contrado*). В свою очередь, контрадо группировались вокруг различных культовых памятников города и имели свою ярко выраженную этническую доминанту: латинскую, греческую, армянскую, еврейскую и тюркскую. Даты возведения церкви, синагоги или мечети, конечно, в том случае, когда они упомянуты в письменном источнике, дают возможность судить о времени занятия каждого конкретного участка городской территории представителями определенного народа.

В 1340 году начинается строительство каменной крепости (*castrum*) (Balard, Veinstein, 1981, p.87), внешний облик которой можно установить по картографическим источникам. Каструм охватывает всю площадь современного Карантинного холма и равнинную территорию к югу от этой возвышенности. Общая длина крепостных стен около 1440 метров. Крепостной полигон состоит из 16 башен, 6 ворот, 2 калиток и 15 куртин (рис. 1, 2, 3), средняя высота стен – 13 метров, средняя высота башен – 20 метров. Площадь городской территории, защищенная стенами, – 11,3 гектаров (Бочаров, 2006, с. 112–115).

С известной долей осторожности мы можем представить топографию Каффы в середине XIV в. следующим образом. Застройка внутри крепости (*civitas*) занимает вершину Карантинного холма, северо-западный, северо-восточный (приморский) склоны и ровное пространство на северо-западе. Равнинный участок застроен

сетью прямых продольных и поперечных улиц. Продольных улиц девять, они ориентированы по оси север-запад – юго-восток. На равнинном участке было пять поперечных улиц, расположенных по линии юго-запад – северо-восток. Роль архитектурной доминанты на равнинном участке выполнял дворец коммуны Каффы с прилегающей к нему площадью (рис. 1). На вершине и склонах Карантинного холма продольные улицы имели излом в соответствии с рельефом холма и их ориентировка изменяется, большей частью, по оси запад–восток. Три поперечные улицы, размещенные на вершине Карантинного холма, также имеют другое направление, спланированы в соответствии с ориентировкой холма и на 15% отклонялись от оси север–юг. Основные улицы начинаются у крепостных ворот. Кварталы, расположенные в городской цитадели, имели четкую планировку и единое архитектурное решение (рис. 1)

Система организации пространства в бурге иная, чем в цитадели. Кварталы имеют иррегулярную планировку. Беспорядочная сеть улиц тем не менее связана с воротами цитадели и незастроенным пространством у дороги на Солхат (рис. 1). Регулярная застройка цивитаса и хаотичная застройка бургов, по нашему мнению, является следствием воплощения в жизнь норм «*Ordo de Caffa*», т.е. стремлением отделить латинян от горожан из других общин. Авторы плана мало заботились о соблюдении правильных архитектурно-планировочных норм за пределами крепости, которая застраивалась иррегулярно во всех направлениях, исключая солхатское, что свидетельствует об отсутствии здесь единого строительного

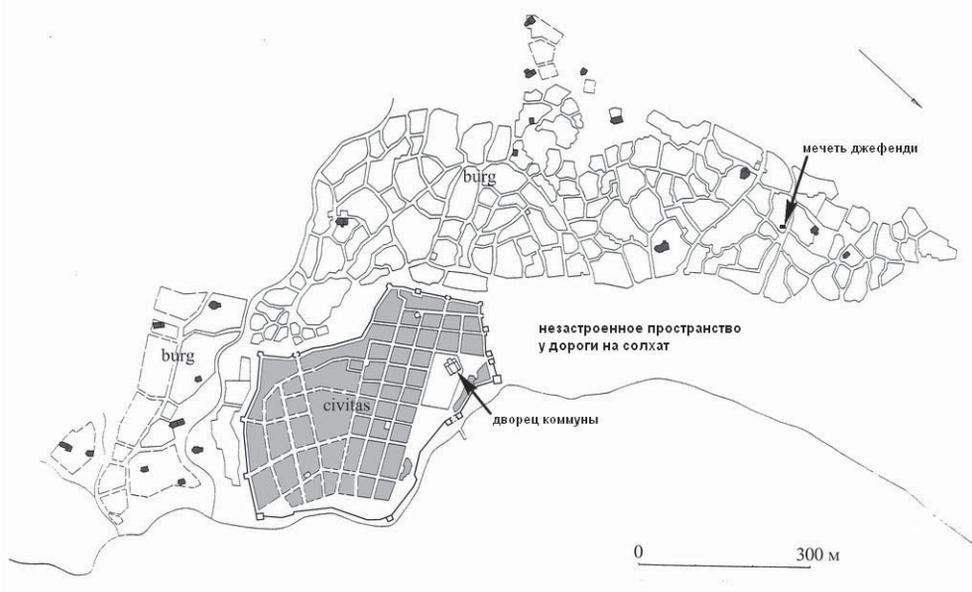

Рис. 1. План города Каффа (середина XIV века).
Fig. 1. Plan of Caffa (middle 14th century).

плана. Бурный рост города, появление в короткие сроки новых групп населения, занимающего и застраивающего новые площади, не позволили изменить такое положение вещей. В бурге находилась и единственная городская мечеть XIV в., в которой останавливался Ибн Баттута, встречавшийся с кади и эмиром «здесьних» мусульман. Эта постройка (мечеть Джефенди) находилась в северо-западной части средневековой городской территории (рис. 1) (Bocharov, 2009, p.42), где, по нашему мнению, располагались одни из первых жилых кварталов, заселенные преимущественно мусульманским (сарацинским) населением.²

² М. Балар пришел к выводу о том, что генуэзцы используют термин «сарацины» в привычном для них понимании: они обозначают такими образом общность нехристиан, которые их окружают, «неверных», – независимо от их этнической принадлежности. По мнению исследователя,

Дальнейший ход событий подтвердил правильность действий колониальной администрации по фортификационному укреплению города. В ходе военного конфликта между Золотой Ордой и Генуей (Сафаргалиев, 1996, с. 369) хан Джанибек дважды осаждает Каффу в 1344 г. и 1346 г., но взять новую каменную крепость (рис. 2, 3) его войскам так и не удалось (Карпов, 1994, с. 123). В конфликте хан потерпел поражение, он не смог изгнать латинян из города и ликвидировать их присутствие в Восточном Крыму. В следующее десятилетие с 1347 г. по 1357 г. в военные конфликты стороны не вступали. Однако уже в 1357 г. при приемниках Джанибека,

группа сарацин, этнически разнородная, образовало в Каффе сообщество, объединенное в силу своего отличия от религии хозяев фактории, которое тем самым противостояло западному господству (Balard, 1978, p. 88).

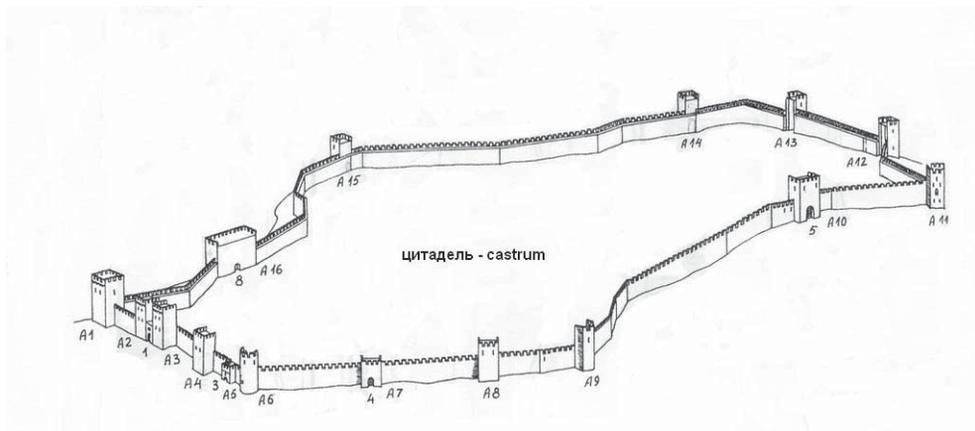

Рис. 2. Реконструкция цитадели Каффы. Вид с запада.
Fig. 2. Citadel of Caffa, reconstruction. View from the west.

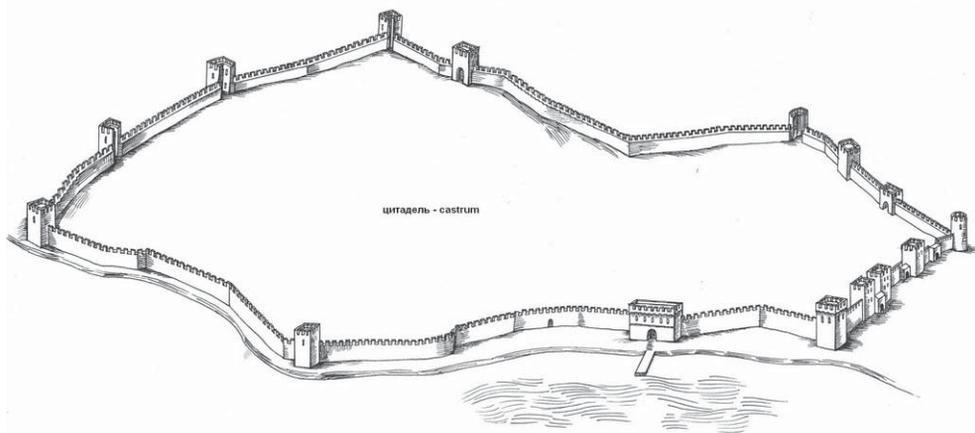

Рис. 3. Реконструкция цитадели Каффы. Вид с моря (с севера).
Fig. 3. Citadel of Caffa, reconstruction. View from the sea (from the north).

администрация Каффы от обороны переходит в наступление и на Крымском побережье Черного моря от Чембало (Балаклавы) до Воспоро (Керчи) создает систему городов, крепостей и селений, подчиненных Генуе, которая получила название генуэзская Газария (Бочаров, 2001, с. 89–90; Бочаров, 2001, с. 157–161; Бочаров, 2004,

с. 186–205; Бочаров, 2005, с. 282–294; Бочаров, 2009, с. 45–46).

Основная часть заметок путешественников относится к периоду наивысшего расцвета города, который приходится на последнюю четверть XIV – третью четверть XV в. Сохранилось свидетельство, написанное на латыни, анонимного венецианского

путешественника первого десятилетия XV в., направлявшегося в Тану. Пролетав на своем корабле вдоль черноморского побережья Малой Азии до владений Трапезундского императора, «<...> утром мы пересекли море; и тогда нашему взору предстают земли Готов. Мы входим в порт и перед нами простирается великий город Каффа, который имеет восемь тысяч башен; она с трудом вмещает свое население. Генуэзцы там хозяева» (Paviot, 1988, p. 451).

Иоганн Шильтбергер из Мюнхена – баварский солдат, попавший в плен к мусульманам после разгрома в 1394 г. султаном Баязидом войск крестоносцев под руководством короля Венгрии Сигизмунда и пробывший в плену до 1427 г. За время 30-летнего пребывания в плену, Иоганн вместе со своими хозяевами побывал во многих странах Европы, Азии и Африки.

Он сообщает о Каффе: «<...> страна, называемая Кипчак, со столицей Солкат. Есть (в этой стране) город Каффа, на берегу Черного моря, окруженный двумя стенами. Во внутреннем городе шесть тысяч домов, населенных итальянцами, греками и армянами. Это один из главных черноморских городов, имеющих по внешней черте до 11 тысяч домов, населенных христианами: латинскими, греческими, армянскими и сирийскими. В этом городе местопребывания трех епископов: римского, греческого и армянского. В городе есть и много язычников, которые имеют в нем свой храм» (The bondage..., 1970, p. 49; Шильтбергер, 1984, с. 45).

В 20-х гг. XV в. Каффу посетил Гильберт де Лануа – посол бургундского герцога на Ближнем Востоке. В отличие от предыдущих путеше-

ственников он добрался до Каффы, где сделал краткую остановку, сухопутным путем через Польшу и Монкастро (Белгород-Днестровский): «<...> и прибываю в город Каффу, который является морским портом и городом с тремя ограждениями, расположенный в Татарии, на Большом Море, и принадлежащий генуэзцам» (Paviot, 1988, p. 453).

Испанский торговец рабами Перо Тафур побывал в Каффе между 1435 и 1439 гг. Добирался он на корабле через Константинополь, Синоп и Трапезунт: «Мы высадились в порту и направились в постоянный двор... На следующий день мы отправились обозреть монастырь св. Франциска – замечательное здание: здесь мы прослушали мессу, после которой пошли к правителю города, который принял нас очень радушно... Каждый вечер мы прогуливались по городу, открывая очень много изумительных вещей. Город очень велик, также или даже больше, чем Севилья, в нем два сорта жителей, католики, греки и все народности мира... Здесь продают множество рабов, мужчин и женщин, которых продают по всему миру.

Этот город окружен двойной стеной с маленьким рвом, но очень богат (в нем много) арбалетов, бомбард, мортир, спингард, кулеврин и всякого рода защитной артиллерии, но с людьми безоружными и даже не имеющими желание причинять зло ибо они приобретают здесь великие богатства... В город приезжают множество купцов пряностями, золотом, жемчугом и драгоценными камнями купленными в Персии и Индии...

В городе Каффа очень холодно зимой и иногда суда, стоящие в порту

захватывает льдом» (Paviot, 1988, p. 454–456; Тафур, 2006, с. 160–165).

Герольд Барри – Жиль ле Бувье, путешествовавший между 1440–1448 гг., отмечает: «<...> город, который называется Каффа, это морской порт, куда генуэзцы посылают (корабли) за древесиной, из которой делают луки и арбалеты, а также за вином называемым Романским, а также мехом куницы и белки. Этот город такой же большой как Гент или Брюге, это большой порт христиан и сарацинов, которые привозят всякие товары» (Paviot, 1988, p. 458–459).

В 1474 г. через Каффу проследовал посол Венецианской республики к персидскому правителю Амброджио Контарини. Отношения между Генуей и Венецией в этот период были сложными, и пребывание посла в Каффе скрывалось от генуэзской администрации. В своих записках Контарини так описывает эти события: «<...> к вечеру 26 мая (1474 г.) вступили в город Каффу <...> Нас потаенно отвели в какую-то церковь, и я послал своего переводчика отыскать нашего консула; тот сразу же прислал своего брата, который сказал мне, что надо дожидаться позднего времени, чтобы перейти незаметно в один его дом в пределах города. Так мы и поступили. В надлежащий час мы вошли в дом консула, где нас приняли с почестями <...>. Я не могу подробно рассказать о состоянии города Каффы, потому что оставался почти непрерывно в стенах дома, чтобы не быть замеченным; скажу лишь о немногом, что удалось увидеть и услышать. Город этот расположен на Великом море и ведет большую торговлю; он плотно населен людьми разных национальностей и, по

слухам, весьма богат» (Контарини, 1981, с. 201).

Сообщают нарративные источники и о последних днях генуэзского господства в Каффе и захвате города войсками турецкого султана. Рассказ об этих событиях из уст Антония Гуаско – уроженца Каффы, который бежал из Крыма после взятия Каффы турками летом 1475 г., добрался через Кавказ до Тебриза (Скржинская, 1971, с. 9), записал и включил в свои путевые заметки венецианский посол к персидскому падишаху Иосафат Барбаро: «Тогда правителем в этом месте, а именно – в степях, был один татарин по имени Эминакби. Он ежегодно брал с каффинцев определенную дань, что было обычным явлением в тех краях. Случились между ним и каффийцами некоторые разногласия, по поводу которых консул Каффы решил обратиться к хану, чтобы признать (правителем) кого-либо из родичей этого Эминакби. При его содействии и при помощи его сторонников консул намеревался изгнать Эминакби. Поэтому он послал (из Каффы) корабль в Тану. На корабле был посол от консула, который и отправился в Орду, где находился хан. Когда там был найден какой-то родич Эминакби, по имени Менглиери, посол, получив разрешение, отвез его в Каффу через Тану. Эминакби, узнав об этом, пытался установить мир с каффинцами путем договора, по которому они должны были отослать Менглиери обратно. Но каффийцы не согласились на подобный договор; тогда Эминакби, опасаясь за свое дело, отправил посла к Оттоману, обещая ему (если он пошлет свой флот для осады Каффы с моря) осадить город с суши и таким образом отдать ему Каффу, которой тот хотел овладеть

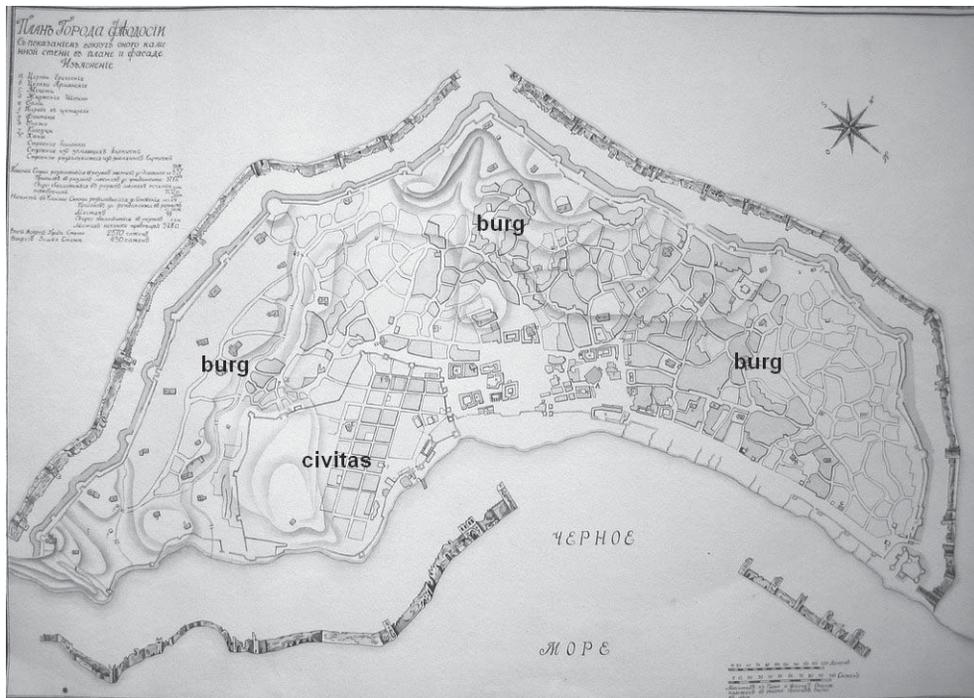

Рис. 4. План города Феодосия (конец XVIII в., Российский Государственный военно-исторический архив, Фонд 846, описание 16, дело 22729), на котором показана городская территория Каффы в пределах внешнего оборонительного кольца (последняя четверть XIV – третья четверть XV веков).

Fig. 4. Plan of Feodosia (late 18th century, Russian State Archive of Military History, Fund 846, inventory 16, case 22729), with the territory of Caffa within its external defense ring (last quarter of 14th – third quarter of 15th centuries).

(Колли, 1918, с. 145–174; Мыц, 2009, с. 405–419; Мыц, 2009а, с. 247–262).

Оттоман, который весьма желал этого, послал флот и в короткое время взял город» (Барбаро, 1971, с. 153).

Как выглядел генуэзский город, который так «изумлял» людей, посетивших его? В последней четверти XIV – третьей четверти XV в. Каффа состояла из трех градообразующих частей: городских кварталов, располагавшихся внутри цитадели и называвшихся цивитас, городских кварталов в пределах внешнего оборонительного кольца – бург (burg) – и территории жилой застройки за пределами

крепостных стен – антибург (antiburg) (рис. 4, 7).

Схема развития застройки городских кварталов за пределами цитадели – бурга – иная, чем в цивитас. Здесь нет регулярной планировки. Хаотическая застройка бурга, по нашему мнению, тоже является следствием воплощения в жизнь норм «Ordo de Caffa». Единственная градостроительная норма, относящаяся к бургу, – оставить свободным и не застраивать обширное пространство со стороны дороги на Солхат, но эта мера была предпринята не для систематизации жилой застройки, а для ограничения этой застройки на северо-западном

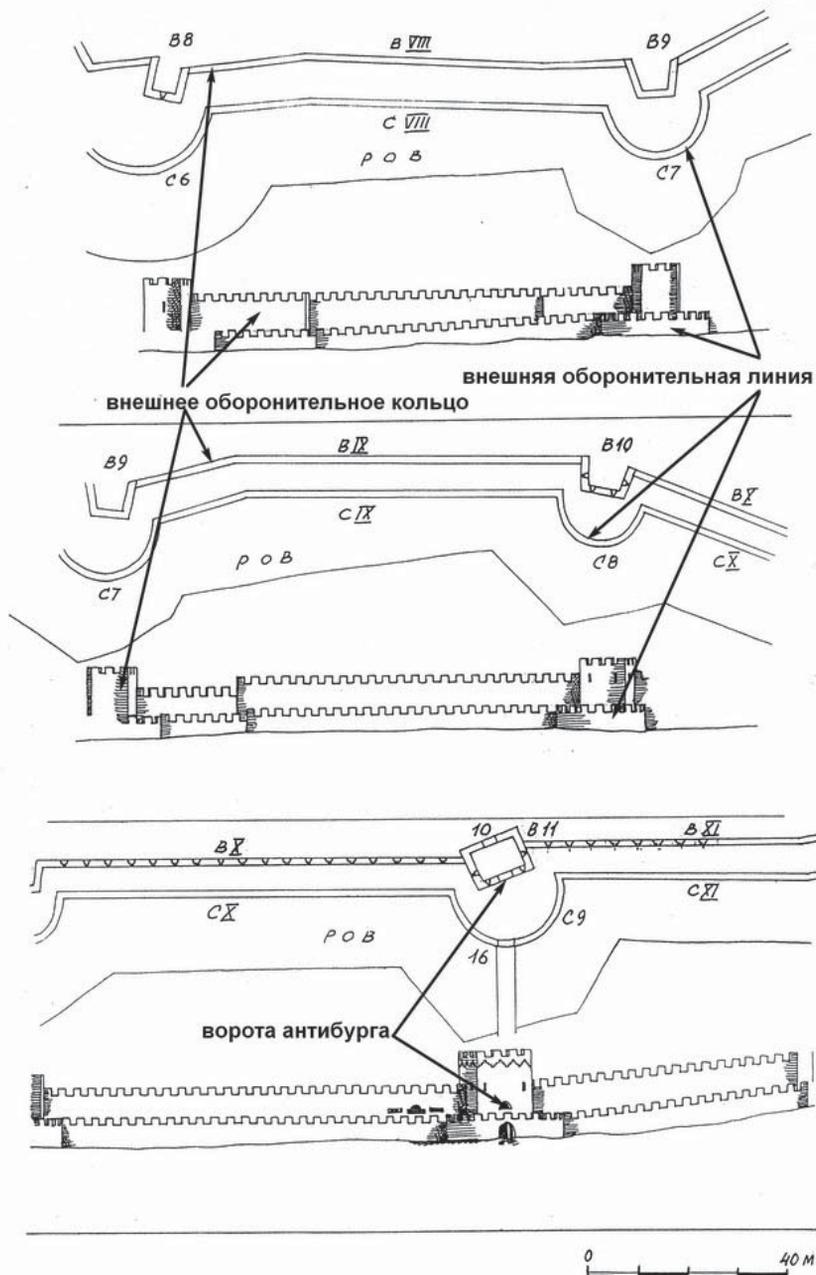

Рис. 5. План и фасад башен и куртин внешнего оборонительного кольца и внешней оборонительной линии, а так же крепостного рва Каффы в районе ворот Антибурга (последняя четверть XIV – третья четверть XV веков).

Fig. 5. Plan and façade of towers and curtains of the external defense ring and the external defense line, as well as Caffa's moat near the gate of Antiburg (last quarter of 14th – third quarter of 15th century).

Рис. 6. Реконструкция фортификационных сооружений Каффы (третья четверть XV в.).
Fig. 6. Caffa's fortifications, reconstruction (third quarter of 15th century).

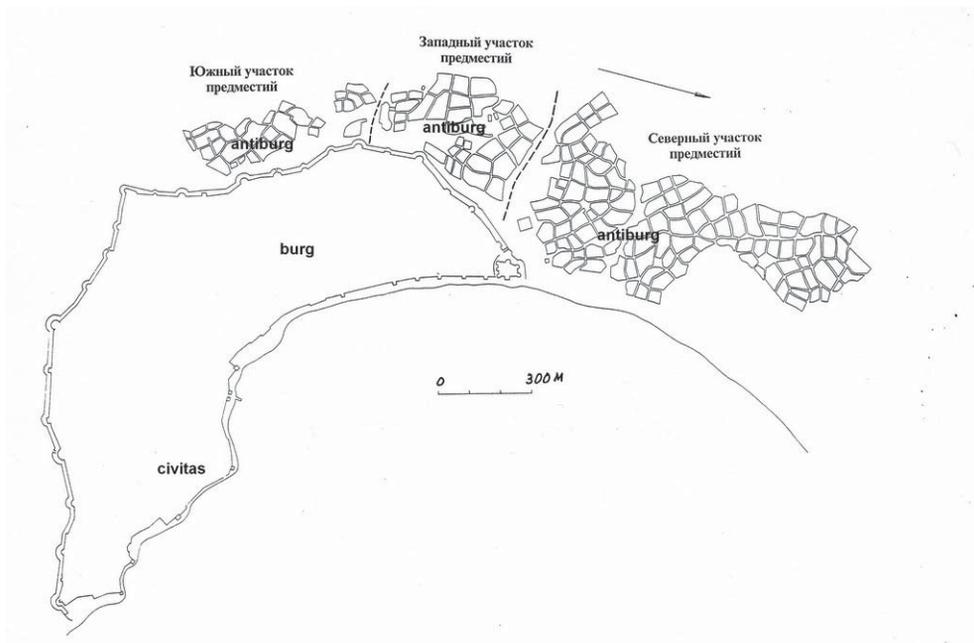

Рис. 7. Неукрепленные предместья (антибург) Каффы (третья четверть XV в.).
Fig. 7. Non-fortified suburbs (antiburg) of Caffa (third quarter of 15th century).

направлении от цитадели. Генуэзская администрация при восстановлении фактории предполагала отделить латинян от жителей других общин, мало заботясь о соблюдении правильных архитектурно-планировочных форм на территориях за пределами цитадели, которые застраивались хаотично во всех направлениях, исключая солхатское. Последующий пятидесятилетний бурный рост нового города, появление все новых групп населения, застраивающего новые площади, не позволили это исправить.

При рассмотрении планировки городских территорий, включенных в 80-х годах XIV века во внешнее оборонительное кольцо, обращает на себя внимание отсутствие единого строительного плана, эти участки осваивались новыми группами прибывающего населения в кратчайшие сроки (фактически за 40 лет с начала 50-х до конца 80-х годов XIV века). Общая площадь внутри оборонительного кольца 82 гектара, за вычетом площади цивитаса в 11,3 гектара, площадь городской территории, занятой бургом, составляет 70,7 гектаров (рис. 4).

К моменту захвата города османскими войсками площадь городских предместий – антибурга – составляла около 43 гектаров. Антибург с запада и юго-запада примыкал к укрепленной городской территории и имел иррегулярную планировку (рис. 7). Такая планировка сложилась под воздействием фактора рельефа местности, при постоянном притоке нового населения, заселявшего свободные территории, и имела плотную застройку. Городской пейзаж антибурга помимо рельефа складывался под влиянием размещения дорог на Солхат, Солдайю и Воспоро (при которых

возникали первые кварталы). Общая площадь городской территории к 70-м годам XV века составила около 125 гектаров (Бочаров, 2000, с. 18).

В XV веке город имел мощнейшие в Причерноморье фортификационные укрепления, на которые обращают внимание практически все путешественники, цитадель была усилена внешним оборонительным кольцом, которое защищало разросшуюся территорию бурга (рис. 4, 5, 6). В 1383 году начинаются широкомасштабные работы по возведению внешнего оборонительного кольца, предпринятые тремя консулами: Якопо Спинола (1383 г.), Пьетро Казано (1384 г.), Бенедетто Гримальди (1385 г.). К 1389 году можно отнести завершение строительства крепостных сооружений оборонительного кольца, обращенных в сторону суши, о чем свидетельствует закладная плита башни, построенной у моря и находящейся рядом с Каядорскими воротами (Skrzinska, 1928, р. 56). По нашему мнению, это свидетельство относится к башне, называемой ныне башней св. Константина, так как она является единственной в оборонительной линии внешнего кольца, сооруженной рядом с воротами и стоящей у моря (рис. 6). Приморский участок внешнего оборонительного кольца возводился вплоть до второй половины XV века, о чем свидетельствуют строительные закладные плиты башен 1467 г. и 1474 г. (Skrzinska, 1928, р. 67, 71–73).

Площадь вновь укрепленной городской территории составила около 82 гектара. Крепостное кольцо длиной около 5240 метров (с учетом 600 метров берегового участка цитадели) укрепляло приморскую часть города на протяжении 2070 метров и опоясы-

вало город со стороны суши на протяжении 3170 метров. Средняя высота крепостных стен – 10 метров, средняя высота башен – 17,5 метра. Общее количество башен 34, из них 32 – прямоугольные в плане, 2 – полукруглые. В город вели 5 крепостных ворот и одна калитка (рис. 4, 6) (Бочаров, 1998, с. 90).

Внешнее оборонительное кольцо было дополнительно усилено со стороны суши еще одной крепостной линией и каменным рвом (рис. 5, 6). Крепостная линия общей протяженностью 3200 метров полностью повторяет пространственное очертание западной и юго-восточной линий внешнего оборонительного кольца, защищает башни оборонительного кольца барбаканами и отстоит от его крепостных стен лишь на 3 м (рис. 5). Средняя высота стен линии – 5 метров, средняя высота барбаканов – 5,5 метра. Общее количество барбаканов 24, из них 6 прямоугольные, в плане трехстенные, все открыты в сторону города, 18 – полукруглые в плане. 18 барбаканов защищают столько же башен внешнего оборонительного кольца, 5 барбаканов – куртины кольца в наиболее уязвимых местах (рис. 5). Все 4 ворот внешней крепостной линии устроены в полукруглых в плане барбаканах, которые расположены напротив четырех ворот внешнего крепостного кольца. Барбаканы соединены 25 куртинами. Общая протяженность крепостного рва около 3200 метров. Ширина на отдельных участках колеблется от 11 до 19 метров. Глубина крепостного рва от 4 до 7 метров. Ров был вырыт в земле, с одной стороны стенками рва служили куртины внешней крепостной линии, с другой – была возведена каменная

однорядная кладка на известковом растворе. Дно рва было горизонтальным, земляным. Так как внешние укрепления Каффы проходили по пересеченной местности, водой ров наполнить было невозможно. Строительство внешней крепостной линии и рва начинается в 1385 году при консуле Бенедетто Гримальди (Benedetto Grimaldi), который дополнил систему обороны, снабдив ее рвами и барбаканами (Balard, 1989, p. 112). О дате завершения этих сооружений сообщают упомянутые путешественники. В частности, посол Бургундского герцога Гильбер де Лануа, посетивший Каффу в начале 20-х гг. XV века заметил, что она «... является морским портом и городом с тремя ограждениями». Испанский путешественник Перо Тафур, побывавший в Каффе в 30-х гг. XV века, свидетельствует: «Этот город окружен двойной стеной с маленьким рвом». Сооружение внешней крепостной линии и рва началось на два года позднее внешнего оборонительного кольца в 1385 году и к 20-м годам XV века было закончено (рис. 4, 5, 6) (Бочаров, 1998, с. 95–96).

В Каффе проживали представители нескольких конфессий. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трех основных конфессий – католический, православный (византийский) и армянский. Также были два иудаистских храма, одна мечеть. Можно говорить о существовании в городе к 1475 году двадцати девяти католических церквей и двух монастырей – Францисканском и Доминиканском. Большая часть храмов находилась в цитадели, с уверенностью можно говорить о трех церквях, находившихся в бурге и одной на центральном городском рынке

(Бочаров, 2008, с. 39). Из тринадцати греческих церквей двенадцать находились в кварталах, защищенных внешним оборонительным кольцом (Айбабина, Бочаров, 2008, с. 425–436), и одна – на греческом средневековом кладбище, на западном склоне мыса св. Ильи (Айбабина, Бочаров, 2002, с. 159–169). Армянская община владела двадцатью восемью храмами и четырьмя монастырями (Бочаров, 1996, с. 220–221). Двадцать две церкви находились в кварталах бурга, шесть храмов и все четыре монастыря в антибурге (Bocharov, 2009, p. 31).

С 1475 г. начинается новый период в

истории города, называемого с тех пор Кефе (1475–1774 гг.). Он входит в состав Турецкого государства и становится одним из главных городов Османской империи – административным центром одноименной провинции, охватывавшей все Северное Причерноморье, многонациональным городом с развитым ремеслом и местной торговлей (Бочаров, 2008а, с. 44–46). Что в этом городе изменилось, а что осталось прежним? Частично ответить на этот вопрос можно при помощи свидетельств путешественников, побывавших в Кефе в XVI–XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Об атрибуции одной из средневековых церкви в Феодосии // Стратум Плюс. – 2000. – № 5. – С. 425–436.
2. *Айбабина Е.А., Бочаров С.Г.* Греческие православные церкви средневековой Каффы // Православные древности Таврики. – Киев: Стилос, 2002. – С. 159–169.
3. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971. – С. 136–161.
4. *Бочаров С.Г.* Армянские церкви и проблемы исторической топографии Каффы (XIV–XVIII вв.) // Тезисы докладов IV Международной конференции студентов и молодых ученых. – Киев: Киево-Могилянская академия, 1996. – С. 220–221.
5. *Бочаров С.Г.* Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII – вторая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века. – Спб.: Алетей, 1998. – С. 82–117.
6. *Бочаров С.Г.* Историческая топография Кафы, конец XIII в. – 1774 г. (фортификация, культовые памятники, система водоснабжения). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 2000. – 21 с.
7. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции. – Харьков: Изд-во Харьковского университета, 2001. – С. 89–90.
8. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Керченский полуостров) // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции. – Керчь: Керченский историко-культурный заповедник, 2001а. – С.157–161.
9. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега и гор Таврических». Сборник научных трудов. – Киев: Стилос, 2004. – С. 186–205.
10. *Бочаров С.Г.* Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV. Консульство Солдайское // Античная древность и средние века. Сборник

научных трудов. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2005. – С. 282–294.

11. Бочаров С.Г. Каффа и Золотая Орда в первой половине XIV века // III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова «Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне». – М.: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 112–115.

12. Бочаров С.Г. Средневековая Каффа // Феодосия. – Симферополь: Изд-во Универсум, 2008. – С. 34–44.

13. Бочаров С.Г. Кефе // Феодосия. – Симферополь: Универсум, 2008а. – С. 44–46.

14. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. (Западный Крым) // Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей. – Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 45–46.

15. Карпов С.П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский Временник. – М.: Индрик, 1994. – С. 121–127.

16. Колли Л.П. Падение Каффы // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – № 55. – Симферополь, 1918. – С. 145–174.

17. Контарини А. Путешествие в Персию // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971. – С. 210–235.

18. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь: Универсум, 2009. – 527 с.

19. Мыц В.Л. Армянские источники о завоевании Каффы турками – османами в 1475 г. // Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в период античности и средние века. – Симферополь: Изд-во Барановский, 2009а. – С. 247–262.

20. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Евразия, 1996. – С. 277–526.

21. Скржинская Е.Ч. Записки Иосафата Барбаро // Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини о России. – Л.: Наука, 1971. – С. 5–29.

22. Тафур П. Странствия и путешествия / Пер., предисл. и комм. Л.К. Масиеля Санчеса. – М.: Индрик., 2006. – 176 с.

23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – СПб.: Изд-во Академии наук, 1884. – 558 с.

24. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. / Перевод со старонемецкого Ф.К. Бруна. – Баку: Элм, 1984. – 129 с.

25. Balard M. La Romanie Génoise (XIII– début du XV e siècle). Roma, Genova: Boccard, 1978, vol. 1, 503 p.

26. Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génoise et Ottomane. In: *Le Paysage urbain au Moyen Âge*. Lyon: Persée, 1981, pp. 79–131.

27. Balard M. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII–XV siècle). In: *D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII–XVI siècle)*. Rome: École française de Rome, 1989, pp. 107–131.

28. Balard M. “ Infideles” ou Comans ? A propos des “Sarraceni” de Caffa. In: *Bulletin d'E*

29. Bocharov S. Archaeological cities of Armenian population of the Crimea in XIII–XV centuries. In: *International conference Turkic World, the Caucasus and Iran. Abstracts*. Erevan: Ibris, 2009, p. 31.

30. Bocharov S. Ottoman mosques of the city of Caffa–Kefe (1475–1774). In: *The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe. Abstracts*. Krakow: Mangana museum, 2009, p. 42.

31. Paviot J. Les Génois en Mer Noire: le témoignage des voyageurs (XIV–XV siècles). In: *Bulgaria – Pontica*. Sofia: L'Academie Bulgare des Sciences, 1988, vol. II, pp. 446–468.

32. Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. In: *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. Genova: Societa Ligure di Storia Patria, 1928, vol. LVI, 141 p.

33. The bondage and travels Johann Schiltberger, a native on Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427. New York: Burt Franklin, 1970, 125 p.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБНУ РК Института археологии Крыма (Симферополь, Российская Федерация); sgbotcharov@mail.ru

TRAVELERS' NOTES (14TH –15TH CENTURES) ABOUT THE TOWN OF CAFFA³

S.G. Bocharov

The author offers accounts of 14th – 15th century travelers about the medieval city of Caffa on the Crimean Peninsula, such as by Ibn Batuta, an anonymous Venetian traveler, Johannes Schiltberger, Gilbert de Lannoy, Pero Tafur, Gilles le Bouvier, Amborgio Contarini and Josafato Barbaro. He reconstructs how Caffa's urban landscape in the days of the Genoese domination was documented in their accounts, which of the town's structures were reflected in these sources. He follows how Caffa, a little trade settlement of the last third of the 13th century (factory of Caffa) developed into the largest town of the Northern Black Sea region. Caffa had three main urban pillars: 1) *civitas* – the residential quarters inside the Citadel; 2) *burg* – urban quarters protected by the external defense ring; and 3) *antiburg* – some non-fortified suburbs.

Keywords: archaeology, history, Crimea, the town of Caffa, medieval travelers, narrative written accounts, historical topography.

REFERENCES

1. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2000. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5). Saint Petersburg; Kishinev; Odessa, 425–436 (in Russian).

2. Aibabina, E. A., Bocharov, S. G. 2002. In *Pravoslavnye drevnosti Tavriki (Sbornik materialov po tserkovnoi arkheologii) (Orthodox Antiquities of Taurica (Collected Papers on Church Archaeology))*. Kiev: "Stilos" Publ., 159–169 (in Russian).

3. Barbaro, J. 1971. In Skrzinskaia, E. Ch. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 136–161 (in Russian).

³ This study was prepared within the Project "The Black Sea region and the Medieval World in Relationships between Rus', East and West in the Middle Ages" supported by the Russian Scientific Foundation (agreement no. 14-28-00213 of 15 August 2014 between the Russian Scientific Foundation and M.V. Lomonosov Moscow State University).

4. Bocharov, S. G. 1996. In *Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Abstracts of the 4th International Conference of Students and Young Scientists)*. Kiev: Kyiv-Mohyla Academy, 220–221 (in Russian).
5. Bocharov, S. G. 1998. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 82–117 (in Russian).
6. Bocharov, S. G. 2000. *Istoricheskaia topografiia Kaffy: konets XIII v. – 1774 g. (fortifikatsiia, kul'tovye pamiatniki, sistema vodosnabzheniia) (Historical Topography of Kaffa in Late 13th Century — 1774 (Fortification, Cult Sites, Water-Supply System))*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
7. Bocharov, S. G. 2001. In *Problemy istorii i arkhologii Ukrainy (Problems of History and Archaeology of Ukraine)*. Kharkov: V.N. Karazin Kharkov National University, 89–90 (in Russian).
8. Bocharov, S. G. 2001. In *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei (175th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities)*. Kerch: Kerch Historical and Cultural Reserve, 157–161 (in Russian).
9. Bocharov, S. G. 2004. In «*O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavrisheskikh*»: *Sb. nauch. trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letii so dnia rozhdeniia Petra Ivanovicha Keppena) (,On the Antiquities of the Southern Shore of Crimea and Mountains of Taurica': Proceedings (of the Conference dedicated to the 210 Years Anniversary from the Birth of Petr Ivanovich Köppen))*. Kiev: "Stilos" Publ., 186–205 (in Russian).
10. Bocharov, S. G. 2005. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)*. Yekaterinburg: Yekaterinburg University, 282–294 (in Russian).
11. Bocharov, S. G. 2006. In *Gorod i step' v kontaktnoi evroaziatskoi zone (The Town and the Steppe in the Contact Eurasian Zone)*. Moscow: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 112–115 (in Russian).
12. Bocharov, S. G. 2008. In *Feodosiia (Feodosia)*. Simferopol: "Universum" Publ., 34–44 (in Russian).
13. Bocharov, S. G. 2008. In *Feodosiia (Feodosia)*. Simferopol: "Universum" Publ., 44–46 (in Russian).
14. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2009. In *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa po arkhologii Evraziiskikh stepei (Proceedings of the 1st International Congress on the Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 45–46 (in Russian).
15. Karpov, S. P. 1994. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA)*. Moscow: "Indrik" Publ., 121–127 (in Russian).
16. Kolli, L. P. 1918. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission) 55*. Simferopol, 145–174 (in Russian).
17. Kontarini, A. 1971. In *Skrzhinskaia, E. Ch. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 210–235 (in Russian).
18. Myts, V. L. 2009. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty (Kaffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Conflicts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).
19. Myts, V. L. 2009. In *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v period antichnosti i srednie veka (Interrelations between Northern and Western Pontic Areas in Antiquity and Middle Ages)*. Simferopol: "Baranovskii" Publ., 247–262 (in Russian).
20. Safargaliev, M. G. 1996. In *Na styke kontinentov i tsivilizatsii (On the Joint of Continents and Civilizations)*. Moscow: "Evraziia" Publ., 277–526 (in Russian).
21. Skrzhinskaia, E. Ch. 1971. In *Skrzhinskaia, E. Ch. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. (Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Connections in 15th Century)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ., 5–29 (in Russian).
22. Tafur, P. 2006. *Stranstviia i puteshestviia (Travels and Adventures 1435-1439)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
23. Tiesenhausen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ord. T. 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh)*

1. *Excerpts from Arab Writings*). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

24. Schiltberger, J. 1984. *Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god (Travel in Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427)*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

25. Balard, M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII – début du XVIe siècle)* I. Roma; Genova: Boccard.

26. Balard, M., Veinstein, G. 1981. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génoise et Ottomane. In *Le Paysage urbain au Moyen Âge*. Lyon: Persée, 79–131.

27. Balard, M. 1989. Habitat, ethnies et métiers dans les comptoirs Génois d'Orient (XIII–XV siècle). In *D'une ville à l'autre: structures matérielles et organisation de l'espace dans les villes Européennes (XIII–XV siècle)*. Rome: École française de Rome, 107–131.

28. Balard, M. 1989. "Infideles" ou Comans? A propos des "Sarraceni" de Caffa. In *Bulletin d'Études karaites*. Paris: Peeters–France, 83–90.

29. Bocharov, S. 2009. Archaeological cities of Armenian population of the Crimea in XIII–XV centuries. In *International conference Turkic World, the Caucasus and Iran*. Abstracts. Erevan: Ibris, 31.

30. Bocharov, S. 2009. Ottoman mosques of the city of Caffa–Kefe (1475–1774). In *The art of Islamic world and artistic relationship between Islamic countries and Europe*. Abstracts. Krakow: Mangana museum, 42.

31. Paviot, J. 1988. Les Génois en Mer Noire: le témoignage des voyageurs (XIV–XV siècles). In *Bulgaria – Pontica* II. Sofia: L'Academie Bulgare des Sciences, R. 446–468.

32. Skrzinska, E. 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. In *Atti della Societa Ligure di Storia Patria* LV1. Genova: Societa Ligure di Storia Patria, 141 r.

33. Schiltberger, J. 1970. *The bondage and travels Johann Schiltberger; a native on Bavaria, in Europe, Asia, and Africa, 1396–1427*. New York: Burt Franklin.

About the Author:

Bocharov Sergei G., Candidate of Historical Sciences, Institute of Crimean Archaeology, Public Scientific Institution. Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Crimea; sgbotcharov@mail.ru

УДК 666. 3/. 7

НАИБОЛЕЕ МАССОВЫЕ ТИПЫ ПОЛИВНЫХ ИМПОРТОВ КРЫМСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТОРГОВЛИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XIV В.¹

©2015 г. С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский

Рассматриваются морфологические и технологические особенности и распространение четырех наиболее массовых видов поливных сосудов закрытой формы, произведенных в городах Юго-Восточного Крыма (Солхат, Каффа, Судак). С конца XIII – начала XIV вв. мастерские по производству поливной керамики Крыма заметно опережают в развитии другие керамические центры Золотой Орды. На протяжении примерно 50-70 лет поливная керамика крымского производства господствует на территории всей Восточной Европы. Самыми распространенными находками являются аптечные амфоры, альбарелло и два вида кувшинов – штампованные кувшины и винные кувшины с узким удлинненным корпусом. Иллюстрируются информативные возможности анализа массового материала для получения новой исторической информации, в частности, для изучения торговли в Европе в период расцвета городов Золотой Орды. Показано, каким образом изучение археологического материала позволяет существенно дополнить данные письменных источников о торговом кризисе, начавшемся после событий в Азаке (Тане) в сентябре 1343 г.

Ключевые слова: археология, история, Золотая Орда, поливная керамика, торговля, Тана, Каффа.

Начиная с середины XIII в. на территории Восточной Европы впервые получает широкое распространение поливная керамика. Она встречена как во всех формирующихся городских центрах Золотой Орды и уцелевших городских центрах Руси, так и на территории сельских поселений Северного Причерноморья, Приазовья, Северного Кавказа, Поволжья. Первоначально это были импорты с территории Византии и ее осколков, Ширвана, Ирана, Сирии. С конца XIII – начала XIV в., после появления гончарных центров Юго-Восточного

Крыма (Судака, Солхата, Каффы), их продукция быстро оттесняет на второй план импорты из-за пределов Золотой Орды. В это время мастерские по производству поливной керамики Крыма заметно опережают в развитии другие керамические центры Золотой Орды. На протяжении примерно пятидесяти-семидесяти лет поливная керамика крымского производства господствует на территории всей Восточной Европы. Масштабы производства керамики и размах торговли ею поражают. Они были превзойдены

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века», поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14-28-00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ им. М. В. Ломоносова). Авторский вклад каждого из авторов статьи составляет 50 % текста.

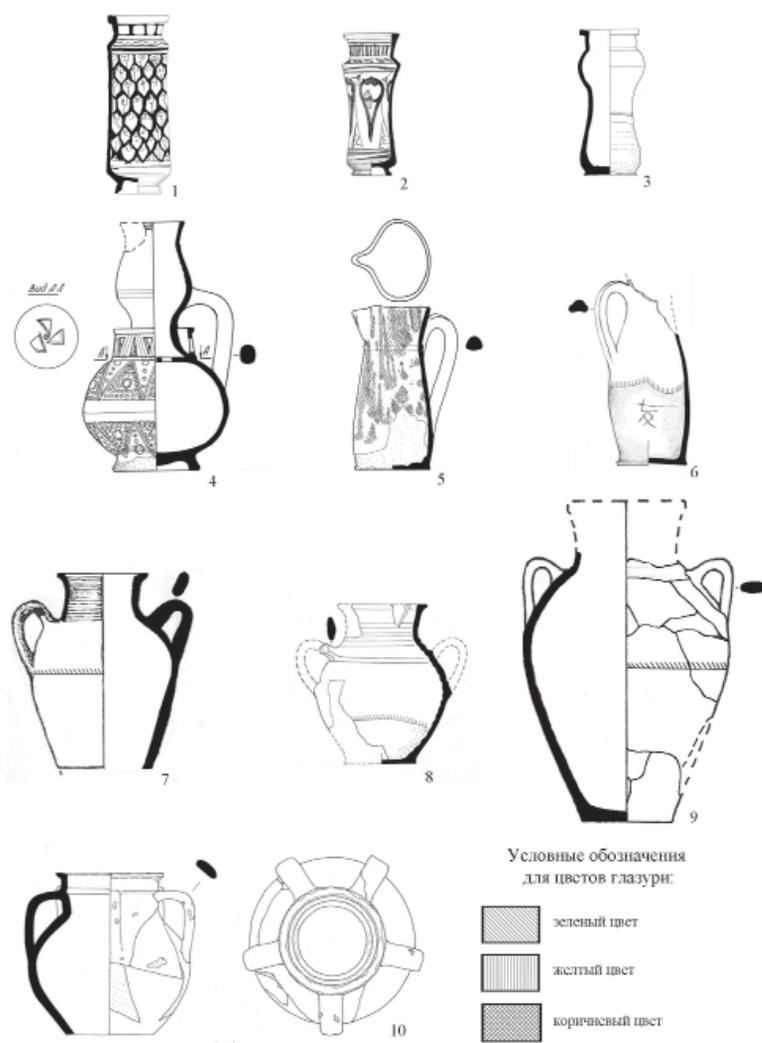
только в XIX в. после начала работы фабрик по производству фаянса.

Продукция городов Юго-Восточного Крыма может быть идентифицирована даже по мелким фрагментам. Для ее изготовления использовались высокопластичные глины. Ни в одном другом гончарном центре Восточной Европы подобные глины не применялись. В качестве искусственной примеси добавлялся шамот разного размера. Судя по применяемым техническим приемам, гончары, наладившие производство в городах Юго-Восточного Крыма, имели различное происхождение. Это, например, хорошо заметно по различиям в технике изготовления поддонов поливных сосудов. Эти отличия, включая различия в концентрации шамота, режиме обжига, цвете глазури позволяют во многих случаях выделить изделия конкретного производственного центра. В первой половине XIV в. заметно преобладание продукции Солхата и Судака, что вполне объяснимо, учитывая историю Каффы.

Среди изделий, поступающих в Восточную Европу, преобладали сосуды открытых форм самой разнообразной профилировки и орнаментации. В силу этого многообразия по числу находок конкретных типов на первое место выходят несколько видов сосудов закрытых форм: аптечные амфоры, штампованные кувшины и винные кувшины с узким удлиненным корпусом. К этому списку следует добавить альбарелло, встречающиеся гораздо реже, однако функционально близкие к аптечным амфорам и хорошо заметные среди других находок, они помогают отслеживать географию крымских импортов на территории Золотой Орды.

Аптечными амфорами мы называем сосуды с двумя ручками, верхние прилепы которых расположены у основания горла (гораздо реже – на средней части горла), а нижние – на месте максимального диаметра тулова с цилиндрическим горлом, имеющим, как правило, высоту порядка 1/5 всей высоты сосуда (рис. 1: 7–10). Венчик крупный с плоским верхним краем. Вся внутренняя поверхность сосудов покрыта глазурью, нанесенной по черепку для предотвращения просачивания содержимого. На внешнюю поверхность зеленая глазурь нанесена по ангобу, на верхнюю часть сосуда – до уровня чуть ниже места максимального диаметра. Судя по надписям на подобных сосудах из Европы и изображениям на миниатюрах, эти сосуды предназначались для хранения лекарственных препаратов (Волков, 2004, с. 144–145). Устоявшегося названия в научной литературе эти сосуды не имеют. В европейских музеях, в зависимости от пропорций, они могут быть названы амфорами, двуручными альбарелло, двуручными вазами. Предлагаемое название условно, оно призвано внести определенность в описание сосудов, и будет отброшено в случае установления их аутентичного наименования для территории Северного Причерноморья.

Среди крымских аптечных амфор по профилировке корпуса можно выделить две разновидности. Крупные и среднего размера сосуды имеют яйцевидный корпус (рис. 1: 7, 9). Некоторые вазы среднего размера и все маленькие сосуды имеют корпус, близкий к шаровидному, с выделенной придонной частью (рис. 1: 8, 10). По размерам и профилировке выделяется не менее 7–8 типов. Самый круп-

1 - 2003 г., Азов, ул. Толстого, 41, яма 83; 2 - 1995 г., Азов, ул. Московская, 7;
 3 - 1983-84 гг., Азов, ул. Ленинградская, яма 14; 4 - 1984 г., Азов, ул. Толстого, 24;
 5 - 1988 г., Азов, ул. Чехова, яма 13; 6 - 1992 г., Азов, ул. Р. Люксембург, Р I, яма 6;
 7 - 1995 г., Азов, ул. Московская, 7; 8 - 1998 г., Азов, ул. Макаровского, 7, яма 3;
 9 - 1988 г., Азов, ул. Чехова, яма 8; 10 - 2003 г., Азов, ул. Толстого, 41

Рис. 1. Поливная керамика производства юго-восточного Крыма. 1–3 – альбарелло, 4 – штампованный кувшин, 5–6 – винные кувшины, 7–10 – «аптечные амфоры».
Fig. 1. Glazed ceramics produced in south-eastern Crimea. 1–3 – albarelli, 4 – stamped jar, 5–6 – wine jars, 7–10 – ‘pharmaceutical amphorae’.

ный сосуд имеет следующие размеры: высота около 39 см, диаметр максимальный 28 см (Айбабина, с. 232–233, рис. 8: 1; 9: 4). Судя по фрагментам, могли существовать и более крупные вазы. Самые маленькие сосуды имели высоту 16–17 см и максимальный диаметр 13–14 см.

Помимо Крыма на территории Золотой Орды аптечные амфоры, отличающиеся по форме, производились в Азаке (Масловский, 2006, с. 348, рис. 15: 1–3), Маджаре (Масловский, с. 381, рис. 29: 8), Царевском городище (Курочкина, 2002, с. 94, рис. 3: 1). Возможно, будут обнаружены и другие центры по их производству, но масштаб их выпуска за пределами Крыма несоизмеримо меньше.

При всех вариантах профилировки, альбарелло имели удлиненный корпус, близкий к цилиндрическому, с выделенной короткой зауженной горловиной также цилиндрической формы и крупный венчик. Альбарелло, как и аптечные амфоры, имели глазурное покрытие на внутренней поверхности. Их назначение в качестве медицинской посуды общепризнано (Волков, 2004, с. 143–144). Большинство альбарелло производства Юго-Восточного Крыма изготовлены на низком кольцевом поддоне. По профилировке его верхней части можно выделить не менее 3 типов (рис. 1: 1–3). Высота сосудов от 18–26 см при относительно стандартном диаметре венчика 6,6–8,0 см. Большинство исследователей записывают альбарелло в местную продукцию, апеллируя к массовости их находок (Булатов, 1976, с. 89; Тихомолова, Попандопуло, 2005, с. 192). Действительно, местное производство альбарелло существовало в Азаке (Масловский, 2006, с. 348,

рис. 15: 4, 5), Царевском городище (Курочкина, 2002, с. 94, рис. 3: 6–12) и Маджаре. Однако все же подавляющее большинство находок относится к продукции Юго-Восточного Крыма.

Самым, пожалуй, многочисленным видом поливных сосудов Юго-Восточного Крыма являются штампованные кувшины (рис. 1: 4). Несмотря на то что известны еще два вида штампованных фляг (Масловский, 2006, с. 368), почти все штампованные сосуды относятся к кувшинам, различающимся главным образом профилировкой горла. Тулово близко к шаровидной форме, несколько сплюснуто, иногда близко к биконической форме, диаметром 14,5–16 см. Верхний прилеп ручки расположен на середине высоты горла, нижний – на середине плеча. Профилировка поддонов различна в различных центрах. Горло составляет примерно $\frac{1}{2}$ высоты всего сосуда. Полива отсутствуют на нижней трети тулова. Из-за того что орнамент покрыт глазурью, его элементы более крупные и схематичные по сравнению с сероглиняной хорезмийской штампованной керамикой. Известны местные поливные штампованные кувшины из Азака (Масловский, 2006, с. 346) и Исакчи (раскопки 2011 г. Ауреля Станики, определения С.Г. Бочарова), но по объему производства, они не идут ни в какое сравнение с изделиями Юго-Восточного Крыма. Это касается и других вероятных центров производства поливных штампованных кувшинов на территории Золотой Орды.

Четвертым видом сосудов, о котором следует сказать, являются винные кувшины (рис. 1: 5–6). Эти сосуды имеют удлиненный, слабо профилированный корпус с местом макси-

мального диаметра в придонной части. Диаметр тулова 9–13 см. Горло короткое, слабо выделенное, расширяется к венчику. На венчике расположен крупный слив. Они очень редко орнаментировались, и, за исключением единичных случаев, орнаментация ограничивалась аморфными пятнами светло-коричневого или фиолетового цвета. Встречаются сосуды с глазурью на внутренней поверхности, как на их итальянских прототипах. К сожалению, фрагментированные находки этих кувшинов исследователями на большинстве памятников не опознаются.

Все вышеописанные формы не характерны для причерноморской керамики домонгольского времени. Винные кувшины, как уже было сказано, более или менее близко копировали итальянские прототипы. Поливные штампованные кувшины появились вместе с гончарами с территории Закавказья. Альбарелло и аптечные амфоры могли иметь различные прототипы, пришедшие с южного или юго-западного направления.

В Азаке штампованные кувшины составляют около 15% поливной керамики, привезенной из Юго-Восточного Крыма (Белинский, Масловский, 2006, с. 193, 204). Доля аптечных амфор и винных кувшинов в среднем около 4–5%, но может достигать и 10%. В коллекциях подъемного материала из Укека штампованные кувшины составляют 27,5%, а аптечные амфоры – 5,5% поливной керамики крымского производства (Кубанкин, Масловский, 2013, с. 137). При этом следует учитывать, что неорнаментированные аптечные амфоры, также как и в редких случаях украшавшиеся орнаментом винные кувшины, попа-

дали в сборы с заметно меньшей вероятностью, чем орнаментированные чаши. На поселении Железнодорожный 2 в Закубанье (раскопки 2012 г. С.Е. Жеребилова и П.В. Сокова, определения А.Н. Масловского), статус которого требует специального анализа, два наиболее многочисленных вида сосудов это аптечные амфоры и винные кувшины. К сожалению, для материалов других памятников достоверной статистики не опубликовано. Поэтому приходится полагаться на впечатления от беглого просмотра коллекций и очень выборочных публикаций материалов.

Хорошо заметны эти виды изделий в Болгаре (Полубояринова, 2008, с. 64, рис. 7: 1), однако большая часть находок с этого памятника до сих пор не опубликована. Так, в экспозиции Музея Болгарской цивилизации демонстрируется целая аптечная амфора небольшого размера. Альбарелло встречены на сельских памятниках Волжской Булгарии (Балынгузское (Торецкое) III селище) (Руденко, 2015, рис. 13: 33).

Серия аптечных амфор происходит из Царевского городища (Булатов, 1976, с. 82, табл. I: 1, 2). Н.М. Булатов ошибочно указал, что они имеют кольцевой поддон, неубедительны и предложенные им аналогии. Здесь же встречено значительное число альбарелло, частью относящиеся к местной продукции, частично к импорту из Юго-Восточного Крыма (Булатов, 1976, с. 88–89; Крамаровский, 2005, с. 140, 228–229; Курочкина, 2002, с. 94, рис. 3: 6–12; Булатов, 1976, 8–12). Находки штампованных кувшинов достаточно часты в городах Нижнего Поволжья (Федоров-Давыдов, 1994, с. 147). Аптечные амфо-

ры (Лапшин, Мыськов, 2011, с. 65, рис. 88: 5) и штампованные кувшины (Лапшин, Мыськов, 2013, с. 56, рис. 84: 7) встречены на Водянском городище. Аптечные амфоры и альбарелло крымского производства достигали даже Сарайчика близ устья р. Урал (Самашев З., Кузнецова О., Плахов, 2008, с. 176–177), где их, возможно, даже больше, чем чаш.

Серия альбарелло происходит из раскопок Кучугурского городища (Тихомолова, Попандопуло, 2005, с. 192). Альбарелло встречены в Белгороде Днестровском (Кравченко, 1996, с. 77, рис. 30: 7) и отнесены автором, со ссылкой на Н.М. Булатова, к производству Царевского городища. Но поскольку на самом Царевском городище альбарелло с аналогичным декором являются продукцией Юго-Восточного Крыма, то и дальнейшие выводы А.А. Кравченко лишены основания. Здесь же представлены и штампованные кувшины (Кравченко, 1996, с. 77–79, рис. 31). Возможно, некоторые из них действительно являются местной продукцией, но поскольку местное производство поливной керамики возникло при прямом участии мастеров Юго-Восточного Крыма, уточнить это возможно только после просмотра всей коллекции. Единичные находки альбарелло встречены в Старом Орхее (Абызова, Бырня, Нудельман, 1981, с. 67, рис. 29). Многочисленные фрагменты аптечных амфор на Царинном городище на Северском Донце (Кравченко, 2015, с. 455, рис. 27–28). Аптечные амфоры отмечены даже на удаленных сельских поселениях лесостепного Подонцовья (Шрамко, Задников, 2010, с. 179).

Штампованные кувшины имеют широкую географию распростране-

ния и на территории Руси (Нижний Новгород, Ростиславль Рязанский, Владимир Волынский и др.) (Коваль, 2010, с. 113, рис. 38: 6, 7). На Русских землях, вероятно, встречены и аптечные амфоры (Коваль, 2010, с. 106, 108–109).

Около середины XIV в. поступление поливной керамики из Юго-Восточного Крыма резко сокращается. Это явление, однако, является только частью большой картины изменений в составе керамических импортов на территории Золотой Орды. Рассмотрим данный вопрос подробнее. В это время Европу охватывает глубокий кризис, затронувший в том числе экономику (Карпов, 1994, с.12). Частью этого большого деструктивного процесса стал так называемый «кризис Таны» 1343 г. На эту тему сохранилось большое количество письменных источников, несопоставимое с объемом свидетельств по любым иным событиям в истории Золотой Орды. Этот сюжет многократно рассматривался в исторической литературе (Карпов, 1994, 2015). Он справедливо выделен как один из самых значимых фактов в истории городов Северного Причерноморья, имевших долговременные последствия.

Итак, в сентябре 1343 г. знатный венецианец Андреоло Чиврано после оскорбления его знатным татаринцом Омаром Ходжой вместе со своими друзьями напал на его дом и убил его и его домочадцев. После этого последовали вооруженные столкновения итальянских купцов и местных татар, закончившиеся убийством или пленением части купцов и бегством уцелевших. Это сопровождалось разграблением имущества итальянцев на сумму более 600 тыс. флоринов (Кар-

пов, 1994, с. 122–123; Карпов, 2015, с. 9–11, 14–15). После этого последовали: арест всех итальянских купцов на всей территории Золотой Орды (Карпов, 1994, с. 123; Карпов, 2015, с. 15–16), вето властей Венеции и Генуи на посещение и торговлю на территории Золотой Орды (Карпов, 1994, с. 123; Карпов, 2015, с. 21, 24) и запрет на торговлю итальянских купцов со стороны Джанибека (Карпов, 2015, с. 25, 31), две попытки захвата Каффы золотоордынским войском в 1344 г. и 1346 г. (Карпов, 1994, с. 123; Карпов, 2015, с. 13, 15–16, 27–29). После долгих и трудных переговоров между Венецией, Генуей и Золотой Ордой был достигнут компромисс, и торговля в Тане была возобновлена в конце 1347 г. Однако вскоре началась венецианско-генуэзская война (1350–1355 гг.), в которую оказались втянуты и другие государства, по окончании которой последовал трехлетний запрет на плавание в Тану. Таким образом, на 15 лет торговля итальянцев на территории Золотой Орды оказалась в крайне затруднительном положении. К этому добавились гражданские войны в Византии (1341–1347 гг.) и Трапезундской империи (апогей – в 1341–1349 гг.), затяжная смута на территории улуса Хулагуидов, приведшая к тому, что Тавриз был покинут сначала венецианцами (1338 г.), а затем и генуэзцами (1344 г.). Среди негативных событий отметим пандемию чумы, прошедшую через Северное Причерноморье в 1346–1347 гг.

Все эти потрясения, затронувшие, прежде всего, внешнюю торговлю, конечно, не могли не отразиться в археологических материалах. Ниже мы попытаемся дать некоторый архео-

логический комментарий к данным письменных источников.

Раскопки восточнокрымских городов, как и большинства других золотоордынских городских памятников, пока не дали достаточного числа узко датированных закрытых комплексов для выстраивания шкалы изменений материальной культуры. Отчасти эта проблема решается анализом материалов из закрытых комплексов золотоордынского Азака (Таны) и некоторых памятников, существовавших не весь период городской культуры Золотой Орды.

Анализируя материалы Азака, мы наблюдаем следующую картину. До половины всех материальных комплексов (и жилищ, и хозяйственных ям) прекращают свое существование в 1340-е гг. до начала активного обращения монет Джанибека с изображением двуглавых орлов, т.е. в первые годы его правления. При этом только одно исследованное жилище носит следы пожара (Масловский, 2008), т.е. вооруженные столкновения сентября 1343 г. на основной части города не отразились. Остальные комплексы были именно заброшены. Запустили целые городские районы. Это может быть объяснено либо последствиями чумы, опустошившей Азак (Тану) в 1346 г., либо тем, что вскоре после сентября 1343 г. город покинула значительная часть населения, либо, что наиболее вероятно, имели место оба явления.

Как уже было сказано, в 1340-х состав керамического комплекса золотоордынских городов претерпел очень серьезные изменения. Исчезла поливная керамика итальянского производства, достигавшая до Городца Нижегородского и Джукетау, а также

кашинная керамика с территории государства Мамлюков. В разы сокращается поступление византийской поливной керамики и трапезундских амфор. Существенно уменьшается поступление крымской керамики, включая тарные кувшины.

С другой стороны, резко увеличивается производство местной поливной керамики в Нижнем Поволжье, Азаке и, вероятно, в других городских центрах. Увеличивается доля поливной керамики, привезенной с юга и юго-востока (Ширван, Средняя Азия, штампованная керамика с росписью глазурью). Этот процесс занял весь период правления Джанибека.

Казалось бы, эти факты хорошо объясняются обозначенным выше кризисом в Черноморской торговле 1343–1358 гг. Но все намного сложнее. Во-первых, даже венецианцы имели возможность вести торговлю в Каффе как самостоятельно (Карпов, 1994, с. 123; Карпов, 2015, с. 32), так и через посредничество купцов других национальностей (греков из Трапезунда и Византии, армян, евреев) (Карпов, 1994, с. 126). Во-вторых, генуэзцы не прекращали вести торговлю с Золотой Ордой во многих пунктах. Не останавливалась торговля Каффы с Солхатом и Чембалом (Карпов, 1994, с. 126; Карпов, 2015, с. 29). Коммерческая деятельность осуществлялась и через порты Приазовья (Карпов, 2015, с. 29, 31). Например, городище Ангелинский Ерик (золотоордынский город Шакрак?), судя по монетному материалу, именно в 1340-е гг. переживает подлинный расцвет (Волков, 2008, с. 426). В свою очередь, золотоордынские власти смотрели на торговлю генуэзцев сквозь пальцы (Карпов, 2015, с. 31). В-третьих, тор-

говлю ведь могли вести и купцы других национальностей (греки, армяне, евреи, турки, арабы). Хотя итальянские корабли были самыми многочисленными, это не значит, что не было других. В-четвертых, уже в 1347 г. торговля возобновилась и теоретически быстро могла вернуться к докризисному уровню. В-пятых, и здесь мы возвращаемся к поливной керамике Крыма, все затруднения международной торговли не могут объяснить, почему сокращается ее поступление на территорию Восточной Европы при одновременном росте производства в других центрах Золотой Орды. Ведь два из трех центров (Судак и Солхат) были под прямым контролем властей Золотой Орды. И именно оттуда шел основной объем поливной керамики.

Показательны для анализа именно вышеописанные виды сосудов. Можно допустить, что производство поливных чаш в новых гончарных центрах сделало перевозку изделий из Юго-Восточного Крыма менее выгодной. Однако аптечные амфоры и альбарелло были лишь тарой для различных лекарственных, косметических и парфюмерных средств. Особенности природы Крыма, обеспечивавшие местных ремесленников сырьем, нельзя было воспроизвести на новом месте. Именно поэтому производство аптечных амфор и альбарелло в других центрах Золотой Орды не было развито. Штампованные поливные кувшины и винные кувшины также не могли быть замещены продукцией других центров, поскольку их массовое производство больше нигде на территории Золотой Орды не было налажено. Поэтому сокращение поступления этих четырех видов сосудов может быть объяснено либо

уменьшением платежеспособности населения Золотой Орды, либо серьезными изменениями в бытовой культуре Золотой Орды. Третьим, и более вероятным, на наш взгляд, объяснением может быть то, что международная торговля была своеобразным локомотивом всей торговли в пределах Золотой Орды. Поэтому затруднения в международной торговле привели к уменьшению и объемов межрегиональных перевозок. Это находит подтверждение, например, в уменьшении объемов импортов из Маджара и Нижнего Поволжья в Азаке.

По нашему мнению, события сентября 1343 г. и последующих лет во-

все не являются случайными. Так, в 1339 г. покушение на хана Узбека, в котором каким-то образом оказались замешаны латиняне, вовсе не имело последствий (Мыц, 2013, с. 141–171). Более вероятно, что кризис Таны 1343 г. и последующие события стали результатом целенаправленной политики правительства хана Джанибека. И фиксируемые нами по данным письменных источников и археологическим материалам события являются только частью серьезных изменений в экономической, политической и социальной сферах Золотой Орде, которые во многом, вероятно, и подготовили начало смуты 1359–1381 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А.* Древности Старого Орхя (золотоордынский период). – Кишинев: Штиинца, 1981. – 100 с.
2. *Айбабина Е.А.* Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев: Стилос, 2005. – С. 229–246.
3. *Белинский И.В., Масловский А.Н.* Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. – Вып. 15. – Азов, 1996. – С. 179–251.
4. *Булатов Н.М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 73–107.
5. *Волков И.В.* Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования. – Ч. I. – Казань: Казанский государственный университет, 2004. – С. 137–160.
6. *Волков И.В.* Ранние монеты чеканки Азака // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. – Вып. 23. – Азов, 2008. – С. 425–477.
7. *Карпов С.П.* Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // Византийский временник. – Т. 55, ч.1. – М., 1994. – С. 121–126.
8. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. – Вып. 9. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 7–42.
9. *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. – М.: Наука, 2010. – 269 с.
10. *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). – Киев: Наукова думка, 1996. – 128 с.

11. *Кравченко Э.Е.* Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Изд-во Stratum Plus, 2015. – С. 411–478.
12. *Крамаровский М.Г.* Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. – СПб.: Славия, 2005. – С. 13–172.
13. *Кубанкин Д.А., Масловский А.Н.* Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. – 2013. – № 4(6). – С. 130–154.
14. *Курочкина С.А.* Классификация керамики Сарай ал-Джедида // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Тр. ГИМ. – Вып. 135. – М., 2002. – С. 90–96.
15. *Латишин А.С., Мыськов Е.П.* Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. – Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2011. – 174 с.
16. *Латишин А.С., Мыськов Е.П.* Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. – М.: Перо, 2013. – 216 с.
17. *Масловский А.Н.* Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. – Вып. 21. – Азов, 2006. – С. 308–473.
18. *Масловский А.Н.* Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т. 6. Донецк: ДонНУ, 2008. – С. 93–124.
19. *Мыц В.Л.* Художественный образ хана Узбека на фреске Амброджо Лоренцетти «Мученичество франсисканцев» // Золотоордынская цивилизация. – № 6. – Казань: ИИ АНТ, 2013. – С. 129–185.
20. *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. – М.: Наука, 2008. – С. 27–107.
21. *Руденко К.А.* Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Изд-во Stratum Plus, 2015. – С. 255–364.
22. *Самашев З., Кузнецова О., Плахов В.* Керамика Сарайчика. – Алматы, 2008. – 264 с.
23. *Тихомолова И.Р., Попандопуло З.Х.* Альбарелло городища Большие Кучугуры // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Киев: Стилос, 2005. – С. 190–194.
24. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 232 с.
25. *Шрамко И.Б., Задников С.А.* Поселение XIV века «Олешки» на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.8. – Донецк: ДонНУ, 2010. – С. 163–230.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБНУ РК Института археологии Крыма (Симферополь, Российская Федерация); sgbotcharov@mail.ru

Масловский Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, зав. отделом, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник (г. Азов, Российская Федерация); maslovskiazak@mail.ru

THE MOST WIDESPREAD GLAZED IMPORTS OF CRIMEAN PRODUCTION AND SOME ISSUES RELATING TO EAST EUROPEAN TRADE IN THE 14TH CENTURY²

S.G. Bocharov, A.N. Maslovskiy

The authors examine morphological and technological features and distribution of the four most massive types of glazed closed vessels produced in towns of south-eastern Crimea (Solkhat, Kaffa, Sudak). Starting from the late 13th–early 14th centuries, the Crimean producers of glazed ceramics had reached a far better development compared to other ceramic centers of the Golden Horde. For almost 50–70 years the Crimean glazed ceramics had dominated the whole territory of Eastern Europe. The most common finds are pharmaceutical amphorae, albarello and two types of jars – the stamped jars and the wine jars with a narrow long body. The authors illustrated informational capacities of the analysis of massive finds, which is a good tool to obtain some new historical information, particularly, to study European trade in the best years of the Golden Horde towns. They showed how studying archaeological stuff can substantially complement the written accounts about the trade crisis after the events in Azak (Tana) in September 1343.

Keywords: archaeology, history, the Golden Horde, glazed ceramics, trade, Tana, Kaffa.

REFERENCES

1. Abyzova, E. N., Bârnea, P. P., Nudelman, A. A. 1981. *Drevnosti Starogo Orheia. Zolotoordynski period (Antiquities of Old Orhei (Golden Horde Period))*. Kishinev: “Știința” Publ. (in Russian).
2. Aibabina, E. A. 2005. In *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X–XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th–18th Centuries)*. Kiev: “Stilos” Publ., 229–246 (in Russian).
3. Belinskii, I. V., Maslovskiy, A. N. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 1995–1997)* 15. Azov, 179–251 (in Russian).
4. Bulatov, N. M. 1976. In *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from the Volga Region)*. Moscow: “Nauka” Publ., 73–107 (in Russian).
5. Volkov, I. V. 2004. In *125 let obshchestvu arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiia Volgo-Ural'skogo regiona. Arkheologicheskie issledovaniia (125 years of the Society of Archaeology, History and Ethnography affiliated to the Kazan University. Problems of Historical and Cultural Development of the Volga-Ural Region. Archaeological Studies)*. Part I. Kazan: Kazan State University, 137–160 (in Russian).
6. Volkov, I. V. 2008. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov, 425–477 (in Russian).
7. Karpov, S. P. 1994. In *Vizantiiskii vremennik (Byzantine Yearbook, BYZANTINA XPONIKA)* 55 (1), 121–126 (in Russian).
8. Karpov, S. P. 2015. In *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* 9. Moscow: Moscow State University, 7–42 (in Russian).

² This study was prepared within the Project “The Black Sea region and the Medieval World in Relationships between Rus’, East and West in the Middle Ages” supported by the Russian Scientific Foundation (agreement no. 14-28-00213 of 15 August 2014 between the Russian Scientific Foundation and M.V. Lomonosov Moscow State University).

9. Koval, V. Yu. 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX—XVII veka (Oriental Ceramics in Rus' in 9th—17th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Kravchenko, A. A. 1996. *Srednevekovyi Belgorod na Dnestre (konets XIII—XIV vv.) (Medieval Belgorod on Dniester (Late 13th — 14th Centuries))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
11. Kravchenko, E. E. 2015. In *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 411–478 (in Russian).
12. Kramarovskii, M. G. 2005. In *Zolotaia Orda. Istoriiia i kul'tura. Katalog vystavki (Golden Horde. History and Culture. Exhibition Catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviiia" Publ., 13–172 (in Russian).
13. Kubankin, D. A., Maslovskiy, A. N. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (6), 130–154 (in Russian).
14. Kurochkina, S. A. 2002. In *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka (Volga Region and Neighbouring Territories in the Middle Ages)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 135. Moscow, 90–96 (in Russian).
15. Lapshin, A. S., Myskov, E. P. 2011. *Issledovaniia na Vodianskom gorodishche v 2009—2010 gg. (Studies on Vodyanskoe Fortified Settlement in 2009—2010)*. Volgograd: "Tsaritsynskaia poligraficheskaia kompaniia" Publ. (in Russian).
16. Lapshin, A. S., Myskov, E. P. 2013. *Issledovaniia na Vodianskom gorodishche v 2011—2012 gg. (Studies on Vodyanskoe Fortified Settlement in 2011—2012)*. Moscow: "Pero" Publ. (in Russian).
17. Maslovskiy, A. N. 2006. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2004)* 21. Azov, 308–473 (in Russian).
18. Maslovskiy, A. N. 2008. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 6. Donetsk: Donetsk National University, 93–124 (in Russian).
19. Myts, V. L. 2013. In *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia (The Golden Horde Civilization)* 6, 129–185 (in Russian).
20. Poluboiarinova, M. D. 2008. In *Gorod Bolgar: Kul'tura, iskusstvo, torgovlia (The Town of Bolgar: Culture, Art, Trade)*. Moscow: "Nauka" Publ., 27–107 (in Russian).
21. Rudenko, K. A. 2015. In *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Series: Archaeological Records of Eastern Europe. Kazan; Simferopol; Kishinev: "Stratum Plus" Publ., 255–364 (in Russian).
22. Samashev, Z., Kuznetsova, O., Plakhov, V. 2008. *Keramika Saraichika (Saraychik Pottery)*. Almaty (in Russian).
23. Tikhomolova, I. R., Popandopulo, Z. Kh. 2005. In *Polyvnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia. X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Mediterranean and Pontic Regions in the 10th—18th Centuries)*. Kiev: "Stilos" Publ., 190–194 (in Russian).
24. Fedorov-Davydov, G. A. 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia (Golden Horde Towns in the Volga Area)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
25. Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2010. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 8. Donetsk: Donetsk National University, 163–230 (in Russian).

About the Authors:

Bocharov Sergei G., Candidate of Historical Sciences, Institute of Crimean Archaeology, Public Scientific Institution. Yaltinskaya St., 2, Simferopol, 297800, Crimea; sgbotcharov@mail.ru

Maslovskiy Andrey N., Candidate of historical sciences, Director of the Archaeology Department, Azov History, Archaeology and Palaeontology Museum-Reserve. Moscovskaya str., 38/40, Azov, 346780, Russia; maslovskiazak@mail.ru

Дискуссии

УДК 902

УГРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

© 2015 г. В.А. Иванов

Статья является ответом на критику концепции об угорском присутствии в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья, прозвучавшую на XIX Уральском археологическом совещании в г. Сыктывкаре в 2013 г. Особенно резко выступили Р.Д.Голдина и В.В.Напольских с критикой результатов статистического анализа археологического материала, проведенного автором настоящей статьи и легшего в основу этой концепции. Некоторые замечания действительно оказались справедливыми. В настоящей статье автор приводит результаты статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э., синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири и могильников древних венгров (периода Арпада) на Дунае, заново проведенного им с учетом высказанной критики. Излагаются принципы отбора исходного материала и методика его статистического анализа. Исследования позволяют прийти к выводу: ломоватовская, неволинская, полумская культуры в Прикамье, кушнаренковская и караякуповская культуры в лесостепном Предуралье, культуры лесного Зауралья и Западной Сибири, в сущности, представляют собой один этнокультурный ареал (ЭКА), типологически связанный с археологической культурой древних венгров. В заключение автор предлагает временно отказаться от попыток объединения данных археологии и исторической лингвистики для этнических реконструкций и объяснить на основе современных методов анализа археологического материала феномен высокого типологического сходства указанных выше культур. Или доказать его отсутствие.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Предуралье, раннее средневековье, угры, погребальный обряд, статистика, представительная выборка, типологическое сходство, этнокультурный ареал.

В 2009 г., когда увидела свет книга А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и автора этих строк «Угры Предуралья в древности и средние века». В предисловии к ней мы выражали надежду на то, что она послужит толчком к развернутой и конструктивной дискуссии по проблеме участия древних угров в формировании этнической карты Прикамья и Приуралья. Имея в виду («между строк») и возможное прове-

дение специальной международной конференции по этой теме. Тем более что тема давняя, непосредственно касающаяся научных интересов наших венгерских и украинских коллег. К сожалению, ожидаемая дискуссия фактически вылилась в несколько статей, авторы которых, сторонники и оппоненты угорской теории, обменялись язвительными сентенциями в адрес друг друга (Мельничук, Чагин,

2010; Пастушенко, 2009; 2011; Белавин, Иванов, 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Голдина, Напольских, 2013; Голдина, 2013; Иванов, 2014; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014), и на этом все и кончилось...

В ходе взаимной пикировки выяснилось, что основными «доводами» оппонентов являются, во-первых, упование на собственный научный авторитет (отсюда некоторое менторство в интонациях); во-вторых, стремление как можно глубже уязвить своих оппонентов (по этому поводу Р.Д. Голдина даже сделала замечание, хотя и не совсем справедливое, ибо сама оказалась не совсем корректной в своих упреках в «прямой фальсификации фактов» оппонентами, см.: Голдина, 2012, с. 89), но вполне уместное в смысле предостережения от риска в запальчивости переступить черту научной этики; в-третьих, совершенно очевидным стало то, что всем нам необходимо кардинально и критически пересмотреть свое собственное понимание смысла и цели научной дискуссии.

Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на то, что, коль скоро наши доводы по поводу той или иной проблемы воспринимаются коллегами критически, значит, их нужно или пересмотреть или дополнить новыми, более весомыми доводами. В этой связи я хочу остановиться на оценке Р.Д. Голдиной и В.В. Напольских моих статистических таблиц по погребальному обряду древних угров Приуралья, приведенных в названной выше нашей с А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой монографии. Для пояснения ситуации я должен привести пространную цитату из статьи названных авторов: «Жаль, что авторы не

указали, какие разделы написаны каждым из них, и только знакомство с их предшествующими работами позволяет определить, какие главы кем написаны. При этом произведение просто изобилует разнообразными ошибками. Например, разделы, посвященные погребальному обряду написаны, очевидно, В.А. Ивановым, причем частично эти данные им уже были опубликованы (Иванов, 1999). В.А. Иванов является одним из первопроходцев в области применения математики в археологии Приуралья, традиционно коллеги доверяли его цифрам, считая, что его статистика тщательно выверена. Но в рассматриваемой книге это не так. Например, по такому признаку, как ориентировка погребенных, число процентов должно обязательно равняться 100, причем обычно в таблицах дают две графы: абсолютное число погребений и соответствующий процент. В.А. Иванов в рассматриваемой книге пренебрег числом погребений, оставив только проценты. **Возможно, чтобы сложнее было проверить** (выделено здесь и далее мной. – *В.И.*). После пересчета последних на нескольких таблицах, оказалось, что ни в одном случае число процентов не равно 100, оно чаще всего меньше, иногда больше, например (приводим только наиболее удивительные цифры): табл. 16, Зуевский могильник – 97%, Шиповской могильник – 86,9%, Уфимский могильник – 95,2%; табл. 19, гороховская культура – 104,6%; табл. 21: Неволино – 47%, Караякупово – 101,4%, «угры Западной Сибири» – 86%. Подобные же странности мы находим и в процентах, отражающих позу погребенных в табл. 19 и т.д.

Очевидно, что при создании источниковой базы по погребальному

обряду в рассматриваемой книге В.А. Ивановым были допущены грубейшие ошибки, которые не позволяют считать эту базу достоверной, и все последующие исчисления по коэффициентам формально-типологического сходства, тенденциям признака, норме распределения и т.д. не имеют доказательной базы. То есть около 100 страниц текста разделов о погребальных обрядах культур «угорского круга», не могут быть использованы для научного анализа» (Голдина, Напольских, 2013, с. 90 и сл.).

Вообще-то в обыденном сознании сие означает, что автор рецензируемого текста (в данном случае – статистических таблиц) либо шарлатан, либо дилетант в методике источниковедческого анализа археологического материала. Для приближения к истине обратимся к «первоисточнику», т.е. означенным таблицам. Начнем с табл. 16 «Альтернативные признаки погребального обряда могильников эпохи раннего железного века Южного Предуралья» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 60). Она сопровождается следующей текстовкой (здесь я вынужден привести еще одну пространную цитату): «Этот процесс очень хорошо прослеживается на материалах могильников карабызской культуры. В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов в свое время провели сравнительно-типологический анализ погребального обряда ананьинской, пьяноборской и карабызской культур на предмет выяснения культурной принадлежности Уфимского могильника IV–III вв. до н.э. В качестве реперных памятников исследователи использовали позднеананьинский Зуевский могильник, пьяноборский Уяндыкский I могильник и позднекарабызский Биктимировский

могильник. Сравнивая эти памятники по 54 альтернативным признакам обряда, исследователи пришли к выводу о том, что погребальный обряд сравниваемых могильников различается незначительно и по основным его признакам Уфимский могильник ближе стоит к Уяндыкскому и Биктимировскому (Овсянников, Яминов, 2003). Недостаток проделанной названными исследователями работы заключается в том, что они произвели недостаточно корректный отбор исходных данных: **сравниваемые выборки, очень незначительные по объему, сравнивались по всем зафиксированным признакам, а не по представительным** (выделенное здесь относится к тексту настоящей статьи. – В.И.). Мы предлагаем свой вариант сравнительно-статистического анализа могильников ананьинской (Зуевский – 218 погребений, нижний порог значимости = 2%), карабызской (Шиповский грунтовый и Охлебининский могильники – 270 погребений, порог значимости = 1%), пьяноборской (Кушулевский III, Уяндыкский I, Юлдашевский, Ново-Сасыкульский, Чеганда II, Ныргында I и II, Старо-Киргизовский, Камышлытамакский, Урманевский, Деуковский II и др. – 2191 погребение, порог значимости = 0,2%) культур. Основным же объектом анализа в данном случае выступает Шиповский курганный могильник – единственный пока в бассейне р. Белой погребальный памятник «гафурийского» типа (54 погребения, порог значимости = 5%)» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 61).

Здесь мы должны остановиться на определениях «представительные признаки» и «нижний порог значимости». Чтобы не занимать места в статье

цитатой на 1–1,5 страниц, ограничусь пересказом параграфа 3.3 из монографии В.Ф. Генинга и др., посвященной методике статистических методов в анализе археологического материала, а именно погребальных памятников. Сравнивая погребальный обряд тех или иных археологических культур между собой, мы обычно имеем дело с N-м количеством объектов (погребений), составляющих естественную (или стихийную) выборку, «которая формируется из имеющегося в наличии источника и пополняется по мере открытия новых памятников, т.е. в процессе раскопок». Количественный объем этих выборок не равнозначен: в одной – больше, в другой – меньше, это объективная реальность. «Пользуясь естественной выборкой, археолог должен обратить особое внимание на ее *представительность*, которая означает, что отобранные и изучаемые единицы **будут отражать существенные свойства генеральной совокупности** (выделено мной. – В.И.). Она определяется двумя факторами: однородностью выборочных данных и их достаточно большим количеством». Количество единиц (признаков), отражающих существенные свойства генеральной (она же – естественная) совокупности находится в прямой зависимости от ее, совокупности, объема. В.Ф. Генингом и его сотрудниками была разработана таблица соответствия нижнего уровня величины процентного показателя и минимального объема выборки при четырех различных степенях вероятности. Согласно этим разработкам, «археолог при количественном формировании выборки может опираться на предельный уровень представительности процентных показателей распределения

признаков при заданной степени вероятности. Так, при уровне представительности показателя распределения признака, равном 1,0%, при степени вероятности 0,95 выборка должна составлять не менее 381 единицы, т.е. при наличии выборки не менее 381 единицы и степени вероятности 0,95 уровень представительности показателей распределения признаков равен 1,0%. **Это означает, что показатели ниже этой величины не являются значимыми...**» (выделено мной. – В.И.) (Генинг и др., 1990, с. 59–65).

Вернемся к раскритикованным Р.Д. Голдиной и В.В. Напольских таблицам: в табл. 16 указано, что из 218 погребений Зуевского могильника (почему, по мнению критиков, я «презрел числом погребений», если они указаны в последней строке таблицы?), а это составляет нижний порог значимости признака 2% при степени вероятности 0,95, абсолютно преобладающими (88%) оказываются погребения, ориентированные головой на северо-запад, 5% ориентированы на северо-восток и 4% – на юго-восток, т.е. 97% в общей сложности. Остальные 3% погребений (в абсолютных числах это 6 погребений, ориентировка которых может быть какая угодно или вообще не установлена – это для данной выборки уже не существенно) просто в таблице не учтены. Что вполне логично, ибо наша задача заключалась в том, чтобы выяснить степень типологического сходства могильников ананьинской, карабызской и пьяноборской культур именно по представительным (существенным) признакам погребального обряда. То же самое относится и к Шиповскому, и к Уфимскому могильникам.

Аналогичным образом можно проверить данные табл. 19 нашей монографии, где приведены суммарные характеристики признаков погребального обряда гороховской (104 погребения, нижний порог значимости = 4%) и ранней неволинской (117 погребений, нижний порог значимости не ниже 3%). И здесь действительно обнаруживается досадный промах автора этих строк: в строках «ориентировка погребенного» столбца «Гороховская культура IV–II вв. до н.э.» в строке ориентировка на запад и северо-запад ошибочно указаны 4,8% и 18,2% соответственно. А должно быть (соответственно) 2,8%¹ и 17,3%. Следовательно, соответствующие корректировки требуются и в таблице 20 «Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда могильников гороховской и неволинской культур» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 72). Но, и это важно подчеркнуть, после их внесения общий наш вывод о том, что «полученные результаты однозначно указывают на то, что прямая генетическая преемственность между гороховской и ранней неволинской культурами проведена быть не может... То есть, пока участие носителей саргатской (в ее «гороховском» варианте) культуре в этногенезе приуральских угров (ранних «неволинцев») остается на уровне гипотетических предположений» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 73), только усиливается, поскольку коэффициент формально-типологического сходства погребального обряда гороховских и неволинских могильников по 34 альтернативным призна-

кам (C_3) понизился с 0,44 (там же, с. 73) до 0,41.

С чувством досады на собственную небрежность, допущенную при окончательной сверке таблиц, опубликованных в нашей монографии 2009 г., – с одной стороны, с другой – с благодарностью критикам, эту небрежность обнаружившим, обращаюсь к табл. 21 (Белавин и др., 2009, с. 91–93). В контексте выдвинутой нами концепции угорской этнокультурной доминанты в Предуралье во второй половине I тыс. н.э. она является основной, поэтому должна быть рассмотрена детально. Правда, вначале мне хотелось бы напомнить уважаемым оппонентам, что в статистических таблицах принято, в первую очередь, указывать в последней строке общее количество единиц анализа (в нашем случае – общее количество погребений в сравниваемых выборках). Чего, увы, в рассматриваемой таблице мною сделано не было. Хотя на предшествующей указанной таблице странице нами сказано, что при ее составлении «обработке подверглись данные 589 опубликованных и неопубликованных погребений ломоватовской археологической культуры (Каневский, Редикорский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Огурдинский, Запосельский могильники), 117 «неволинских» погребений (Бродовский, Верх-Саинский могильники), 241 погребение западносибирских средневековых могильников (Сайгатинские, Барсов городок, Окуневский могильники), 97 погребений зауральских могильников (Ликинский, Пылаевский, Макушинский, Лихачевский, Перейминский могильники), 180 погребений караякуповской культуры» (Белавин и др., 2009,

¹ То есть признак не существенный для данной выборки.

с. 90). Но эта наша справка почему-то была обойдена вниманием наших уважаемых оппонентов, вследствие чего, очевидно, автор этих строк и был заподозрен в каких-то махинациях.

Позволю себе небольшую ремарку: по моему убеждению, введение в статистические таблицы двойных показателей – вначале в абсолютных цифрах, а затем они же в процентах – это в большей степени наукообразно. Дело в том, что если исследователь имеет дело с малыми выборками (до 20 единиц), перевод их в проценты, как правило, выглядит забавным, а если с большими, то абсолютные цифры оказываются уже излишними.

Тем не менее замечания оппонентов заставили автора этих строк вновь пересмотреть данные табл. 21 с целью их уточнения и коррекции. Итак, наша задача – провести сравнительно-статистический анализ погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э. с целью выявления степени их формально-типологического сходства (этнокультурной близости носителей этих культур). Для этого были использованы данные по 180 погребениям кушнареновской и караякуповской культуры; 589 погребениям ломоватовской культуры; 298 погребениям ломоской (чепецкой) культуры; 190 погребениям неволинской культуры; 97 погребениям могильников лесного Зауралья; 241 погребению Западной Сибири. Поскольку генеральная цель нашего исследования – установить роль угорского этнокультурного компонента в составе перечисленных культур, для сравнения нами также были использованы данные по 190 погребениям древних венгров «Арпадского периода» на Дунае.

Теперь поясним приведенные цифры, обратившись к авторитету основоположников статистических методов анализа в российской археологии Г.А. Федорова-Давыдова и В.Ф. Геннинга.

«Одним из основных понятий математической статистики является понятие *генеральная совокупность*», представляющее собой модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности.

Упрощенно говоря, генеральная совокупность – это то, из чего произведена выборка...» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 14 и сл.).

«Если формирование выборки непосредственно подчинено решаемой задаче, а ее качественный состав зависит от компетентности исследователя, то ее количественный состав для статистического анализа должен соответствовать правилам, принятым в статистике. Это связано с тем, что для решения определенной задачи иссле-

дователь имеет возможность привлекать различное количество материала – весь имеющийся в наличии материал или только часть его. Последнее вызвано не только тем, что источник может быть количественно представителем, так что его трудно проанализировать. Не всегда это необходимо и делать. Для этого в статистике разработан выборочный метод. Суть его заключается в том, что можно подвергать анализу только часть, а не все имеющиеся объекты. Часть и целое в этой системе соотносятся через понятия выборка и генеральная совокупность.... Таким образом, выборка – это часть генеральной совокупности, которая подлежит непосредственному изучению. Методологическим основанием применения выборочного метода является идея отражения целого в его части» (Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 60).

Выборка должна отвечать двум требованиям: быть **случайной и представительной**. Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов (там же, с. 61). На практике это означает, что в статистическую обработку должны браться первые, «попавшие под руку» объекты (в нашем случае – погребения) из сравниваемых групп (археологических культур) (Федоров-Давыдов, 1987, с. 16 и сл.).

Что же касается представительности, т.е. такого количества сравниваемых единиц, которые «будут отражать существенные свойства генеральной совокупности», то они должны быть однородны и их должно быть доста-

точно много (там же, с. 62). «Выявление оптимального объема выборки в каждом конкретном случае составляет отдельную задачу и зависит от многих причин. Пока в этом плане нет достаточных разработок и потому каждый исследователь по-своему обуславливает тот или иной объем взятых для исследования объектов. Причем нарекая исследователя, как правило, получает за слишком малую выборку, особенно когда у него имеется возможность использования большей. Поэтому если вопрос оптимальности объема выборки сейчас решить затруднительно, то **допустимые минимальные ее размеры определить можно** (конечно, мы не имеем в виду те случаи, когда естественная выборка мала и расширить ее пока нет возможности)» (там же, с. 63, выделено мной. – В.И.).

С целью облегчить исследователю процедуру определения минимальных размеров выборки В.Ф. Генингом и его коллегами-соавторами была разработана и опубликована таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки (там же, с. 64). Этой таблицей в своих исследованиях я пользуюсь уже много лет.

Этот несколько пространственный экскурс я позволил с целью, во-первых, напомнить коллегам о давно разработанной и хорошо опубликованной методике статистического анализа массового археологического материала, во-вторых, для того, чтобы снять возможные вопросы о том, почему мною приведены те или иные количественные показатели, как они отбирались и просчитывались и т.д.

Начнем с принципов создания случайных выборок. Для сравнительно-

статистического анализа нами были отобраны 180 погребений кушнаренковско-караякуповской культуры (Мажитов, 1981; Пшеничнюк, 1984; Chalikowa-Chalikow, 1981; Казаков, 1978, с. 11–28). Для ломоватовской культуры были взяты данные по 589 опубликованным и неопубликованным погребениям Каневского, Редикорского, Баяновского, Плесинского, Рождественского, Огурдинского и Запосельского могильников. Для полломской/чепецкой культуры были взяты 298 погребений Варнинского могильника (Семенов, 1989). Для неволинской культуры – 190 погребений Неволинского могильника (Erdelyi, Ojtozi, Gening, 1969; Голдина, Водолога, 1990, с. 47–65). По могильникам лесного Зауралья – это 97 погребений из Ликинского, Пылаевского, Макушинского, Лихачевского и Перейминского могильников (Викторова, 1973; Чернецов, 1957). Из западносибирских средневековых могильников – Сайгатинского, Барсов городок, Окуневский – 241 погребение². Наконец, была также сделана случайная выборка из 190 погребений древних венгров «Периода обретения родины на Дунае» (или Арпадского периода, по современной терминологии венгерских коллег): Aldebrő –Mocsaros, Dormand-Hanyipusztai, Kál-Legelő, Orosházapusztai I, Temesvar-Csókaerdő, Gnadendorf, Bashalmi (Bashalom) и др. (Revesz, 2008; Istvánovits, 2003; Daim, Lauer mann, 2006; Dienes, 1972).

Цифра в 190 неволинских и древневенгерских погребений нуждается

в пояснении, поскольку в реальности их известно гораздо больше. Но данные выборки позволяют оперировать нижними уровнями процентного показателя характеризующих их признаков при степени вероятности в 0,95 не ниже 2%. Их можно удвоить, тогда нижний уровень процентного показателя поднимется до 1%. При дальнейшем увеличении выборки нижний показатель будет подниматься все выше и выше, приближаясь уже к сотым долям процента (Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 64). Желаящие могут этим заняться, благо имеющаяся источниковая база к тому располагает. Но в данном случае достигаемый показатель нас вполне устраивает, поскольку он отвечает требованию, чтобы выборка была таковой, чтобы уровень минимального представительного показателя был достаточно низким при высокой степени вероятности (там же, с. 65).

Данные по представительным признакам сравниваемых археологических культур, полученные из **случайных выборок**, представлены в табл. 1.

² Пользуясь случаем, еще раз хочу поблагодарить К.Г. Карачарова, А.В. Старкова, Е.О. Святову за предоставленную возможность использовать их неопубликованные материалы.

Таблица 1

Представительные признаки погребального обряда культур Уральского региона и венгров Арпадского периода (в %%)

№	Признак		Культура						
			Венгры	Кушнаренк./ Каракуп.	Ломовагов.	Полом/ Челецк	Неволин.	Зауралье	Зап.Сиб.
1	Могильник	Грунтовый	100	45,1	100	100	99,0	100	86,6
2		Курганный	-	54,8	-	-	-	-	13,3
3	Насыпь земляная		-	100	-	-	-	-	13,3
4	Кости животных		-	35,3	-	-	-	-	23,3
5	Количество погребений	Одно	100	47,2	98,3	98,4	96,8	95,0	50,0
6		Два и более	-	52,8	-	-	3,1	-	50,0
7		Парное	-	-	1,7	-	-	5,0	7,0
8	Конструкция могилы	Простая	85,8	92,4	78,4	98,4	91,6	93,0	72,0
9		Стенки суживаются	5,8	-	1,8	-	-	-	-
10		Ступенька слева	-	-	4,9	-	-	-	-
11		Ступеньки у длинных стеноч	-	-	2,2	-	-	-	-
12		Ступеньки у коротких стеноч	-	-	9,1	-	-	-	-
13		Ступеньки у всех стеноч	-	-	5,6	-	-	3,7	5,0

14	Конские захоронение	В насыпи кургана или возле могилы	-	24,9	-	-	12,6	-	-
15		В могиле слева	6,3	-	-	-	-	-	-
16		В могиле у ног	17,3	6,1	8,5	2,0	-	-	-
17		В заполнении могилы	-	-	-	5,3	-	-	-
18		Сбруя без коня	11,0	25,6	3,7	13,4	27,5	-	10,7
19	Ориентировка погребенного	Запад	63,7	33,0	14	24,8	17,3	-	-
20		Восток	-	-	17,1	31,5	20,5	7,8	-
21		Север	-	16,1	28,2	17,1	-	28,4	31,0
22		Юг	-	-	0,8	-	23,1	7,0	-
23		Юго-запад	20,5	6,6	5,1	-	7,9	7,0	5,0
24		Юго-восток	-	-	2,9	-	16,3	29,6	-
25		Северо-запад	14,2	24,4	24,2	-	11,5	8,6	50,0
26		Северо-восток	-	-	5,6	2,7	-	10,7	-
27		Не определена	-	19,0	2,1	22,0	-	-	14,0

28	Поза погребенного	Выгнуто на спине	95,2	76,6	28,1	69,4	71,0	35,0	21,6
29		Не определено	4,2	23,4	71,4	30,6	28,4	64,2	56,6
30		Руки выгнуты	49,4	53,3	-	54,3	11,0	35,0	14,9
31		Одна рука согнута	20,5	23,3	-	10,4	6,2	-	6,9
32		Обе согнуты	23,1	-	-	-	4,7	-	-
33	Детали ритуала	Дощатый гроб	-	-	4,4	6,7	16,8	9,0	-
34		Рама	-	-	1,2	-	-	3,3	-
35		Неизвестно	-	6,7	91,2	-	6,8	69,1	9,0
36		Подстилка лубяная	-	-	3,2	25,1	-	22,2	-
37	Сосуд	У головы	4,7	48,7	-	47,6	25,2	-	-
38		У ног	-	-	21,9	12,0	4,2	-	12,0
39		В заполнении	-	23,3	28,3	-	9,4	58,8	55,3

39	Угли в могиле	-	-	59,4	64,0	4,2	89,7	9,0	
40	Конская сбруя в погребении	Удила с перетягом	26,8	32,0	8,3	11,7	25,8	-	5,1
41		В зубах коня	13,7	-	-	-	-	-	-
42		Удила у ног	9,4	7,2	5,4	4,0	23,1	-	-
43		Стремя одно	5,8	11,1	2,4	5,0	8,4	-	-
44		Стремян два	24,7	2,7	-	-	3,6	-	-
45		Стремя на коне	12,6	-	-	-	-	-	-
46		Стремя у ног	14,7	8,9	2,4	5,0	-	-	-
47		Накл. узды	5,2	4,4	-	-	-	-	-
48		Оружие	Наконечники стрел	25,8	29,3	19,5	27,8	17,9	27,1
49	сабля		6,3	7,2	2,5	2,0	6,3	2,1	-
50	копье		-	-	4,4	11,4	4,7	-	-
51	топор		2,6	2,2	12,9	2,0	8,9	3,3	-
52	Накладки лука		6,8	10,0	-	-	-	-	-
53	колчан		10,0	2,2	-	2,7	-	-	-

54	Поющая гарнитура	накладки	5,2	59,8	45,5	16,4	27,3	16,0	22,4
55		пряжки	7,9	32,0	27,6	20,8	42,1	10,7	20,7
56		Цельй пояс	3,1	9,8	10,7	5,7	15,8	-	-
57	Украшения	Кольцевидные подвески	37,9	8,3	1,5	13,7	12,1	-	-
58		Шумящие подвески	-	17,0	14,1	7,0	4,7	4,5	-
59		Напусские бусины	5,8	-	49,6	28,5	13,7	7,4	-
60		Бубенчики	4,7	-	26,4	-	6,8	14,0	5,1
61		Бусы	8,9	16,3	42,9	28,2	41,0	8,2	17,2
62		Ожерелье	4,2	7,2	-	5,7	7,3	-	-
63		Перегень	8,9	18,3	14,9	2,3	11,5	3,7	6,9
64		Браслет	2,3	26,0	17,1	17,7	12,6	16,4	10,3
65		Пронизки	-	11,4	38,0	21,1	19,3	14,8	-
66		Гривна	3,1	-	0,7	2,7	-	-	-
67		Височные кольца	-	3,5	27,5	-	-	23,4	10,3
68		Илье украшения	2,1	11,4	35,0	5,3	6,8	37,4	20,7

69	Другие вещи	Нож	16,8	21,1	37,5	42,9	56,8	45,2	17,2
70		Кресало	7,3	-	-	6,0	3,7	-	-
71		Шило	-	-	2,7	-	2,6	2,0	-
72		Монеты	4,7	-	12,4	-	9,4	-	-
73		Сумка	-	-	5,1	5,0	-	-	-
74		Маска	2,6	1,0	11,0	-	4,2	11,5	8,0
Всего погребений:			190	180	589	298	190	97	241

Коэффициент формально-типологического сходства S_2 , учитывающий показатели сходства сравниваемых объектов не только по одновременно присутствующим, но и по отсутствующим признакам (Федоров-Давыдов, 1987, с. 144), выраженный графически, показывает, что наиболее тесную связь между собой обнаруживают могильники неволинской, ломовской культур лесного Прикамья, кушнарниковские/караякуповские в лесостеп-

ном Предуралье и древних венгров на Дунае; ломовские, неволинские и ломоватовские могильники; ломоватовские, неволинские могильники и могильники лесного Зауралья; могильники лесного Зауралья и Западной Сибири (табл. 2). То есть ничего принципиально нового по сравнению с теми результатами, которые уже были нами опубликованы, мы не получаем (Белавин и др., 2009, с. 118, рис. 21; Иванов, 2013, с. 80 и сл.).

Таблица 2

Таблица показателей парного типологического сходства погребального обряда культур Уральского региона и венгров Арпадского периода

	Венгры	Кушнарник./ Караякуп.	Ломоватов.	Полом/ Чепецк	Неволин.	Зауралье	Зап.Сиб.
Венгры	-						
Кушнарник./ Караякуп.	0,84	-					
Ломоватов.	0,71	0,72	-				
Полом/ Чепецк	0,81	0,82	0,82	-			
Неволино	0,83	0,83	0,82	0,83	-		
Зауралье	0,67	0,72	0,85	0,73	0,81	-	
Зап.Сиб.	0,71	0,84	0,74	0,71	0,77	0,84	-

Граф, построенный на основании приведенной выше таблицы, при критерии значимости, равном 0,90, показывает, что все сравниваемые группы погребальных памятников типологически близки между собой (рис. 1). А это, по мнению ряда исследователей (Д. Кларк, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Ф. Генинг), указывает на то, что они принадлежат к **вариантам одной археологической культуры** (Генинг и др., 1990, с. 132 и сл.).

Пора делать выводы. Они тривиальны, поскольку уже были неоднократно опубликованы. Погребальный обряд могильников археологических культур Урала и Прикамья второй половины I тыс. н.э. указывает на то, что эти культуры составляли одну этнокультурную общность или (что, на мой взгляд, будет точнее) один этнокультурный ареал (ЭКА). Понятие это было введено Д.Г. Савиновым, и оно означает, прежде всего, территорию, на которой сложилась определенная этнокультурная общность. В археологическом контексте ЭКА – это пространственно-культурное выражение археологической культуры на определенном хронологическом срезе. Название ЭКА дается по известному из письменных источников этнониму, локализованному в это же время на той же территории. В пределах каждого ЭКА возможно как сплошное, так и дисперсное расселение носителей данного этнонима, узкая этническая принадлежность которых (по языку, происхождению и т.д.) может быть различной. В силу последнего обстоятельства на одной территории в одно и то же время могут быть представлены археологические памятники, различающиеся по деталям погребального обряда, приемам

орнаментации керамики и другим наиболее традиционным культурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА (Савинов, 1984, с. 48). В данном случае мы имеем дело с ЭКА культур с т.н. резной и штампо-гребенчатой керамикой, занимавшим территорию лесного и лесостепного Урала от левых притоков Оби до Камы.

Здесь возникает соблазн в очередной раз определить его как угорский. Но у меня возникает другое предложение: может быть, сейчас будет более целесообразным дать тайм-аут нашим коллегам-языковедам, которые (и это очевидно) пока еще не обладают надежно выверенным механизмом датирования этнолингвистических процессов, пригодным для того, чтобы убедительно совмещать их с этапами генезиса археологических культур. Поэтому, будучи вовлеченными в дискуссию по этнокультурным интерпретациям археологического материала, они невольно начинают путаться сами и путать нас: упомянутая выше несостоявшаяся дискуссия по угорской проблеме показала, что к междисциплинарным исследованиям ни археологи, ни языковеды пока не готовы. Следовательно, в настоящее время гораздо целесообразнее будет археологам с использованием всех доступных методов археологического источниковедения прежде всего объяснить этот феномен – типологическое сходство археологических культур Урала и Прикамья второй половины – конца I тыс. н.э. Или доказать полное отсутствие такового.

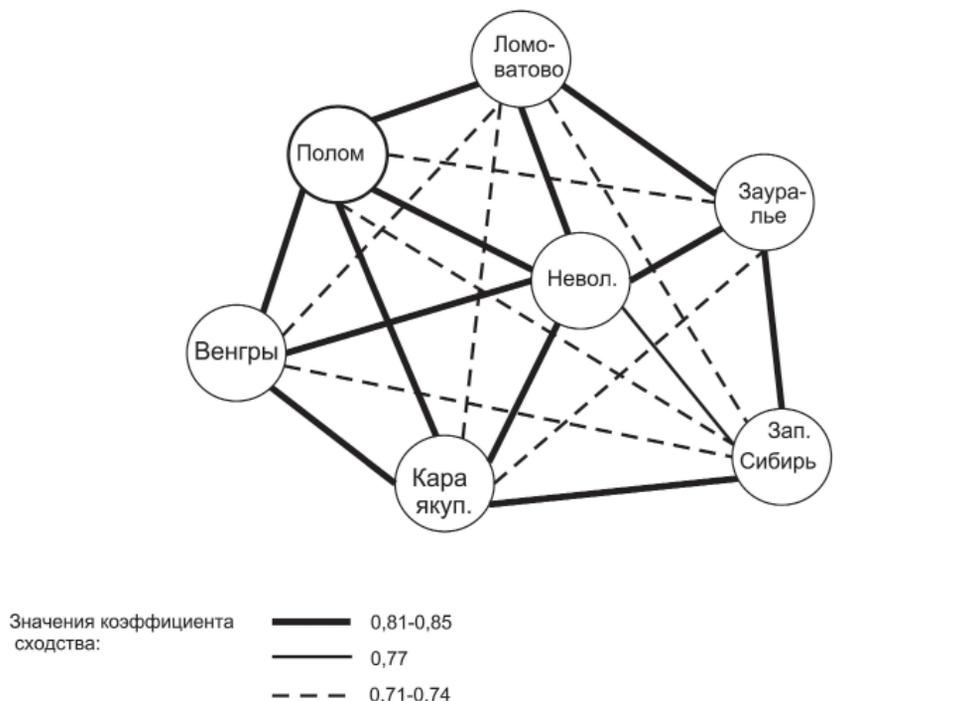

Рис. 1. Граф типологического сходства могильников археологических культур Урала второй половины I тыс. н.э. и венгров «периода Арпадов».

Fig. 1. Typological similarity of the Ural archaeological cultures burial grounds in the second half of I Millennium AD and Hungarians in the “Arpad period”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
2. *Белавин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // ВПУ. – 2011. – Вып. 1(15). – С. 173–180.
3. *Викторова В.Д.* Ликийский могильник // ВАУ. – Вып. 12. – Свердловск, 1973. – С. 133–167.
4. *Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наукова думка, 1990. – 304 с.
5. *Голдина Р.Д.* Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89–110.
6. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 176 с.
7. *Голдина Р.Д., Напольских В.В.* «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2013. – С. 90–93.

8. *Иванов В.А.* Урало-сибирские истоки погребального обряда венгров периода «Обретения Родины» // II Международный Мадьярский симпозиум: сборник науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 75–84.
9. *Иванов В.А.* Дискуссия ради дискуссии или об «экономной мудрости бытия» (по поводу полемики вокруг проблемы формирования предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 106–115.
10. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 128 с.
11. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // Тр. КАЭЭ. – Вып. VII. – Пермь: ПГГПУ, 2011. – С. 175–187.
12. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 116–131.
13. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 162 с.
14. *Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н.* Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // ВПУ. – 2010. – Вып. 2 (14). – С. 140–153.
15. *Пастушенко И.Ю.* «Угорская эпоха Прикамья» – вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. – С. 197–198.
16. *Пастушенко И.Ю.* Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье»? // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 144–150.
17. *Пшеничнюк А.Х.* Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. – С. 60–74.
18. *Савинов Д.Г.* Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 46–54.
19. *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломошской культуры. – Ижевск, 1989. – С. 5–105.
20. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по специальности «История». – М.: Высшая школа, 1987. – 216 с.
21. *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – № 58. – М., 1957. – С. 136–185.
22. *Chalikowa E.A., Chalikow A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). In: *Régészeti füzetek*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981, ser. II, no 21, 132 p.
23. *Daim F.-Lauer mann E.* Das Frühungarishe Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Mainz, 2006, 295 p.
24. *Dienes I.* Un cimeteiere de Hongrois conquerants Bshalom. In: *AAH*, VII/1–4, pp. 24–37.
25. *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening V.* Das Gräberfeld von Newolino. Ausgrabungen von A.V. Schmidt und der Archäologischen Kama-Expedition. Budapest, 1969, 94 p.
26. *Istvánovits E.* A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékéanyaga. Nyíregyháza, 2003, 499 p.
27. *Revesz L.* Heves megye 10–11. századi temetői. Budapest, 2008, 491 p.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); ivanov-sanyuch@inbox.ru

UGRIC PEOPLES IN THE CIS-URAL REGION: CONTINUED**V.A. Ivanov**

The article is a response to the criticism of the concept of Ugric presence in the Kama and the Urals region in the early Middle Ages, which was advanced at the XIX Urals archaeological congress in Syktyvkar in 2013. The severest criticisms were aimed by R.D. Goldina and V.V. Napolskikh at the findings of the underlying archaeological statistical analysis conducted by the author of this article. Some comments turned out to be correct. Having considered these critical remarks, in this article, the author presents the results of a new statistical analysis of the funerary rite of archaeological cultures in the Kama region and the Ural region in the second half of I millennium AD, and their synchronous cultures from the forest zone of the Trans-Ural region and Western Siberia and the ancient burial grounds of the Hungarians (the Arpad period) on the Danube. He sets out the principles of selection of the input materials and methods of their statistical analysis. The conducted studies allow a conclusion: Lomovatovo, Nevolino, Polom culture in the Kama region, Kushnarenkovo and Kara-Yakupovo cultures in the forest-steppe zone of the Cis-Ural region, forest culture from the Trans-Urals and Western Siberia, in fact, represent one ethnocultural area (ECA) and are typologically associated with the archaeological culture of the ancient Hungarians. In conclusion, the author proposes to abandon, for a while, further attempts to combine data of archaeology and historical linguistics in ethnic reconstructions and explain the phenomenon of high typological similarity of the above cultures using modern methods of analysis of archaeological material, or prove absence of such phenomenon.

Keywords: archaeology, Kama region, Cis-Ural region, early Middle Ages, Ugrians, funerary rite, statistics, representative sample, typological similarity, ethnic-cultural area.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (1 (15)), 173–180 (in Russian).
3. Viktorova, V. D. 1973. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 12. Sverdlovsk, 133–167 (in Russian).
4. Gening, V. F., Buniatian, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovannostatisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized-Statistic Methods in Archaeology (Analysis of Funerary Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'iariskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 89–110 (in Russian).
6. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
7. Goldina, R. D., Napol'skikh, V. V. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session))*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History Komi NTs, 90–93 (in Russian).

8. Ivanov, V. A. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'iariskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 75–84 (in Russian).
9. Ivanov, V. A. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan, 106–115 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2011. In *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VII. Perm: Perm State Pedagogical University, 175–187 (in Russian).
12. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan, 116–131 (in Russian).
13. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Mel'nichuk, A. F., Chagin, G. N. 2010. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (2 (14)), 140–153 (in Russian).
15. Pastushenko, I. Yu. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 197–198 (in Russian).
16. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 144–150 (in Russian).
17. Pshenichniuk, A. Kh. 1984. In *Pamiatniki kochevnikov Iuzhnogo Urala (Sites of Southern Ural Nomads)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, 60–74 (in Russian).
18. Savinov, D. G. 1984. In *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Eurasian Steppes Archaeology)*. Kemerovo, 46–54 (in Russian).
19. Semenov, V. A. 1989. In *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk, 5–105 (in Russian).
20. Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii (Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).
21. Chernetsov, V. N. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 58, 136–185 (in Russian).
22. Chalikova, E. A., Chalikow, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti füzetek. Ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
23. Daim, F., Laueremann, E. 2006. *Das Frühungarishe Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich)*. Mainz.
24. Dienes, I. 1972. Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. In *AAH VII/1–4*, 24–37.
25. Erdélyi, I., Ojtozi, E., Gening, V. 1969. *Das Gräberfeld von Newolino. Ausgrabungen von A. V. Schmidt und der Archäologischen Kama-Expedition*. Budapest.
26. Istvánovits, E. 2003. *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékhelye*. Nyíregyháza.
27. Revesz, L. 2008. *Heves megye 10–11. századi temetői*. Budapest.

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru

УДК 902

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНОСА:
ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ**

© 2015 г. И.Л. Измайлов

В статье предпринята попытка проанализировать суть дискуссии, которая несколько лет ведется на страницах научных изданий и на многих научных конференциях Волго-Уральского региона. Темой дискуссии является проблема угорского присутствия в Прикамье и Предуралья в эпоху раннего средневековья. В ходе дискуссии был поставлен вопрос о корректности результатов статистического анализа археологического материала, проведенного В.А. Ивановым. Опираясь скорректированными данными статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э., синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири и могильников венгров периода Арпада на Дунае, заново проведенного с учетом высказанной критики, В.А. Иванов делает все тот же вывод, что все эти культуры представляют собой один этнокультурный ареал, типологически связанный с археологической культурой древних венгров, и предлагает временно отказаться от этнических реконструкций и объяснить этот феномен.

Представляется, что в данном случае мы сталкиваемся с более важными и принципиальными вопросами – о методике определения этноса на основе данных археологии, о соотношении археологии и ее специфических методов с другими науками, а также о пределах компетенции археологии как науки. В этой связи отмечается, что никакие статистические методы не в состоянии возвести данные археологии к этнолингвистическим реконструкциям. Необходимо разделить две разные проблемы – статистическое сходство признаков археологических культур и их лингвистическую характеристику. Смешивать эти два разных подхода методологически некорректно.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, раннее средневековье, угры, методы этнокультурной реконструкции, археологические характеристики этноса, этнокультурный ареал, типологическое сходство.

Статья В.А. Иванова является не просто дискуссионной, но и остро заточенной для разжигания и продолжения спора. Автор, ради ее пролонгации пошел даже на то, что признал, что некоторые его статистические выкладки (Белавин, Иванов, Крыладова, 2009, с. 60) не соответствуют реальному положению дел, на что ему указали оппоненты (Голдина, Напольских, 2013, с. 90 и сл.). Нужна большая смелость, чтобы пойти на признание своих ошибок и это заслуживает ува-

жения нашего научного сообщества. Но не признание погрешности в своих вычислениях, ни исправление их, к сожалению, не решает главной проблемы. Она не приближает нас к решению этнолингвистических реконструкций для эпохи I тыс. н.э. в Волго-Уральском регионе.

Совершенно прав В.А. Иванов в том, что в определенном смысле дискуссия вышла за рамки привычной научной корректности и ее участники обменялись язвительными и колкими

замечаниями, не остановившись перед весьма резкими комментариями. Согласен и солидарен с уважаемым археологом, что некоторые замечания носят весьма провокативный и личностный характер, что нетерпимо и не должно приветствоваться. Одно дело, когда спор идет с некоторой долей юмора и самоиронии, так сказать *cum grano salis*, а другое – обвинения коллег в «прямой фальсификации фактов» (Голдина, 2013, с. 89). Ясно, что подобные выпады требуют ответа. И негодование В.А. Иванова в ответ на прямое обвинение в профессиональной непригодности понятно. Оно явно несправедливо и вызывает бурную реакцию и желание ответить в том же духе. Здесь имеет смысл остановиться и проверить свои и чужие аргументы.

Если проанализировать суть дискуссии, которая несколько лет ведется на страницах научных изданий и на многих научных конференциях Волго-Уральского региона (Мельничук, Чагин, 2010; Пастушенко, 2009; 2011; Белавин, Иванов, 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Голдина, Напольских, 2013; Голдина, 2013; Иванов, 2014; Коренюк, Мельничук, Пересков, 2014). Участниками дискуссии ставится или отвергается проблема угорского присутствия в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья. Не стану рассматривать суть споров и аргументы сторон, поскольку, кажется, что в большинстве своем это тупиковый спор. Часто стороны используют одни и те же археологические факты, но с разной «этнической» нагрузкой.

В ходе дискуссии был заострен вопрос о корректности результатов статистического анализа археологического материала, проведенного

В.А. Ивановым. Сомнения в репрезентативности выводов вызвали его эмоциональный ответ. Но признавая, что некоторые замечания действительно оказались справедливыми, В.А. Иванов настаивает на точности самого метода и статистических выкладок. Опираясь откорректированными данными о результатах статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э. и синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири, могильников древних венгров (периода Арпада) на Дунае, В.А. Иванов делает все тот же вывод о том, что ломоватовская, неволинская, полонская культуры в Прикамье, кушнарниковская и караякуповская культуры в лесостепном Предуралье, культуры лесного Зауралья и Западной Сибири, в сущности, представляют собой один этнокультурный ареал, типологически связанный с археологической культурой древних венгров. Кажется, что спор идет о том, что сравнение этих культур имеет по ряду параметров значительную близость.

Не собираюсь оспаривать сходство этих культур по статистическим данным, представленным в новых таблицах, но не могу не заметить, что доказательность их в авторской системе несколько не увеличилась. Проблема не в том, насколько верны статистические выкладки (в археологии они всегда будут весьма относительными и заведомо неполными) и не в самих цифрах, а в принципах отбора и использования этих цифр. Археологи часто испытывают почти религиозный пietet перед математикой и естественными науками. Большинство из них являются законченными гумани-

тариями, которые с детства ее ненавидят, а часть просто не понимает всех этих сложных вычислений, но те и другие склонны безотчетно доверять любому, кто умеет обращаться с цифрами. Но делать этого не следует ни в коем случае.

И вот почему. Известно, что статистика – это род мельницы: что туда вложил, то и получил на выходе. Следовательно, проблема не в цифрах и то, как с ними ловко манипулируют, а в принципах отбора и иерархии признаков. Ведь сходство «по совокупности» признаков может оказаться весьма относительным. Оно доказательно и показательно, когда мы оперируем цифрами и сравниваем их друг с другом. Но эти абстракции перестают быть такими, когда мы начинаем сравнивать не их, а археологические реальности, которые за ними стоят. Можно любую реальность (напр., новый выставочный зал Лувра) расчленить на мультимножество различных измерений и часть из них сравнить с другими измерениями другой реальности (напр., пирамиду Хуфу). Вполне возможно, что некоторые измерения совпадут и с цифрами все будет достаточно выразительно. Но значит ли, что эти объекты идентичны? Ни в коем случае. Поскольку в этом случае сходная форма не совпадает с содержанием. Иными словами, эти явления просто нельзя сравнивать, поскольку качественные их параметры категорически не конгруэнтны. Этот несколько ненаучный пример призван наглядно продемонстрировать мысль, что нельзя просто так полагаться на цифры без анализа содержательной части таблиц.

Например, никак нельзя поверить в сходство погребального обряда, когда такой качественный показатель, как

ориентировка погребенных на запад, север или восток, не совпадает даже при количественной близости некоторых других параметров (труположение на спине с руками вдоль костяка). В этом случае количество других совпадающих измерений никак не перевешивает «веса» одного качественного признака. Фактически этот один признак гораздо значимее, чем многие другие, поскольку ориентация в сакральном пространстве и было тем самым «этноопределяющим» признаком (с соответствующими времени, месту и народу оговорками), который детерминировал многие другие явления мифологии и культуры, а также обряды и обычаи. Во всяком случае, это системное явление культуры было устойчивым и традиционным, тогда как элементы одежды, орнаментация посуды и украшения могли с легкостью необыкновенной меняться с течением времени, трансформироваться и теряться.

Дело в том, что «вес» каждого признака отнюдь не одинаков в материальной культуре и тем более в отношении к этничности. Следует сделать оговорку, что очень часто, проводя различные сравнения элементов погребального обряда, археологи не просто наделяют их «этическим» содержанием, но и практически рассматривают их лишь в этнокультурном аспекте. Тогда как это, отнюдь, не самый очевидный факт. Судя по многочисленным данным этнографии на сами погребально-поминальные обряды и, соответственно, на их детали, особенно, такие как характер и набор погребальных вещей в гораздо большем объеме влияют такие факторы, как пол, возраст, социальный статус, место в общинной иерархии, зажиточ-

ность, авторитет и т.д. Все вместе или по отдельности. Иными словами, все явления культуры в той или иной степени полноты характеризуют данную общину и имеют этническую составляющую, но не все напрямую связаны с погребальным обрядом. Здесь очень велико искажающее влияние социальных представлений и их реаллий. Для раннего средневековья, когда происходил процесс модернизации общества Волго-Уральского региона под влиянием южных цивилизаций и народов «второго» мира, подобные новшества вносили заметные коррективы в традиционную погребально-поминальную практику. Особенно это касается таких важных элементов погребального обряда как наличие и распределение в погребальном инвентаре предметов вооружения, конского снаряжения и амуниции, а также поясов с металлической гарнитурой. Оружие и конская упряжь всегда и везде служили явным и прямым маркером сложных социальных связей и отношений. Но это, отнюдь, не явления этнического порядка и связаны с ним никак не прямо, а скорее косвенно. В качестве примера можно привести наличие поясных наборов в женских погребениях у общин лесной зоны Волго-Уральского региона. Типично мужской элемент костюма в степной зоне и в государствах цивилизованной ойкумены у ряда народов лесной зоны был трансформирован в женский, повышающий (причем, возможно, посмертно) статус некоторых женщин. Они или сами имели серьезный авторитет и пользовались влиянием в общине, или таковыми были их мужья или дети. В любом случае, наличие пояса в женских погребениях лесной зоны Поволжья и Прикамья –

это не особый этнический признак, а социальный маркер, получивший своеобразное преломление в некотором культурном ареале.

Еще более сложным представляется использование для этнических суждений предметов вооружения, всаднической и конской амуниции. Совершенно напрасно представляется сравнивать наличие предметов вооружения в погребениях произвольно выбранных культур. Доказано, что на появление и распределение этих предметов в погребениях более важную роль играет не «этничность», а социальный, возрастной и имущественный статус, наличие или отсутствие наследников (см.: Измайлов, 2012, с. 66–85). Так, совершенно неоправданно в анализе сходств фигурирует сабля – специфическое оружие профессионального воина и свидетельство высокого статуса семьи в военной или властной иерархии общины. Разный процент наличия сабель в погребениях различных культур никак не указывает ни на их близость, ни на их несходство. «Цену» признаков, использованных в таблице, наглядно демонстрирует и другой пример. Отсутствие костяных накладок на сложносоставной лук в погребениях ряда культур может свидетельствовать как раз об их отличии от венгров и вообще зоны воздействия степных культур. Ведь считается, что это важный маркирующий этнокультурный и социальный признак (см.: Савин, Семенов, 1989, с. 104–109; Измайлов, 2011, с. 56–72).

В любом случае распределение предметов вооружения может указывать на близость или отделенность не этнокультурных общностей, а сходство внутриобщинного расслоения и на-

личия слоя дружинников. Хотя и для этого вывода требуется более детальный анализ и учет того, что значительная часть предметного мира могла не дойти до нас, поскольку была заменена вотивными предметами. Предметы вооружения могли быть использованы в погребально-поминальной обрядности, но в погребение могли и не попасть. Так, у венгров времен Арпадов копьа служили своеобразными надмогильными памятниками и редко попадали в погребение, но зафиксированы. Не исключено, что такое же использование их было характерно и для других народов. Но наличие в погребении большого количества копий должно настораживать, поскольку это могли быть не кавалерийские копьа, а промысловые. А это уже качественно иное отношение к предмету и его месту в обряде, а также иное положение человека в общинной иерархии статусов.

В категории «сосуд» В.А. Иванов указывает только его положение относительно костяка, никак не комментируя различие керамических форм и их орнаментации. И это справедливо, ибо любое другое качественное сравнение этой категории показало бы разительное различие венгерской от всех других культур. В этом видится некая лукавость использованных цифр и произвольно выбранных категорий. Например, никто не доказал, что именно положение сосуда в погребении имеет качество этничности, тогда как форма, характер начинки, тесто и орнаментация, – все эти признаки, традиционно считающиеся показателями этнокультурных традиций – оказываются неважными для данной выборки. Иными словами, таблица, несмотря на свою кажущуюся статистическую достоверность,

никак не решает вопросов соотношения качественных и количественных признаков. Повторюсь, что не ставлю своей задачей указать уважаемому В.А. Иванову на его ошибки, а просто хочу понять логику и смысл выбора тех или иных параметров. Даже простой анализ ее показывает, что магия цифр, «жар холодных чисел», может ввести в соблазн поверить в то, во что верить нельзя. Статистика должна быть не решением, а только инструментом выяснения каких-то взаимосвязей. Методом, а не панацеей для решения всех проблем.

В данном случае В.А. Иванов неоправданно высокую ставку делает именно на сходство цифр, смешивая количественные и качественные, значимые и малозначимые для погребального обряда признаки. При этом нигде не доказана значимость и важность именно этих признаков, и вес, и значимость для угорской культуры. Но все это не мешает В.А. Иванову в заключении сделать парадоксальный вывод: «В данном случае мы имеем дело с ЭКА культур с т.н. резной и штампо-гребенчатой керамикой, занимавшим территорию лесного и лесостепного Урала от левых притоков Оби до Камы». Вся проблема только в том, что этот ареал «резной и штампо-гребенчатой керамики» никак не доказан статистически. Скажем больше: даже относительно реальных венгров, живших в IX–XI вв. в Карпато-Дунайской котловине, у нас нет ни малейших свидетельств, что они использовали посуду с подобной орнаментацией. Кроме того, с истоками, развитием и соотношением этой традиции керамического производства с другими подобными не все ясно. Пока не проведено детального анализа и сравне-

ния сходства и различия особенностей глиняной посуды не только раннесредневековых, но и более ранних культур Зауралья и Приуралья, декларировать единство памятников с этой посудой представляется некорректным. Не говоря уже о том, что угрозычность носителей этой керамической традиции является пока только догадкой, которая не подкреплена ни малейшими доказательствами.

В этой связи невозможно согласиться, что бесспорно доказано «типологическое сходство археологических культур Урала и Прикамья второй половины – конца I тыс. н.э.», которое требует объяснений от лингвистов и этнологов. Наоборот, это как раз требуется доказать, а потом объяснить его. Причем «лингвистическое» объяснение, полагаю, будет самым последним и наименее вероятным. Как показывают материалы этнографии и этноархеологии, подобное сходство может в первую очередь иметь черты историко-этнографической области и являться результатом ареальных контактов – заимствования и взаимного копирования. И различия в языке здесь не играют особой роли. Например, индейцы пуэбло, которые говорят на различных языках шошнском, хопи, зуньи, тано, которые лингвисты относят к ацтекско-таноанской макросемье, и изолированном языке или группе языков керес, используют единообразную и одинаковую по формам и орнаментации посуду (Уайт, 2004. с. 464–950; 2004а, с. 641–1047). В этом же ареале индейцы навахо (дене, дине), которые вели оседлый образ жизни и говорили на совершенно другом – атабаскском языке, в быту использовали ту же посуду. То есть, пример, когда в живой куль-

туре использовалась близкая по форме и орнаментации посуда разными в этнолингвистическом отношении общинами, есть. И он не единичен. Поэтому заявить, а потом еще и доказать, что какое-то древнее население оставило сходную культуру и использовало типологически близкие вещи в быту и на войне, это отнюдь не значит доказать их языковую и тем более этническую близость. Это как раз совершенно не обязательно. Единая посуда могла использоваться разными в языковом отношении общинами, а различная – носителями одного языка. Тот же пример венгров показывает, что они с легкостью перешли на местную придунайскую посуду. А это только доказывает, что посуда сама по себе не имеет никакого этнического содержания и все попытки отечественных археологов вдохнуть в нее этническое содержание подобны желанию средневековых алхимиков оживить выращенного в пробирке гомункула.

Это заставляет полагать, что некоторые критики концепции о «большом угорском мире» в Волго-Уральском регионе не так уж и не правы. Во всяком случае, при всем уважении к математике и статистике, признать их произвольный выбор серьезным доказательством невозможно. Думается, что любое среднее значение можно подогнать под другое среднее значение. Как тут не вспомнить знаменитые слова английского премьера Дизраэли о статистике. Вполне возможно, что некую иллюстративность подобные статистические выкладки исследованию придают, но без учета генерирующих, качественных признаков, которые взяты не произвольно, а выявлены на основании анализа живых культур

или, по крайней мере, какой-то модели этой культуры, эти цифры не могут быть приняты в качестве *ultimo ratio*. И в любом случае эти произвольно выбранные признаки погребального обряда не могут служить доказательством принадлежности этих культур к вариантам одной культуры и свидетельствовать о существовании единого этнокультурного ареала.

Но этот вывод основывается не только и не столько на анализе таблицы статистических выкладок как таковой. Можно было бы даже признать, что вся статистика выполнена безукоризненно, и тем не менее сделать подобный вывод. Ведь речь идет, по большому счету, не о цифрах и их комбинациях, не о процентах и статистике, хотя и представляется таковым. В основе своей это старый и, очевидно, вечный для отечественной науки спор о главном – что есть археология. Одни считают, что археология – это наука источниковедческая со своими специфическими методами и процедурами, другие – что это наука историческая, способная своими методами реконструировать жизнь прошлых обществ во всей полноте. Дискуссия между этими направлениями разгорелась еще в середине 1980-х годов. (Клейн, 1986, с. 209–219; Генинг, 1989, с. 215–206; Захарук, 1989, с. 207–214) и до сих пор не исчерпана, поскольку подпитывается горячим желанием археологов продолжать вторгаться со своими методами и схемами в соседнюю область науки.

Делают они это с самыми благими желаниями – дать механизм решения проблем этногенеза народам, о которых молчат или скудно информируют другие источники. Но результат этого дилетантского наскока на этноло-

гию получается самым печальным. Огромный труд и усилия затрачиваются на заведомо провальные цели – доказать, что материальная культура прямо и непосредственно определяет этническое сознание или хотя бы язык ее носителей.

Теоретик археологии Л.С. Клейн совершенно справедливо назвал это направление в советской археологии «археологической этногенетикой» (Клейн, 1993, с. 43–44). Оно имеет несколько «источников и составных частей». Это и советский псевдо-марксизм, и методика этнических маркеров, восходящая к Г. Коссине, и теория стадиальности Н.Я. Марра. Немало привлекательности в ней для тех, кто с легкостью необычайной может применять для решения сложных проблем этногенеза нехитрые схемы и шаблоны. Основой ее является «возгонка» от изучения отдельных предметов и объектов к анализу культур и от него к созданию полноценной картины истории, в том числе и этнической. Этот вульгарно-материалистический теоретический постулат позволял марксистским археологам считать, что, изучая орудия труда и предметы быта, они могут, используя несколько простых схем соответствия, получить представление о древнем обществе, его социальном строе и духовной культуре.

По их мысли теоретиков этого направления, картографирование элементов древних культур, которые должны были, проходя сквозь исторические катаклизмы, держаться вместе, не разделяясь на части, указывать исследователям ядро этнических культур прошлого. Им представлялось весьма логичным, что племенное родство и единство языка облегчали

культурный контакт и конвергенцию, а их отсутствие – затрудняло, следовательно, этническая граница большей частью должна была служить препятствием для распространения типов вещей, а их совпадение – показателем этнической (языковой) общности (см.: Клейн, 2013, с. 128–240). На практике это позволяло исследователям при совпадении границ распределения типов вещей, объектов и других культурных явлений рассматривать их совокупность в качестве проявления этнической (что признавалось тождественной языковой) общности. Признание того факта, что культурная группа и есть народ, а культурные области – территории занимаемые определенным народом (подразумевая его генетическое родство, языковое единство и высокую степень идентичности культуры), позволяло считать эти явления тождественными, а следовательно прямо сопоставлять археологические культуры с определенными этносами. Тогда как этнографические материалы дают совершенно другую картину мира. Сплошь и рядом различные элементы материальной культуры имеют более широкий ареал, чем какая-то община или родственные группы общин, а близкие в языковом отношении народы имеют совершенно различный быт и культуру. (Клейн, 2013, с. 200–206). В качестве примера достаточно привести венгров и хантов, оленных и береговых чукчей и т.д.

Основой данного метода стало картографирование сходных явлений культуры (чаще всего керамической посуды или женских украшений) и конструирование на этой базе культурно-этнических общностей. Декларирование же комплексности при

этом часто применялось как механическое соединение различных источников для компенсации пробелов в сведениях археологии. Подобный подход давал теоретические основания к созданию концепции *безусловного совпадения* этноса с археологической культурой и выработке «ретроспективного метода» – стремления проследить этническую преемственность по генетическим связям в материальной культуре (Клейн, 2013, с. 200–205). Эта логическая цепочка неизбежно вела к отождествлению археологической культуры с этносом и позволяла исследователям с помощью синхронного и диахронного картографирования явлений археологических культур находить генетические связи и, как и казалось, прослеживать происхождение различных народов с самой глубокой древности. Отсюда в значительной мере увлечение археогенетиков формальными сторонами культуры, особенно ее материальной частью и картографированием различных ее элементов, а также выработкой набора схематизированных, часто подкрепленных статистикой процедур подобного «восхождения». При таком подходе, разумеется, суть этнокультурных процессов в древности подменялась взаимодействием различных культурно-археологических комплексов. Но выяснилась и обратная сторона этой медали. Поскольку эту нехитрую процедуру освоили многие, то скоро «археологическая этногенетика» погрязла в бесконечных спорах об «этноте» той или иной культуры.

Строго говоря, отождествление этноса и археологической культуры базируется на двух постулатах, которые сами требуют обоснования.

Во-первых, еще требуется доказать, что конструируемые исследователем археологические культуры представляют собой гомогенные целостности (и явления одного и того же таксономического порядка), четко различающиеся между собой. Поскольку на практике для вычленения археологических культур ученые нередко опираются не на все их элементы, а лишь на отдельные, так называемые *руководящие (или этнокультурные) типы*, которые якобы и несут этническую нагрузку. Между тем, неизвестны не только их вес и значение в живой культуре древнего народа, но и степень их *этничности*, поскольку они встречаются и в других комплексах, а ареалы их распространения довольно часто прорезают границы соседних археологических культур. Во-вторых, в доказательстве нуждается и другой постулат, согласно которому археологическая культура является отражением только определенной социальной реальности, иначе говоря, этнической группы, а не, скажем, более общих этнографических реалий – хозяйственно-культурных типов или историко-этнографических областей. Как свидетельствуют данные, накопленные мировой этноархеологией, этот постулат весьма отдаленно напоминает встречающуюся сплошь и рядом этнокультурную картину. Все это дискредитирует схематизированные процедуры соотнесения археологической культуры и этноса.

Весьма сложной представляется и сама структура древнего и средневекового населения. Ранее на основании советских учебников у археологов были некие ясные суждения о племени и народности. Сейчас, когда открылся доступ к неизмеримо большему коли-

честву литературы, эти постулаты, как пошитые на суровую нитку сталинские шинели, стали трещать по всем швам. Но если часть историков вышла из них, то другие до сих пор в ней пребывают. Это образует принципиальную несопоставимость аргументов и выводов. Например, остается нераскрытым сложный и неоднозначный вопрос о том, чем являлись археологические культуры – племенем, союзом племен, языковым союзом и т.д. В этой связи очень часто археологи предпочитают вообще отказаться от этого термина, оперируя эвфемизмами типа «этнокультурный ареал» или «культурно-историческая общность или область», как будто ритуальное избегание понятия «археологическая культура» сможет решить какие-то гносеологические задачи. Одновременно это показывает, что само базовое понятие науки археологии – «археологическая культура», неоправданно насыщенное «этническим» содержанием, перестало быть универсальным. Большинство археологов, не в силах противостоять бессмысленно «этнизации» науки, стремятся использовать нейтральные в этом отношении термины. Это показывает, что чуждая науке мода отторгается и отвергается научным сообществом. Пожалуй, это лучшее свидетельство кризиса нашей науки, ее методической базы и понятийного аппарата.

Надо сказать, что в этой дискуссии уже прозвучал отрезвляющий голос (Белых, 2013, с. 100–105), призывающий в корне пересмотреть основания для данной дискуссии. К сожалению, здравые и вполне разумные доводы не были услышаны. И это не удивительно. Ответить на недоуменный вопрос автора о том, на чем основана «обе-

скураживающая убежденность» некоторой части археологов в том, что «такая утилитарная (а посему легко заимствуемая) вещь, как глиняная посуда, может служить надежным «этномаркером» (Белых, 2013, с.102), пока никто не решился дать такой же прямой и однозначный ответ. Неудивительно, что мнение стало поистине гласом вопиющего в пустыне. Поскольку практически все диспутанты в той или иной степени используют одну и ту же археогенетическую методику с некими этномаркерами в виде керамических горшков, то они просто предпочли не заметить неудобных вопросов. Очевидно, чтобы не давать саморазоблачительных ответов, которые не позволят и далее методами археологии вторгаться в область других наук. Действительно, гораздо проще и привычнее резвиться в привычном Зазеркалье, заставляя посуду «говорить» на разных языках, нежели задаться сложными вопросами о структуре населения Волго-Уральского региона в I тыс. н.э., о лингвистической ситуации, соотношении миграции с процессами социогенеза и культурных контактов. Гораздо проще объявить какой-то тип орнамента керамики угорским и после этого подгонять под этот вывод некие статистические данные.

Представляется, что без серьезного пересмотра самой методики наших исследований, научную общественность будут сотрясать подобные дискуссии, в которых нет, да и не может быть не только решения, но и позитивного движения к научной истине. Все они являются топтанием на месте, бессмысленным словоблудием, сродни тем схоластическим средневековым спорам, относительно того, сколь-

ко ангелов или бесов уместиться на острие иглы. Никакая статистика не в состоянии позволить археологии расширить предмет ее ведения, как источниковедческой науки. Этими вопросами ведают другие науки со своими процедурами и методами. Археология даже вооруженная математическим анализом и статистической вероятностью никогда не преодолеет качественного разрыва в знаниях о прошлых обществах и представлениями, сформированными на основании изучения «живых» культур. По меньшей мере, странными выглядят попытки раз за разом преодолеть барьер между науками, «смешать два разных ремесла», чтобы создать квазинаучную картину прошлого, которая противоречит всему тому, что мы знаем о нем из исследований других дисциплин.

Археология должна, наконец, стать самостоятельной наукой со своими методами и пределами компетенции. Представляется, что этого нельзя будет достичь без кардинальной смены повестки дня, перехода к более строгим методам анализа собственно археологических проблем невозможно будет добиться прогресса в науке. Необходимо отвергнуть традиционный упрощенный подход к эвристическим задачам археологии, позволявший ей вторгаться со своими методами в историю и этнологию, не утруждаясь каким-либо ограничением своих выводов. Попытки же археологов вывести свои специфические методы за пределы особого предмета своей науки и прямо экстраполировать их на поприще истории – несостоятельны. Особенно это следует подчеркнуть применительно к этническим процессам в древности.

Очевидно, следует признать, что только обработанная и преобразованная в ходе археологического исследования информация (т.е. переведенная с языка вещей на язык исторического источника) (Клейн, 1995)) может быть сопоставлена с данными других наук (этнология, антропология, источниковедение, лингвистика и др.) для исследования в рамках древней и средневековой истории (точнее, чтобы не путаться – *метаистории*). Определенная попытка подобного исследования была сделана на примере населения Булгарии (Измайлов, 2014, с. 138–179). Насколько она успешна – это тема для специальной дискуссии. Здесь уместно только напомнить, что есть и другие позитивные шаги в этом направлении. Можно уверенно сказать, что сложная проблема не является неразрешимой. Для ее решения совсем необязательно изобретать подпорки и костыли в виде надления горшков даром речи или наделять произвольно выбранные элементы погребального обряда неким этническим содержанием. Успешный путь решения проблем этногенеза – это комплексный мультидисциплинарный подход, когда не археология является ведущей, а все науки, включающие лингвистику, историческую антропологию, биологическую (физическую) антропологию, генетику и др.

Результатом изучения всех этих дисциплин может стать определение некоторых явлений культуры, которые действительно значимы для самого эт-

носа и которые могут быть выявлены археологически. Вот тогда археология сможет сказать свое веское слово в изучении исторической этнологии. И только тогда, когда она станет одной из элементов источниковедческого в метаисторическом мультидисциплинарном исследовании. В этом смысле выделение этномаркеров – это не а priori выбранные элементы культуры, а результат долгого и кропотливого труда. Он сложный и трудоемкий, но это какое-то движение. Альтернативой ему будет бессмысленные и беспощадные споры об угорских (они же тюркские, славянские и далее по списку языков и народов) этнических признаках. Этим беспрестанно занимались поколения археологов, но к решению проблем этногенеза нимало не продвинулись, увязнув в бесконечных дискуссиях.

Пришло время обновить научную программу и вернуться на путь науки. Направление его в строгом источниковедческом анализе материала, выявления закономерностей его распределения в пространстве и времени, а после этого, но уже в рамках метаисторического синтеза, проведение этнокультурных и лингвистических сопоставлений. Но никак не раньше и никак не в рамках археологии. Широкое и безграничное использование данных археологии для решения задач, которые выходят за рамки ее компетенции, не может не привести к стагнации и схоластике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белафин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века – Уфа: издательский дом БГПУ, 2009. – 285 с.
2. *Белафин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. Серия история. – 2011. – Вып. 1 (15). – С. 173–180.

3. *Белых С.К.* Этнос и археологические «этномаркеры» // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2011. – Вып. 1. – С. 144–150.
4. *Генинг В.Ф.* Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания» (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. – 1989. – № 3. – С. 215–206.
5. *Голдина Р.Д.* Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89–110.
6. *Голдина Р.Д., Напольских В.В.* «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013. – С. 90–93.
7. *Захарук Ю.Н.* Археология: наука историческая или источниковедческая? // СА. – 1989. – № 3. – С. 207–214.
8. *Иванов В.А.* Дискуссия ради дискуссии или об «экономной мудрости бытия» (по поводу полемики вокруг проблемы формирования предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 107–116.
9. *Измайлов И.Л.* История сложносоставного лука населения Среднего Поволжья (середина VIII–XIV вв.) // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань) / Отв. ред. И.Л. Измайлов / Археология евразийских степей. – Вып. 13. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С. 56–72.
10. *Измайлов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 66–85.
11. *Измайлов И.Л.* Археологическая культура и средневековая этническая общность: теоретические и методологические проблемы соотношения (на примере средневековой Булгарии) // Поволжская археология. – 2014. – № 3. – С. 138–179.
12. *Клейн Л.С.* О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // СА. – 1986. – № 3. – С. 209–219.
13. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. – Л.: Изд-во АН СССР, 1991. – 448 с.
14. *Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 128 с.
15. *Клейн Л.С.* Археологические источники. Вып. 2. – СПб.: Фарн, 1995. – 349 с.
16. *Клейн Л.С.* Этногенез и археология. Том 1: Теоретические исследования. – СПб.: Евразия, 2013. – 528 с.
17. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // ТКАЭЭ. – Вып. VII. – Пермь, 2011. – С. 175–187.
18. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. / Археология евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 116–131.
19. *Крыласова Н.Б.* Об «угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник Удмуртского университета. – Ижевск, 2012. – Вып. 1. – С. 168–175.
20. *Мельничук, А.Ф., Чагин, Г.Н.* Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. – Пермь, 2010. – Вып. 2(14). – С. 140–153.

21. *Пастушенко И.Ю.* Угорская эпоха Прикамья — вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». — Казань, 2009. — С. 197–198.
22. *Пастушенко И.Ю.* Возможно ли говорить об угорской эпохе в Прикамье? // Вестник Удмуртского университета. — 2011. — Вып. 1. — С. 144–150.
23. *Савин А.М., Семенов А.И.* К типологии раннесредневековых луков Прикубанья // I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 1989. — С. 104–109.
24. *Савинов Д.Г.* Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. — Кемерово, 1984. — С. 46–54.
25. *Уайт Л.* Пуэбло Санта-Аны, Нью-Мексико // Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 464–950.
26. *Уайт Л.* Пуэбло Сиа, Нью-Мексико // Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2004а. — С. 641–1047.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

ON ARCHAEOLOGICAL DEFINITION OF ETHNIC GROUP: CONTINUED

I.L. Izmailov

The author aimed to examine the core matter of the discussion, which has been going for a while in academic publications and numerous conferences in the Volga-Ural region. This discussion concerns the Ugrian presence in the Kama and Cis-Ural region in early Middle Ages. Particularly, its participants questioned the correctness of statistical analysis of archaeological materials conducted by V.A. Ivanov. In view of the criticisms and using corrected data of statistical analysis of the funerary rite practiced by the Kama and Cis-Ural archaeological cultures in the second half of I Millennium AD and their synchronous cultures in the forest zones of Trans-Ural and Western Siberia and Hungarian burial grounds of the Arpad period in the Danube area, V.A. Ivanov conducted a new analysis but arrived at the same conclusion, i.e. that all of these cultures are the same ethnic-cultural area, typologically connected with the archaeological culture of the ancient Hungarians. Further, V.A. Ivanov propose to abandon ethnic reconstruction, for a while, and to explain this phenomenon.

It appears that in this case we face much more important and principal issues: methodology of ethnic definitions based on archaeological data, correlation of archaeology and its specific methods with methods of other branches, as well as jurisdiction of archaeology. In this regard, it is noted that none statistical methods are able to elevate archaeological data to ethnic-linguistic reconstructions. It is necessary to distinguish two separate problems here: the statistical similarity between signs of archaeological cultures and their linguistic characteristics. It is methodologically incorrect to mix these two different approaches.

Keywords: archaeology, Volga-Ural region, early Middle Ages, Ugrians, ethnic-cultural reconstruction methods, archaeological features of ethnic group, ethnic-cultural area, typological similarity.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).

2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. "History" Series)* (1 (15)), 173–180 (in Russian).
3. Belykh, S. K. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1). Izhevsk, 144–150 (in Russian).
4. Gening, V. F. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 215–206 (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'arskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 89–110 (in Russian).
6. Goldina, R. D., Napol'skikh, V. V. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 90–93 (in Russian).
7. Zakharuk, Yu. N. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 207–214 (in Russian).
8. Ivanov, V. A. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Kazan: Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 107–116 (in Russian).
9. Izmailov, I. L. 2011. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 13. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 56–72 (in Russian).
10. Izmailov, I. L. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 66–85 (in Russian).
11. Izmailov, I. L. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 138–179 (in Russian).
12. Klejn, L. S. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 209–219 (in Russian).
13. Klejn, L. S. 1991. *Arkheologicheskaiia tipologiia (Archaeological Typology)*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Klejn, L. S. 1993. *Fenomen sovetskoi arkheologii (The Phenomenon of Soviet Archaeology)*. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
15. Klejn, L. S. 1995. *Arkheologicheskie istochniki (Archaeological Sources)* 2. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
16. Klejn, L. S. 2013. *Etnogenez i arkheologiia (Ethnic Genesis and Archaeology)* 1. *Teoreticheskie issledovaniia (Theoretical Studies)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).
17. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2011. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VII, 175–187 (in Russian).
18. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Kazan: Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 116–131 (in Russian).
19. Krylasova, N. B. 2012. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 168–175 (in Russian).
20. Mel'nichuk, A. F., Chagin, G. N. 2010. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (2 (14)), 140–153 (in Russian).
21. Pastushenko, I. Yu. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Series: *Archaeology of Eurasian Steppes* 13. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 197–198 (in Russian).
22. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 144–150 (in Russian).

23. Savin, A. M., Semenov, A. I. 1989. In *I Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia. Tezisy dokladov (1st Kuban Archaeological Conference: Abstracts)*. Krasnodar: Kuban State University, 104–109 (in Russian).
24. Savinov, D. G. 1984. In *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Eurasian Steppes Archaeology)*. Kemerovo, 46–54 (in Russian).
25. White, L. 2004. In White, L. *Izbrannoe: Nauka o kul'ture (Selected Works: The Science of Culture)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 464–950 (in Russian).
26. White, L. 2004. In White, L. *Izbrannoe: Evoliutsiia kul'tury (Selected Works: The Evolution of Culture)*. Moscow: "ROSSPEN" Publ., 641–1047 (in Russian).

About the Author:

Izmailov Iskander L., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

УДК 903

К МЕТОДОЛОГИИ ПАЛЕОИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ¹

©2015 г. В.В. Напольских

Исследование дописьменной истории, охватывающей более 95% истории человечества (предыстория / палеоистория), в источниковедческом и методологическом плане отличается от истории в узком смысле слова, опирающейся преимущественно на письменные источники. Предыстория не может быть сведена ни к археологии, ни к сравнительно-историческому языкознанию, ни к механическому соединению этих и других дисциплин, она имеет свою методологию и источниковую базу, основанную на сложном междисциплинарном синтезе знаний. Обоснованию этого тезиса и рассмотрению некоторых аспектов методологии палеоисторического исследования, связанных с проблемами праязыковых общностей, методов локализации прародины и реконструкции культуры и истории носителей праязыков крупных лингвистических объединений, на примере уральской языковой семьи, посвящена данная статья.

Ключевые слова: археология, палеоистория, этническая история, сравнительное языкознание, методология, прародина, уральская языковая семья.

Согласно современным воззрениям генетиков и палеоантропологов человек современного вида не только сформировался, но и вышел из своей африканской колыбели более 100 тыс. лет назад, а первые письменные системы возникают в Египте и в Шумере немногим более 5 тыс. лет назад. При этом территории, находящиеся за пределами ойкумены древнейших цивилизаций, получают отражение в письменных источниках гораздо позднее, в частности, для большей части нашей страны первые лапидарные из-

вестия появляются не ранее середины I тыс. н. э. Таким образом, историческая наука в узком смысле слова, опирающаяся, так или иначе, на *рассказ* (греч. *istoria*) о событиях прошлого, в принципе охватывает менее 5% времени существования *Homo sapiens*. Между тем именно в те времена уходят корни культур и цивилизаций, в дописьменное (то есть, собственно, в *доисторическое*) время складывались основы человеческого общества, расовой и языковой карты Земли.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 14-18-03384 (Музей антропологии и этнографии РАН), проект: «Истории, пересказываемые тысячелетиями: реконструкция динамики глобального распространения фабульных и образных элементов устных нарративов». Данная статья представляет собой расширенные тезисы доклада, прочитанного автором на Междисциплинарной конференции «Границы и контакты: генетическая история человечества, поведение, языки, культуры» (17–19 декабря 2014 г., г. Звенигород), организованной институтами РАН: Институтом общей генетики им. Н.И. Вавилова, Институтом этнологии и этнической антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Институтом археологии.

Отсюда – важность и сложность исследования дописьменной истории, обычно именуемой как и раздел исторической науки, который ею занимается, *предыстопией* (нем. *Vorgeschichte*, англ. *prehistory*) или *палеоистопией*. Предыстория оперирует уже не письменными источниками, а данными, предоставляемыми различными дисциплинами: археологией, палеоантропологией, генетикой, сравнительно-историческим языкознанием, ономастикой, фольклористикой, традиционной этнографией, палеобиогеографией, палеоклиматологией и т. д. Каждая из этих дисциплин использует свои методы и информационные каналы для проникновения в прошлое человечества, но ни одна из них не дает полной исторической картины, поскольку содержание конкретного хода исторического процесса всегда остается за кадром. Особой задачей палеоисторика является сложить из осколков, добытых специалистами названных наук, мозаику, в которой этот процесс стал бы виден.

Нагляднейшим образом это обстоятельство может быть проиллюстрировано на примере археологии. Как правило, люди, далекие от предыстории, полагают, что дописьменной историей человечества занимаются археологи, да и сами археологи чаще всего так думают, поскольку их так учат. На самом деле определение археологии как «науки, изучающей прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников» (Археология, с. 8) не совсем верно. Вещественный исторический источник – не то же самое, что археологический источник, с которым имеет дело археология, более того, археологические источники на-

столько специфичны, что совершенно справедливо считать, что они «и не безоговорочно исторические, и не только исторические» (Клейн, 1978, с. 25) (подробнее см. Клейн, 1978). Археология (если только археологи не обнаруживают письменных памятников) ничего не может сказать нам о языке, на котором говорили люди, оставившие археологические материалы, о том, как они называли себя, своих соседей и свою землю, в каких богов верили, каким вождям подчинялись, с кем дружили и воевали, из-за чего вели войны, у кого, как и чему учились и т. д., то есть о всех тех фактах, которые и составляют канву «обычной» письменной истории. Показательно, насколько меняется дело, когда появляются письменные источники, хотя бы и весьма лапидарные и косвенные: порой достаточно фиксации всего одного слова или хотя бы одного текста – и картина происшедших событий становится гораздо более ясной, и археологический материал приобретает совершенно новую окраску. Классический пример – расшифровка хеттской письменности Бедржихом Грозным, без которой невозможно было бы представить себе присутствие во II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке значительной и активной индоевропейской группы со всеми вытекающими отсюда историческими выводами и проблемами.

Наряду с остатками и следами материальной культуры прошлого, с которыми имеет дело археология, важную роль в реконструкции предыстории играет язык. Будучи основным способом передачи культурной информации в пространстве и времени, инструментом, благодаря которому происходит социализация человека и

формируется его культурный облик, создаются и хранят свой опыт человеческие коллективы, и при этом представляя собой цельную структуру, любые изменения в которой происходят системно, язык оказывается, с одной стороны, одним из важнейших факторов, связывающих человеческие сообщества, а с другой – важнейшим источником, аккумулирующим в себе память тысячелетий. Сравнительно-историческое языкознание и археология во многом оказываются взаимодополняющими друг друга дисциплинами: языковые лингвистические реконструкты сложно локализовать во времени и пространстве, в отличие от археологических артефактов, но зато языковой материал отражает мышление, духовный опыт и самосознание древних людей – как раз те сферы, в которых археология наименее сильна.

Поскольку язык по природе своей – инструмент речи (а значит, метафорически говоря, рассказа, *истории*), порою лингвистическая реконструкция может даже заменять несуществующие письменные источники. Например, когда имеется возможность надежной реконструкции древних этнонимов, как в случае с праславянскими **словъне* ‘славяне’, букв. ‘люди слова, правильной речи, говорящие понятно’ и **нѣмьци* ‘немцы, германцы, западные соседи славян’, букв. ‘немые, не умеющие говорить’ – реконструкция этих двух этнонимов ясно указывает, во-первых, на то, что носители славянского праязыка в сер. I тыс. н. э. осознавали свое единство, обладали этническим самосознанием и, во-вторых, на то, что формирование этого самосознания происходило в тесном контакте с германцами.

Этноисторические импликации этих фактов сопоставимы с теми, которые можно сделать на основе первых письменных свидетельств о славянах.

Исследование языковой предистории, помимо прочего, всегда сопряжено с психологическим и идеологическим фактором. Для развитого национального самосознания нового и новейшего времени характерны представления об особой роли языка в жизни народа, по абсолютно верной валлийской поговорке *Cenedl heb iaith – cenedl heb galon* ‘Нация без языка – нация без сердца’. Конструирование национального самосознания совершенно естественно всегда было сопряжено с созданием национальных литературных языков. С другой стороны, национальное самосознание подразумевает представления об особой национальной истории, общем происхождении людей, принадлежащих к данной общности, общих корнях и истоках – вполне мифологические, как правило, но именно благодаря своему мифологизму весьма значимые для большинства. Поскольку изменения в образе жизни, материальной и духовной культуре, религии, имевшие место в истории любого народа, совершенно очевидны и отрицать их не приходится, в национальной мифологии отражением неизменного общего исторического наследия обычно предстает некий «дух нации» (для обозначения которого могут использоваться разные весьма неясные термины: *менталитет*, *национальная психология*, *картина мира* и пр. – суть от этого не меняется), который, однако, невозможно измерить и проанализировать, – и язык, который может быть представлен во вполне материальной форме в виде

словарей, грамматик, антологий текстов и т. д. и вполне поддается почти математически точному анализу. Отсюда – необычно высокая роль языка в мифологических представлениях и идеологических концепциях национализма, интерес и внимание к вопросам происхождения и родства языков, этимологии, исторической ономастике и т. п. со стороны самой широкой публики.

Отчасти именно с этими причинами связана сложившаяся еще с XVIII в. традиция выстраивать палеоисторические концепции с опорой на историю групп и семей родственных языков (прежде всего – индоевропейской), предполагая, что вместе с языком наследовался и тот самый «дух», и культура, и даже расовый тип. Результатом такого упрощенного подхода стало оформление в XIX в. пангерманских, панславянских и подобных воззрений, а в начале XX в. – концепций типа расистской теории германского национал-социализма. Сегодня эти антинаучные взгляды преодолены, но, например, в английском (в том числе и в научном) словоупотреблении слово *раса* (*race*) до сих пор может использоваться как синоним слов *народ* или *этническая группа*, а официальная статистика США учитывает население по расовым категориям (*white alone, black alone, mixed* и т. п.).

С другой стороны, однако, оказалось, что построение предыстории больших языковых общностей, возводимых к существовавшему в прошлом праязыку (славянской, германской, шире – индоевропейской, финно-угорской и т. д.) является инструментально вполне продуктивным, поскольку язык в отличие от материальной или духовной культуры поддается систем-

ному анализу, и методы сравнительно-исторического языкознания позволяют восстанавливать уходящие в глубокое прошлое последовательности закономерных изменений в фонетике, грамматике и лексике, а они, в свою очередь, могут рассматриваться как отражение социально-культурных процессов древности. Этот подход оказался настолько удачным, что в палеоисторических реконструкциях стали использоваться термины, за которыми не стоит никакой реальности кроме языковой – либо родившиеся в кабинетах лингвистов (*праязык, пранарод, прародина, индоевропейцы, романцы, финно-угры* и т. д.), либо переосмысленные в лингвистическом контексте (*славяне* – не древние группы, которые называли себя именем **словъгне*, а носители славянских языков; *тюрки* – не господствующая племенная группа Тюркского каганата, а носители тюркских языков; то же самое – *германцы, кельты, финны, угры* и т. д.) – и используются до сих пор, причем настолько органично, что большинство исследователей даже не осознает их лингвистической природы, и этот очевидный, казалось бы, факт приходится доказывать в ожесточенных спорах. Другого, не сопряженного с лингвистической реконструкцией, пути в предысторию до сих пор не придумано: попытки создания подобных преемственностей в области материальной культуры, религии и мифологии либо недостаточно фундированы и методологически точны, либо вновь возвращаются к использованию лингвистических единиц в качестве таксонов реконструкции. Именно трудностям и подводным камням, возникающим на путях следования данной лингвистической

парадигме в прединформации, и посвящена эта статья.

Тем не менее следует понимать, что исследование прединформации по определению носит комплексный междисциплинарный характер, и ни сравнительно-историческое языковедение, ни археология, ни бурно развивающаяся в последние десятилетия генетика не могут претендовать на монополию в этой области: палеоисторическая реконструкция должна критически учитывать данные всех привлекаемых дисциплин, и создание такой реконструкции является самостоятельным исследованием со своими принципами и методиками. При этом восстанавливаемая палеоисторическая картина не может быть полной: мозаика давно осыпалась и собранные разными способами отдельные кусочки стекла невозможно вновь сложить вместе. Чаще всего реконструируются отдельные фрагменты исторического процесса, располагающиеся в важных «реперных» точках – в эпохах и районах, где происходили наиболее значимые события, отложившиеся в материалах, изучаемых разными дисциплинами. Важнейшим моментом в прединформации является постановка не только вопросов «где?» и «когда?», но прежде всего «почему?» сложилась в прошлом ситуация, позволяющая создать такую комплексную реконструкцию. Ниже рассматриваются особенности применения хорошо известных терминов и схем именно с точки зрения прединформации как особой комплексной исторической дисциплины на примере близкой автору темы прародинны народов, говорящих на языках уральской семьи.

Важнейшим понятием в рассматриваемой палеоисторической пара-

дигме является *праязык*. Идея о том, что язык, распространяясь на обширной территории и оказываясь в ситуации, когда социальные и культурные связи, объединяющие всю эту территорию и общность, пользующуюся языком, ослабляются и уступают место сепаратным пучкам связей в отдельных ареалах внутри этой территории и связям отдельных групп этой общности с соседями, говорящими на других языках, может терять свое единство, умирать и распадаться на несколько новых языков, лежит на поверхности и в ряде случаев документирована исторически: например, распад латыни и рождение романских языков или распад древнерусского языка и формирование восточнославянских языков. Латынь и древнерусский в этих случаях выполняют роль *материнского* языка или *праязыка* или *языка-основы*, а романские и восточнославянские языки по отношению к своим предковым языкам называются *дочерними* языками. Дочерние языки, происходящие от одного материнского оказываются родственными, поскольку в них присутствует общее наследие языка-основы, составляющее их костяк: базовую лексику, понижающее фонетику и основные грамматические структуры, синтаксис и т. д. Данная модель применяется в лингвистике и к тем случаям, когда имеется ряд родственных языков (о процедуре доказательства языкового родства здесь речи идти не будет), но их материнский язык не зафиксирован письменными памятниками (например, прибалтийско-финский *праязык* – общий предок финского, эстонского и др. или тюркский *праязык* и т. д.): предполагается, что системные параллели, устанавливаемые

для родственных языков не могут возникнуть никаким другим путем кроме распада материнского языка (опять-таки в данной статье нет возможности обсуждать предлагаемые время от времени альтернативные гипотезы – достаточно сказать, что ни одна из них не может быть проиллюстрирована историческими примерами и в науке признания не имеет).

Будучи своего рода маяком для реконструкции древнейших этапов истории, термин *праязык* требует особенно внимательного отношения. Прежде всего, он понимается по-разному в лингвистике и в предыстории. В лингвистике *праязык* – это набор формул такого рода: рус. *s* ~ лит. *š* ~ нем. *h* ~ лат. *k* ~ греч. *k* ~ др.-инд. *ś* ~ авест. *s* – то есть, в данном случае, набор установленных систематически повторяющихся звуковых соответствий в восходящих к *праязыку* словах родственных языков. В кратком виде этот ряд записывается как **k'* – данным знаком обозначается реконструируемый звук индоевропейского *праязыка* (реконструкция маркируется астериском *), в результате изменения которого возникли звуки приведенного выше ряда в дочерних языках. Предполагается, что это был палатальный *k*, близкий к русскому *кь* – но реальное звучание этой фонемы никому не известно. Соответственно, запись, например «ПШЕ **k'ntó-* 'сто'» представляет собой, строго говоря, формулу, в которой зашифрованы рус. *сто*, лат. *centum*, греч. *hekatón*, нем. *hundert*, которые (точнее, их основы) можно закономерно (или не совсем закономерно – но отклонения тоже имеют свои объяснения) вывести из данного праиндоевропейского реконструкта.

Однако с полной уверенностью утверждать, что реально существовало слово, которое произносилось когда-то именно как (*кьнто*) нельзя. Как это ни парадоксально звучит, но, с точки зрения лингвистики, латынь нельзя назвать романским *праязыком*: то, что можно реконструировать, сопоставив романские языки, будет таким же набором формул, причем очень многие свойства латинского языка в романской реконструкции никак не будут отражены вообще (например, практически невозможно реконструировать систему склонения). К этому выводу мы еще вернемся ниже.

Для исследователя же предыстории *праязык* есть некогда существовавший реальный языковой организм. Я говорю не *язык*, а *языковой организм*, потому что за *праязыком* могут скрываться самые разные реалии. Это может быть язык небольшой достаточно единой и осознававшей свое единство группы населения; может быть язык группы, распространенной на большой территории и сильно дробный в диалектном отношении; может быть даже группа близкородственных языков с переходными диалектами, между которыми возможны отношения типа квазиродственных (ареально-генетических по терминологии Е.А. Хелимского (Хелимский, 1982, с. 24–25)); может быть, наконец, язык межгруппового общения говорящих на разных диалектах и языках общностей (лингва-франка, койне и т.п.). Язык может существовать целиком в ареале влияния соседних языков, как, например, современный белорусский язык, который весь находится в зоне контакта или с польским, или с русским языком и практически не существует вне контактных зон и вне

смешанных состояний, и т.д. Таким образом, для историка важно определиться, с какой языковой формой в том или ином случае он имеет дело – ведь, с одной стороны, разные формы праязыка по-разному должны отражаться в материале дочерних языков, а с другой, эти разные формы отражают и весьма различные социальные ситуации, исторические импликации будут в каждом случае особенными.

Различия лингвистического и исторического подходов к праязыку можно проиллюстрировать на всем известной схеме *родословного древа языков*, которые в огромном количестве присутствуют и в научной и в популярной литературе и служат самым простым и наглядным способом представления результатов работы лингвистов-компаративистов. Поверхностное восприятие этой схемы нелингвистами часто приводит к неправильному пониманию ее как реально исторической схемы, как схемы истории становления и развития языков данной семьи. На самом деле важно понимать, что это схема отражает не историю, не процесс, а результат этого процесса. Глядя на представленное на рис. 1а древо языков уральской семьи, можно сказать, например, что удмуртский и коми языки ближе к друг другу, чем к венгерскому, поскольку точка схождения их находится выше, временное расстояние между ними меньше, чем между ними и венгерским. То есть исторические отношения (степень близости) между этими языками заставляют нас предполагать, что *пермский праязык* – общий материнский язык коми и удмуртского – существовал позднее и был дочерним по отношению к общему материнскому языку коми, удмуртского и венгерского – *прафинно-*

угорскому. Родословное древо не изображает реальную сложную историю, а просто позволяет нам структурировать известную реальность, является одним из способов визуализации такого структурирования.

Датировки на схеме проставлены в соответствии с современными представлениями, но о методах датирования праязыковых процессов необходимо говорить отдельно. Поскольку сравнительно-историческое языкознание – наука математическая, лингвисты стараются дать точную датировку распада языков, и этого же ожидают от них представители смежных дисциплин. Между тем распад языков – не просто длительный процесс, а процесс не только и даже не столько сугубо лингвистический, сколько социальный. При этом возникает важнейший вопрос: когда можно говорить, что мы имеем дело еще с цельным языком с очень различающимися диалектами, а когда эти бывшие диалекты следует уже называть языками? В лингвистике нет чистых лингвистических критериев для ответа на этот вопрос. Например, если мы возьмем метод лексикостатистики, очень популярный сегодня в московской лингвистической школе, мы не можем сказать, что, допустим, 98 схождений из стословного списка – это еще диалект, а 95 схождений из ста – это уже два разных языка. Бывает по-разному. Дело в том, что завершение распада языка происходит тогда, когда общество решает, что он произошел, собственно говоря, тогда, когда дочерние языки получают имена. Распад русского и белорусского языков шел на протяжении более пятисот лет, а завершился в конце XIX – начале XX века, когда оформились

(были сконструированы) особенности (ново)белорусского языка, и он окончательно получил свое имя. Какую дату распада следует ставить в данном случае? Можно и середину XVI в. (катехизис Симона Будного), а можно и начало XX. Еще более наглядные примеры распада общекоми и общемарийского (пра)языков: разделение коми и коми-пермяцкого, марийского и горномарийского языков произошло в 1920-х гг. и документировано решениями конференций учителей, постановлениями органов власти и т.п.; в силу столь позднего и во многом «административно-командного» оформления в данном случае даже сложно говорить о распаде языка, но, как показывает анализ (Öньö Лав, 2010), обратный процесс на сегодняшний день, видимо, уже невозможен, и распад действительно произошел. Как всякий социальный процесс, распад праязыка имеет свою скорость, зависящую от условий, и может быть очень длительным и обратимым. Соответственно, говорить о точной его абсолютной дате не приходится, как сказал Фердинанд де Соссюр: «Никогда не было так, что жители Франции, однажды проснувшись, сказали друг другу *bonjour* ‘доброе утро’ по-французски, в то время как накануне они сказали друг другу на латыни (*sero*) ‘спокойной ночи’» (Де Соссюр, 1990, с. 42). Поэтому на рис. 1а расхождения между ветвями обозначены «трещинками» в стволе: в каждом случае лучше предполагать пределы *ante quem* и *post quem*, но не ставить точную дату.

Кроме того, надо иметь в виду, что традиционная схема на рис. 1а просто не полная. На самом деле она должна быть дополнена многими языками,

которые до нашего времени не дожили, как на рис. 1б: здесь добавлены «мертвые ветви», относительно которых мы можем что-то сказать (например, о мерянском языке, который был близок марийскому, мордовским и прибалтийско-финским, или о языке венгров Волжской Булгарии, который был замечен венгерскими монахами-путешественниками в начале XIII в. и др.), но теоретически очень вероятно, что таких мертвых веток можно было бы нарисовать гораздо больше. Кроме того, уточнен статус, например, камасинского и маторского языков, которые обозначены пунктиром в верхней части схемы, поскольку они исчезли (к 80-м гг. XX в. и в XIX в. соответственно), но, в отличие от мерянского, были все-таки зафиксированы исследователями. Древо, таким образом, стало гораздо сложнее, и важно иметь в виду, что эти мертвые ныне языки играли свою роль в истории: например, тот же мерянский язык, носители которого вошли в состав русского населения современной центральной России, от которого осталась топонимика обширных территорий к северо-востоку от Москвы, и который должен был иметь важное значение в ареально-генетических связях между западными и восточными финно-угорскими языками Восточной Европы.

Третье, что следует иметь в виду, глядя на эту схему: если мы посмотрим историю любого конкретного языка (на рис 1в, для примера – удмуртского), то мы увидим, что помимо ростка, который уходит в это дерево и ведет нас к корням уральского праязыка, удмуртский язык подпитывался множеством других влияний. Влияния эти носили контактный характер, в отличие от генетического,

уральского. Но эти влияния сказались на судьбе и облике удмуртского языка порой гораздо больше, чем те элементы, которые восходят к уральскому праязыку. При этом источники этих влияний – это тоже отдельные языки, имеющие свои истории и объединяющиеся, как частично показано на рис. 1в, в свои деревья, испытавшие свои контактные влияния (этого на рис. 1в уже нет), и т. д. Итак, усложняя нашу визуализацию, мы приходим к идее о том, что история, исторический процесс развития языков – это *текст* в буквальном смысле слова (лат. *textus* ‘сплетение, ткань’). Сложные переплетения самых разнообразных факторов и процессов в которых мы, с помощью сравнительно-исторического языкознания нащупываем прежде всего «основную» нить, которая выводит нас на родство, далее нащупываем другие нити, которые выводят нас на контакты и т. д. Таким образом, лингвистика структурирует эту ткань, но тем не менее любая самая сложная схема (родословное древо), которую мы рисуем, будет вырванным пучком нитей из этой ткани, а историк должен иметь в виду реконструкцию самой этой ткани – точнее, если оставаться в рамках реальных возможностей, ее фрагментов (см. выше).

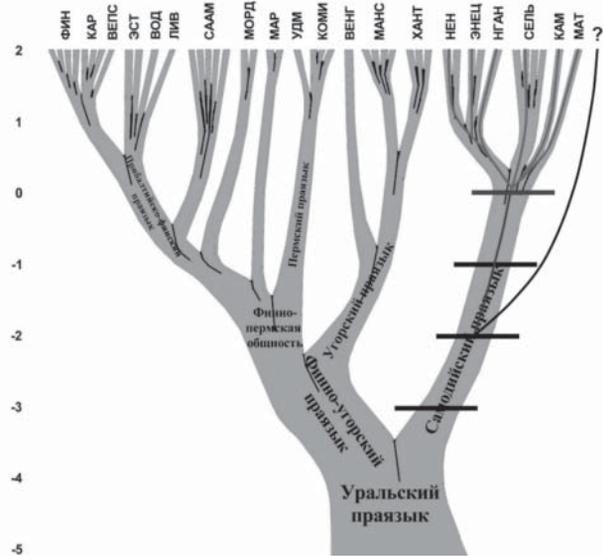
Термин *прародина* уже принадлежит целиком предыстории, но важно иметь в виду его неразрывную связь с праязыком и соответственно с лингвистическими методами реконструкции. Под прародиной понимается территория, на которой обитали носители праязыка. Однако понятно, что эта территория – подвижная: что, например, является прародиной романских языков? Лаций – территория первоначального распространения

латыни размером немногим больше современного Рима? Или все западное Средиземноморье, где в первые века нашей эры латынь вытеснила местные языки и люди говорили на поздних латинских диалектах? Аналогичным образом, самодийский праязык, например, существовал после его выделения из прауральского на протяжении трех или четырех тысяч лет (рис. 2), и надо полагать, что вряд ли все это время его носители жили в границах одной области.

Какую прародину мы можем реконструировать с помощью лингвистического материала? Как видно на рис. 2, все самодийские ветви сходятся в одной точке примерно на рубеже эр – это конец общесамодийской (пра-самодийской) эпохи, примерное (см. выше) время распада самодийского праязыка. Значит, с помощью сравнения самодийских языков мы можем охарактеризовать культуру, образ жизни и природное окружение носителей самодийского праязыка в период его распада, примерно на рубеже эр. И когда нелингвист читает соответствующую лингвистическую работу, где написано, что самодийская прародина находилась в определенном районе (как, например, в (Хелимский, 1983)), это означает, что она находилась там примерно две тысячи лет назад, а лингвистические предки самодийцев до этого четыре тысячи лет где-то жили, и не обязательно на этом же самом месте. Чтобы узнать, где они жили раньше, мы должны были бы иметь какую-то еще одну родственную веточку (обозначена вопросительным знаком на рис. 2) – язык, отдаленно родственный самодийским и образующий с ними более древнюю общность. К сожалению, такого языка

Рис. 2. Какая стадия развития праязыка восстанавливается сравнением известных языков? Точка схождения веток самодийских языков – позднейшая стадия самодийского праязыка перед его распадом на рубеже эр. Для реконструкции более древнего состояния необходима ветвь, которой нет.

Fig. 2. What stage in development of a proto-language can be reconstructed through comparison of known languages? The point of convergence of the Samoyed languages is the latest stage of the Samoyed proto-language before its disintegration on the turn of ages. Any further reconstruction of even earlier state will require a branch that does is not available.

у нас нет, и соответственно возможности сравнительного языкознания в отслеживании более древней предыстории прасамодийцев достаточно ограничены. Конечно, кое-что сказать все-таки можно, например, хорошая сохранность очень древней, прауральской лексики, отражающей таежные реалии, указывает, по-видимому, на то, что прасамодийцы на протяжении всей своей предыстории не покидали зону западносибирской тайги. Тем не менее всегда необходимо иметь в виду, что прародину мы находим для самого позднего времени существования праязыка, периода его распада (соответственно, реконструируя романский праязык, мы приходим не к Лацию, а к западному Средиземноморью в довольно широких границах – это и будет романской прародиной).

Подвижность прародины и длительность, и сложность языкового

распада – внешние стороны рассматриваемых процессов. Гораздо более интересная и близкая, по-видимому, к реальной исторической ткани картина появляется при попытке моделировать языковой распад с учетом движущих его факторов, то есть, ставя вопросы «как?» и «почему?» (см. выше). На рис. 3 слева дано родословное древо, которое можно будет нарисовать в результате моделируемых процессов: в результате распада языка 1 образуются четыре родственные языка I, II, III и IV, причем языки I и II будут весьма близки друг к другу, а язык IV выглядит как самый рано отделившийся член группы. Модель распада можно представить так: язык или группа близкородственных языков 1 (серый круг с двойной окружностью) существовал в окружении неродственных ему языков 2, 3 и 4 (серые овалы). В силу каких-то причин (экономиче-

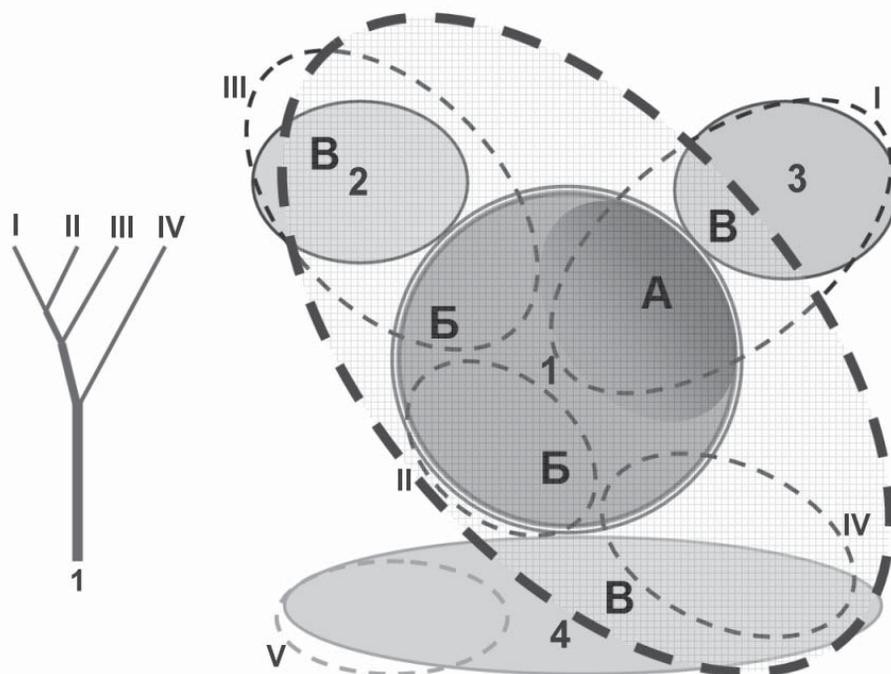

Рис. 3. Схема «родословного дерева» и модель распада праязыка: 1, 2, 3, 4 – языки существовавшие на начальной стадии, из которых 1 – праязык для возникших в конце четырех дочерних языков: I, II, III, IV; при этом новый язык V является потомком языка 4 – единственным из новых языков, не восходящим к праязыку 1. Заштрихованный ареал, обведенный пунктиром – территория распространения языка 1 перед его распадом (= прародина языков I, II, III, IV); буквами обозначены эндо- (А), пара- (Б) и экзо-праязыковые группы (В) в составе населения прародины.

Fig. 3. Scheme of the “family tree” and proto-language disintegration model: 1, 2, 3, 4 – initial languages, of which 1 – a proto-language for the four later daughter languages: I, II, III, IV; meanwhile, the new language V is a successor of language 4 – the only one of the new languages that does not descend from the proto-language 1. The hatched area outlined with dots: distribution area of language 1 before its disintegration (= ancestral homeland of languages I, II, III, IV); letters stand for endo- (A), para- (B) and exo- proto-language groups (B) amongst the population of the ancestral homeland.

ская революция, возникновение государства, распространение единой религии и т. п.) у части носителей языка 1, контактировавшей с языком 3 интенсифицируются внутренние связи, складывается особое информационное пространство, и эта группа (показана более темным цветом в пределах круга 1) начинает свою военную, экономическую, религиозную экспансию

как внутри своей родной группы, так и на соседей (как правило, всякая инновация и связанная с ней экспансия имеют небольшой источник иррадиации). С этой экспансией распространяется и язык / диалект этой активной группы, который постепенно ассимилирует языки соседей – как родственные ему, так и неродственные – и начинает господствовать в обширном

ареале (показан жирным пунктиром). На большом пространстве связи внутри победившего языка слабеют, а в ходе ассимиляции родственных и неродственных языков и диалектов в разных частях этого ареала возникают разные *субстратные* явления, что приводит к всё большему расхождению диалектов победившего языка. Если силы, связывающие большой ареал (государство, религия, экономические связи), ослабевают, то на базе этих диалектов развиваются отдельные дочерние по отношению к языку I языки I, II, III и IV (показаны тонким пунктиром), при этом старые языки (1, 2, 3) прекращают свое существование, за исключением части языка 4, которая оказалась менее охвачена влиянием победившей речи и сохранилась на ее периферии (язык V).

Прародина группы языков I – IV в данной схеме – большой овал, показанный жирным пунктиром и штриховкой, именно на этой территории был распространен праязык (язык 1) перед его распадом (восточное Средиземноморье в романском примере, рассмотренном выше). Население этой прародины, как мы видим, было неоднородным – оно состояло из групп разного происхождения, языки которых по-разному соотносились с «ядерным» праязыком (диалектом активной группы носителей языка 1): с одной стороны, это были группы, которые составляли это первоначальное ядро, обозначенные буквой А (в истории романских языков – это римляне, латиняне, от языка которых происходят, в конечном счете, романские языки); далее – группы, которые первоначально говорили на языках и диалектах, близких в той или иной степени «ядерному» праязыку, но при

этом отличающихся от него, буква Б (в романском примере – это италики: фалиски, самниты, оски, умбры, языки которых были близки латинскому, благодаря чему переход на последний был облегчен, и вносимые в него италийским субстратом искажения имели несколько иной характер, чем в случае с неродственными языками); наконец – население, говорившее первоначально на языках 2, 3, 4, не родственных или очень отдаленно родственных языку I, буква В (применительно к романцам, это были этруски, кельты, реты, иберы; язык V, не попавший под окончательную ассимиляцию в этом случае, например, – албанский или баскский).

Как видим, реальная картина ситуации языкового распада весьма далека от простейшей бифуркации на схеме родословного древа. Происхождение и особенности очень многих явлений во вновь образующихся языках и культурах зависят от взаимодействия разных групп, населявших прародину и от субстратных компонентов, вошедших в их состав на этой стадии, которые было предложено называть *эндо-* (компонент А, носители собственно «ядерного» праязыка, к которому восходят общие черты в родственных дочерних языках), *пара-* (компонент Б, носители языков / диалектов, находившихся в близком родстве и тесных ареально-генетических связях с эндо-группой, но не оставивших прямых живых языков-потомков) и *экзо-*группами (группы, исконно говорившие на неродственном языку эндо-группы языках, ассимилированные на поздней стадии существования праязыка, жившие на прародине и оказавшие на дочерние языки субстратное влияние) (Напольских, 1997,

с. 113). Соответственно, например, латиняне будут называться эндороманцами, италики – парароманцами, галлы и иберы – экзороманцами применительно к романской предыстории. Инструментально данные термины часто оказываются очень полезны, а самое главное – их принятие позволяет избежать иллюзорного представления о монолитности пранарода и связанных с ним попыток привязать тот или иной пранарод к конкретной археологической культуре, генетической гаплогруппе и т. п.

Для локализации прародины используется прежде всего известный с середины XIX в. метод *лингвистической палеонтологии*, являющийся частью более широкого метода *Wörter und Sachen*, используемого для реконструкции культуры носителей праязыка. Суть его состоит в том, что лексика любого языка отражает реалии хозяйственной, социальной и духовной жизни носителей этого языка (в языке первобытного племени нет слов для обозначения автомобиля или самолета, в языке скотоводов-кочевников и оседлых пахотных земледельцев по-разному будет отражена скотоводческая и земледельческая терминология и т. д.). Применительно к прародине речь идет о лексике, отражающей природное окружение носителей праязыка: попросту говоря, мы отбираем в этимологическом словаре значения надежных праязыковых реконструкций, обозначающих реалии климата и ландшафта, животных и растения, которые были известны носителям праязыка; наличие, например, реконструированных названий моржа, белого медведя, лемминга и кита укажет на арктическое побере-

жье, а зебры, гиены, жирафа и баобаба – на африканскую саванну.

В частности, для уральского праязыка актуальны надежно реконструируемые названия четырех деревьев: ели, пихты, лиственницы и сибирской кедровой сосны. Эти названия вместе с названиями других деревьев (вроде сосны, черемухи, ивы, березы, которые имеют более широкий ареал распространения и не помогают сузить границы искомой зоны), зверей и птиц (соболь, северный олень, глухарь, рябчик, змея и др.), рыб (осетровые, сиговые и нельма, линь – ихтиофауна, характерная для Обско-Иртышского бассейна) четко маркируют ареал западносибирской темной тайги в ее средней и южной подзонах, который и следует считать древнейшим экологическим окружением носителей уральских языков. На карте на рис. 4а показано современное распространение названных четырех «прауральских» деревьев, на рис. 4б – ареалы обитания рыб, названия которых реконструируются для уральского и финно-угорского праязыков.

Применение метода лингвистической палеонтологии предусматривает ряд обстоятельств, которые часто остаются неучтенными. Во-первых, к анализу следует привлекать этимологии, восстанавливаемые надежно и по семантике и фонетике, и в смысле репрезентативности реконструкции, представленности дериватов в нескольких группах семьи и маркирующей ценности денотата для определения прародины. Поэтому, например, неприемлемы попытки привлечь ПФУ **koj(a)ma* ‘лосось (семга)’ и **kiškV* ‘уклейка’ и отрицать ПФУ **nalkrV* ‘кедровая шишка / орех’ – (Норманская, Дыбо, 2010, с. 246–247) для

Рис. 4а. Современное распространение четырех важнейших деревьев, названия которых реконструируются для уральского праязыка: 1 – ель, 2 – пихта, 3 – лиственница, 4 – сибирская кедровая сосна.

Fig. 4a. Modern distribution of the four most important trees, with their names reconstructed in the Uralic proto-language: 1 – *Picea*, 2 – *abies*, 3 – *larix*, 4 – *pinus sibirica*.

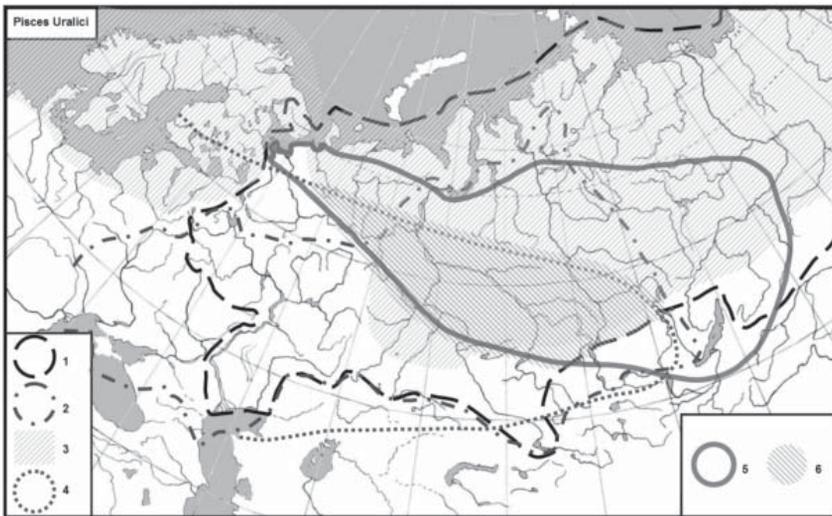

Рис. 4б. Ареалы обитания рыб, названия которых реконструируются для уральского праязыка: 1 – нельма, 2 – осетр и стерлядь, 3 – сиговые (сиг, пелядь, чир), 4 – линь; 5 – ареал темнохвойной тайги западносибирского типа в конце VIII тыс. до н. э. (см. рис. 5), 6 – прауральский экологический ареал.

Fig. 4b. Habitat of fishes, whose names can be reconstructed for the Uralic proto-language: 1 – *Stenodus leucichthys nelma*, 2 – *Acipenser* and *Acipenser ruthenus*, 3 – *Coregonidae* (*Coregonus*, *Coregonus peled*, *Coregonus nasus*), 4 – *Tinca tinca*; 5 – West-Siberian type of the dark coniferous taiga area in the end of the VIII Millennium BC (see fig. 5), 6 – pra-Uralic ecological area.

определения прародины. ПФУ **koj(a)ta* ‘лосось’ является фикцией, основанной на явно ошибочной записи значения манс. (только в северном наречии) *kōm*: перевод ‘Salmo’ при названиях разных лососевых рыб – весьма распространенная практика в ранних словарях. На самом деле это слово является заимствованием из коми *kom* ‘хариус’, поскольку в древних словах с задним вокализмом в северномансийском обычно имел место переход **k > χ*. Даже если и предполагать здесь аномальное сохранение **k*, остается куда более важная проблема: где манси могли видеть семгу, чтобы сохранить ее прафинно-угорское название? Если в низовья Оби семга иногда, может быть, теоретически могла заходить (правда, сведений об этом мне найти не удалось), то в реках восточных склонов Среднего Урала, откуда предки северных манси пришли на свою нынешнюю родину едва ли ранее XV–XVI вв., ее точно нет и не было, а значит и прафинно-угорское название этой рыбы не имело шансов сохранить в мансийском исконное значение. Что касается уклеи, то, во-первых, значение этимона здесь просто не может быть установлено: в прибалтийско-финских языках это ёрш, в мордовских – какая-то мелкая рыбка, и только в венгерском, видимо, уклея. Важнее другое: данная рыбка не имеет промыслового значения, и вряд ли для носителей финно-угорского праязыка, практиковавших развитое запорное рыболовство, видовая принадлежность этой рыбки могла быть важна. Обычно она ассоциируется просто с рыбной мелочью, отсюда и многочисленность названий ее (в русских диалектах: *уклея*, *шаклея*, *щеклея*, *башклея* и т.д. или в венгер-

ских: *sneci*, *tecse*, *ökle*, *bökle* и т. д.), имеющих часто соответствующую дополнительную коннотацию, с чем согласуется и сам облик реконструкта **kiškV* – явно ономатопоэтического или детского слова (ср. венг. *kicsi*, *kis* ‘маленький’, удм. *kucu-куаси* ‘слабый, тонкий’ и др.). ПФУ **nacrV* ‘кедровая шишка / орех’, напротив, является совершенно надежной этимологией, и переход значения в прибалтийско-финских языках в ‘репа; картофель’ (а не ‘свекла’, как ошибочно полагают авторы (Норманская, Дыбо, 2010)) совершенно естественен и подтверждается параллелями типа ‘земляное яблоко’ = ‘картофель’.

Второе важное замечание: следует рассматривать реконструируемую природную среду в комплексе, здесь важнее общая картина, которая иллюстрируется массивом этимологий, нежели отдельные экзотизмы. Классический случай таких экзотизмов – реконструкция для славянского праязыка названий для дыни (**dyńa*), льва (**lvъ*) и обезьяны (**opica*). Это, однако, отнюдь не означает, что праславяне жили где-нибудь в Иране: данные слова, которые были, вероятно, заимствованы в ходе торговых или культурных контактов (через язык фольклора, например), вступают в очевидное противоречие с набором праславянских названий растений и животных, земледельческих и скотоводческих терминов, весьма полно описывающих культуру и природное окружение земледельцев зоны европейских широколиственных лесов. Для финно-угорского праязыка таким экзотизмом (также заимствованным в ходе культурных контактов) является ПФУ **oica* (в традиционной реконструкции **iča*) ‘овца’: для носителей

финно-угорского праязыка, судя по праязыковой лексике восстанавливается культура таежных охотников и рыболовов, не знавших скотоводства и земледелия, и нет никаких оснований думать, что это слово обозначало какое-то дикое животное (путоранского горного барана, например). В целом прауральская и прафинно-угорская лексика четко маркирует вполне определенную природную нишу, среднюю и южную темнохвойную западносибирскую тайгу.

Третье обстоятельство – вопросы хронологии. Ареалы обитания животных и растений изменчивы, они зависят от эпохальных подвижек климата, и в Северной Евразии сдвиги границ таежных лесов, например, были весьма значительны. Приведенная на рис. 4а карта – современное распространение «прауральских» деревьев, но время распада уральского праязыка – VI–IV тыс. до н. э., период теплого атлантического климата, сильно отличного от сегодняшнего. Установить границы распространения деревьев в столь отдаленные времена помогает палинология. Новые данные в этой области появляются постоянно, но последней обобщающей работой по истории лесов Северной Евразии в голоцене остается, видимо, монография Н.А. Хотинского (Хотинский, 1977). Несомненно, у специалистов имеется сегодня много поправок и дополнений к его выводам, однако, насколько я могу судить, общая схема истории лесов в голоцене в интересующей нас части, данная в этой книге, остается приемлемой. На карте на рис. 5 показаны границы темнохвойной тайги западносибирского типа в VIII–VII и в сер. II тыс. до н. э. Первая дата ближе к уральской прародине, вторая – от-

носится к периоду поздней бронзы, когда уже завершился распад не только уральского, но и финно-угорского праязыка. Здесь очень важен наблюдаемый эпохальный сдвиг интересующей нас природной зоны. При наложении карты таежных лесов VIII–VII тыс. до н. э. на ареалы «прауральских» рыб (вероятно, распределение рыб по речным бассейнам в голоцене было более или менее стабильным) мы получаем некоторую область, где примерно в эпоху существования уральского праязыка обитали все животные и растения, известные его носителям (карта 4б).

Как соотносится эта область с реальным районом проживания носителей праязыка? Является ли она установленной прародиной? Нередко именно на этой стадии вопрос считается решенным, что является весьма существенным заблуждением. На самом деле обозначенная на карте 4б область не обязательно должна совпадать или даже частично перекрываться с реальной прародиной: территорией, на которой в установленную эпоху обитали все виды растений и животных, названия которых реконструируются для праязыка, предложено называть *праязыковым экологическим ареалом* (ПЭА) (Напольских, 1997, с. 126). Возможные соотношения между реальным районом расселения носителей праязыка (прародиной) и ПЭА показаны на рис. 6. Область прародины, как видим, могла быть весьма большой и далеко выходить за пределы ПЭА или даже совсем не совпадать с ним, но охватывать районы обитания всех видов, известных в праязыке; если на данной обширной территории сохранялись тесные культурные связи между отдельными

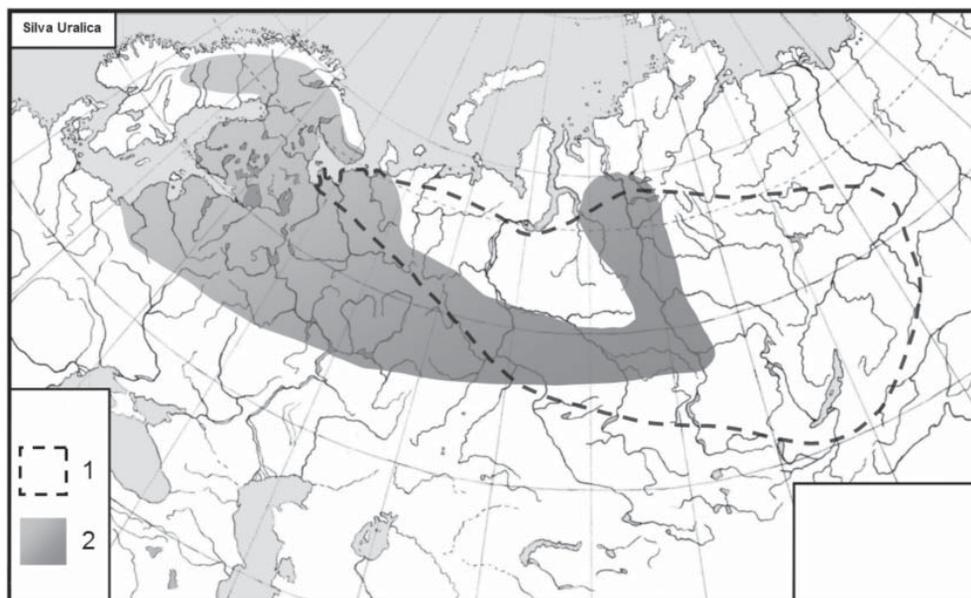

Рис. 5. Ареал темнохвойной тайги западносибирского типа по Н. А. Хотинскому:

1 – в конце бореала (конец VIII тыс. до н. э.), 2 – в суббореале (II тыс. до н. э.).

Fig. 5. West-Siberian type of the dark coniferous taiga area after N.A. Khotinsky: 1 – in the end of Boreal (late VIII Millennium BC), 2 – during sub-Boreal (II Millennium BC).

группами носителей праязыка, то названия отдельных видов животных или растений могли войти в его словарь и без непосредственного знакомства с этими видами некоторых праязыковых групп.

Поэтому возникает большая проблема: какого размера могла быть уральская, например, прародина в принципе – на какой площади теоретически было возможно сохранение языкового единства в раннем неолите в таежной зоне? Типологическая параллель для моделирования данной ситуации была предложена Л.-Г. Ларссоном: он указал, что индейцы кри, ведущие образ жизни лесных охотников и рыболовов, сопоставимый с тем, который можно реконструировать для носителей уральского праязыка, и говорившие на взаимопонятных, хотя и далеко

уже разошедшихся диалектах (аналог позднего состояния праязыка), в начале XIX в. расселялись в таежной зоне Северной Америки от юго-восточного побережья Гудзонова залива до среднего течения Пис Ривер на западе. А если учесть живших к востоку от кри монтанье и наскапи, языки которых были достаточно близки восточным диалектам кри (возможный аналог парауральцев), то ареал «праязыка» в широтном направлении превысит 3,5 тыс. км. (Larsson, 1990, p. 235–236), см. рис. 7а. На самом деле, однако, столь широкое расселение кри к XIX в. обязано специфическим обстоятельствам: активной пушной торговле, начатой еще французами в Канаде и особенно активизировавшейся с конца XVII в. благодаря деятельности Компании Гудзонова залива. В ходе этой торговли кри получили доступ к

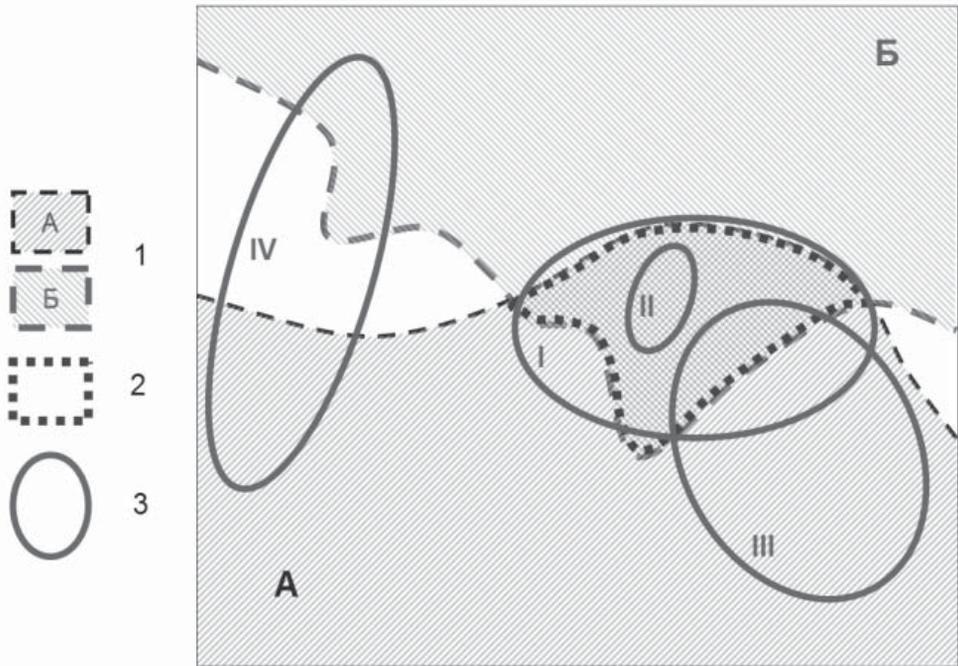

Рис. 6. Возможные соотношения между реальным районом расселения носителей праязыка (прародиной) и праязыковым экологическим ареалом: 1 – ареалы обитания видов растений или животных, известных в праязыке; 2 – праязыковой экологический ареал (район обитания всех видов животных и растений, известных в праязыке); 3 – возможные варианты размещения реального района обитания носителей праязыка (прародины).

Fig. 6. Possible ratios between the real habitat of the proto-language bearers (ancestral homeland) and proto-linguistic ecological area: 1 – habitats of flora or fauna known to the proto-language; 2 – proto-linguistic ecological area (habitats of all species of fauna and flora known to the proto-language); 3 – possible variants of localization of the real habitat of the proto-language bearers (ancestral homeland).

огнестрельному оружию, что, вкупе с повысившейся организованностью и жадной освоения новых угодий, дало им превосходство над восточными соседями и вызвало активную экспансию их на запад, остановленную только племенными союзами черноногих и чипевайян (Crowe, 1977, p. 17–18, 75). Естественно, такая картина вряд ли может служить моделью для определения размеров уральской прародины – разве что в том случае, если предполагать, что в конце прауральского или прафинно-угорского времени про-

исходили какие-то революционные события в хозяйстве и образе жизни таежного населения Западной Сибири и Восточной Европы, сопоставимые с началом европейской колонизации в Северной Америке, сопровождавшейся интродукцией огнестрельного оружия, внедрением трансконтинентальной пушной торговли и других подобных новшеств. В принципе, для эпохи распада финно-угорской и еще более – финно-пермской общности, – во II тыс. до н. э. следует реконструировать подобные перемены, которые

по совокупности их влияния на образ жизни лесного населения и, в частности, на ареал распространения уральской речи я в свое время предложил именовать *металлической революцией* (по аналогии с неолитической революцией Ближнего Востока) (Напольских, 1997, с. 194–197), и для этого периода модель позднего расселения кри могла бы пригодиться. Однако по-настоящему архаичной и сопоставимой с раннеолитической их культура была до конца XVII в., и ареал распространения диалектов кри в тот период был гораздо более ограниченным (см. рис. 7а) (Crowe, 1977, p. 44–45; Mason, 1967, p. 10–16). Интересно, что в этом случае его площадь вполне сопоставима с площадью расселения других таежных индейских групп, например, тех же чипевайян (максимальные размеры до около 1200 км) (Tanner, Rigney, 2003, p. 30). Замечательны приводимые карты еще и тем, что на них хорошо видно, насколько привязан уклад охотничье-рыболовческого населения к определенной природной зоне: экспансия кри проходила практически исключительно в пределах пояса таежных лесов, только одна из групп, степные кри, вышла за эти границы, и произошло это весьма поздно (ср. с аналогичным выходом в степь предков венгров у уральцев).

Перенесенная карта распространения диалектов кри на карту Северной Евразии того же масштаба (рис. 7б) показывает теоретически возможные размеры уральской прародины: по-видимому, ничто не мешало неолитическим охотникам и рыболовам сохранять единство языка на достаточно больших пространствах, например, от верхней Оби до Прикамья, а в эпоху металлической революции аре-

ал близкородственных языков и диалектов мог растянуться и до верхней Волги на западе. При этом на востоке вплоть до Енисея могли обитать прауральские группы. Естественно, я не настаиваю именно на показанной на рис. 8 локализации уральской прародины – в данном случае это всего лишь оценка возможных ее размеров.

Установив прауральский экологический ареал и представляя себе возможный размер прародины, можно обратиться к данным археологии. Карта культурных типов раннего неолита представлена на рис. 8; разумеется, нас интересует таежная часть карты: о степной локализации уральской прародины говорить не приходится, ничто в прауральском лексиконе на степь не указывает. Едва ли следует пытаться сопоставить какой-то один из обозначенных на карте ареалов с уральской прародиной – для такого сопоставления просто нет ни аргументов, ни оснований, а с учетом сказанного выше о сложном составе населения прародины такие попытки и вовсе выглядят лишенными смысла. Если же мыслить в рамках более широких культурных границ, то важнейшей из них является отделяющая западный и восточный блоки лесных культур раннего неолита, обозначенная на карте.

Хотя ситуация с происхождением раннеолитических культурных типов лесной зоны полна нерешенных проблем, достаточно запутана и осложнена южными влияниями (в степной зоне западно-восточная дихотомия выражена гораздо слабее), тем не менее можно сказать, что все культурные типы, находящиеся западнее указанной границы, имеют истоки и связи либо с центром Европейской России,

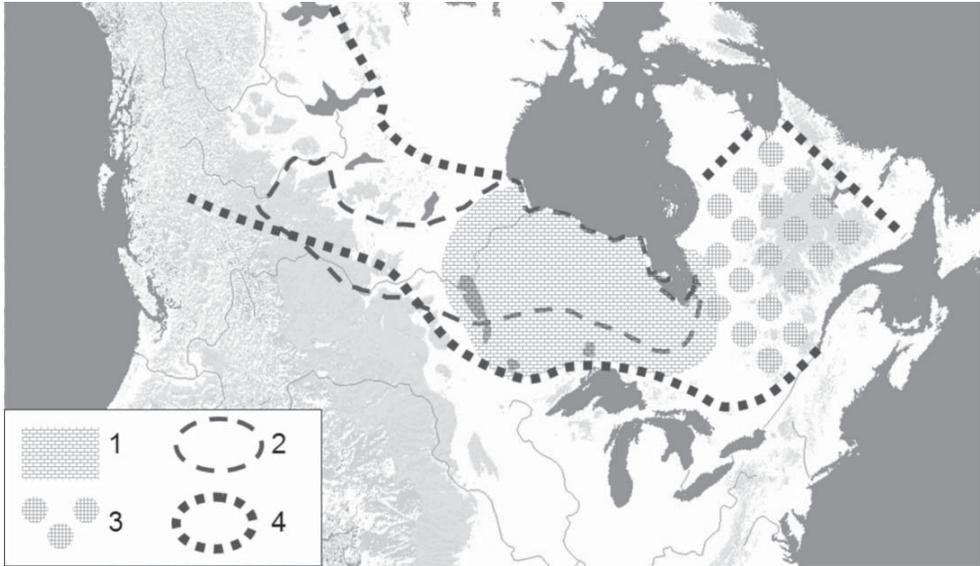

Рис. 7а. Ареал распространения диалектов кри: 1 – в начале XVII в., 2 – в начале XIX в.; 3 – языки монтанье и наскапи, близко родственные кри; 4 – граница зоны таежных лесов.

Fig. 7a. Distribution area of Cree dialects: 1 – in early 17th century, 2 – in early 19th century; 3 – Montagnais-Naskapi languages closely related to Cree; 4 – borderline of taiga forests.

Рис. 7б. Перенос ареала распространения диалектов кри в Евразию: теоретически мыслимые масштабы уральской прародинны.

Fig. 7b. Transition of Cree distribution area to Eurasia: theoretically possible area of the Uralic proto-language.

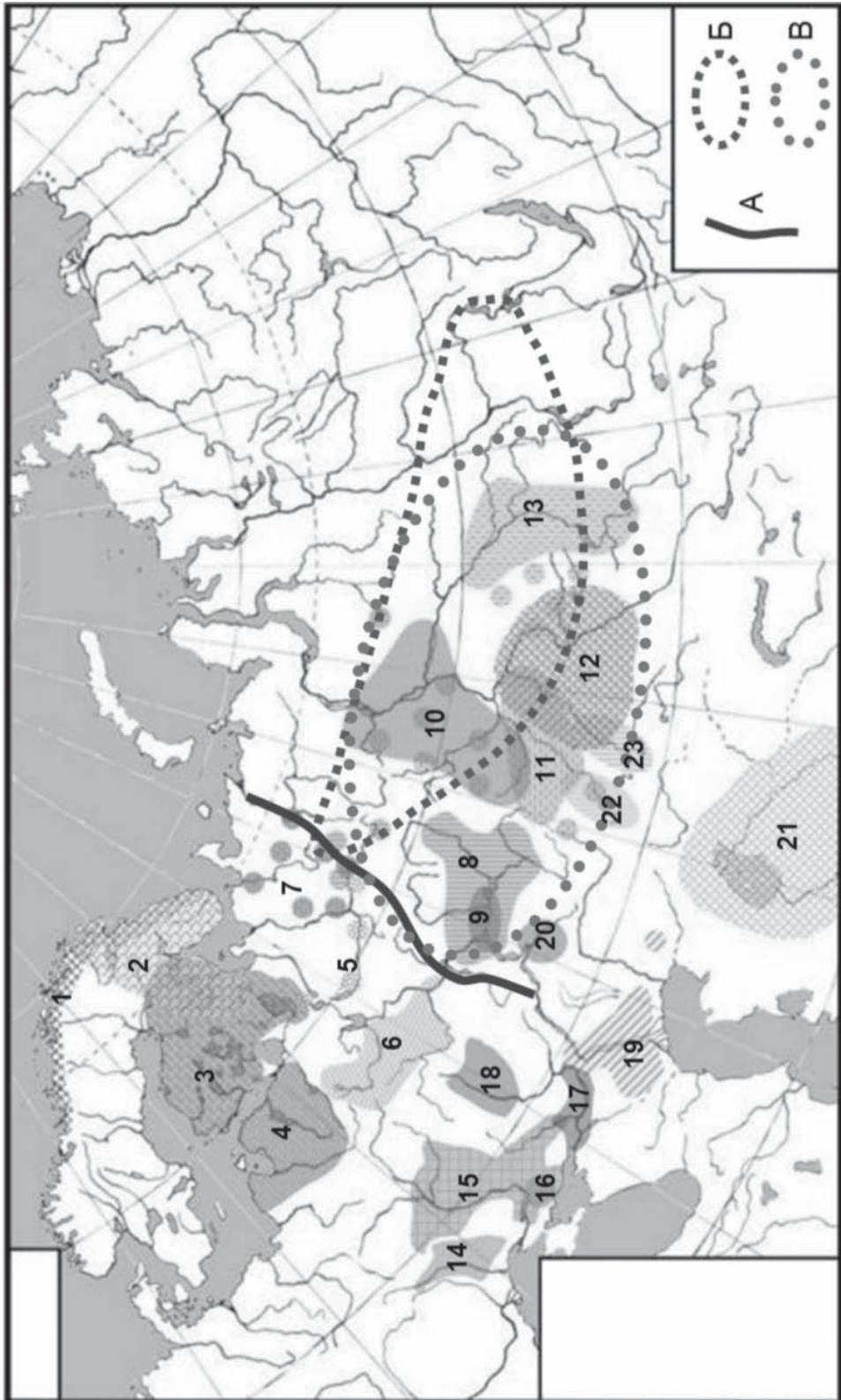

Рис. 8. Культурные типы и ареалы раннего неолита Западной Сибири и Восточной Европы. А – граница между западным и восточным блоком культурных типов; Б – прауральский экологический ареал; В – уральская прародина. Культурные типы: 1 – комса (10 – 8 тыс. до н. э.); 2 – сярäйсниemi (рубеж V/IV – вторая пол. III тыс. до н. э.); 3 – сперрингс (сер. V – сер. IV тыс. до н. э.); 4 – нарвская культура (вторая пол. V – кон. III тыс. до н. э.); 5 – памятники с ранней гребенчатой и накольчатой керамикой на севере типа Тудозеро V, Вёкса III, Энты (вторая пол. VI – сер. IV тыс. до н. э.); 6 – волго-окская и верхневолжская культуры (кон. VI – первая пол. IV тыс. до н. э.); 7 – черноборская группа (V тыс. до н. э.); 8 – камская (хуторская) культура с гребенчатой керамикой (кон. V – первая пол. IV тыс. до н. э.); 9 – волго-камская культура с накольчато-прочерченной керамикой (V – кон. IV тыс. до н. э.); 10 – гребенчатая орнаментальная традиция в Западной Сибири: еттовский тип (кон. VI – V тыс. до н. э.), сумпаньинская культура (втор. пол. V тыс. до н. э.) и др.; 11 –отступающе-прочерченно-)накольчатая традиция в Западной Сибири: кошкинская и козловская культуры (рубеж VI–V – рубеж V–IV тыс. до н. э.), боборыкинская культура (сер. VI – сер. IV тыс. до н. э.), ранняя плоскодонная керамика на севере (кон. V – сер. IV тыс. до н. э.); 12 – гребенчато-ямочная традиция в Западной Сибири: кокуйская культура (втор. пол. V – нач. IV тыс. до н. э.); 13 – ямочно-отступающе-прочерченная традиция в Западной Сибири: верхнеобская культура (перв. пол. V – сер. IV тыс. до н. э.); 14 – буго-днестровская к-ра (сер. VI – нач. IV тыс. до н. э.); 15 – днепро-донецкая общность (вторая пол. V – первая пол. III тыс. до н. э.); 16 – сурская культура (нач. V – нач. IV тыс. до н. э.); 17 – ракушечнойарская культура (сер. V – сер. IV тыс. до н. э.); 18 – среднедонская культура (кон. V – нач. III тыс. до н. э.); 19 – нижневолжская общность (сероглазовская, джангарская, орловская культуры; перв. пол. VI тыс. до н. э. – втор. пол. V тыс. до н. э.); 20 – елшанская культура (VII – первая пол. VI тыс. до н. э.); 21 – кельтеминарская общность (VI – нач. III тыс. до н. э.); 22 – атбасарский культурный тип (с сер. VI тыс. до н. э.); 23 – маханджарский культурный тип (с сер. VI тыс. до н. э.).

Fig. 8. Cultural types and areas of the early Neolithic in Western Siberia and Eastern Europe. A – border between the western and eastern blocks of cultural types; Б – proto-Uralic ecological area; В – the Uralic ancestral homeland. Cultural types: 1 – Komsa (X – VIII Millennium BC); 2 – Säräisniemi (turn of V/IV – second half of III Millennium BC); 3 – Sperrings (mid V – mid IV Millennium BC); 4 – Narva culture (second half of V – late III Millennium BC); 5 – sites with early Comb and Stroke-ornamented ceramics in the north, type of Tudozero V, Wjoksa III, Enty (second half of VI – mid IV Millennium BC); 6 – Volga-Oka and Upper Volga cultures (late VI – first half of IV Millennium BC); 7 – Chernoborsky group (V Millennium BC); 8 – Kama (farmstead) culture with Comb ceramics (late V – first half of IV Millennium BC); 9 – Volga-Kama culture with Stroke- and linear-ornamented ceramics (V – late IV Millennium BC); 10 – Comb-ornamented tradition in Western Siberia: Et-to type (end of VI – V Millennium BC), Sumpanya culture (second half of V Millennium BC) etc.; 11 –retreat-(linear-)Stroke-ornamented tradition in Western Siberia: Koshkino and Kozlovo cultures (turn of VI–V – turn of V–IV Millennium BC), Boborykino culture (mid VI – mid IV Millennium BC), early flat-bottomed ceramics in the north (late V – mid IV Millennium BC); 12 – Pit-Comb tradition in Western Siberia: Kokui culture (second half of V – early IV Millennium BC); 13 – Pit- Retreat- Linear tradition in Western Siberia: the Upper Ob’ culture (first half of V – mid IV Millennium BC); 14 – the Bug-Dniester culture (mid VI – early IV Millennium BC); 15 – Dnieper-Donetsk community (second half of V – first half of III Millennium BC); 16 – Sursky culture (early V – early IV Millennium BC); 17 – Rakushechny Yar culture (mid V – mid IV Millennium BC); 18 – Middle Don culture (late V – early III Millennium BC); 19 – the Lower Volga community (Seroglazka, Jangar, Orlovka cultures; first half of VI Millennium BC – second half of V Millennium BC); 20 – Elshanka culture (VII – first half of VI Millennium BC); 21 – Kelteminar community (VI – early III Millennium BC); 22 – Atbasar cultural type (from mid VI Millennium BC); 23 – Makhanzhar cultural type (from mid VI Millennium BC).

либо дальше в Центральной Европе, а порой и в Западной. А культурные типы, расположенные восточнее этой границы, имеют генетические связи либо с территорией современного Казахстана, либо с более древними культурами Сибири. При сопоставлении с прауральским экологическим ареалом остается довольно мало возможности для того, чтобы видеть в западном блоке носителей уральского праязыка: как правило, они находятся за пределами уральского ПЭА, а их истоки и вовсе от него далеки. Поэтому с уральской прародиной следует связывать восточный блок культурных типов, и помещать ее в самых широких рамках от казанского Поволжья на западе до междуречья Оби и Енисея на востоке. Какая из этих групп могла быть носителем эндоуральской речи – вопрос дальнейших изысканий.

Следует заметить, что с установлением границ ПЭА возможности сравнительно-исторического языкознания в решении проблемы прародины не исчерпаны. Дополнительным аргументом здесь могут служить внешние связи уральского праязыка как генетические, так и контактные. Для палеоисторических реконструкций вообще, равно как и в нашем случае, данные о контактах языков оказываются даже более важными, чем об их генетических связях.

Уральский праязык имеет древнейшие родственные связи с юкагирским праязыком. Судьба урало-юкагирской гипотезы сложна, и до сих пор существуют разные точки зрения по этому поводу, однако в работах (Angere, 1956; Collinder, 1965; Николаева, 1988), на мой взгляд, неплохо обоснована гипотеза древнейшей (как минимум на 2–3 тысячи лет более древней,

чем прауральская) юкагино-уральской общности. Поскольку прародину юкагирских языков так или иначе следует помещать в Северной Азии, древнейшие родственные связи уральской семьи также тянут на восток и согласуются с выводом о западносибирско-уральской прародине уральцев. Более глубокие генетические связи уральских языков в рамках ностратической макросемьи (с индоевропейскими, картвельскими, дравидийскими, алтайскими, эскимосскими языками) оставляют гораздо больше простора для географических импликаций и вряд ли полезны для уточнения локализации уральской прародины.

Аналогичный вывод можно сделать на основе данных о контактах уральского и финно-угорского праязыков. Единственная языковая группа, с которой можно предполагать древние контакты, – тунгусо-маньчжурские языки. Начало этих контактов может уходить в очень глубокую древность: для ряда явно общих слов невозможно определить направление заимствования (ПУ **suksz* ‘лыжи’, **tuktz* ‘перекладина в лодке’, ПФУ **šijere* ‘мышь’), поскольку для обеих групп слова выглядят как праязыковые. Начавшиеся в прауральскую эпоху урало-тунгусо-маньчжурские контакты затем продолжились в самодийско-тунгусо-маньчжурских и продолжились непрерывно вплоть до современных контактов селькупского и эвенкийского языков (историографический обзор проблемы и материал см. в (Аникин, Хелимский, 2007)). Уральско-тунгусо-маньчжурские контакты указывают на то, что восточный край уральской прародины должен был прилежать к древним ареалам обитания тунгусо-маньчжуров – по-

мещать ли их в Прибайкалье, Забайкалье или Маньчжурии. Эти данные гораздо более очевидны и основательны по сравнению с попытками некоторых (почти исключительно финских) исследователей обнаружить следы древнейших уральско-индоевропейских контактов: несмотря на постоянное повторение одних и тех же нелепых этимологий, противопоставить что-либо разрушительной критике (см., например (Хелимский, 2000а; 2000б)) их авторы не в состоянии. По всей видимости, первой встречей уральских языков с индоевропейскими был контакт раннего прафинно-угорского с ранним праарийским, который имел место на границе леса и степи в Приуралье и Поволжье в начале III тыс. до н. э. и произошел вследствие продвижения финно-угорских групп на запад и активизации древних ариев в степях Евразии в связи с развитием бронзолитейного производства и коведства. До начала III тыс. до н. э. предполагать сколько-нибудь исторически релевантные уральско-индоевропейские контакты нет оснований, соответственно и уральскую прародину не следует помещать по соседству с индоевропейской, как бы проблема локализации последней не решалась.

Новые и интересные аргументы в решении проблемы прародины может дать сравнительная мифология. Во-первых, речь идет о распространении мифологических мотивов в Евразии и Северной Америке, некоторые из которых обязаны весьма древним контактам и связям, отражавшим, в частности, и контакты прауральской и прафинно-угорской общности. Прежде всего речь идет о космогонической мифе о нырянии за землей, относительно которого было показано

его северноазиатское происхождение в палеолите с древним проникновением в Северную Америку, а в Северной Евразии его распространение связывается с историей (юкагиро-)уралоязычных и тунгусоязычных (на более поздней стадии, вероятно, также тюркских) групп (Напольских, 1991; Napol'skikh, 2012), то есть независимые данные мифологии вполне укладываются в обрисованную выше картину внешних связей уральского праязыка и локализации уральской прародины. Сегодня благодаря титанической работе, проделанной Ю.Е. Березкиным (прежде всего, здесь важен его аналитический каталог (Березкин, 2012)), и древние мифологические связи традиций Северной Евразии и Северной Америки, и возможность применения методов сравнительной мифологии в доисторических реконструкциях получают новое подтверждение (см., например, (Березкин, 2009; 2012)).

Во-вторых, анализ мифологических космогонических традиций уральских народов позволяет сделать и другие наблюдения, которые могут косвенно указывать на природные условия, в которых обитали их общины языковые предки. Оказывается, что мотив мирового древа, который в семиотике принято считать универсальным, распространен далеко не так широко, как это кажется на первый взгляд. Во всяком случае, у уралоязычных народов мотив этот явно маргинален и появляется только на окраинах, в условиях сильного европейского или тюркского влияния. С другой стороны, в уральских (и особенно ярко – в юкагирской) традициях почти повсеместно прослеживается мифологема о связи человека и дерева, о личном, «своем» дереве каждого

человека (Напольских, 2012). Вероятно, такие особенности обязаны своим возникновением исконному обитанию уральцев в таежном лесу, в котором трудно выделить какое-то одно дерево среди тысяч и представить себе, что дерево как-то может связывать нижний, средний и верхний миры. Разрыв бесконечного лесного пространства, открытое небо – и горизонты раскрываются в долинах больших рек, которые одновременно служат и основными дорогами. Поэтому вполне закономерно, что в реконструируемой прауральской мифологии место мирового древа занимает мировая река, текущая с юга, из верхнего мира богов на север, в мир смерти и мрака, причем ассоциация верхнего мира с югом и истоками мировой реки, а нижнего – с севером, и устьем мировой реки сохраняется даже в Восточной Европе, где главные реки (Волга, например) не обязательно текут в таком направлении (Напольских, 1991, с. 71–85). Такая космогония могла сложиться именно у населения таежной зоны Западной Сибири, в бассейне Оби и Иртыша. Таким образом, анализ мифологии служит дополнительным инструментом в локализации уральской прародины.

Последнее, чего следовало бы коснуться, – вопрос о причинах и механизмах расширения праязыкового ареала и распада праязыка. Что заставило уралоязычные группы выйти за пределы своей прародины и благодаря чему они сумели распространить свой язык на запад до Балтики и Скандинавии, очевидно ассимилировав на обширных пространствах Восточной Европы неуралоязычное население? – См. о вопросе «почему?» как ключевом для предыстории в начале статьи.

В основном ответы на эти вопросы были даны в гипотезе, изложенной в написанной более двадцати лет назад статье (Напольских, 1992) (см. также (Напольских, 1997, с. 194–198)). Конкретные даты и формулировки сегодня можно подкорректировать, но в целом изложенная схема остается, на мой взгляд, вполне рабочей. Поскольку, однако, тема финно-угризации Восточной Европы является особой и не вписывается в тематику и объем данной статьи, укажу лишь на самые важные в методологическом плане обстоятельства.

В решении вопросов о древних миграциях и вызванных ими ассимиляционных процессах следует иметь в виду выталкивающие и притягивающие факторы таких миграций. В качестве притягивающих факторов, вызвавших, по-видимому, миграции уралоязычного населения на запад и ассимиляцию им других групп, важнейшими являются следующие. Во-первых, это отмеченный выше со ссылкой на работу Н.А. Хотинского (Хотинский, 1977) эпохальный сдвиг границ западносибирской тайги на запад, принявший наиболее заметный характер в первой половине II тыс. до н. э. Биологическая продуктивность широколиственных лесов выше, чем таежных, и распространение тайги ставило потомков – создателей восточноевропейских неолитических культур, живших в зоне широколиственных лесов, – в невыгодное положение по сравнению с исконными обитателями тайги – уральцами, которые продвигались на запад, оставаясь в своем родном экологическом окружении (ср. пример с миграциями кри, рассмотренный выше).

Второй важнейший фактор, обеспечивший превосходство восточных групп урало-сибирского происхождения, связан с началом эпохи поздней бронзы в лесной зоне после развития сейминско-турбинского транскультурного феномена, уже маркирующего мощный культурный импульс с востока на запад, и с последующим сложением уральского очага бронзовой металлургии в рамках Евразийской металлургической провинции, влияние которого прослеживается вплоть до Скандинавии (Черных, 1978; Кузьминых 1993).

Третьим важнейшим притягивающим фактором было влияние южных степных культур, создатели которых, очевидно, были носителями арийских (с конца II тыс. до н. э. уже, вероятно, иранских) языков, многочисленные заимствования из которых в финно-угорских языках маркируют мощнейшее культурное влияние ариев на финно-угров. Археологически это прослеживается в виде сложения в середине II тыс. до н. э. на юге лесной зоны и на севере лесостепи от верхней Волги до Обь-Енисейского междуречья под влиянием степных культур срубно-андроновского мира – ярких культурных образований типа поздняяковской в Волго-Окском междуречье (и развивающейся там в конце II тыс. до н. э. общности культур текстильной керамики), ранней приказанской в Среднем Поволжье и маклашеевской в Волго-Камье (с последующим

становлением в Прикамье в железном веке ананьинской культурной области) и блока так называемых андронидных культур (луговской, коптяковской, черкаскульской, еловской и др.) с последующими межовской, сузгунской, ирменской и др. в Приуралье, Зауралье и на юге Западной Сибири. Именно на этих южнолесных территориях в ходе интенсивных контактов с ариями, в рамках обособлявшихся друг от друга отдельных культурных центров происходила концентрация групп прафинно-угорских диалектов, приведшая к обособлению праугорского, прапермского, прамарийского и праприбалтийско-финско-мордовского языков.

Наконец, важен, по-видимому, был и выталкивающий фактор, состоявший в эпохальном заболачивании Западной Сибири, которое было активно уже в атлантикуме и привело к образованию обширных болотных систем во второй половине суббореала (II тыс. до н. э.), что сопровождалось резким сокращением биологической продуктивности территорий, вызывавшим миграции в поисках новых угодий, а также – осложнением поддержания связей между лесными группами, которое вело к их изоляции (Львов, 1979; Лисс, Березина, 1982). Соответственно это приводило к оттоку населения из центральных районов Западной Сибири и распаду культурных и языковых связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология: Учебник / Под ред. акад. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 604 с.
2. Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 255 с.

3. *Берёзкин Ю. Е.* Плеяды-отверстия, Млечный Путь как Дорога Птиц, девочка на Луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космонимии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №4(40). – С. 100–113.
4. *Берёзкин Ю. Е.* Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифология евразийских степей // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – №4(52). – С. 144–155.
5. *Берёзкин Ю. Е.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // Режим доступа: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (Дата доступа: 22.09.2015)
6. *Де Соссюр Ф.* Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
7. *Клейн Л. С.* Археологический источник. Учебное пособие. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 119 с.
8. *Кузьминых С. В.* Меларские кельты Восточной Европы (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. – Вып. 3. – Рязань, 1993. – С. 61–107.
9. *Лисс О. Л., Березина Н. А.* Развитие болотообразовательного процесса в центральной части Западной Сибири // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене / Ред. А. А. Величко и др. – М.: Наука, 1982. – С. 224–231.
10. *Львов Ю. А.* Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири / Ред. Л. А. Чиндина. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 12–18.
11. *Напольских В. В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф) / Материалы к серии “Народы СССР”. – Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1991. – 189 с.
12. *Напольских В. В.* Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предистории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов / Ред. Л. А. Наговицын. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1992. – С. 40–67.
13. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 266 с.
14. *Напольских В. В.* Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. – № 6. – Москва, 2012. – С. 19–28.
15. *Николаева И. А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: дис. ... канд. филол. Наук. – Москва, 1988. – 224 с.
16. *Норманская Ю. В., Дыбо А. В.* Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. – М.: Тезаурус, 2010. – 362 с.
17. *Оньё Лав (Степанов В.).* Ещё раз к вопросу о едином коми языке // Арт. Литературно-художественный журнал Республики Коми. – № 2. – Сыктывкар, 2010. – С. 22–35.
18. *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). – М.: Наука, – 1982. – 164 с.
19. *Хелимский Е. А.* Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1983. – С. 5–10.
20. *Хелимский Е. А.* Early Indo-Uralic linguistic relationships: real kinship and imagined contacts // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 489–501.

21. Хелимский Е. А. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финских и других финно-угорских языках // Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000б. С. 511–536.
22. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 200 с.
23. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. – 1978. – №4. – С. 53–82.
24. Angere J. Die Uralo-Jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandschaft. – Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1956. – 242 p.
25. Collinder B. Hat das Uralische Verwandte? Eine Sprachvergleichende Untersuchung. Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis linguisticae Upsaliensis. Nova Series. Uppsala, 1965, vol. 1:4, 180 p.
26. Crowe K. J. A history of the original peoples of Northern Canada. Montreal – London: McGill-Queen's University Press, 197, 264 p.
27. Larsson L.-G. Zum Problem der uralischen Urheimat. In: *Linguistica uralica*. Tallinn, 1990, vol. 26, no 4, pp. 230–238.
28. Mason L. The Swampy Cree: a study in acculturation. Anthropological papers of National Museum of Canada. Ottawa: National Museum of Canada, 1967, no 13, 360 p.
29. Napolskikh V.V. The Earth-Diver myth (A812) in Northern Eurasia and North America: twenty years later. In: *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Ed. By Frog, Anna-Leena Siikala, Eila Stepanova. Studia Fennica Folkloristica, 20. Helsinki: Suomalainen Kirjallisuuden Seura, 2012, pp. 120-140.
30. Tanner J., Rigney A. Footprints on the land. Tracing the path of the Athabasca Chipewyan First Nation. Athabasca Chipewyan First Nation, 2003, 104 p.

Информация об авторе:

Напольских Владимир Владимирович, член-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, Институт социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация); vovia@udm.ru

**ON THE METHODOLOGY OF PALAEOHISTORICAL
RECONSTRUCTIONS²**

V.V. Napolskikh

Investigations into the pre-written history embracing more than 95% of the history of mankind (prehistory / palaeohistory) differs in terms of its sources and methods from the history taken in its narrow meaning, relying principally on the written documents. Prehistory cannot be reduced to archaeology or comparative linguistics, nor to a mechanical combination of these and other related disciplines, it has its own methodology and source base relying on a complex interdisciplinary synthesis of knowledge. The article is devoted to substantiation of this statement and considers some methodological aspects of palaeohistorical research concerning the problems of proto-linguistic communities, approaches to localization of ancestral homeland and reconstruction of proto-culture and history of the bearers of proto-languages of big linguistic families, case-studying the Uralic family.

Keywords: archaeology, palaeohistory, ethnic history, comparative linguistics, methodology, ancestral homeland, Uralic language family.

² This article is prepared under Russian Science Foundation grant no. 14-18-03384, Project: “Stories narrated for thousands of years: reconstructed evolution of the worldwide dissemination of story lines and visual elements of oral narratives”

REFERENCES

1. Yanin, V. L. (ed.). 2006. *Arkheologiia: Uchebnik (Archaeology: Manual)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
2. Anikin, A. E., Khelimskii, E. A. 2007. *Samodiisko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie sviazi (Samoyedic-Manchu-Tungus Lexical Relations)*. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
3. Berezkin, Yu. E. 2009. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4 (40)). Novosibirsk: Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Archaeology and Ethnography, 100–113 (in Russian).
4. Berezkin, Yu. E. 2012. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4 (52)). Novosibirsk: Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Archaeology and Ethnography, 144–155 (in Russian).
5. Berezkin, Yu. E. *Tematicheskaia klassifikatsiia i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog (Thematic Classification and Distribution of Folkloric and Mythological Motives by Areas. Analytical Catalogue)*. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed: 22.09.2015) (in Russian).
6. Saussure, F. de. 1990. *Zametki po obshchei lingvistike (Écrits de linguistique générale)*. Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).
7. Klejn, L. S. 1978. *Arkheologicheskii istochnik. Uchebnoe posobie (Archaeological Source. Textbook)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
8. Kuzminykh, S. V. 1993. In *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Region)* 3. Ryazan, 61–107 (in Russian).
9. Liss, O. L., Berezina, N. A. 1982. In *Razvitie prirody territorii SSSR v pozdnem pleistotsene i golotsene (Evolution of the Nature on the USSR Territory in the Late Pleistocene and Holocene)*. Moscow: "Nauka" Publ., 224–231 (in Russian).
10. Lvov, Yu. A. 1979. In *Osobennosti estestvenno-geograficheskoi sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri (Peculiarities of the Natural-Geographic Environment and Historical Processes in Western Siberia)*. Tomsk: Tomsk State University, 12–18 (in Russian).
11. Napol'skikh, V. V. 1991. *Drevneishie etapy proiskhozhdeniia narodov ural'skoi iazykovoi sem'i: dannye mifologicheskoi rekonstruktsii (praural'skii kosmogonicheskii mif) (Earliest Stages of the Ural Linguistic Family Peoples Genesis: Data of Mythological Reconstruction (Pre-Uralic Cosmogonic Myth))*. Materials to the Series: "Peoples of the USSR" 5. *Narody ural'skoi iazykovoi sem'i (Ural Linguistic Family Peoples)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
12. Napol'skikh, V. V. 1992. In *Issledovaniia po etnogenezu i drevnei istorii finnoiazychnykh narodov (Studies on the Ethnic Genesis and Ancient History of the Finnic-Speaking Peoples)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 40–67 (in Russian).
13. Napol'skikh, V. V. 1997. *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku (Introduction in the Historical Uralic Studies)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Napol'skikh, V. V. 2012. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* 6. Moscow, 19–28 (in Russian).
15. Nikolaeva, I. A. 1988. *Problema uralo-iukagirskikh geneticheskikh svyazei (Problem of the Ural-Yukagir Genetic Relations)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
16. Normanskaia, Yu. V., Dybo, A. V. 2010. *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzeniia v ural'skikh iazykakh (Thesaurus: Natural Environment Lexics in the Uralic Languages)*. Moscow: "Tezaurus" Publ. (in Russian).
17. Önyö Lav (Stepanov, V.). 2010. In *Art. Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal Respubliki Komi (Art: Literary and Artistic Magazine of the Komi Republic)* (2). Syktyvkar, 22–35 (in Russian).

18. Khelimskii, E. A. 1982. *Drevneishie vengersko-samodiiskie iazykovye paralleli. (Lingvističeskaja i etnogenetičeskaja interpretatsija) (Earliest Hungarian-Samoyedic Linguistic Parallels: Linguistic and Ethnic-Genetic Interpretation)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Khelimskii, E. A. 1983. In *Problemy etnogeneza i etničeskoj istorii samodiiskikh narodov (Issues of the Ethnic Genesis and Ethnic History of the Samoyedic Peoples)*. Omsk: Omsk State University, 5–10 (in Russian).
20. Khelimskii, E. A. 2000. In *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i (Comparative Studies, Uralic Studies: Lectures and Articles)*. Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 489–501 (in Russian).
21. Khelimskii, E. A. 2000. In *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i (Comparative Studies, Uralistic: Lectures and Articles)*. Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 511–536 (in Russian).
22. Khotinskii, N. A. 1977. *Golotsen Severnoi Evrazii (Holocene of Northern Eurasia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Chernykh, E. N. 1978. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* (4). Moscow, 53–82.
24. Angere, J. 1956. *Die Uralo-Jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandschaft*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.
25. Collinder, B. 1965. *Hat das Uralische Verwandte? Eine Sprachvergleichende Untersuchung*. Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis linguisticae Upsaliensis 1:4. Nova Series. Uppsala.
26. Crowe, K. J. 1977. *A history of the original peoples of Northern Canada*. Montreal; London: McGill-Queen's University Press.
27. Larsson, L.-G. 1990. Zum Problem der uralischen Urheimat. In *Linguistica uralica* 26 (4). Tallinn, 230–238.
28. Mason, L. 1967. *The Swampy Cree: a study in acculturation*. Anthropological papers of National Museum of Canada 13. Ottawa: National Museum of Canada.
29. Napolskikh, V. V. 2012. The Earth-Diver myth (A812) in Northern Eurasia and North America: twenty years later. In Frog, Siikala, A.-L., Stepanova, E. (eds.). *Mythic Discourses. Studies in Uralic Traditions*. Studia Fennica Folkloristica 20. Helsinki: Suomalainen Kirjallisuuden Seura, 120–140.
30. Tanner, J., Rigney, A. 2003. *Footprints on the land. Tracing the path of the Athabasca Chipewyan First Nation*. (S. 1.) Athabasca Chipewyan First Nation.

About the Author:

Napolskikh Vladimir V., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Institute of Social Communications, Udmurt State University. University St, 1, Izhevsk, 426034, Republic of Udmurtia, Russian Federation; vovia@udm.ru

УДК 902: 397

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОЧЕВНИКОВ В РАЗВИТИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

© 2015 г. К.А. Руденко, Е.П. Казаков

По материалам археологических исследований последних десятилетий (с 1970-х гг. до недавнего времени) рассматривается проблема этнокультурного взаимодействия оседлого и кочевого населения, с одной стороны, и разных групп кочевников между собой, с другой, в Волжской Булгарии и в Булгарском улусе Золотой Орды. Результаты исследования показывают, что тюрко- и угрозязычные кочевники были существенной этнической составляющей данных государственных образований. При этом присутствие кочевников в регионе и их влияние на культуру оседлого булгарского населения было различным на разных этапах истории Волжской Булгарии. В домонгольское время кочевое население занимало периферийные районы Булгарского государства, а отношения оседлых булгар и их кочевых соседей строились по принципу «свой-чужой». В золотоордынский период область расселения кочевников перешла на центральные (тюркские группы) и восточные (угорские группы) районы, и кочевой элемент, как автономный или интегрированный, в XIII–XIV вв. стал постоянным на территории Булгарского улуса.

Ключевые слова: археология, история, Волжская Булгария, Золотая Орда, Булгарский улус, кочевники, тюрки, булгары, печенеги, гузы, хазары, угорские народы.

До недавнего времени присутствие кочевого населения XI–XIV вв. на территории Волжской Булгарии по археологическим данным не фиксировалось. К началу 1980-х годов были известны отдельные погребения на Рождественском V могильнике (раскопки В.Ф. Генинга) и на Лебединской стоянке (Казаков, 1992, с. 207, рис. 74), Балымерские подкурганые захоронения (Халикова, 1965), единичные захоронения на некрополях Болгарского городища, исследованных в 1950-х годах А.П. Смирновым, А.М. Ефимовой. Эти открытия носили, как правило, случайный характер и интерпретировались по-разному. Выявленные погребения связывались то с тюркоязычными кочевниками-

половцами XII–XIII вв., то с монголами Чингиз-хана (Федоров-Давыдов, 1966, с. 133, 264). В 70-х годах XX в. широкие исследования археологических памятников в восточных районах Татарстана выявили следы позднесредневековых кочевников, которые Е.П. Казаковым были связаны с угорским этносом и выделены в отдельную чияликскую культуру. В конце 70-х годов XX в. были определены археологические признаки этой культуры (Казаков, 1978). Позже были разработаны принципы выделения угорского компонента в булгарских древностях домонгольского периода (Казаков, 2007).

Таким образом, к началу 1990-х годов была обозначена исследователь-

ская тема, но фактическое ее содержание в силу характера и количества источников было разработано только в общих чертах. Если для раннебулгарского периода картина была проработана на основе материалов могильников, особенно Танкеевского, что позволило рассматривать различные ее аспекты (Казаков, 1981), то вопрос о степени воздействия кочевников на культуру народов домонгольской и золотоордынской Булгарии и ее соседей и периоде, когда это происходило наиболее активно, оставался открытым.

Считалось, что кочевые племена ранних булгар прошли достаточно быстрый путь с VIII до X в. от непостоянной оседлости до земледельческого, полностью оседлого образа жизни. Однако грань перехода к активной седентаризации долгое время была уловима очень слабо. Е.П. Казаков в 1980-е годы доказал, что этот процесс активно проходил со второй четверти X в., подкрепив это материалами раскопок сельских поселений в низовьях Камы, возникших в этот период. В домонгольский период следы кочевого населения в археологических булгарских материалах явно не проявлялись, хотя керамический материал (Хлебникова, 1988, с. 29–31) и ряд отдельных находок свидетельствовали о его присутствии. Отдельную тему составили находки аскизского облика, в числе которых оригинальные изделия предметов аскизской культуры Южной Сибири и их булгарские реплики. Раскопки 1990-х годов на золотоордынских селищах и могильниках (Руденко, 2013, с. 189–211) дали достаточно данных, чтобы представить процесс проникновения и развития кочевнических комплексов на территории Булгарского улуса.

Исследования последних десятилетий XX в. дали возможность более четко рассмотреть проблему о роли кочевого компонента в средневековой истории булгар. Стало вполне очевидным, что тюрко- и угроязычные кочевники были существенной этнической составляющей Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды. Причем, если в домонгольское время это были периферийные районы государства, своего рода пограничье: с востока – угорское, с юга и с юго-запада – тюркское, то в XIII–XIV вв. область их расселения перешла на центральные (тюркские кочевники) и восточные (угорские группы) районы.

Источники и их изучение. Раннебулгарский период характеризуется погребальными комплексами более 1000 захоронений из четырех могильников второй половины VIII–X в. (Казаков, 1992). Для XI–XII вв., – домонгольского периода в истории Волжской Булгарии, представительны поселенческие материалы, для которых типичны аскизские находки и их булгарские реплики (Руденко, 2001). Керамический материал с могильников и поселений, свидетельствующий о этнокультурных компонентах населения Волжской Булгарии, изучался Е.П. Казаковым, Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной (Казаков, 1992, с. 110–133; Хлебникова, 1988, с. 22–24).

Материалы ордынского времени по рассматриваемой проблеме представлены хорошо датированными материалами погребальных комплексов, которые можно сопоставить с данными письменных источников. Это некрополи чияликской культуры в Приуралье и могильники позднес-

редневековых кочевников в Среднем Поволжье: Балымерский, Песчаноостровной, Байрякитамакский (Казаков, 2007; Руденко, 2013).

Анализ археологических материалов, являющихся единственным источником по рассматриваемой проблеме, дал возможность высказать предположение, что влияние кочевого мира на болгар Средней Волги и Нижней Камы было различным на разных этапах истории Волжской Булгарии в домонгольский и золотоордынский периоды. Рубежом в системе взаимоотношений кочевников и Волжской Булгарии стала вторая половина X в., когда окончательно утвердился земледельческий уклад болгарского государства, обретшего независимость в середине 980-х годов. С этого времени взаимоотношения болгар и их кочевых соседей (гузов, печенегов, хазар, венгров) стали строиться на принципе свой-чужой. Эта ситуация изменилась только после монгольского нашествия, когда кочевой элемент как автономный или интегрированный стал постоянным на территории Булгарского улуса.

Раннеболгарский период представлен погребальными комплексами более 1000 захоронений из четырех могильников (Казаков, 1992). Были выявлены также аскизские материалы и их болгарские реплики домонгольского времени (Руденко, 2001). Керамический материал, свидетельствующий о этнокультурных компонентах населения Волжской Булгарии, изучался Т.А. Хлебниковой и Н.А. Кокориной (Хлебникова, 1988, с. 22–24).

Для ордынского времени мы сейчас можем оперировать хорошо датированными материалами погребальных комплексов, которые можно

сопоставить с данными письменных источников. Это чияликская культура в Приуралье и могильники: Балымерский, Песчаноостровной, Байрякитамакский (Казаков, 2007; Руденко, 2013) – археологические памятники позднесредневековых кочевников в Среднем Поволжье.

Особенности взаимоотношения кочевников и домонгольских болгар. По материалам раннеболгарских некрополей, прежде всего Танкеевско-го, выделяются немногочисленные погребальные комплексы, связанные с гузами и печенегами. Гузские и печенежские захоронения X в. известны также южнее – на Самарской Луке и в бассейне Большого Черемшана (Васильева, 1979). О связях болгар и гузов имеются свидетельства Ибн Фадлана, что подтверждают археологические данные. На болгарских поселениях X–XI вв. встречается керамика и украшения конской сбруи, которые можно также связать с этими этносами. В конце XX в. в древностях Волго-Камья был выделен пласт находок, связанных с тюркоязычным населением Южной Сибири – аскизской культурой (Кызласов, 1983; Руденко, 2001). Начальный период этих инноваций в XI в. в древностях Казанского Поволжья характеризуется целой чередой изменений в традициях и «технологических приоритетах» в ремесле и бытовой культуре жившего здесь населения.

Характерные археологические признаки материальной культуры Волжской Булгарии в их динамике в домонгольское время. Можно отметить наиболее выразительные археологические черты материальной культуры Волжской Булгарии XI–XIII вв. в их динамике:

1) типологическое разнообразие бронзовой поясной и уздечно-сбруйной гарнитуры, господствовавшей во второй половине X – начале XI в., существенно сокращается, и сменяется украшениями из железа;

2) распространение легкой уздечки с железной гарнитурой и двусоставными удилами с железными псалиями с характерными окончаниями;

3) появление серии секторовидных, узколопастных и широких подпятиугольных наконечников стрел-срезней, а также долотовидных наконечников, характерных для промыслового хозяйства таежной зоны Сибири и не характерных для Восточной Европы в предшествующее время (Руденко, 2003).

Кроме того, в первой половине XI в. в болгарской фортификации начинает использоваться кольцевая системы обороны и эскарпирование склонов, возникают крупные поселенческие агломерации; в материальной культуре, кроме уже отмеченных явлений, широкое распространение получает керамика типа «джукетау» (Хлебникова, 1988, с. 29–31), а в погребальном обряде прослеживается широкое использование деревянных конструкций разных типов (от простых перекрытий до ящиков с крышками и без них) (Руденко, 2007).

Региональные инновации в материальной культуре ближнего зарубежья Волжской Булгарии. Булгаро-хазарский «импульс» второй половины X – начала XI в., а чуть позже аскизский, дает толчок формированию своеобразной культуры памятников Посурья типа Золотаревского поселения (Белорыбкин, 2001), как городищ, так и селищ.

«Вытеснение» аскизских элементов происходит под давлением культуры другого тюркского массива – половецкого, с одной стороны, славянского и финского (например, мерянского), с другой. В разных областях Волжской Булгарии и за ее пределами это происходило по-разному и, видимо, в разное время, но не выходя за рамки XII в. К концу XII в. прекращается эволюция аскизских элементов и в болгарской культуре. На смену им приходит новый пласт предметов быта, связанный с финскими народами Прикамья. Прикамско-финская доминанта в болгарской материальной культуре развивается в связи с активизацией северного и восточного направлений болгарской внешней политики и развитием камского экономического и торгового центра, начавшего формироваться с 980-х годов и особенно активно во второй половине XI в. Отметим, что не ранее первой половины XII в. в Притесье образуется симбиозный этнокультурный массив с элементами тюркской кочевой культуры (половецкой) в погребальной практике (захоронения коней и т.п.) с болгарским влиянием.

Булгаро-аскизские древности и их реплики в Прикамье. Сложившаяся в XI в. аскизско-булгарская традиция в болгарской материальной культуре в следующем столетии не исчезла и в несколько трансформированном виде продолжила свое существование в XII в.

Надо сказать, что эволюция аскизских предметов в разных географических районах их распространения проходила по-разному и занимала разные промежутки времени. Так, многие предметы аскизские и аналогичные аскизским, найденные в

Поволжье, датируются здесь по комплексу находок периодом до монгольского нашествия, а в Сибири они бытуют в ордынское время. Аскизские предметы XIII–XIV вв. встречены на территории Древней Руси (Кызласов, 1998; Гоняный, 2005). Отметим, что в Булгарском улусе реплики аскизских изделий малочисленны.

Вместе с тем наличие подобных находок в кочевнических древностях Предуралья (за исключением единичных случаев), которые соединили бы эти достаточно удаленные географически регионы – Поволжье и Южная Сибирь, – до сих пор не отмечено. Несмотря на уже более чем 15-летний период изучения этого феномена и появление новых материалов, значительно пополнивших базу данных, многие вопросы распространения и бытования таких артефактов, являются дискуссионными.

Основные проблемные сюжеты в рассматриваемой теме связаны с булгаро-аскизскими материалами. Ранее считалось, что они связаны с кочевой культурой и проникли на запад, в том числе и в Волжскую Булгарию, в период монгольского нашествия или в канун его, открывая эпоху монгольских завоеваний, или, наоборот, чуть позже него. Сейчас можно утверждать, что этот процесс был несколько сложнее и начался раньше почти на 100 лет – в первой четверти XI в. и продолжался до второй половины XII в. Это явление не связано напрямую с восточноевропейскими кочевниками, как считалось ранее, однако феномен его распространения и дальнейшего развития, видимо, имеет к ним непосредственное отношение, особенно в период после монгольского нашествия (Кызласов, 2010). До-

монгольская дата булгаро-аскизских изделий подтверждается стратиграфическими наблюдениями на булгарских памятниках – десятках городищ и селищ, вещевыми комплексами из котлованов жилых и хозяйственных построек, а также погребальными комплексами в могильниках чепецкой и древнемарийской культур, которые позволяют утверждать, что эти изделия бытовали во второй половине XI–XII вв. Булгаро-аскизский комплекс находок на булгарских памятниках является хронологическим репером второй половины XI–XII вв. Присутствие половецкого компонента в первой трети XIII в. хорошо маркируется лазуритовыми подвесками (Руденко, 2014). Они найдены в основном на булгарских городищах (Билярское, Булгарское, Казанский кремль, Джукетау) и имеют полные аналогии в кыпчакских и половецких древностях XI – начала XIII в., а также в материалах могильников Западной Сибири преимущественно домонгольского времени. Более определенной стала ситуация с ролью позднекочевнического компонента в формировании булгаро-ордынской культуры, с которой связывается достаточно большой комплекс находок с поселений и языческих кочевнических некрополей на территории Булгарского улуса.

Таким образом, можно констатировать, что воздействие кочевого мира на оседлое булгарское население было различным по своей форме и содержанию. Кочевники выступали как этнообразующие компоненты нового этноса (ранняя Волжская Булгария), как самостоятельные этнические группы в сложившемся этническом массиве, будучи носителями собственной этнической культуры и посредниками в

трансляции инокультурных явлений (периоды волжско-булгарский и Золотой Орды).

Однако закономерно и то, что элементы кочевой культуры практически не «прививались» у оседлого населения, за исключением того времени, когда они становились частью государственной культуры, как это произошло в период Золотой Орды.

Кочевая культура, лишенная традиционной среды, ассимилировалась и растворялась среди оседлого булгарского населения, сохраняясь лишь реликтами, либо подавляла островки оседлой жизни, регенерируя кочевой образ жизни и соответствующий природно-ландшафтный комплекс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. – СПб., 2001. – 190 с.
2. *Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. – Куйбышев, 1979. – С. 191–202.
3. *Гоняный М.И.* Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 85–100.
4. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 132 с.
5. *Казаков Е.П.* О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Булгарии // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българско-съветската среща. Шумен, 1976 г. – Т. 2. – София, 1981. – С. 127–132.
6. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 334 с.
7. *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – 208 с.
8. *Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири (X–XIV вв.) / Свод археологических источников. – Вып. ЕЗ-18. – М.: Наука, 1983. – 128 с.
9. *Кызласов И.Л.* Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII вв.) // Славяне и их соседи (Тезисы XVII конференции). Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. – С. 72–75.
10. *Кызласов И.Л.* Особенности появления аскизских изделий в Европе в XIII–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках: Новые археологические исследования / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. – М.: Наука, 2010. – С. 139–162.
11. *Руденко К.А.* Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань: «Заман», 2001. – 256 с.
12. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2003. – 512 с.
13. *Руденко К.А.* Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // ПА. – 2013. – № 2. – С. 189–211.
14. *Руденко К.А.* Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. – № 7 (19). – С. 224–244.

15. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 275 с.
16. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР // КСИА. – Вып. 109. – М., 1965. – С. 114–116.
17. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 7–102.

Информация об авторах:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Российская Федерация); murziha@mail.ru

Казakov Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ncai@mail.ru

ON THE ROLE OF THE NOMADS IN DEVELOPMENT OF MATERIAL CULTURE OF THE VOLGA BULGARIA AND THE BULGARIAN ULUS OF THE GOLDEN HORDE

E.P. Kazakov, K.A. Rudenko

Archaeological findings of the last decades (from 1970s till recently) are used to examine ethnic and cultural interaction between the settled and the nomadic population, on the one hand, and different groups of nomads between themselves, on the other hand, in Volga Bulgaria and the Bulgarian Ulus of the Golden Horde. The study showed that the Turk- and Ugrian-speaking nomads were an important ethnic component of these state formations. At the same time, presence of nomads in the region and their influence on the culture of the settled Bulgarian population was different at different stages in history of the Volga Bulgaria. In pre-Mongol time, the nomads would use peripheries of the Bulgarian state, while the settled Bulgarians and their nomadic neighbors would build their relations as “us – them”. During the Golden Horde time, the nomads started exploring central areas (the Turkic groups) and eastern territories (the Ugrian groups), and thus the nomadic element, either autonomous or integrated, became a permanent element in the Bulgarian Ulus in the 13th – 14th centuries.

Keywords: archaeology, history, Volga Bulgaria, the Golden Horde, the Bulgarian Ulus, nomads, Turks, Bulgarians, Pechenegs, Ghuzes, Khazars, Ugrian peoples.

REFERENCES

1. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka Settlement)*. Saint Petersburg; Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
2. Vasil'eva, I. N. 1979. In *Drevniaia istoriia Povolzh'ia (Antique History of the Volga Area)*. Kuybyshev, 191–202 (in Russian).
3. Goniany, M. I. 2005. In *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in the 9th–14th Centuries: Interaction of the North and the South)*. Moscow: “Nauka” Publ., 85–100 (in Russian).
4. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Kazakov, E. P. 1981. In *Pliska-Preslav. Prabalgarskata kultura. Materiali ot balgarsko-săvetskata srestha (Pliska-Preslav: Pre-Bulgarian Culture. Proceedings of the Bulgarian-Soviet Conference) 2*. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 127–132 (in Russian).

6. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii)* (*Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskie bolgary, ugray i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeistviia* (*The Volga Bulgarians, the Ugrians and the Finns in 9th – 14th Centuries: Problems of Interaction*). Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
8. Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaia kul'tura Iuzhnoi Sibiri (X—XIV vv.)* (*The Askiz Culture of Southern Siberia in 10th — 14th Centuries*). Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Kyzlasov, I. L. 1998. In *Slaviane i ikh sosedi. Slaviane i kochevoi mir. Srednie veka – rannee Novoe vremia* (*Slavs and Their Neighbours. The Slavs and the Nomadic World: Middle Ages and Early Modern Time*). Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 72–75 (in Russian).
10. Kyzlasov, I. L. 2010. In *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: Novye arkheologicheskie issledovaniia* (*Rus' and Orient in 9th — 16th Centuries: New Archaeological Studies*). Moscow: "Nauka" Publ., 139–162 (in Russian).
11. Rudenko, K. A. 2001. *Tiurkskii mir i Volgo-Kam'e v XI—XIV vv. Izdeliia askizskogo kruga v Srednem Povolzh'e. Issledovanie i katalog* (*Turkic World and the Volga-Kama Region in 11th—14th Centuries Artefacts of Askiz Cultural Circle in the Middle Volga Region. Studies and Catalogue*). Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
12. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII—XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog* (*Iron Arrowheads of the 8th—15th Centuries from Volga Bulgaria. Studies and Catalogue*). Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
13. Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 2, 189–211 (in Russian).
14. Rudenko, K. A. 2014. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 7 (19). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 224–244 (in Russian).
15. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki* (*East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites*). Moscow: Moscow State University (in Russian).
16. Khalikova, E. A. 1965. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Short Reports from the Institute of Archaeology)* 109, 114–116 (in Russian).
17. Khlebnikova, T. A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti* (*Town of Bolgar. Essays on Handicrafts*). Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).

About the Authors:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences, Kazan State University of Culture and Arts. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Kazakov Evgenii P., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru

Заметки

УДК 069.4

БРОНЗОВАЯ СЕКИРА ИЗ ЗЛАТОУСТОВСКОГО МУЗЕЯ¹

©2015 г. С.В. Кузьминых, Н.Б. Виноградов

Впервые осуществляется полноценная публикация уникальной находки – бронзовой секиры из Златоустовского музея, которая была найдена в середине 50-х гг. XX в. окрестностях г. Юрюзань Челябинской области. Основной ареал бронзовых «парадных» секир – север и северо-восток Европы, археологические культуры ананьинского мира. Секира из-под Юрюзани, несмотря на морфологическую близость с ананьинскими, отличается от них рядом деталей. Уральская находка, которую мы относим к продукции иткульского металлургического очага, является модификацией, подражанием ананьинским образцам. Она по пропорциям более массивная и тяжеловесная. Все детали скульптуры и декора выполнены в восковой модели более грубо, неряшливо. Фигура волка на секире из-под Юрюзани более реалистичная, в ней передано анатомическое строение головы зверя с открытой пастью, но без присущего ананьинским секирам пинежского типа оскала и спирально закрученных вверх и вниз губ; уши небольшие, стоячие в отличие от стилизованных у ананьинских экземпляров. Рельефные и углубленные линии в декоре – продольные, в продолжение орнамента на втулке. Секиру из Златоустовского музея отличает от ананьинских образцов также массивная и слабо выступающая втулка. Но главное ее своеобразие – отсутствие фигуры грифона или орла, венчающей втулку ананьинских секир. Местонахождение секиры из-под Юрюзани свидетельствует, вероятно, о votивном назначении предмета и его «захоронении» в одном из потаенных культовых мест уральских горняков и металлургов раннего железного века.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, ранний железный век, «парадные» секиры, ананьинский мир, иткульская культура, святилища.

История обнаружения. Поиски истоков обсуждаемого сюжета уводят нас к последним дням июля 1957 года. Именно тогда известный уральский археолог К.В. Сальников получил от научного сотрудника музея г. Златоуста Вл. Серафимова письмо² следующего содержания: «Многоуважаемый Константин Владимирович! Недавно к нам, в Златоустовский музей, принесли бронзовый или медный топорик. В записке говорилось: топор бронзовый был найден в

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проектов *Российским фондом фундаментальных исследований* (РФФИ) № 14-06-00287 и *Российским гуманитарным научным фондом* (РГНФ) № 14-01-00348а.

² Письмо было передано Н.Б. Виноградову В.С. Стоколосом, получившим его, в свою очередь, после смерти К.В. Сальникова от его семьи, из личного архива исследователя.

окрестностях г. Юрюзань Челябинской области в июне 1956 г. на северо-восточном склоне горы в каменных россыпях ребятами Гуляевыми Ю.И. и Г.И. – членами кружка ИЗО под руководством Михаила Илларионовича Жерновых. Место дикое, труднопроходимое. Тов. Жерновых обещал уточнить место нахождения. Вероятно, это топор бронзовой эпохи. Голова удлиненная, возможно, это волк. Для насадки имеется отверстие. Посылаю Вам копию, счерченную с ножа. Цвет темно-зеленый – окисленной меди или бронзы. Будьте добры, пришлите нам определение. Научный сотрудник Златоустовского музея, Вл. Серафимов. 25/VII 57 г.». Ниже рукой К.В. Сальникова приписано: «Отвечено: это бронзовая секира эпохи раннего железа, датируется серединой I тыс. до н.э.». Позднее исследователь опубликовал заметку с краткой характеристикой новых археологических находок на Южном Урале (Сальников, 1964), включая скупое описание секиры и сильно уменьшенную невыразительную фотографию. Скульптура на обухе секиры осторожно трактовалась им как «оскаленная морда хищного зверя» (там же, с. 313); само изделие было предварительно отнесено к эпохе раннего железа; определен круг аналогий и культурно-стилевая территория (ананьинский «мир»); приведено мнение А.В. Збруевой о том, что подобные предметы являлись «не боевым оружием, а символами власти» (Збруева, 1952, с. 132).

Спустя 20 лет секира из Златоустовского музея привлекла внимание одного из авторов в труде об орудиях и оружии ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых, 1977; 1983, с. 143–146). С того

времени упоминания о ней содержатся в ряде работ, посвященных как новым находкам секир, так и в целом искусству Волго-Камья раннего железного века (Рябцев, Семенов, 1988; Киржнер, Арматынская, 1990; Васильев, 2002; Берлин, 2010; и др.), но источник информации оставался прежним – публикация К.В. Сальникова. В 1986 г. в ходе работ Уральской археологической экспедиции Института археологии АН СССР С.В. Кузьминых побывал в Златоусте, сделал рисунок и описание секиры, а также взял пробу для изучения химического состава металла в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР (ан. 38245). Позднее Н.Б. Виноградов осуществил фотосъемку предмета (фото 1–8) и провел необходимые архивные разыскания. В итоге стала возможной полноценная публикация этой уникальной находки.

О термине «секира». В большинстве словарей так именуется древнее или старинное рубящее холодное оружие – топор в виде полумесяца (длинной лезвия до 30 см), насаженный на топорище. Бронзовые ананьинские секиры лишь отчасти соответствуют данному определению: уточнено, что это «изделия с трапециевидно-треугольным бойком, постепенно расширяющимся от втулки к лезвию, с арковидным углублением на нем с обеих сторон» (Кузьминых, 1983, с. 144). «Парадными» они названы (там же, с. 143–145) потому, что уже первые авторы, писавшие о секирах (Штукенберг, 1903, с. 65), видели в них не оружие, а престижные, знаковые предметы. Рассказ Геродота о священном назначении секиры в легенде о происхождении скифов был перенесен на ананьинскую «почву». Мно-

Рис. 1. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Общий вид.
Fig. 1. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. General view.

Рис. 2. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Общий вид.
Fig. 2. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. General view.

Рис. 3. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Вид сверху.
Fig. 3. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. View from above.

Рис. 4. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Боёк.
Fig. 4. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. General view. Peen.

Рис. 5. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Боёк.
Fig. 5. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. Peen.

Рис. 6. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Обушок.
Fig. 6. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. Backedge.

гими поколениями исследователей «парадные» секиры рассматривались в контексте символической (ритуальной, сакральной) деятельности элиты ананьинского общества, отражая его религиозно-философские воззрения (см. обзоры: Кузьминых, 1983, с. 145; Васильев, 2001, с. 37, 38).

Общие сведения о «парадных» секирах. В настоящее время с территории северо-востока и востока Европы известно 10 секир (см. карту: Кузьминых, 1983. Рис. 78; Берлин, 2010. Рис. 1)³. Восемь из них – случайные находки и лишь две (Пашурское 1 и Кара-Абызское городища) привязаны к археологическим памятникам, но вне контекста раскопок, т.е. фактически они тоже являются случайными находками. Ниже на примере секиры из-под Юрюзани и серии «вотивных» уральских кладов эпохи раннего железа мы обратим внимание на не случайный характер подобных случайных находок.

Все «парадные» секиры (ПС) уникальны и неповторимы, но все же морфологически их можно разделить на пять типологических разрядов⁴. ПС–2 (пинежский и елабужский типы А.М. Тальгрена): с выступающей втулкой, завершенной головой ушастого грифона в направлении бойка и длинным обушком в виде стилизованной головы волка (5 экз.) – р. Пинега в Архангельской области (2 экз.; Тальгрэн, 1919; Tallgren, 1937, fig. 1, 2), из

окрестностей б. Воткинского завода (ныне г. Воткинск в Удмуртии) (Штукенберг, 1903), Пашурское 1 городище в Шарканском р-не Удмуртии (Tallgren, 1937, fig. 4; Збруева, 1952, табл. XXXII, 2), близ пос. Курган Чердынского р-на Пермского края (Соколькова, Чуматова, 1979, фото 2). ПС–4: отличается от ПС–2 головой грифона на обушке – близ с. Слудка Сыктывдинского р-на Республики Коми (Рябцев, Семенов, 1988). ПС–6: отличается от ПС–2 и ПС–4 молоточковидным обушком – городище Кара-Абыз на одноименном озере близ д. Городок Благовещенского р-на Башкирии (Шмидт, 1929, табл. I, 15). Эти три разряда объединяют головы ушастых грифонов, венчающие втулку. ПС–8 – из-под Юрюзани – отличается от них короткой, слабо выступающей в обе стороны втулкой, не увенчанной головой грифона, и стилистически иным оформлением головы волка на обушке. ПС–10: без выступающей втулки и венчающей ее головы грифона, с длинным, узким, слабо расширенным к лезвию бойком и коротким обушком (2 экз.). У секиры д. Галаново Каракулинского р-на Удмуртии (Киржнер, Арматынская, 1990) обушок передан в виде головы волка, поверх которой в плоском широком рельефе сформировано изображение совы; у экземпляра из неизвестного места этого же района (Берлин, 2010, табл. 2) на боковых поверхностях обушка – схематизированные изображения грифона и овала (яйца).

Описание находки из-под Юрюзани. Размеры (в мм): общая длина 194; длина обушка 71, ширина 24–33, толщина 6–22; длина бойка 90, ширина 23–36, толщина (у втулки) 11; длина втулки 34, ширина 31–35, толщина

³ Обзор литературы о них см.: (Тальгрэн, 1919; Сальников, 1964; Кузьминых, 1983, с. 143; Рябцев, Семенов, 1988; Киржнер, Арматынская, 1990; Берлин, 2010).

⁴ Типология секир продолжает ранее намеченную одним из авторов (Кузьминых, 1983, с. 164).

Рис. 7. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Обушок.
Fig. 7. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. Backedge.

Рис. 8. Бронзовая секира из Златоустовского музея. Обушок. Вид сверху.
Fig. 8. Bronze poleaxe from Zlatoust Museum. Backedge. View from above.

23–26, толщина ее стенок 3–5. По своим размерам секира из-под Юрюзани в одном ряду с кара-абызской, галановской и каракулинской (180, 185, 186 мм) (там же, табл. 2, 3); все шесть секир пинежского и слудкинского типов заметно длиннее – 310–350 мм (там же, табл. 1).

В морфологическом и декоративном оформлении юрюзанской секиры отчетливы черты своеобразия и в то же время сходства с ананьинскими разряда ПС–2. Уральская находка, которую мы с полным основанием относим к продукции иткульского металлургического очага (см. о нем: Бельтикова, 1997), является модификацией, подражанием ананьинским образцам. Последние более легкие, грацильные – намного длиннее; уральская по пропорциям более массивная и тяжеловесная; все детали скульптуры и декора выполнены в восковой модели более грубо, неряшливо. Фигура волка на секире из-под Юрюзани более реалистичная; в ней передано анатомическое строение головы зверя с открытой пастью, но без присущего секирам пинежского типа оскала и спирально закрученных вверх и вниз губ; уши небольшие, стоячие в отличие от стилизованных у экземпляров ПС–2. Для уральской и ананьинских секир характерны в декоре рельефные и углубленные линии: поперечные у ПС–2, 4, 6 и продольные – в продолжение орнамента на втулке – на обухе юрюзанской. Отличает эти образцы также строение втулки, слабо выступающей на уральской секире и длинной и тонкой – на ананьинских. Но главное своеобразие находки из-под Юрюзани – отсутствие фигуры грифона или орла, венчающей втулку, как на экземплярах ПС–2, 4, 6.

В мифологическом пантеоне, культах и ритуалах уральского населения эпохи раннего железа птицевидные образы занимают особое, видное место, но это всегда одиночные фигурки⁵. Возможно, в иткульском обществе существовало табу на их совмещение с иными фигурами, в частности, волком, на оружии и предметах символического назначения. Но это не более чем предположение.

Морфологическое и декоративное оформление секиры из-под Юрюзани хорошо вписывается в контекст тесных ананьинско-иткульских связей (Бельтикова, 2001), благодаря которым в сортамент продукции иткульского очага металлургии вошли категории изделий, которые традиционно именуются ананьинскими (кельты с овальной и шестигранной втулкой, наконечники копий с прорезным и сплошным пером и др.). Но сами образы волка и хищных хтонических птиц (грифона, фантастического ушастого орла, филина) связаны, прежде всего, с мировоззрением и искусством ранних кочевников степного пояса Северной Евразии. Именно благодаря связям с номадами, в VI–V вв. до н.э. образы волка и хтонических птиц стали популярными в мифо-ритуальной практике их северных соседей⁶.

Технология изготовления. Уральская секира отлита из оловянной бронзы (Sn–4,6%), «загрязненной» повышенными концентрациями свин-

5 В ареале иткульской культуры учтено сейчас более 250 орнитоморфных фигурок (Чемякин, Кузьминых, 2011, табл. 3–11).

6 Об этом писали А.М. Тальгрэн (Tallgren, 1937, p. 6, 8, 10, 12), А.В. Збруева (1952, с. 138–142), К.Ф. Смирнов (1964, с. 233–235), С.В. Кузьминых (1983, с. 144, 145), А.В. Берлин (2010) и др.

Рис. 9. Чаша на площадке вершины Малого Шихана.
Fig. 9. Bowl on top of Maly Shikhan.

ца (0,64%), мышьяка (0,23%) и сурьмы (0,12%). Кузнецы и литейщики иткульской культуры, как показали исследования С.В. Кузьминых (2009, рис. 5), работали, прежде всего, с медью. Оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы использовались крайне редко – это или импорты (например, зеркала и бляхи в зверином стиле раннековечнических типов), или местное литье предметов повышенной сложности. Секира из-под Юрюзани именно тот случай. В пазах обушка и углублениях декора, где заметнее проявились окислительные процессы, выступили зеленоватые окислы. В целом же благородная патина бронзы – темно-красновато-коричневых оттенков.

Литье изделия осуществлялось по выплавляемой модели, в которой

втулка формовалась с помощью короткого глиняного вкладыша овальной в сечении формы. Сама восковая модель соединялась из трех частей – втулки, обушка и бойка, а затем заформовывалась в неразъемную глиняную форму. При этом лезвийная часть модели бойка несколько искривилась и в итоге при отливке приобрела в профиле асимметричность. Осью восковой модели была массивная втулка – к ней крепились модели обушка и бойка. Моделирование обушка в виде головы и шеи волка производилось на «шишке» или «болване» – приеме, характерном для формовки полых моделей (Минасян, 2014, с. 178, 179). На «шишку» – глиняную внутреннюю часть литейной формы «наносился слой воска, на котором прорабатывались все детали внешнего оформле-

Рис. 10. Чаши с водой на площадке Малого Шихана.
Fig. 10. Bowls with water on top of Maly Shikhan.

ния модели» (там же, с. 178). На визуально изученных нами «парадных» секирах в большинстве случаев глиняные «шишки» выкрошились или намеренно удалены. Но, например, на секире с Воткинского завода глины нет только в раскрытой пасти волка; глубже, вплоть до втулки, «шишка» сохранилась. На секире из-под Юрюзани она спрессована из цементоподобной глины, которая сама по себе не выкрошится. Этому мешает и прикрытая пасть волка (в отличие от секир пинежского и слудкинского типов с широко раскрытой пастью). Все рельефные и углубленные детали прорабатывались на восковой модели до ее заформовки в неразъемную форму. Следы использования инструментов при резке по затвердевшему воску, подрезки его излишков, вытягива-

ния (лепки) ушей, многочисленные дефекты (размазанный воск поверх орнаментального пояaska в основании бойка, капли воска и др.) фиксируются на разных частях секиры. Только нижний край втулки и лезвие несут на себе следы послелитейной доработки, вероятно, «вгорячую». К дефектам литья следует отнести газовые поры и раковины, прежде всего, на обушке и прилегающей части втулки. Обычно они концентрируются в верхней части отливок (поблизости от литника) (там же, с. 75). Скорее всего, литник был подведен к массивной верхней части торца пасти волка, но визуально он «не читается».

Секира из-под Юрюзани: случайная находка или вотинное «захоронение»? Ни в одном случае «парадные» секиры не найдены в могильниках,

хотя большая их часть происходит из ареала АКЮ, где выявлены погребения. Мы не можем связать находки секир и с кладами литейщиков, которые в отличие от позднего бронзового века не характерны для археологических культур Волго-Камья и Урала эпохи раннего железа. Уральские (иткульские) клады, обнаруженные обычно на вершинах гор, в скалах или у их подножия (Викторова, 2004, с. 166), интерпретируются как жертвенные (святилищные) комплексы, непосредственно связанные с магическими обрядами и ритуалами, сопровождавшими потаенную (сакральную) жизнь архаических горняков и металлургов (см. обзор проблемы: Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 68, 69).

Пример с другого конца Европы, вошедший в учебники археологии. Во второй половине XIX века датский археолог Й.Я. Ворсо обратил внимание на то, что многочисленные клады бронзового века на севере Германии, в Дании и на юге Швеции найдены в болотах, на дне рек и озер. Причем это не только орудия и оружие из меди и бронзы, но и золотые сокровищницы (сосуды, украшения, заготовки, сырье). Ворсо усомнился в случайности их археологизации и предположил, что эти предметы являлись жертвенными и намеренно бросались в воду.

«Парадные» секиры – подлинные произведения бронзолитейного искусства раннего железного века – безусловно, являлись предметами высокого социального ранга и значимости. Предполагать, что они, как вещи утилитарные, потеряны, в отношении этой категории предметов, по меньшей мере, нелепо. Обе секиры с Пинегги найдены где-то на берегу реки; верхнекамская (близ пос.

Курган) обнаружена в лесу при рытье канавы; галановская – результат таких же земляных работ на современном кладбище; экземпляр из Слудки выпал из осыпи грунтовой дороги, земля для насыпи бралась где-то на стороне; место находки секиры из Златоустовского музея описано как «дикое, труднопроходимое». «Случайный» характер и других находок заставляет усомниться в случайности археологизации «парадных» секир. Но, судя по всему, «захоронение» ананьинских секир не связано со святилищами типа иткульских «кладов» или костниц гляденовской культуры. Скорее всего, это вариант жертвенных приношений, описанный Ворсо (Worsaae, 1866, р. 314–316). Так ли было с секирой из-под Юрюзани, однозначно не ответить. И все же указание на труднодоступность места ее находки заставляет вспомнить о жертвенных или ритуальных комплексах в столь же потаенных местах Урала. Примером могут служить находки на Азов-горе⁷ и на горе Караульной, в Сухореченском гроте, на Шайтанском озере (Бортвин, 1949; Берс, 1951, с. 228, 229; Смирнов

⁷ В сентябре 1940 г. на ее восточном склоне в тонком слое почвы под мощной каменной плитой дети, искавшие здесь клад, нашли разнообразные древние медные изделия, в основном «птицевидные» идолы, наконечник копья, бляху в зверином стиле и др. В 1981 г. одному из авторов вместе с Г.В. Бельтиковой и В.Е. Стояновым удалось обследовать место находки, на которое нас вывел один из тех мальчиков-находчиков. Место действительно потаенное, скрытое среди завала плит близ вершины горы. Практически этими же словами описала данное место Е.М. Берс (1963, с. 94), побывав здесь в 1949 г.

и др., 1992; Сериков, 2008) и в других уголках этой горной страны⁸.

Насельники Урала с каменного века обожествляли вершины гор, размещая на них свои святилища, культовые места. Некоторые из них, в частности, один из Шиханов – вершин, возвышающихся над оз. Аракуль на севере Челябинской области, сопровождалась наскальными рисунками, выполненными охрой (Широков, 2009, с. 7–9). Уступы самих Шиханов оказались усеяны обломками сосудов энеолитической эпохи. Предположить бытовую жизнь на вершинах скал в древности вряд ли уместно. Иное дело – устройство святилищ, культовых мест. На площадках вершин Уральских гор исследователи давно обратили внимание на «чаши» – округлые углубления различного размера (фото 9, 10). В своем большинстве они образовались явно вследствие воздействия на гранит высоких температур и морфологических изменений самого камня.

Включение вершин гор в систему верований древних уральцев продолжалось на всем протяжении жизни людей на Урале (Викторова, 2004; Мищенко, 2004). Так, изучение одиноко стоящей скалы – Лысой горы – на оз. Большой Теренкуль показало, что на ее уступах в момент обследования лежали фрагменты керамики финала бронзового века и эпохи раннего железа. На площадке вершины скалы располагалось культовое место иткульской культуры той же эпохи со следами ритуальной плавки меди и находками (бляха с ушком и трехло-

пастные наконечники стрел со смятым острием), традиционными для подобных святилищ (Дюрягин, 2009).

Бронзовая «парадная» секира изпод Юрюзани может быть связана, как и знаменитые ананьинские секиры, с жертвенным, символическим приношением или же она являлась частью некоей древней коллекции, отложившейся в святилище более 2500 лет назад. Но это вновь предположение – жаль, что археологи в 1957 г. не обследовали по свежим следам место находки этого уникального предмета.

Вершины Уральских гор притягивали к себе людей во все времена и таят еще немало загадок. Они должны стать объектом пристального внимания археологов (а не «черных» копателей) с применением всего арсенала современных методов поиска и исследования.

⁸ См. кадастр культовых памятников горно-лесного Урала, в том числе иткульской культуры: (Культовые... 2004, с. 259–330).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 1997. – 23 с.
2. *Бельтикова Г.В.* К вопросу о связях зауральского (иткульского) очага металлургии с ананьинской культурой // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск: УИИЯЛ, 2001. – С. 134–138.
3. *Берлин А.В.* Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). – Ижевск: УдГУ, 2010. – С. 150–161.
4. *Берс Е.М.* Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – Т. II / МИА. – № 21. – М.: Изд-во Академии наук, 1951. – С. 182–243
5. *Берс Е.М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Изд. 2-е, исправ. и доп. – Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1963. – 110 с.
6. *Бортвин Н.Н.* Находки на горе Азов на Урале // КСИИМК. – Вып. XXV. – М., 1949. – С. 118–124.
7. *Васильев С.А.* Ананьинские зооморфные чеканы: оружие или символ? // Вестник молодых ученых. – № 1. Серия: Исторические науки. Специальный выпуск: Археология. – СПб.: СПбНЦ РАН, 2001. – С. 30–37.
8. *Васильев С.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 22 с.
9. *Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 158–173.
10. *Дюрягин В.С.* Святилище «Лысая Гора» раннего железного века на озере Большой Теренкуль в Чебаркульском районе Челябинской области // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск: Абрис, 2009. – С. 46–71.
11. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – Т. V. / МИА. – № 30. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 326 с.
12. *Киржнер Е.Э., Арматынская О.В.* Бронзовая ананьинская секира из с. Галаново // СА. – 1990. – № 3. – С. 256–259.
13. *Кузьминых С.В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА АН СССР, 1977. – 21 с.
14. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 257 с.
15. *Кузьминых С.В.* О металле городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Т. 3. – Новосибирск – Берлин: ИАЭ СО РАН, 2009. – С. 202–212.
16. Культурные памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 431 с.
17. *Минасян Р.С.* Металлообработка в древности и средневековье. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014. – 472 с.
18. *Мищенко О.П.* Памятники на вершинах гор в Среднем Зауралье // Четвертые Боровские чтения. – Екатеринбург: Аква-пресс, 2004. – С. 185–193.
19. *Рябцев А.Н., Семенов В.А.* Ананьинская парадная секира из-под Сыктывкара // СА. – 1988. – № 1. – С. 244–245.
20. *Сальников К.В.* Находки на Южном Урале // СА. – 1964. – № 1. – С. 313–315.

21. Сериков Ю.Б. Южный Шихан – новый тип святилища на Шайтанском озере // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 289–292.
22. Смирнов Н.Г., Ерохин Н.Г., Быкова Г.В., Лобанова А.В., Корона О.М., Широков В.Н., Некрасов А.Е., Ражева М.В. Грот Сухореченский — памятник истории природы и культуры в Красноуфимской лесостепи // История современной фауны Южного Урала. – Свердловск: УрО РАН, 1992. – С. 20–43.
23. Соколкова Д., Чуматова О. Соликамские коллекции // Уральский следопыт. – № 11. – Свердловск, 1979. – С. 15–16.
24. Тальгрэн А.М. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной Европы (в переводе Л.Я. Залежской) // ИОАИЭ. – Т. XXX. – Вып. 1. – Казань, 1919. – С. 121–126.
25. Чемякин Ю.П., Кузьминых С.В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. – Вып. 8, том II. – Тверь: Триада, 2011. – С. 43–74.
26. Широков В.Н. Уральские писаницы. Южный Урал. – Екатеринбург: АМБ, 2009. – 128 с.
27. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук: (Предварительный отчет о работах 1928 г.) / Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии». – № 8–9. – Уфа, 1929. – С. 1–28. 28.
28. Штукенберг А.А. Заметка: (О боевом топоре, доставленном с Воткинского завода) // ИОАИЭ. – Т. XIX. – Вып. 1. – Казань, 1903. – С. 65.
29. Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1937, vol. XI, pp. 1–46.
30. Worsaae J.J.A. Om nogle Mosefund fra Broncealderen. In: *Aarbuger for nordisk oldkyndighed og historie*, vol. IV. Kobenhavn: Nordiske Oldkriftselbskab, 1866, pp. 313–326.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

Виноградов Николай Борисович, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный педагогический университет (г. Челябинск, Российская Федерация); vinogradov_n@mail.ru

BRONZE POLEAXE FROM ZLATOUST MUSEUM⁹

S.V. Kuzminykh, N.B. Vinogradov

This is the first comprehensive publication of a unique find – a bronze poleaxe from Zlatoust Museum, which was found in mid 1950s near Yuryuzan town, Chelyabinsk Oblast. Such bronze ‘ceremonial’ poleaxes are mainly spread in the north and north-east of Europe, among archaeological cultures of the Ananyino type. The poleaxe from Yuryuzan, although it is morphologically similar with the Ananyino poleaxes, has several distinctive details. The Ural find that we have attributed to the Itkul metallurgic industry is a modification, an imitation of the Ananyino items. Its proportions are more massive and heavy. Every detail of

⁹ The work is implemented with financial support from the Russian Foundation for the Fundamental Research (RFBR), no. 14-06-00287, and the Russian Foundation for Humanities (RFH), no. 14-01-00348a.

sculpture and decoration of the wax model is elaborated rougher and more carelessly. The wolf's figure on the Yuryuzan poleaxe looks more realistic; it renders the anatomy of the animal's head with open mouth, yet without the grin and the lips spirally twisted up and down, which are typical for the Pinega type Ananyino poleaxes; ears are small and straight, unlike in the stylized Ananyino items. Raised and depressed lines in its decoration are longitudinal and continue the ornament on the collar. The poleaxe from the Zlatoust Museum is also distinguished from the Ananyino items by its massive and hardly protruding collar. Still, its main distinction is lack of gryphon's or eagle's figure, which would crown collars of the Ananyino poleaxes. The location of the Yuryuzan find seems to suggest that the item had a votive meaning and was 'buried' in one of the secret cult places known to the early Iron Age Ural miners and metallurgists.

Keywords: archaeology, Southern Urals, early Iron Age, 'ceremonial' poleaxes, Ananyino world, Itkul culture, sanctuaries.

REFERENCES

1. Beltikova, G. V. 1997. *Zauralskii (itkulskii) ochag metallurgii (VII–III vv. do n.e.) (Trans-Urals (Itkul) Center of Metallurgy (5th — 3rd Centuries BC)*. PhD Thesis. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
2. Beltikova, G. V. 2001. In *Drevnie remeslenniki Priuralia (Ancient Craftsmen of the Cis-Ural Region)*. Izhevsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Udmurtian Language, Literature and History Institute, 134–138 (in Russian).
3. Berlin, A. V. 2010. In *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 150–161 (in Russian).
4. Bers, E. M. 1951. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priuralia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) II. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 21*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 182–243 (in Russian).
5. Bers, E. M. 1963. *Arkheologicheskie pamiatniki Sverdlovskia i ego okrestnostei (Archaeological Sites in Sverdlovsk and Its Neighborhood)*. Sverdlovsk: "Sverdlovskoe knizhnoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).
6. Bortvin, N. N. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii materialnoi kultury (Concise Bulletins of the Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences) XXV*, 118–124 (in Russian).
7. Vasilev, S. A. 2001. In *Vestnik molodykh uchenykh (Bulletin of Young Scholars) 1. Series Istoricheskie nauki (Historical Disciplines). Special Issue: Arkheologiya (Archaeology)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 30–37 (in Russian).
8. Vasilev, S. A. 2002. *Iskusstvo drevnego naseleniia Volgo-Kamia v ananinskiu epokhu (istoki i formirovanie) (Art of the Ancient Population of Volga — Kama Rivers Region in the Ananyino Age: Origins and Formation)*. PhD Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
9. Viktorova, V. D. 2004. In *Kultovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala (The Cult Sites of the Mountain-Forest Urals)*. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 158–173 (in Russian).
10. Diuriagin, V. S. 2009. In *Problemy arkheologicheskogo izucheniia Iuzhnogo Urala (Issues of the Archaeological Study of Southern Ural)*. Chelyabinsk: "Abris" Publ., 46–71 (in Russian).
11. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikamia v ananinskiu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Epoch)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

12. Kirzhner, E. E., Armatynskaia, O. V. 1990. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 256–259 (in Russian).
13. Kuzminykh, S. V. 1977. *Bronzovye orudiia i oruzhie v Srednem Povolzhe i Priural'e (I tysiacheletie do n.e.) (Bronze Tools and Weapons in the Middle Volga and Cis-Urals Regions: I Millennium BC)*. PhD Thesis. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of Archaeology (in Russian).
14. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgii Volgo-Kamii v rannem zheleznom veke (med i bronza) (Metallurgy of Volga-Kama Region in the Early Iron Age: Copper and Bronze)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Kuzminykh, S. V. 2009. In *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi (Chicha, a Fortified Site from the Time of Transition from the Bronze to the Iron Age in the Baraba Forest-Steppe)* 3. Novosibirsk; Berlin: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, 202–212 (in Russian).
16. *Kultovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala (Cult Sites of the Mountain-Forest Urals)*. 2004. Yekaterinburg: Russian Academy of Sciences, Ural Branch (in Russian).
17. Minasian, R. S. 2014. *Metallorabotka v drevnosti i srednevekove (Metal Processing in Antiquity and Middle Ages)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum (in Russian).
18. Mishchenko, O. P. 2004. In *Chetvertye Bersovskie chteniia (4th Bers Readings)*. Yekaterinburg: "Akva-press" Publ., 185–193 (in Russian).
19. Riabtsev, A. N., Semenov, V. A. 1988. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 244–245 (in Russian).
20. Salnikov, K. V. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 313–315 (in Russian).
21. Serikov, Yu. B. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Convention in Suzdal, 2008)* II. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology, 289–292 (in Russian).
22. Smirnov, N. G., Erokhin, N. G., Bykova, G. V., Lobanova, A. V., Korona, O. M., Shirokov, V. N., Nekrasov, A. E., Razheva, M. V. 1992. In *Istoriia sovremennoi fauny Iuzhnogo Urala (History of Southern Ural Present-Day Fauna)*. Sverdlovsk: Russian Academy of Sciences, Ural Branch, 20–43 (in Russian).
23. Sokolkova D., Chumatova O. 1979. In *Uralsky Sledopyt (Ural Pathfinder)* (11). Sverdlovsk, 15–16 (in Russian).
24. Tallgren, A. M. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkhelogii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXX (1). Kazan, 121–126 (in Russian).
25. Chemiakin, Yu. P., Kuzminykh, S. V. 2011. In *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 8 (II). Tver: "Triada" Publ., 43–74 (in Russian).
26. Shirokov, V. N. 2009. *Uralskie pisanitsy. Iuzhnyi Ural (Urals Set of Petroglyphs: Southern Ural)*. Yekaterinburg: "AMB" Publ. (in Russian).
27. Shmidt, A. V. 1929. *Arkheologicheskie izyskaniia Bashkirskoi ekspeditsii Akademii nauk: (Predvaritelnyi otchet o rabotakh 1928 g.) (Archaeological Investigation of the Bashkirian Expedition, Academy of Sciences. Preliminary Report on the Fieldworks in 1928)*. (Annex to the Bashkirian Economy Magazine. no. 8-9). Ufa, 1–28 (in Russian).
28. Shtukenberg, A. A. 1903. In *Izvestiia obshchestva arkhelogii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XIX (1). Kazan, 65 (in Russian).
29. Tallgren, A. M. 1937. The Arctic Bronze Age in Europe. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Vol. XI, 1–46.
30. Worsaae, J. J. A. 1866. Om nogle Mosefund fra Broncealderen. In *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie* IV. København: Nordiske Oldkriftselskab, 313–326.

About the Authors:

Kuzminykh Sergei V., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Vinogradov Nicolay B., Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk State Pedagogical University. Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation;

УДК 903.5 (571.12)

А28

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУЧУМОВОМ ГОРОДИЩЕ (ИСКЕРЕ) В 2014 ГОДУ

© 2015 г. А.А. Адамов

Представлены результаты исследований, проведенных в 2014 году на городище Искер (Тюменская область) – столице Сибирского ханства. Целью работ был поиск грунтового могильника, расположенного с западной, напольной стороны городища. Сообщения о находках здесь остатков захоронений содержатся в отчетах и публикациях археологов конца XIX – начала XX вв. В раскопе 2014 г. было выявлено позднесредневековое погребение. Элементы погребального обряда характерны для сибирских татар XV–XVI вв. Таким образом, подтверждается существование на этом месте городского кладбища периода Сибирского ханства. Кроме того, на берегу р. Иртыш была собрана представительная коллекция находок из разрушенного культурного слоя. Артефакты относятся к трем хронологическим периодам: XII–XIV, XV–XVI вв., 1582–1585 гг.

Ключевые слова: археология, история, Западная Сибирь, позднее средневековье, Сибирское ханство, городище Искер, городское кладбище, погребальный обряд, сибирские татары, западноевропейская товарная пломба.

Городище Искер расположено в Тюменской области на верхней надпойменной террасе правого коренного берега р. Иртыш высотой не менее 50 м, на узком мысу, образованном склонами террасы рек Иртыша и Сибири. Оно находится в 17 км к юго-востоку от г. Тобольска, в 2,7 км к востоку от деревни Сибиряк, в 1 км к западу от деревни Преображенка. Склон к Иртышу обрывистый, к р. Сибири – крутой, задернованный, поросший кустарником и деревьями лиственных и хвойных пород. Площадку городища, от которой осталась узкая полоса шириной до 10 м, отделяет от напольной стороны овраг. Наименьшая глубина оврага от уровня коренной террасы составляет 19 м. По северо-восточному склону оврага, со стороны площадки городища, склон укреплялся рвами и валами (рис. 1).

В настоящее время верхняя площадка городища практически полностью обрушилась. Земляные работы возможны только по склонам оврага, отделяющим городище с напольной стороны, в котором сохранился культурный слой. Однако работы здесь затруднены из-за наличия густого лиственного леса.

Широкомасштабные земляные работы на городище Искер проводил В.Н. Пигнатти в 1915 г. (Пигнатти, 1915). В 1958 г. небольшой раскоп на площадке городища был заложен Б.Б. Овчинниковой (1996). Обстоятельные археологические исследования на городище в 1988 г. и 1993 г. были проведены А.П. Зыковым (1998). В 2007 г. и 2008 г. изучением остатков памятника занимался А.А. Адамов (2013).

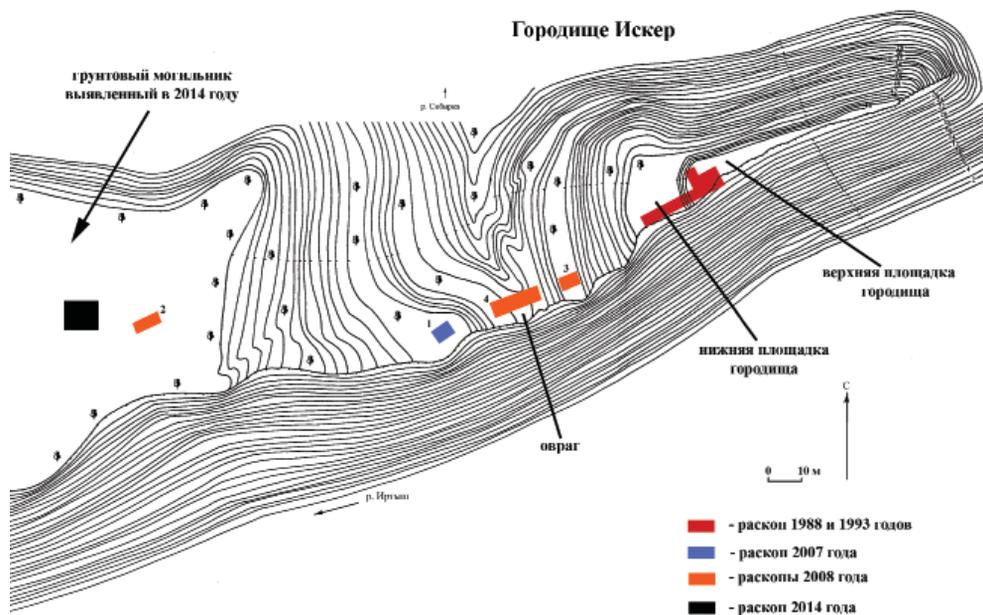

Рис. 1. Топографический план городища Искер.
Fig. 1. Topographic plan of Isker hillfort.

Археологические раскопки 2014 г. были сосредоточены с западной стороны городища. Основной задачей работ являлось выявление грунтового могильника.

Впервые о могильнике, расположенном с напольной стороны городища Искер, мы узнаем из рукописного отчета художника-краеведа М.С. Знаменского «Археологические работы близ Тобольска и на древнем Искере», составленного для Императорской археологической комиссии (Знаменский, 1889). М.С. Знаменский пишет, что, несмотря на то что местность по

дороге к Искеру была занята пашнями крестьян, которые мешали исследованию, ему удалось благодаря осыпи берега найти четыре наиболее сохранившихся человеческих черепа, доказывающих, что на этом месте хоронились люди (Знаменский, 1889, с. 49).

Измерения трех черепов (см. табл. 1) были проведены секретарем антропологического отдела «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете Н.Л. Гондатти (Знаменский, 1889, с. 50).

Таблица 1

№№	1	2	3
Длиннотный диаметр	188	176	181
Наибольший широтный диаметр	148	151	143
Ушной диаметр	135	132	130
Горизонтальная окружность	530	532	530
Лобная часть ее	244	245	244

Поперечная дуга	310	320	310
Вертикальная дуга	380	361	369
Лобная часть ее	130	123	120
Теменная часть ее	109	121	128
Затылочная часть ее	141	117	121
Наибольший лицевой диаметр	141	140	?
Внешний глазничный диаметр	113	108	?
Внутренний глазничный диаметр	105	102	?
Ширина глазниц	41	42	42
Высота глазниц	35	32	32
Межглазничное пространство	23	21	?
Длина лицевой части	72	73	71
Длина носа	53	54	58
Ширина носа	29	27	?
Длина неба	50	51	?
Ширина неба	45	44	?
Длина затылочного отверстия	36	38	36
Ширина его	31	32	33
Ширина затылка	112	116	116
Главный указатель	78.72	85.60	79.01
Глазничный указатель	85.37	76.19	76.19
Носовой указатель	54.72	50.00	?
Небный указатель	90.00	86.27	?
Указатель затылочного отверстия	86.11	84.21	91.67

Кроме того, в отчете отмечено, что, несмотря на сравнительно большое разнообразие, все три черепа, особенно в лицевых частях, носят на себе видимые следы монголизма, очень сильно выраженные в черепе № 2. В черепе № 1 и № 3 общая форма близко подходит одна к другой. Череп 1 и 2 — мужеподобные, третий — женеподобный. В черепе № 1 затылочная кость состоит из двух частей. В черепе № 2 замечается неправильность — левая боковая кость отходит. Это произошло, по всей видимости, после смерти. Зубы мужеподобных черепов сильно стерты, а у женеподобного — совсем нет. Черепа не ста-

рые — все швы почти целые. Четвертый череп резко отличается от трех предыдущих, по одному виду отнесен он к типу черепов великоросских (Знаменский, 1889, с. 50, 51).

В 1915 году работы на этом могильнике проводил В.Н. Пигнатти (Пигнатти, 1915, с. 15, 16). Раскопки велись вдоль обрыва террасы, поросшей березовым лесом. Узкая полоса березового леса и сейчас сохранилась вдоль обрыва, так как этот участок, примыкавший к обрыву, не распахивался. Среди берез В.Н. Пигнатти выявил большие (26 аршин) и малые (16 аршин) круги. Два круга были раскопаны траншеями с запада на восток.

В своей статье В.Н. Пигнатти отмечает, что большие круги, совершенно плоские, содержали на разной высоте по 5–6 костяков (Пигнатти, 1915, с. 16). В рукописном дневнике, ведшемся в процессе работ на городище Искер, уточнено, что большие круги состояли из мелких холмиков. В траншее была вскрыта одна могила, был найден череп, но часть костей скелета не была обнаружена (Дневник, 1909, с. 19).

В центре меньших кругов находилась насыпь, под которой располагался всегда один покойный (Пигнатти, 1915, с. 16). При раскопках был расчищен один костяк, положенный в почву, с вытянутыми ногами, с лицом, обращенным на восток. От него сохранились практически все кости (Пигнатти, 1915, с. 16). Вещей при костяке найдено не было, и поэтому В.Н. Пигнатти предположил, что она ограблена, хотя других признаков ограбления не было прослежено (Дневник, 1909, с. 19).

В 2008 г. с напольной стороны городища нами был заложен раскоп площадью 24 кв. м. Исследование на раскопе показало, что как таковой культурный слой на этом участке отсутствует. Не были выявлены и остатки погребений.

В 2014 г. благодаря финансовой поддержке Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ были продолжены археологические исследования, связанные с городищем Искер. Прежде всего, нужно отметить, что обследование обрыва и отмели Иртыша с напольной стороны городища показало отсутствие каких-либо признаков погребений и культурного слоя, хотя мы получили сведения о том, что года три тому назад из обрыва был выко-

пан человеческий череп и несколько костей.

Раскоп 2014 г. размером 10 x 10 м был разбит с ориентацией по сторонам света. Всего в раскопе насчитывалось четыре сектора размерами 5 x 5 м. Из-за малой мощности культурного слоя и его распашки до уровня материка, был снят всего один горизонт. При зачистке по материкку были выявлены многочисленные следы небольших канав, оставленные плугом при распашке. Почвенный слой, состоящий из темно-серого суглинка мощностью до 40 см, представлял собой остатки пахотного слоя. В раскопе было найдено лишь несколько фрагментов керамики конца XIX – начала XX в.

В углу одного из секторов был зафиксирован край ямы, имеющей подпрямоугольную в плане форму. Для того чтобы ее исследовать полностью, была сделана прирезка, выявившая погребение. Погребенный был похоронен в неглубокой могильной яме подпрямоугольной формы. Костяк лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой на запад с небольшим отклонением к северу. Часть костей скелета – позвоночник (включая и копчик), ребра, берцовая кость правой ноги, косточки кистей оказались сдвинутыми со своих мест (рис. 2). Вероятнее всего, это результат деятельности грызунов. В могиле каких-либо находок или остатков погребального сооружения выявлено не было. Хорошая сохранность костей, черепа, не заполненного суглинком, говорят о том, что погребение относится к позднему средневековью.

По предварительному заключению антропологов Института проблем освоения Севера (г. Тюмень), скелет принадлежал женщине возрастом 18–

Рис. 2. Могильник
Искер. Погребение.
Fig. 2. Isker burial ground.
Inhumation.

20 лет, которая в расовом отношении, скорее всего, не являлась европейской.

Итак, сопоставляя данные XIX–XXI вв., мы можем утверждать, что с напольной стороны городища Искер находился могильник, который не исчез в результате обрушения террасы. В XX в. все наземные признаки погребений из-за сплошной распашки были уничтожены. Краткое описание проведенных В.Н. Пигнатти в 1915 г. работ оставляло больше вопросов, чем давало ответов. Трудность в интерпретации всех деталей погребаль-

ного обряда, этнической атрибуции могильника заключается в том, что в Тобольском Прииртышье не исследован ни один могильник времен Сибирского ханства.

Однако первые осторожные предположения можно все же сделать, опираясь на широкие аналогии. В Омской области широкой площадью исследован могильник Бергамак II, основная часть погребений которого датируется в пределах XVII–XVIII вв. (Корусенко, 2003). При сопоставлении расплывчатого описания внешнего вида могильника близ Искера с при-

знаками, выявленными на могильнике Бергамак II (Корусенко, 2003, рис. 40), становится понятным, что могильник у Искера состоял из невысоких насыпей, окруженных неглубокими ровиками. Ровик в нашем раскопе не был выявлен, так как он, судя по всему, не углублялся в материк. Ровики окружали как несколько насыпей (5–6, по В.Н. Пигнатти), так и только одну. Так же как и в могильнике Бергамак II, в могильнике у Искера погребенных хоронили в неглубоких могильных ямах, вытянуто на спине (Корусенко, 2003, табл. 2). Совпадает и ориентировка головой на запад, иногда с небольшими отклонениями, и лицом, повернутым к югу (Корусенко, 2003, рис. 42; 57 а).

Особенности погребального обряда могильника у городища Искер вполне сопоставимы с погребальным обрядом сибирских татар Прииртышья. Отсутствие инвентаря в могилах вполне согласуется с канонами захоронений по мусульманскому обряду. Захоронения в могильнике можно датировать в пределах XV–XVI вв. Известные в Тобольском Прииртышье грунтовые могильники XII–XIV вв. демонстрируют совершенно другой погребальный обряд (Адамов, 2010). Не противоречит такому заключению и данные антропологии.

Таким образом, с napольной стороны городища Искер было выявлено городское кладбище сибирских татар, относящееся ко времени существования столицы Сибирского ханства.

Кроме земляных археологических исследований, осенью 2014 г. производились и неоднократные сборы подъемного материала на берегу р. Иртыш (из разрушенного культурного слоя городища). Несмотря на то что в этом году стояла очень высокая

вода (до 1,5 м выше обычного) и отмель была не широкой, удалось собрать ряд ценных артефактов. Всего было найдено 37 индивидуальных находок и несколько десятков обломков от железных и медных котлов, а также других изделий. Основная часть их относится ко времени существования столицы Сибирского ханства. Это западноевропейская товарная пломба (рис. 3: 2), обломки медной чаши с гравировкой, медные орнаментированные накладки (рис. 3: 7, 11), серебряный перстень (рис. 3: 10), русские серебряные монеты (рис. 3: 4), в том числе служившие в качестве подвесок (рис. 3: 3), остатки шумящей подвески (рис. 3: 12), металлические пуговицы.

Свинцовые товарные пломбы – не редкая находка на Искере. Остатки, по крайней мере, четырех пломб были обнаружены в XIX в. М.С. Знаменским (Адамов и др., 2008, рис. 28: 9–12). Одна пломба хранится в коллекции Тобольского музея-заповедника. Фрагмент другой пломбы был найден в нашем раскопе 2007 г. и 20 экз. – при сборах на отмели Иртыша. Пломба, найденная в 2014 г. (рис. 3: 2), относится к наиболее распространенному на Искере типу. Ранее нами были обнаружены семь близких пломб, среди которых остатки пломбы с короной, полностью идентичной найденной в 2014 г. Пломба с аналогичной готической надписью была найдена М.С. Знаменским (Адамов и др., 2008, рис. 28: 9). Пломба этого же типа хранится и в коллекции Тобольского музея-заповедника. Именно на эту пломбу ссылался П.Г. Гайдуков, отмечая пункты распространения западноевропейских товарных пломб (Гайдуков и др., 2007). Все эти пломбы объединяет готическая надпись на одной

Рис. 3. Находки с городища Искер. 1, 3, 4, 10 – серебро, 2, 8 – свинец, 5, 7, 11, 12 – медь, 6, 9 – бронза.

Fig. 3. Finds from Isker hillfort. 1, 3, 4, 10 – silver, 2, 8 – lead, 5, 7, 11, 12 – copper, 6, 9 – bronze.

стороне и корона на другой. Если надпись (насколько можно судить) стандартная, то изображения короны варьируются.

Западноевропейские товарные пломбы XIV–XVI вв. изредка встречаются в культурных слоях восточно-европейских городов. Большая коллекция таких пломб (около 200 экз.) происходит из Новгорода (Гайдуков и др., 2007). Правда, публикации пломб, их атрибуция практически отсутствуют как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Однако автору удалось обнаружить в интернет-сети фотографии нескольких (случайно обнаруженных) аналогичных пломб. Половинка плом-

бы с готической надписью была найдена в Ханто-Мансийском автономном округе (<http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=129417>). Одна пломба – в Псковской области (<http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=264707>), одна, возможно, в Нижегородской (<http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=182780>), еще одна, по косвенным данным, происходит из столичного региона (<http://www.reviewdetector.ru/index.php?showtopic=426181>). Две близкие пломбы обсуждались на «Белорусском кладоискательском портале» (<http://belklad.by/forum/>

viewtopic.php?f=24&t=60654) и на форуме «Литовский кладоискатель» (<http://kladoiskatel.5bb.ru/viewtopic.php?id=4336>). Вполне возможно, что свинцовыми товарными пломбами с готической надписью на одной стороне и короной на другой маркировали товары в одном из городов Германии.

Массовые находки западноевропейских пломб на городище Искер свидетельствуют об оптовых поставках иноземных товаров (в частности, из Германии) в столицу Сибирского ханства. Здесь, надо полагать, тюки с товарами вскрывались, и в дальнейшем осуществлялась розничная торговля.

Находками этого года стали и артефакты XII–XIV вв. Медный ключ

(рис. 3: 5), судя по совсем небольшой рабочей части, от зооморфного замка. Замок в виде лошадки или бычка был найден ранее на Искере (Пигнатти, 1915, табл. IV: 10). Такие замки и ключи к ним массово выпускались в золотоордынских городах Поволжья (Полякова, 1996, с. 250; Руденко, 2007, с. 49). Интерес представляют обломок бронзовой чаши с солярным орнаментом (рис. 3: 6) и лапчатая подвеска (рис. 3: 9), датируемые также золотоордынским временем (Семенова, 2001, табл. 59). Ко времени занятия Искера казаками Ермака относятся серебряный крестик с чернью (рис. 3: 1) и свинцовые пули (рис. 3: 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Предварительные итоги исследования грунтового могильника близ с. Абалак // *Тобольск научный* – 2010: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Тобольск: Полиграфист, 2010. – С. 68–69.
2. *Адамов А.А.* Археологические исследования 2007–2008 года на городище Искер // *Историческая судьба Искера: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. «Историческая судьба Искера».* – Тобольск: Принт-экспресс, 2013. – С. 39–44.
3. *Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск, 2008. – 114 с.
4. *Гайдуков П.Г., Степанов А.В., Трояновский С.В.* Сфрагистические и нумизматические находки из раскопок новгородского Великого моста в 2005–2007 гг. // *Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы науч. конф.* – Вып. 21. – Новгород, 2007.
5. Дневник раскопок, произведенных В.Н. Пигнатти / Архив ИИМК РАН. – 1909. – № 54. – С. 10–22.
6. *Знаменский М.С.* Археологические работы М.С. Знаменского близ Тобольска и на древнем Искере // Архив ИИМК РАН. – 1889. – № 93. – С. 40–55.
7. *Зыков А.П.* Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // *Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* – Омск, 1998. – С. 22–24.
8. *Корусенко М.А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тары в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. / *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.* – Т.7. – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.
9. *Овчинникова Б.Б.* Загадки столицы Сибирского юрта // *Древности Урала. Очерки истории Урала.* – Екатеринбург, 1996. – С. 101–109.

10. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губ. музея. – Вып. XXV. – Тобольск, 1915. – С. 1–43.

11. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 154–268.

12. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с.

13. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Информация об авторе:

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск, Российская Федерация); adamowaa@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT KUCHUMOVO HILLFORT (ISKER) IN 2014

A.A. Adamov

The author offers findings of research conducted at Isker hillfort (Tyumen Oblast) in 2014. Isker used to be the capital town of Siberia Khanate. The archaeologists aimed to seek a burial ground, supposedly located at the western, field side of the hillfort. Accounts about some finds of remaining burials were brought in archaeological reports and publications in late 19th – early 20th centuries. The excavation trench of 2014 yielded a late medieval inhumation, with the elements of its funerary rite typical for the Siberian Tatars in 15th – 16th centuries. Thus, the trench confirmed existence of a town cemetery in that place, dated by the time of Siberia Khanate. Moreover, the bank of the Irtysh River yielded a representative collection of finds from a disturbed cultural layer, the artefacts belonging to the following three chronological periods: 12th–14th, 15th–16th centuries, and 1582–1585.

Keywords: archaeology, history, Western Siberia, late Middle Ages, Siberia Khanate, Isker hillfort, town cemetery, burial rite, Siberian Tatars, West-European trade seal.

REFERENCES

1. Adamov, A. A. 2010. In *Tobol'sk nauchnyi – 2010 (Scientific Tobolsk — 2010)*. Tobolsk: "Poligrafist" Publ., 68–69 (in Russian).
2. Adamov, A. A. 2013. In *Istoricheskaja sud'ba Iskera (Historical Fate of Isker)*. Tobolsk: "Print-ekspress" Publ., 39–44 (in Russian).
3. Adamov, A. A., Baliunov, I. V., Danilov, P. G. 2008. *Gorod Tobol'sk. Arkheologičeskii očerok (Town of Tobolsk: Archaeological Essay)*. Tobolsk (in Russian).
4. Gaidukov, P. G., Stepanov, A. V., Troianovskii, S. V. 2007. In *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Istorija i arkheologija (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 21. Novgorod, 165–178 (in Russian).
5. Pignatti, V. N. 1909. *Dnevnik raskopok, proizvedennykh V. N. Pignatti (Field Notebook of V. N. Pignatti)*. Archive of the Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, no. 54, 10–22 (in Russian).
6. Znamenskii, M. S. 1889. *Arkheologičeskie raboty M. S. Znamenskogo bliz Tobol'ska i na drevnem Iskere (Archaeological Fieldworks by M. S. Znamensky near Tobolsk and on Ancient Isker)*. Archive of the Institute of the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, no. 93, 40–55 (in Russian).

7. Zыkov, A. P. 1998. In *Sibirskie tatarsy (The Siberian Tatars)*. Materialy I Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri» (Proceedings of the 1st Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia”). Omsk, 22–24 (in Russian).
8. Korusenko, M. A. 2003. *Pogrebal'nyi obriad tiurkского naseleniia nizov'ev r. Tary v XVII–XX vv.: Opyt analiza struktury i sodержaniia (Funerary Rite of the Turkic Population on the Lower Tara River in 17th – 20th Centuries)*. Series: Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiama (Ethnographical and Archaeological Complexes: the Issues of Culture and Society) 7. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Ovchinnikova, B. B. 1996. In *Drevnosti Urala. Ocherki istorii Urala (Ural Antiquities: Essays on the History of Ural)*. Yekaterinburg, 101–109 (in Russian).
10. Pignatti, V. N. 1915. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia (Tobolsk Province Museum Yearbook) XXV*. Tobolsk, 1–43 (in Russian).
11. Poliakova, G. F. 1996. In *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, of Tatarstan Academy of Sciences, 154–268 (in Russian).
12. Rudenko, K. A. 2007. *Volzhskaia Bulgariia v XI – nachale XIII v.: poseleniia i material'naia kul'tura (Volga Bulgaria in the 11th – Early 13th Century: Settlements and Material Culture)*. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).
13. Semenova, V. I. 2001. *Srednekovyye mogil'niki Iuganskogo Priob'ia (Medieval Burial Grounds in the Yugan Ob' Region)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Adamov Aleksandr A., Candidate of Historical Sciences, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Tobolsk Complex Scientific Station. Academician Yuri Osipov St., 15, Tobolsk, 626152, Tyumen Region, Russian Federation; adamowaa@yandex.ru

УДК 903(024)

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ИЗ РАСКОПА CLXV БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА¹

© 2015 г. А.Р. Нуретдинова, А.В. Беляев

Статья посвящена исследованию новой серии находок сфероконических сосудов на Болгарском городище. Во второй половине XIII–XIV вв. в Булгаре зафиксировано местное производство этой категории керамики. На территории городища обнаружено несколько гончарных печей, в ассортимент продукции которых входили сфероконические сосуды. На сегодняшний день число находок сфероконусов за все годы полевых исследований на городище превышает 5 тыс. экземпляров, что позволило создать их детальную классификацию. Однако до сих пор не решен вопрос о функциональном назначении данных сосудов. В связи с этим необходимо уделить особое внимание изучению мест концентрации сфероконусов на памятниках. Одно из таких скопления обнаружено в раскопе CLXV 2011 г. В работе представлен сравнительно-типологический анализ 18 сфероконических сосудов, дополненный данными о химическом составе основы и глазури одного из трех поливных экземпляров, найденных на раскопе CLXV.

Ключевые слова: археология, археометрия, Волжская Булгария, Золотая Орда, Болгарское городище, гончарное ремесло, сфероконические сосуды.

Раскоп CLXV 2011 г. площадью 130 кв. м располагался в северной части Болгарского городища в 96 м к западу от Северного мавзолея и в 99 м к юго-востоку от Большого Минарета (Баранов, 2013, с. 5; рис. 1). Здесь было обнаружено скопление сфероконусов (18 шт., рис. 2) в слое XIV в., просевшем в нижележащее сооружение, которое относится к более раннему периоду. Расположенные рядом объекты имеют жилое или хозяйственное назначение и не имеют прямого отношения к ремесленной деятельности.

На болгарских памятниках домонгольского времени зафиксирована концентрация сфероконических

сосудов в ремесленных комплексах (Халиков, 1976, с. 69; Шакиров, 2002; см. также: Нуретдинова, 2011а), в то время как в Закавказье и Средней Азии они распространены равномерно: встречаются как в жилых комплексах, так и в производственных (Джанполадян, 1982, с. 16). Следует также отметить, что более 80% сфероконусов, обнаруженных на домонгольских поселениях Поволжья, имеют импортное происхождение. В золотоордынский период картина меняется – топография распространения сфероконусов в золотоордынском слое Болгарского городища показывает, что данная группа посуды входила в ассортимент местной керамической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 14-06-31184 «Сфероконические сосуды Волжской Булгарии».

продукции, о чем свидетельствуют находки сфероконусов в гончарных горнах (Хованская, 1954).

Впервые болгарские сфероконические сосуды на материалах Биляра систематизировал А.Х. Халиков (1986). В качестве типобразующих признаков были выделены особенности строения тулова, внутри каждого типа по отдельным деталям горловины намечилось несколько разновидностей. Классификация сфероконусов Болгарии разработана Т.А. Хлебниковой (1988, с. 92–95). В основе ее типологии – коррелирование по пропорциям тулова. Ввиду того что исследование было посвящено анализу керамики местного производства, автором были рассмотрены лишь три типа из всего многообразия сфероконических сосудов, встречаемых на данном памятнике. Взяв имеющиеся типологии за основу, мы выработали общую типологию сфероконических сосудов Волжской Болгарии (Нуретдинова, 2011б).

Полевые исследования последних лет существенно пополнили коллекцию сфероконических сосудов Болгарии. На сегодняшний день нами учтено более 5000 экземпляров этой категории посуды. Обилие сфероконусов на памятнике позволяет создать более детальную их классификацию и приблизиться к решению проблемы их функционального назначения.

Изучение сфероконусов Волжской Болгарии позволяет выделить две большие группы на основе технологических признаков: I – красные и бурые, II – серые и желтые. При этом мы исходим из того, что вариации цвета сосудов обусловлены характером обжига (температура в горнах) и особенностями сырья, т.е. цвет рассматрива-

ется как признак технологический. В качестве типобразующих взяты морфологические признаки (форма тулова). Внутри типов по особенностям оформления сосудов, пропорциям, наличию или отсутствию отдельных конструктивных элементов, орнамента выделаются подтипы. По данной типологии болгарских сфероконических сосудов систематизированы материалы раскопа CLXV 2011 г.

Группа I – красноглиняные сфероконусы. 14 экз.

Тип I.1 – сосуды эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом (рис. 3: 2–3, 5, 9–14). Размеры²: Н = 9,7–14,2 см, D = 8,2–10,5 см, d1 = 0,4–0,8 см.

Подтип I.1 а – сосуды с коническим дном:

1. Стенки сфероконического сосуда фрагмент (рис. 3: 2). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 10,3 см, D = 8,9 см, t1 = 0,7 см, T = 3 см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 6, гл. -259 см.

2. Сфероконический сосуд с отбитой шляпкой (рис. 3: 5). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 10,2 см, D = 10 см, t1 = 0,7 см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 6, гл. -257 см.

² D – диаметр тулова; d1 – диаметр отверстия; d2 – диаметр шляпки; d3 – диаметр платформы или валика в основании горловины; Н – высота сосуда; h1 – высота шляпки; T – толщина дна; t1 – толщина стенки.

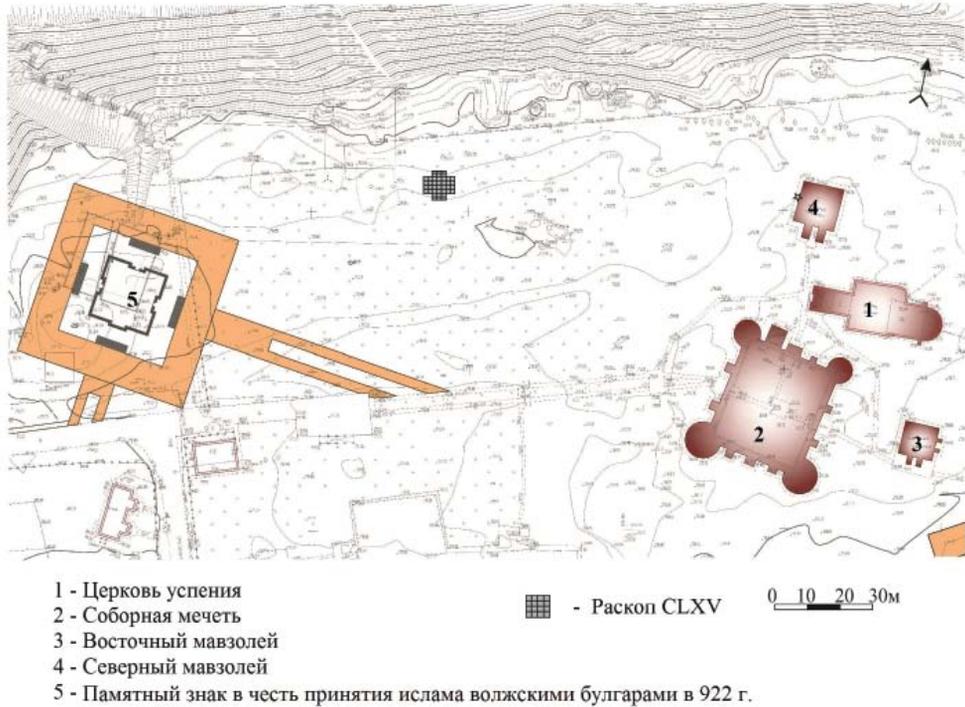

Рис. 1. Ситуационный план раскопа CLXV.
Fig. 1. Situational plan of dig CLXV.

3. Сфероконический сосуд полной сохранности (рис. 3: 10). Размеры: $H = 12,6$ см, $H' = 7,4$ см, $D = 8,75$ см, $d_2 = 3,35$ см, $t_1 = 0,9$ см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 6, гл. -248 см.

4. Сфероконический сосуд полной сохранности (рис. 3: 12). Размеры: $H = 12,5$ см, $D = 10$ см, $d_2 = 3,7$ см, $t_1 = 0,7$ см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 6, гл. -252 см.

5. Сфероконический сосуд лощеный с частично отбитой шляпкой и сколами на тулове (рис. 3: 13). Размеры: $H = 13,5$ см, $h_1 = 2$ см, $D = 10,1$ см, $d_1 = 0,7$ см, $d_2 = 3,6$ см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 5, гл. -220 см.

6. Сфероконический сосуд с частично отбитой шляпкой и сколами на тулове (рис. 3: 14). Размеры: $H = 13,1$ см, $h_1 = 2$ см, $D = 9,65$ см, $d_1 =$

$0,65$ см, $d_2 = 3,3$ см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 5, гл. -222 см.

Подтип I.1 б – сосуды с закругленным дном:

7. Нижняя часть сфероконического сосуда (рис. 3: 3). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: $H = 8,7$ см, $D = 9,4$ см, $t_1 = 0,8$ см. Место находки: уч. A/3, сл. I–IV, шт. 5.

8. Сфероконический сосуд лощеный полной сохранности со знаком в виде зигзага (рис. 3: 9). Размеры: $H = 12,3$ см, $h_1 = 2,2$ см, $D = 9$ см, $d_1 = 0,6$ см, $d_2 = 4$ см. Место находки: уч. A/3, сл. I–IV, шт. 5.

Подтип I.1 в – сосуды со шляпко-видной головкой, коническим дном и вытянутыми пропорциями:

9. Сфероконический сосуд, лощеный, полной сохранности (рис. 3: 11). Размеры: Н = 13,1 см, h1 = 1,7 см, D = 9,5 см, d1 = 0,6 см, d2 = 3,4 см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 6, гл. -251.

Тип I.2 – сосуды с туловом правильной конической формы и плечиками, иногда под прямым углом к горловине (рис. 3: 1, 4, 6–8). Размеры: Н = 8,2–13,5 см, D = 9–10,3 см, d1 = 0,4–0,7 см. Данный тип встречается на территории золотоордынских памятников Среднего и Нижнего Поволжья: Болгар, Старокуйбышевское городище, Увек, Царевское городище (Михальченко, 1974, с. 47, рис.1: 6.) и Красный Яр (Пигарев, 1994, рис. 1: 4–5).

Подтип I.2 а:

10. Сфероконический сосуд, лощеный, с отбитой шляпкой (рис. 3: 1). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 8 см. Место находки: соор. 9, выб. 6, уч. В–Д/4–6, сл. IV, шт. 10.

11. Сфероконический сосуд, лощеный, с частично отбитой шляпкой (рис. 3: 6). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 10,9 см, D = 9,5 см, t = 0,8–1,3 см. Место находки: уч. E/2, сл. IV, шт. 5, гл. -220 см.

12. Сфероконический сосуд с отбитой шляпкой (рис. 3: 4). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника

изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 8,3 см, D = 9,45 см, t1 = 0,7 см. Место находки: соор. 17, уч. Д/2, сл. IV, шт. 7, гл. -271 см.

13. Верхняя часть лощеного сфероконического сосуда (рис. 3: 7). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 9 см, D = 9,8 см, d1 = 0,6 см, d2 = 4 см, h1 = 2,4 см, t1 = 0,7 см. Место находки: уч. E/2, шт. 6, гл. -252 см.

14. Стенки лощеного сфероконического сосуда фрагмент (рис. 3: 8). Кирпично-красный цвет на сколе, хорошо отмученное тесто; круговая техника изготовления (следы ротации с внутренней стороны), обжиг сквозной без прослойки. Размеры: Н = 9,2 см, t1 = 0,7 см. Место находки: соор. 17, уч. Д/2, сл. IV, шт. 7, гл. -278 см.

Группа II – желто- и сероглиняные сфероконусы:

15. Представлена фрагментом дна, орнаментированного мелкими резными кружками (рис. 3: 5). Сохранность экземпляра и отсутствие прямых аналогий по декору не дают возможности полностью реконструировать форму. Лишь предполагается, что данный экземпляр может принадлежать подтипу 2.1.3 (Нуретдинова, 2011б); вместо привычного «сотового» орнамента он покрыт кружками. Размеры: Н = 6 см. Место находки: уч. Г/4, шт. 10, соор. 5, гл. -238см.

На раскопе обнаружено также 3 глазурованных сфероконуса. К сожалению, сохранность всех найденных ранее в Болгаре поливных сфероконусов не давала возможности рекон-

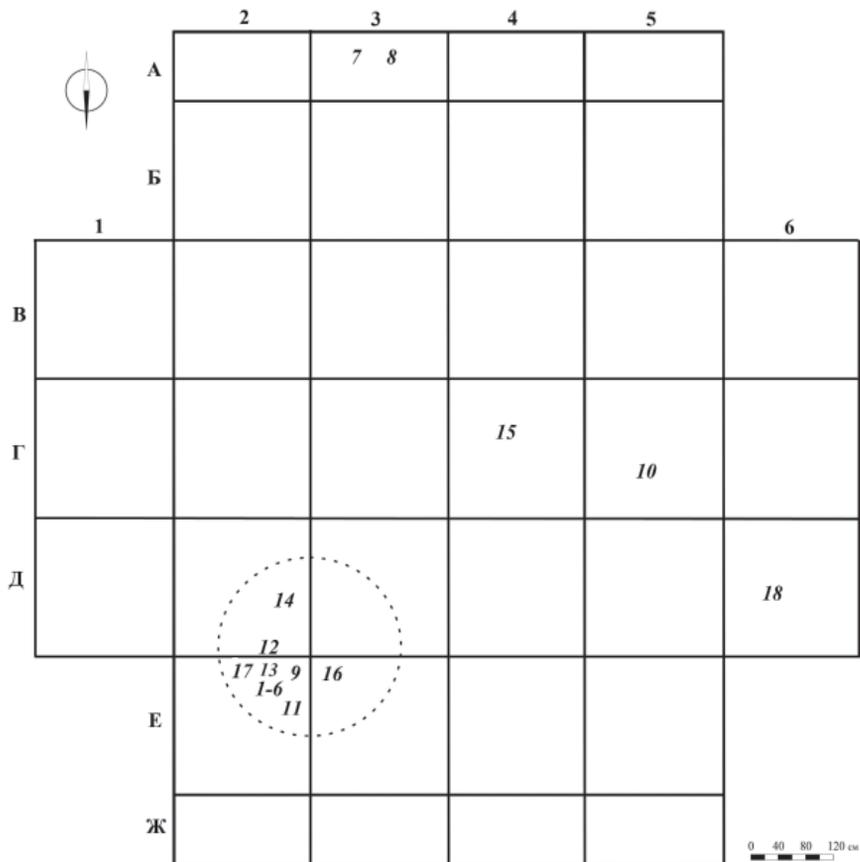

Рис. 2. Схема раскопа CLXV с указанием находок сфероконусов.
Fig. 2. Dig CLXV scheme, with places where sphero-conical vessels were found.

струкции формы, поэтому их нет в типологии сфероконических сосудов Волжской Булгарии (Нуретдинова, 2011б). Представленные сосуды пополняют собой имеющуюся классификацию. На данный момент мы даем лишь их описание:

16. Сфероконический сосуд с отбитым дном, покрытый бирюзовой поливой, без ангоба (рис. 3: 16). Раз-

меры: $H = 11,6$ см, $h_1 = 1,7$ см, $D = 9,5$ см, $d_1 = 0,6$ см, $d_2 = 3,5$ см, $d_3 = 4,8$ см. Место находки: уч. Е/3, сл. IV, шт. 5, гл. -222 см.

17. Сфероконический сосуд (склеен из 2 фрагментов), покрытый бирюзовой поливой, без ангоба (рис. 3: 17). Размеры: $H = 14$ см, $h_1 = 1,7$ см, $D = 9,3$ см, $d_1 = 0,6$ см, $d_2 = 3,5$ см, $d_3 = 4,7$ см. Место находки: уч. Е/2, сл.

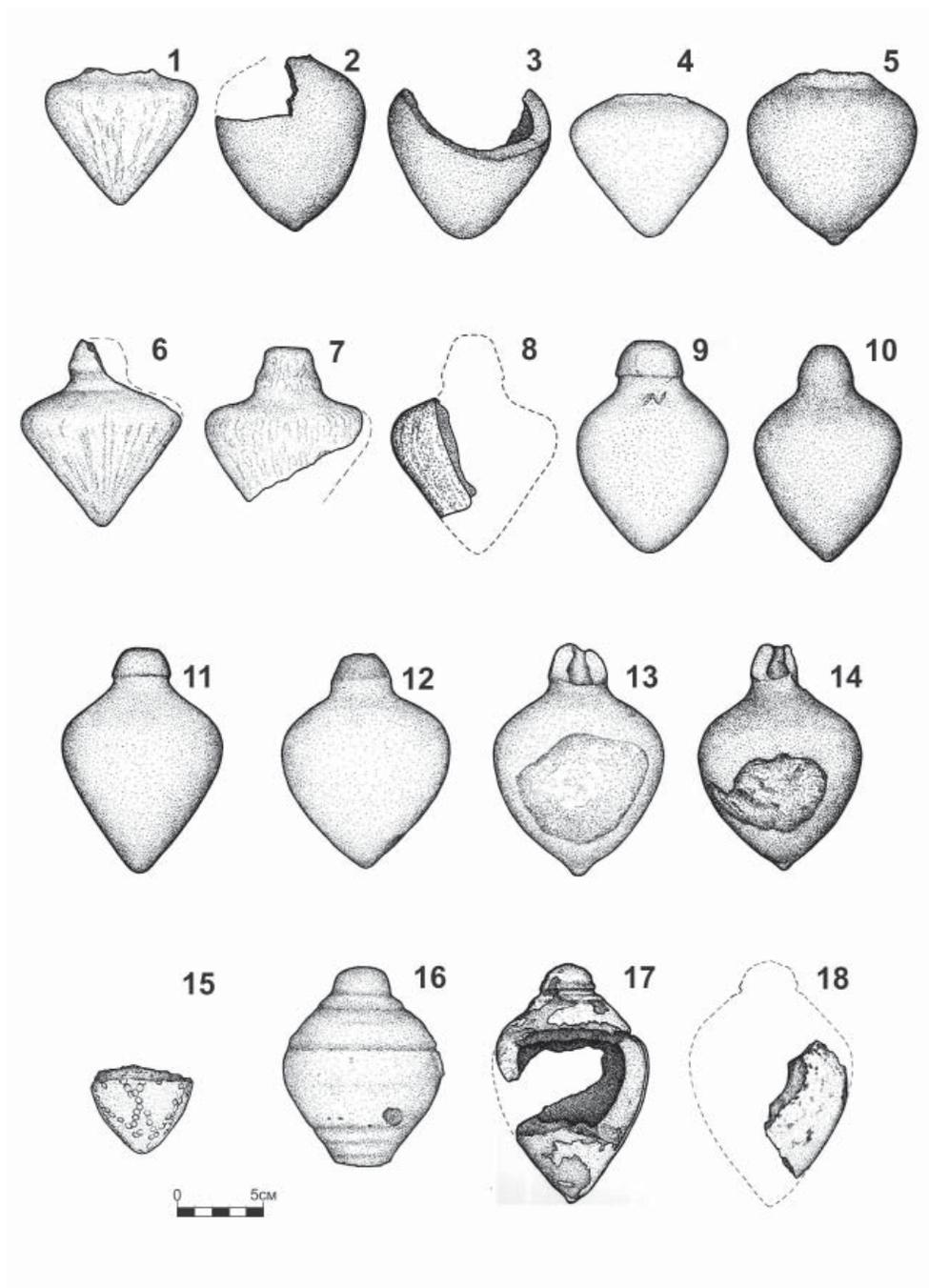

Рис. 3. Сфероконические сосуды раскопа CLXV.

Fig. 3. Sphero-conical vessels from dig CLXV.

IV, шт. 5, гл. -219 см. Для данного экземпляра был выполнен эмиссионный спектральный анализ теста и глазури (таблица 1). Результаты анализа глазури показывают, что была использо-

вана свинцово-кремнеземная рецептура. Однако, чтобы говорить о месте производства данных глазурованных сфероконусов, необходимо расширить выборку.

Таблица 1.

Результаты спектрального эмиссионного анализа сфероконического сосуда³

		№17 (тесто)	№17 (глазурь)
Ag	-4	0,5	8,5
As	-2	0,15	0,3
B	-3	4,8	10
Ba	-2	3,2	2,8
Be	-4	2,8	1,5
Co	-3	1,8	1,2
Cr	-3	8,5	3,8
Ga	-3	1,4	0,9
Li	-3	3,5	4,5
Nb	-3	1,5	0,5
Ni	-3	8,5	5
Sc	-3	1,8	0,5
Sr	-2	3	3,5
V	-3	8,5	6,5
Y	-3	3,5	2,2
Zn	-2	0,80	0,90
Zr	-2	2,5	1,6
Yb	-4	3,80	0,8
CuO		0,012	0,0008
MnO		0,065	0,04
PbO		0,08	7,5
SnO		0	>1
TiO		0,5	0,2
P2O5		0,1	0,2
CaO		3,2	4,5
Fe2O3		4,2	0,3
Al2O3		10	2,5
K2O		1,5	2,2
MgO		1,80	1,80
Na2O		0,5	6

18. Стенки сфероконического желтоглиняного сосуда, фрагмент, покрытый зеленой поливой, без ангоба. Вашему вниманию представлена предположительная реконструкция

формы (рис. 3: 18). По форме сфероконус похож на предыдущие поливные экземпляры. Размеры: Н = 7 см, t1 = 1 см. Место находки: уч. Д/6, шт. 6, гл. -239 см.

³ Анализ выполнен в аналитико-технологическом сертификационном испытательном центре ЦНИИ Геолнеруд г. Казани (аналитики Н.А. Фролова и И.С. Совитова) на спектрографе ДФС-458С по методу трех эталонов.

К сожалению, ограниченная площадь раскопа и невозможность связать данное скопление с каким-нибудь сооружением не позволяют однозначно сформулировать причину концентрации данного вида посуды. Необходимы дальнейшие исследования в этой части городища. Данный комплекс согласуется с находками прошлых лет

– самыми распространенными являются сосуды первой группы. Особо следует отметить хорошо сохранившиеся глазурированные сфероконические сосуды, которые, несомненно, пополняют типологический ряд болгарских сфероконических сосудов. Они требуют специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В.С. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях на участке предполагаемого строительства памятника «Хранительница» (р. CLXV) на территории Булгарского городища в Спасском р-не РТ в 2011 г. – Т. XIV. – Ч. 2. – Казань, 2013. / Научный фонд МАРТ ИА РТ.
2. Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. – 49 с.
3. Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. – Вып. 140. – М.: Наука, 1974. – С. 46–50.
4. Нуретдинова А.Р. Особый тип технической керамики Волжской Булгарии // Новые материалы и методы археологического исследования: тез. докл. науч. конф. молодых ученых. – Москва: ИА РАН, 2011а. – С. 62.
5. Нуретдинова А.Р. Типология сфероконических сосудов Волжской Булгарии // Материалы Междунар. науч. конф. V Халиковские чтения “Урало-Поволжье в древности и средневековье”, посвящ. 80-летию со дня рождения А.Х. Халикова, 27–30 мая 2009. – Казань: Ин-т истории АН РТ, ООО “Фолиант”, 2011б. – С. 150–160.
6. Пигарев Е.М. Сфероконические сосуды из фондов Астраханского краеведческого музея-заповедника // Древности Волго-донских степей: сборник научных статей. – Волгоград: Перемена, 1994. – Вып. 4. – С. 210–215.
7. Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1986. – С. 72–83, 138–141 (ил.).
8. Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976. – С. 64–74.
9. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика города Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 7–102.
10. Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА, 1954. – № 42. – С. 340–368.
11. Шакиров З.Г. Склад сфероконусов с Билярского II селища // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. – С. 172–174.

Информация об авторах:

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель фондов Археологического музея, Казанский федеральный университет (г. Казань, Российская Федерация); alsu.nuretdinova@rambler.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация), старший научный сотрудник БГИАМЗ (г. Болгар, РФ); bav986@yandex.ru

SPHERO-CONICAL VESSELS FROM DIG CLXV AT BOLGAR FORTIFIED SETTLEMENT⁴

A.R. Nuretdinova, A.V. Belyaev

The authors examine a new set of sphero-conical vessels found at Bolgar fortified settlement, which is known to have had local production of this ceramic type in the second half of 13th – 14th centuries. Thus, its territory yielded several kilns that were used to produce, among other types, the sphero-conical vessels. Presently, the archaeologists have found over five thousand sphero-conical vessels at the settlement through all years of research, and thus they were able to produce their detailed classification. However, one question is still unresolved, i.e. the function of such vessels. In this connection, it is necessary to pay more attention to those places on the studied sites, which had biggest concentrations of the sphero-conical vessels. One such concentration was found at dig CLXV in 2011. The paper presents a comparative typology of 18 sphero-conical vessels, complemented by the data on the chemical composition of their core and glazing on one of the three glazed items found at dig CLXV.

Keywords: archaeology, archaeometry, the Volga Bulgaria, the Golden Horde, Bolgar fortified settlement, pottery, sphero-conical vessels.

REFERENCES

1. Baranov, V. S. 2013. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh na uchastke predpolagaemogo stroitel'stva pamiatnika «Khranitel'nitsa» (r. CLXV) na territorii Bulgarskogo gorodishcha v Spasskom r-ne RT v 2011 g. (Report on the Archaeological Rescue Investigations on the Site of Intended Construction of "The Guardian" Monument (section CLXV) on the Bolgar Fortified Settlement Territory, Spassk District, Republic of Tatarstan, in 2011)*. Vol. XIV. Part 2. Scientific Fund of Institute of Archaeology, Republic of Tatarstan. Kazan (in Russian).
2. Dzhanpoladian, R. M. 1982. *Sferokonicheskie sosudy iz Dvina i Ani (Spheroconic Vessels from Dvin and Ani)*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR (in Russian).
3. Mikhal'chenko, S. E. 1974. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology)* 140, 46–50 (in Russian).
4. Nuretdinova, A. R. 2011. In *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia (New Materials and Methods of Archaeological Research)*. Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 62 (in Russian).
5. Nuretdinova, A. R. 2011. In *Uralo-Povolzh'e v drevnosti i srednevekov'e. V Khalikovskie chteniia (Ural and Volga Area in Antiquity and Middle Ages: 5th Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; "Foliant" Publ., 150–160 (in Russian).
6. Pigarev, E. M. 1994. In *Drevnosti Volgo-Don'skikh stepei (Antiquities of Volga-Don Steppes)* 4. Volgograd: "Peremena" Publ., 210–215 (in Russian).
7. Khalikov, A. Kh. 1986. In *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 72–83, 138–141 (il.) (in Russian).
8. Khalikov, A. Kh. 1976. In *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 64–74 (in Russian).
9. Khlebnikova, T. A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 7–102 (in Russian).
10. Khovanskaia, O. S. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (The USSR Archaeology Materials and Research)* 42, 340–368 (in Russian).

⁴The research was funded by the Russian Foundation for Fundamental Research under Project no. 14-06-31184 "Sphero-Conical Vessels of the Volga Bulgaria"

11. Shakirov, Z. G. 2002. In *Problemy drevnei i srednevekovoi istorii Srednego Povolzh'ia: materialy II Khalikovskikh chtenii (Issues of the Ancient and Medieval History of the Middle Volga Region: Proceedings of the II Khalikov Readings)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 172–174 (in Russian).

About the Authors:

Nuretdinova Alsu R., Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Belyaev Aleksandr V., Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation. Bolgar Historical and Architectural Museum-Reserve; bav986@yandex.ru

УДК 902.34: 069.44

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КАЛИГИ ИЗ МАЛОРЯЗАНСКОГО МОГИЛЬНИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕСТАВРАЦИИ И АТРИБУЦИИ

© 2015 г. А.Ф. Кочкина, Т.А. Левыкина

Статья посвящена проблемам реставрации и атрибуции кожаной обуви из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке. Подробно описаны основные этапы реставрации археологических предметов из кожи, приведен обзор структуры кожи, химических процессов, протекающих в ней при археологизации. Особо рассматривается опыт работы с погребальной обувью из Малорязанского могильника.

В мужском погребении №131, совершенном по христианскому обряду, была обнаружена пара кожаных туфель, предварительно атрибутированных как погребальные. находка была передана на реставрацию. По результатам исследования установлено, что данная обувь была изготовлена из кожи КРС. Из-за неполной пластификации кожи в ходе реставрации было решено реконструировать крой предмета без полной реконструкции формы. По сохранившимся швам и срезам воссоздавался предполагаемый изначальный вид выкройки предмета. Реставрированная кожа была наложена на дублировочный материал, соответствующий форме выкройки.

При исследовании изделий не было обнаружено никаких свидетельств использования туфель при жизни владельца, они были изготовлены специально для погребения. Подобные ритуальные туфли могут быть соотнесены с калигами, которые упоминаются в письменных источниках.

Ключевые слова: археология, Самарский регион, Малорязанский могильник, золотоордынский период, археологическая кожа, реставрация кожи, погребальная обувь, реконструкция, атрибуция, калиги.

Находки кожаной обуви в захоронениях эпохи средневековья для Самарского региона являются редкими. По записям в книге музейного учета 1936 г. Куйбышевского музея краеведения известно, что в 1922 г. А.С. Башкировым при раскопках мордовского Барбашинского могильника XIV в. (территория г. Самары) в нескольких погребениях были обнаружены остатки кожаной обуви, но, скорее всего, из-за плохой сохранности впоследствии они были списаны из коллекции. Каких-либо описаний этих находок неизвестно.

В 2010–2011 гг. при исследовании грунтового могильника на территории Малорязанского II селища¹ на

¹ Малорязанское II селище – торговоремесленный поселок с преимущественно русским населением существовал на южной оконечности Самарской Луки на берегу Волги с последней четверти XIII в. до 1360-х годов. Время функционирования Малорязанского могильника на восточной окраине селища соотносится со временем существования поселения (Кочкина, 2012). На могильнике на площади 112 кв. м исследовано 131 погребение с устойчивым погребальным обрядом: рядовое расположение захоронений,

Самарской Луке в трех захоронениях были найдены остатки кожаной обуви – в погребениях 100, 118, 131 (Кочкина, 2012, с. 110). Два первых захоронения принадлежали соответственно подростку и ребенку, а обувь, найденную в них, следует рассматривать как бытовую.

Третье погребение (№ 131), в котором найдены остатки кожаной обуви, принадлежало мужчине 45 лет (определение антрополога д.и.н. А.А. Хохлова). Оно было выявлено на глубине 65 см от поверхности. Могильная яма не прослеживалась, но погребение достаточно четко маркировалось несколькими крупными камнями и фрагментами гробовища (рис. 1: 1). Гробовище имело подпрямоугольную форму, размеры: длина – 185–188 см, ширина – 42–45 см. На глубине 79 см от поверхности был расчищен костяк в вытянутом на спине положении, головой на запад, череп повернут влево. Руки его были присогнуты в локтях, кисти скрещены в области живота, лежали на тазовых костях. Большая берцовая кость правой ноги искривлена, что, по мнению А.А. Хохлова, явилось следствием прижизненного перелома. Погребение безынвентарное, как и другие захоронения на могильнике, оно совершено по христианскому погребальному обряду. На ногах погребенного под тленом гробовища были обнаружены кожаные туфли. Туфли представляли собой сильно истлевшие, ссохшиеся и смятые предметы. Кожа проросла мелкими корешками,

западная ориентировка, без инвентаря, наличие гробовищ. Несмотря на то, что находки предметов христианского культа единичны, погребения, безусловно, совершены по христианским канонам.

туфли пришлось вынуть из погребения с грунтом и фалангами ступней, которые находились внутри них. Первичная механическая расчистка от пылевидного грунта была произведена в кабинетных условиях художником-реставратором СОИКМ им. П.В. Алабина К.В. Перцовым. Несмотря на то, что области головки и задники туфель сильно истлели, прослеживалось, что туфли были изготовлены из цельного куска кожи (рис. 1: 2а, 2б, 3а, 3б). Частично сохранились следы потайного шва, который, судя по всему, располагался по средней линии пятки и средней линии носка (головка). Подошва мягкая, без шва. Исходя из особенностей кроя аналогичных находок в погребениях Московского Кремля и других русских городов (Панова, 2004, с. 153; Осипов, 2006, с. 81–82; Курбатов, 2002), было сделано предположение, что найденная обувь является погребальной, или «покойницкой». Неудовлетворительная сохранность предметов не позволяла делать однозначное заключение об их назначении. Учитывая это обстоятельство, предметы были переданы на реставрацию в мастерскую реставрации кожи и археологического текстиля ВХНРЦ им. акад. И.Э. Грабаря.

Прежде чем начинать работу с предметом из кожи, нужно осознавать специфику этого материала и особенности процессов, которые происходят в нем с течением времени.

Известно, что сырьем для производства кожи является шкура. Дерма — основной слой шкуры — образована сложным переплетением различных волокон: коллагеновых, эластиновых и ретикулиновых. Структурным белком дермы является коллаген, который состоит из 20 аминокис-

лот и имеет сложное многоуровневое упорядочение (Haines, 2006). Одно из важных свойств коллагена – резкое уменьшение размера волокон при нагревании в воде. При медленном нагревании шкуры или кожи достигается температура, при которой образец уменьшается втрое – данный процесс необратим. Такая температура называется температурой сваривания. Для того чтобы кожа стала устойчивой к воздействию влаги и микроорганизмов, ферментов (не поддавалась гниению) ее подвергают дублению. Дубление можно считать главным процессом при производстве кожи и меха. Дубящие вещества (таннины) получили свое название из-за способности дубить невыделанную шкуру животных, превращая ее в прочную кожу (Утехина, в печати; Химия и технология кожи, 1979).

Указанная способность дубильных веществ основана на их взаимодействии с коллагеном. Взаимодействие приводит к образованию устойчивой поперечно связанной структуры кожи, обусловленной возникновением водородных связей между молекулами коллагена и фенольными гидроксильными дубильных веществ. Кожа, полученная в процессе дубления, отличается высокими температурами сваривания. Со временем, при воздействии внешних агрессивных факторов, кожа постепенно утрачивает приобретенные качества, становится сухой и менее пластичной. Коллаген подвергается деструкции и вновь начинает сворачиваться.

Принципиальное значение имеет правильный режим хранения кожи в период сразу после изъятия находки из захоронения и до передачи ее реставратору. Ни в коем случае нельзя

позволять высохнуть коже, обнаруженной во влажных захоронениях. Она моментально теряет влагу, деформируется, и вернуть ей пластичность будет крайне трудно. Только что изъятую из грунта кожу требуется обернуть во влажную ткань (по возможности пропитанную 20% водным раствором ПЭГ400), положить в герметичный полиэтиленовый пакет и хранить при низких температурах.

Кожаные предметы, найденные в сухих захоронениях, очень хрупкие и увлажнять их не следует, т.к. они могут стать липкими. Хранить их следует при относительной влажности 50–60% в герметичных контейнерах при пониженной температуре.

Даже в случае обеспечения необходимых условий временного хранения археологические находки из кожи должны как можно быстрее попасть к реставратору. Инициатором развития реставрации кожи в России стала Н.П. Сеницына, художник-реставратор тканей и кожи высшей категории. В настоящее время она является заведующей мастерской реставрации кожи и археологического текстиля в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря.

Задача пластификации сводится к консервированию коллагеновых волокон и насыщению кожи влагой. Это связано с тем, что кожа со временем теряет эластичность из-за потери влаги и деструкции коллагеновых волокон.

Очистка предметов проводится очень аккуратно мягкими флейцами дистиллированной водой. Если кожа представлена в сухом виде, то ее очищают «на сухую» мягкими флейцами.

В новой коже вода содержится как в связанном виде с коллагеном (гидратационная вода), так и в свободном в

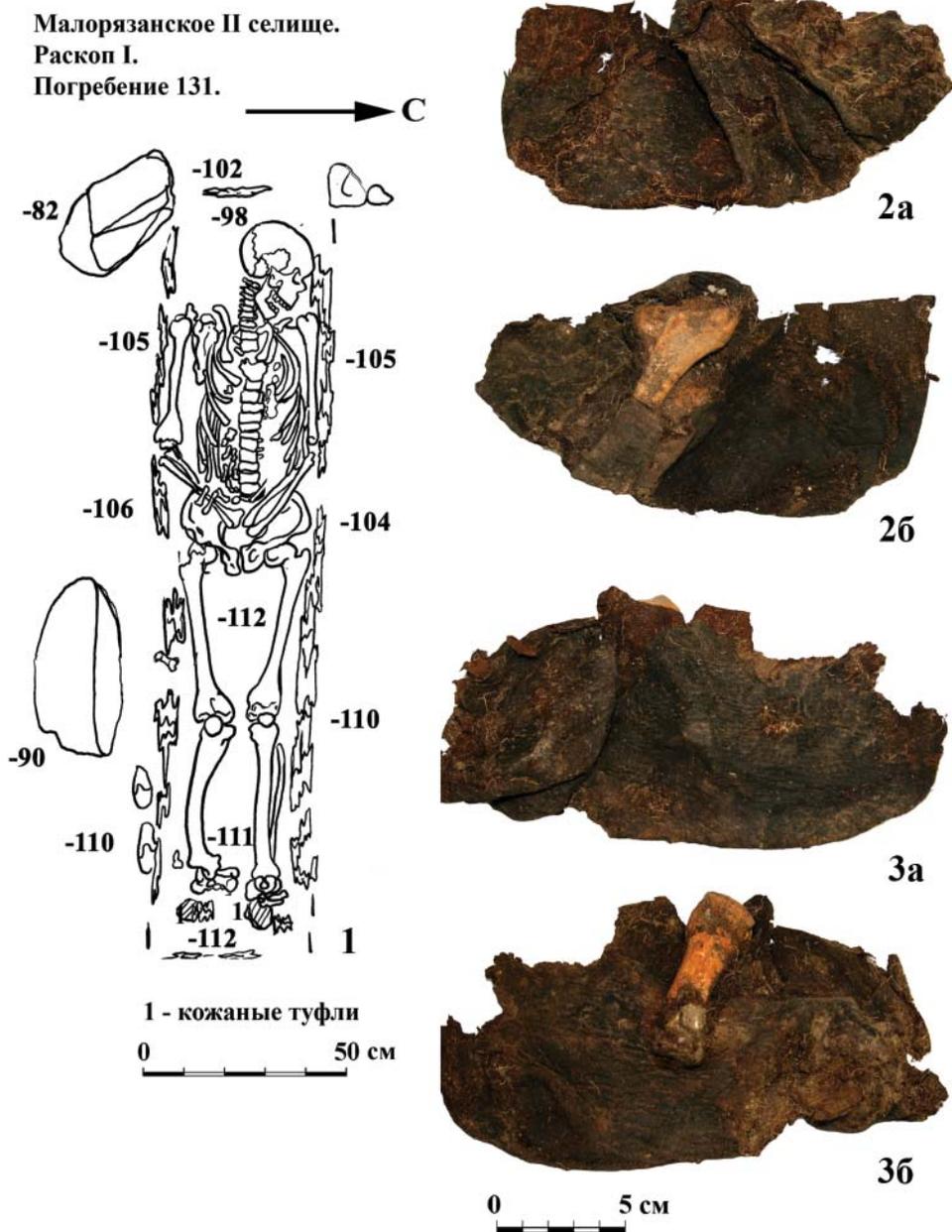

Рис. 1. Находка кожаной обуви в погр. 131 в грунтовом могильнике на Малорязанском II селище: 1 – Погребение 131. План; 2а, 2б – левый туфель (вид с обеих сторон); 3а, 3б – правый туфель (вид с обеих сторон).

Fig. 1. Find of leather footwear from grave 131 from the burial ground at Malaya Rayzan II settlement: 1 – Grave 131. Plan; 2a, 2б – the left shoe (view from both sides); 3a, 3б – the right shoe (view from both sides).

межколлагеновом пространстве. Сначала уходит свободная влага, а затем, уже вследствие разрушения коллагена под действием окружающей среды, теряется и связанная вода.

Кожа нуждается в пропитке определенным составом, поддерживающим ее структуру, чтобы он обеспечивал удерживание влаги и консервацию коллагена.

Для пластификации мы погружаем кожу в водный раствор полиэтиленгликоля разных молекулярных весов или обрабатываем поверхностно аналогичными составами (Утехина, в печати).

Полиэтиленгликоль – высокомолекулярное вещество, очень гидрофильное ввиду своего химического строения, которое может благодаря водородным связям содержать в себе воду в связанном виде, а также удерживать ее между плотно закрученными разветвленными цепями своей молекулы. К тому же это очень пластичный полимер, который, проникая в толщу кожи, заполняет собой свободное межколлагеновое пространство, посредством водородных связей связывается с коллагеном и придает коже первоначальную гибкость (Waterlogged Organic Artefacts, 2012).

После пропитки раствором ПЭГ сушкой при низких температурах удаляются излишки чистой воды. Это происходит благодаря такому физико-химическому процессу как возгонка: вода из твердого состояния, минуя жидкое, переходит в газообразное при низких температурах. Это связано с тем, что при неконтролируемой неравномерной сушке (температура и влажность) кожа может дать усадку, стать жесткой (Утехина, в печати).

После вымораживания кожу необходимо покрыть консервирующей смазкой. Практическим путем удалось установить наиболее эффективный ее состав: криолан – 12 г; ланолин – 7 г; пчелиный воск – 1 г (Синицына, 2005). При том условии, что волокна коллагена сохранились и не были разрушены полностью, кожа после реставрационных процедур становится мягкой, пластичной, «живой». После этого, если все или основные фрагменты сохранились, в большинстве случаев возможна реконструкция предмета.

Кожаные туфли из Малорязанского могильника поступили на реставрацию в сухом виде. Состояние предметов, полученных на реставрацию, следует охарактеризовать как неудовлетворительное.

По результатам исследования поверхности кожи изделий можно предположить, что данная обувь была изготовлена из кожи КРС (рис. 2). Снять дополнительную пробу поперечного среза материала для подтверждения этого вывода не удалось из-за сильного расслоения кожи.

Области головок и задники сильно истлели, руинированы. Частично сохранились следы потайного шва, который, судя по всему, располагался по средней линии пятки и средней линии носка (головка). Подошва мягкая. Обувь была изготовлена из цельного куска кожи. Наблюдались сильные загрязнения, остатки грунта и антропологического материала (рис. 1: 2а, 2б, 3а, 3б). Кожа расслаивалась, была пересушена, поверхность покрыта кракелюром. Между мездрой и верхним слоем кожи наблюдались волокна растительного происхождения (корни

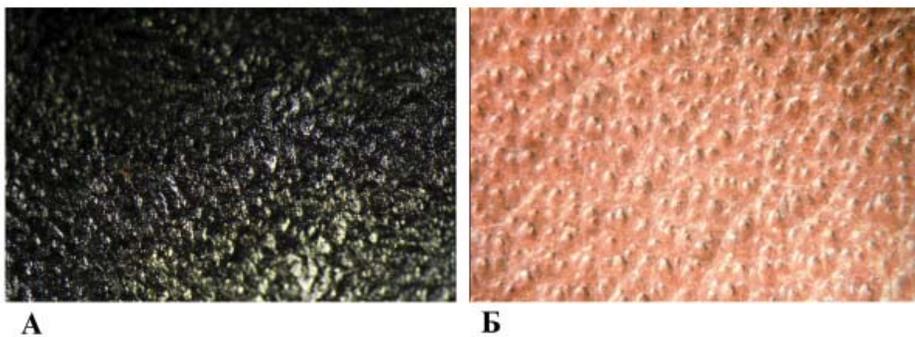

Рис. 2. Образцы поверхности кожаной обуви, исследованные под микроскопом:
А – образец, взятый с поверхности погребальных калиг из погр.131; Б – эталонный
образец кожи КРС.
Fig. 2. Sampled surfaces of leather footwear, studied with the microscope: А – a sample of
the funerary kaliga from grave 131; Б – master sample of cattle hide.

Рис. 3. Фрагменты обуви после пластификации.
Fig. 3. Fragments of shoes after plasticization.

растений). Имелись большие разрывы, утраты.

Перед пластификацией предметы были очищены с помощью мягких флейцев. Извлечь антропологический материал и корни растений не представлялось возможным. По отработанной методике туфли были погружены в раствор ПЭГ (ПЭГ 400 – 40%, раствор Preventhol (Bayer) 5%, дистиллированная вода – 55%) на две недели. От предметов стало отделяться большое количество загрязнений. На поверхности выступили следы кальциевых отложений и отделились остатки антропологического материала. В связи с тем, что раствор покрылся слоем плесени, предметы были извлечены из раствора. Следующим этапом была произведена первая очистка предметов скальпелем, удалены остатки антропологического материала, а также многочисленные фрагменты и волокна растительного происхождения. Корни растений, проникшие между поверхностным слоем кожи и слоем мездры, привели к расслоению материала. После пребывания в растворе кожа стала более пластичной, но при удалении загрязнений и корней растений начала распадаться на фрагменты. Затем раствор был заменен новым, в котором предметы выдерживались еще две недели. В течение этого времени были произведены дополнительные чистки предметов. Плесень на данном этапе реставрации больше не появлялась. Предметы переместили в раствор ПЭГ следующей концентрации: ПЭГ 400 – 30%, ПЭГ 1500 – 10%, дистиллированная вода – 60%. В этом растворе фрагменты находились около трех недель. По истечении этого времени кожа достаточно пластифицировалась, и стало возмож-

ным приступить к дальнейшей работе с предметами. Фрагменты обуви были осторожно просушены между слоями фильтровальной бумаги и помещены в морозильную камеру, где выдерживались неделю при температуре 6–10°C.

После просушки фрагменты были извлечены из морозильной камеры. После проведенных процедур стало заметно, что верхний слой кожи значительно сел по сравнению с мездрой. Некоторые фрагменты кожи полностью пластифицировать не удалось (рис. 3).

Консервация кожаных фрагментов производилась смазкой с криоланом. Кожа обрабатывалась смазкой в несколько циклов, пока не перестала ее впитывать. Излишки смазки были удалены ватными тампонами.

Даже после обработки смазкой кожа снова начала терять пластичность. Истлевшие фрагменты очень быстро теряли влагу. Была предпринята попытка поместить предметы в увлажняющую камеру на двое суток. После пребывания в камере кожа вновь увлажнилась и стала пластичной, но на поверхности предметов снова выступила плесень.

Грибок был удален с поверхности кожи спиртовыми тампонами и скальпелем, после чего вся поверхность кожи с двух сторон была обработана 10% спиртовым раствором Preventhol (Bayer). После очистки кожа была обработана смазкой с добавлением 5% Preventhol (Bayer) в несколько циклов.

Было решено больше не предпринимать дополнительные попытки увлажнения предметов, а законсервировать и стабилизировать их в данном состоянии сохранности.

Для начала фрагменты собирались вместе и соединялись между собой. Кусочки верхнего слоя монтировались на слой мездры. Данный процесс осложнялся тем, что мездра, напитавшись влагой, увеличилась в размерах, местами вытянулась, но коллаген в верхних слоях кожи подвергся большей деструкции и не смог вернуться в прежнее состояние. Фрагменты укреплялись с помощью клея Lascaux 360HV. После этого фрагменты помещались под прессы (мешочки с песком) на двое суток до полной стабилизации клея (рис. 4). Для дублирования предметов была подобрана тонкая телячья кожа. Кожаные фрагменты укреплялись на дублировочный материал также с помощью клея Lascaux 360HV. Дублирование производилось постепенно. После каждого этапа дублирования фрагменты помещались под прессы. Когда фрагменты удалось полностью укрепить на дублировочный материал, все они находились под прессами до полной стабилизации клея (рис. 5).

Из-за неполной пластификации кожи (истлевшие фрагменты оставались очень ломкими при физическом воздействии) было решено реконструировать крой предмета без полной реконструкции формы.

Для построения выкройки потребовалось выполнить прорисовки предметов на кальке (рис. 6: 1, 2). После чего прорисовки были наложены одна на другую (рис. 6: 3). По сохранившимся швам и срезам воссоздавался предполагаемый изначальный вид выкройки предмета (рис. 6: 4). Дублировочный материал обрезался по форме предполагаемой выкройки. После завершения работ был изготов-

лен специальный планшет для хранения предметов (рис. 7).

Несмотря на все предпринятые процедуры, кожа предметов не приобрела прежнюю пластичность. Но состояние предметов удалось стабилизировать и законсервировать, насколько это представлялось возможным. Кожа перестала быть ломкой, верхний слой кожи прекратил разрушаться и осыпаться, были удалены все загрязнения. Из-за общего состояния кожи предмета и возможности повторного проявления грибка при хранении в будущем очень важно соблюдать температурно-влажностный режим в хранилище.

Проведенные реставрационные работы позволили более тщательно исследовать особенности кроя и функциональное назначение обуви из погребения 131 Малорязанского могильника. На данных предметах обуви не было обнаружено никаких свидетельств их использования при жизни владельца. Крой и материал, из которого выполнена обувь, нельзя назвать практичными. После реставрации с большей долей вероятности можно предположить, что эта обувь являлась ритуальной и была создана специально для погребения. Погребальная обувь схожей конфигурации встречалась в более поздних погребениях, чем захоронение из Малорязанского могильника, из раскопок некрополей Московского Кремля, Успенского собора Московского Кремля, Вознесенского монастыря XV–XVI вв., а также Чудова монастыря XIV в., Твери и др. (Панова, 2004, с. 153, ил. 51; Осипов, 2006, с. 80–84; Курбатов, 2002, рис. 18).

Д.О. Осипов считает возможным соотносить подобные ритуальные туфли с калигами, которые упоми-

Рис. 4. Фрагменты обуви после укрепления отслоившейся мездры и мелких фрагментов.

Fig. 4. Fragments of shoes after reinforcement of the flaking flesh and little fragments.

Рис. 5. Фрагменты обуви, укрепленные на дублировочную кожу. Общий вид.
Fig. 5. Fragments of footwear superimposed on the duplicating leather. General view.

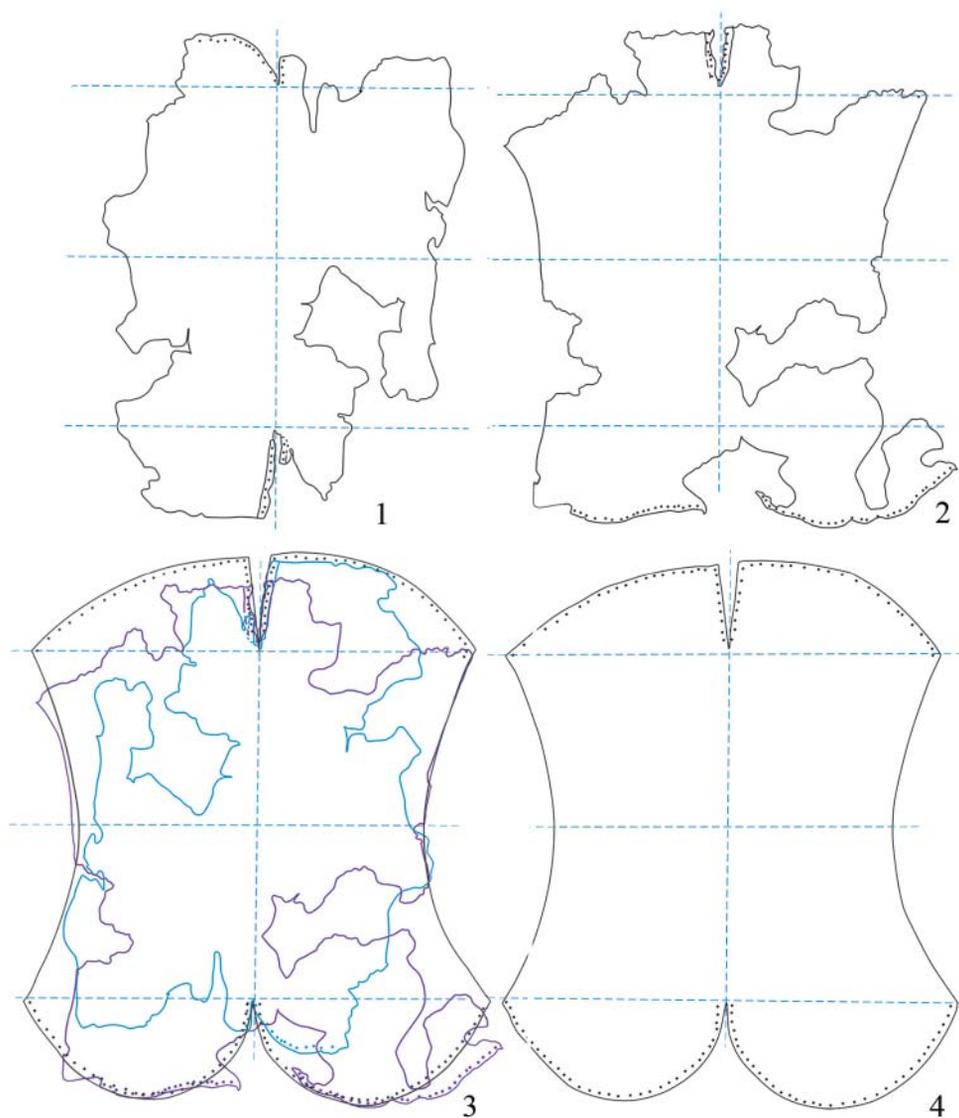

Рис. 6. Построение выкройки погребальных калиг: 1-2 – прорисовка сохранившихся фрагментов кожаной обуви; 3 – совмещение прорисовок для определения выкройки предметов; 4 – предполагаемая выкройка погребальных калиг.

Fig. 6. Designing the cut of the funerary kaliga: 1-2 – the drawing of the preserved fragments of the leather footwear; 3 – alignment of the drawings to determine the cut; 4 – supposed cut of the funerary kaliga.

Рис. 7. Общий вид предметов после реставрации в экспозиционном планшете.
Fig. 7. General view of the footwear after restoration, on the display table.

наются в письменных источниках. Первоначально подобная обувь использовалась странствующими монахами, а также теми, кто принимал монашеский сан перед чином пострига. С XVI в. калиги упоминались как погребальная монашеская обувь (Осипов, 2007, с. 99).

Эти сведения представляют определенный интерес в связи с атрибуцией находки из погребения 131 Малорязанского могильника. Особенность исследованной части этого могильника заключается в том, что все взрослые погребения (44% от числа выявленных захоронений) принадлежат мужчинам.

Было высказано даже предположение, что на территории Малорязанского II селища располагался мужской монастырь. Дополнительным фактом в пользу этого мнения послужили находки на могильнике предметов личного благочестия. Две створки бронзовых энколпионов были связаны с погр. 11, занимавшим нижний стратиграфический ярус захоронений, так же, как и рассматриваемое погребение 131 (Кочкина, 2012, с. 110–111). Начальная дата функционирования могильника вполне может быть соотнесена с созданием поселения в последней четверти XIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочкина А.Ф. Малорязанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур

(конец XIII–XIV в.). Материалы науч.-практич. конф. – Самара: Офорт, 2012. – С. 107–128.

2. *Курбатов А.В.* Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. – № 9. – СПб.: ИИМК РАН, Изд-во Дмитрий Буланин, 2002. – С. 155–172.

3. *Осипов Д.О.* Обувь, которую не носили // Наука и жизнь. – 2007. – № 8. – С. 96–99.

4. *Осипов Д.О.* Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. – Т. 7. – М.: ИА РАН, 2006. – 202 с., ил.

5. *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. – М.: Радуница, 2004. – 184 с., ил.

6. *Синицына Н.П.* Некоторые проблемы реставрации археологической кожи. // VI Грабаревские чтения: Междунар. науч. конф., 16–17 октября 2003 г. Доклады, сообщения. – М.: Сканрус, 2005. – С. 118–128.

7. *Утехина А.Ю.* Предреставрационные исследования и реставрация кожи // Грабаревские чтения VIII.: Междунар. науч. конф., 9–10 октября 2013 г. – М. (В печати).

8. Химия и технология кожи и меха. – М.: Легкая индустрия, 1979. – 503 с.

9. *Haines B.M.* Collagen: the leathermaking protein. In: *M. Kite, R. Thomson (Eds.), Conservation of Leather and Related Materials*, Butterworth Heinemann-Elsevier. Oxford, 2006. P. 4–10.

10. Waterlogged Organic Artefacts. Guidelines on their Recovery, Analysis and Conservation. Swindon: English Heritage, 2012, 34 p.

Информация об авторах:

Кочкина Анна Федоровна, заведующий отделом археологии, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, (г. Самара, Российская Федерация); archoe@list.ru

Левыкина Татьяна Алексеевна, художник-реставратор, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря (г. Москва, Российская Федерация); tanya.levykina@gmail.com

FUNERARY KALIGA FROM MALAYA RYAZAN BURIAL GROUND OF THE GOLDEN HORDE TIME ON THE SAMARSKAYA LUKA: PROBLEMS OF RESTORATION AND ATTRIBUTION

A.F. Kochkina, T.A. Levykina

The article investigates the problems of restoration and attribution of leather footwear from the Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka. It contains a detailed description of the main stages in restoration of archaeological leather items, overview of leather structure, chemical processes it is exposed to during archaeologization. The authors focus on study of funerary footwear from Malaya Ryazan burial ground.

Male grave no. 131, by Christian rite, contained a pair of leather shoes, which was preliminarily attributed as funerary footwear. The find was then subjected to restoration. The study showed that the shoes were made of cattle hide. Due to incomplete plasticization of the leather, the restorers decided to reconstruct the cut without completely reconstructing its form. The remaining seams and sections helped recreate what was supposed to be the original cut of the shoes. The restored leather was superimposed on the duplicating material corresponding to the shape of the pattern.

The study of footwear has not given any evidence of intravital usage, i.e. the shoes were made especially for the funeral. Similar ritual footwear can be correlated with the *kaliga* mentioned in written sources.

Keywords: archaeology, Samara region, Malya Ryazan burial ground, Golden Horde time, archaeological leather, restoration of leather, funerary footwear, reconstruction, attribution, kaliga.

REFERENCES

1. Kochkina, A. F. 2012. In *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoï Rossiiskoi istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII—XVI v.) (Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: at the Crossroads of Cultures (late 13th – 16th Centuries))*. Samara: "Ofort" Publ., 107–128 (in Russian).
2. Kurbatov, A. V. 2002. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological Bulletin)* (9), 155–172 (in Russian).
3. Osipov, D. O. 2007. In *Nauka i zhizh' (Science and Life)* (8), 96–99 (in Russian).
4. Osipov, D. O. 2006. In *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniï (Materials of the Rescue Investigations)* 7. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Panova, T. D. 2004. *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyi obriad srednevekovoï Rusi XI–XVI vekov (The Kingdom of Death. Funerary Rite of Medieval Rus' in 11th – 16th Centuries)*. Moscow: "Radunitsa" Publ. (in Russian).
6. Sinitsyna, N. P. 2005. In *VI Grabarevskie chteniia (The 6th Grabar' Readings)* Moscow: "Skanrus" Publ., 118–128 (in Russian).
7. Utekhina, A. Yu. (in print). Predrestavratsionnye issledovaniia i restavratsiia kozhi. In *Grabarevskie chteniia (Grabar' Readings)* VIII. Moscow (in Russian).
8. *Khimiia i tekhnologiia kozhi i mekha (Chemistry and Technology of Leather and Fur)*. 1979. Moscow: "Legkaia industriia" Publ. (in Russian).
9. Haines, B. M. 2006. Collagen: the leathermaking protein. In Kite, M., Thomson, R. (eds.), *Conservation of Leather and Related Materials*, Butterworth Heinemann-Elsevier. Oxford, 4–10.
10. *Waterlogged Organic Artefacts. Guidelines on their Recovery, Analysis and Conservation*. 2012. Swindon: English Heritage.

About the Authors:

Kochkina Anna F., Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin. Leninskaya St., 142, Samara, 443041, Samara Region, Russian Federation; archo@list.ru

Levykina Tatyana A., Igor E. Grabar All-Russian Fine Art Research and Restoration Center. Radio St., 17, ap. 6, 105005, Moscow, Russian Federation; tanya.levykina@gmail.com

Хроника

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ Е.А. ХАЛИКОВОЙ В АРХЕОЛОГИИ ВОЛГО-КАМЬЯ (к 85-летию со дня рождения)

©2015 г. С.И. Валиулина, А.Ф. Кочкина, Ф.Ш. Хузин

Статья посвящена 85-летию со дня рождения Елены Александровны Халиковой – крупного специалиста в области средневековой археологии Волго-Уральского региона. Е.А. Халикова известна, в первую очередь, изучением языческих и мусульманских некрополей волжских булгар, на основе которого ею был прослежен процесс исламизации населения домонгольской Волжской Булгарии. Вторым важнейшим направлением исследованием Е.А. Халиковой стало изучение уникального Больше-Тиганского могильника ранних венгров в Нижнем Прикамье.

В этом году исполнилось бы 85 лет Елене Александровне Халиковой (1930–1977) – археологу с мировой известностью, труды которой, посвященные в основном средневековой археологии и истории Восточной Европы, конкретнее, проблемам язычества, распространения ислама среди волжских булгар и археологии древних венгров, составляют гордость казанской школы археологии.

Е.А. Халикова (Безухова, в девичестве Козьмина) после окончания в 1953 г. исторического факультета Горьковского государственного университета работала научным сотрудником Областного краеведческого музея. В 1960 г. переехала в Казань, стала не только женой, но и соратником А.Х. Халикова – была и справедливым критиком, и горячим сторонником многих его идей. В 1960–1968 гг. Елена Александровна работала в Государственном музее Татарской АССР.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов Е.А. Халикова читала курс архе-

ологии на историко-филологическом факультете Казанского государственного педагогического института, на вечерном и заочном отделениях историко-филологического факультета Казанского государственного университета, работала заведующей археологическим кабинетом университета. Студенты под ее руководством проходили археологическую практику, писали научные доклады, дипломные сочинения. Мы считаем, что в нашем выборе жизненного пути, становлении как профессиональных археологов Елена Александровна, наряду с А.Х. Халиковым, сыграла большую и определяющую роль.

Археологический кружок КГУ в 1970-е гг., которым Елена Александровна руководила вместе с Альфредом Хасановичем, был больше чем кружок. Это была особая жизнь. Вспоминая атмосферу кружка, хочется подчеркнуть демократичный характер отношений между руководителями и кружковцами. Вероятно,

суть самой науки археологии способствовала этому. Ведь руководители и студенты работали вместе на раскопе, жили в полевых условиях, иногда приходилось делить одну палатку (как было, например, осенью 1974 г. в Больших Тиганах). Это не исключало строгость и требовательность Елены Александровны, которые нам, тогда еще студентам, казались чрезмерными. С высоты уже собственного жизненного опыта понимаешь, что она хотела воспитать в студентах осознание того, насколько важны в археологии скрупулезность в полевых исследованиях и взвешенный анализ источника для последующей интерпретации. Она была принципиальной и требовательной не только к студентам, коллегам, но прежде всего к себе.

Своим примером Елена Александровна как-то естественно привила потребность постоянной работы с источником. Уже со второго курса отправляла нас по темам курсовых и дипломных работ в фонды не только казанских музеев, но и музеев других городов, воспитывая самостоятельность и ответственность. Приезжая в ГИМ, в Горьковский музей или в Институт археологии АН СССР было очень приятно чувствовать дружеское и уважительное отношение к своему руководителю, Елене Александровне, со стороны коллег: М.В. Фехнер, И.К. Цветковой, Н.В. Трубниковой, В.Ф. Черникова, Р.Л. Розенфельдта.

За месяц до своей смерти, уже не вставая с постели, Елена Александровна тщательно вычитывала и обсуждала работы своих первых дипломников.

Наше первое знакомство с археологией в полевых условиях произошло в Биляре, где мы участвовали в рас-

копках одного из крупнейших мусульманских некрополей домонгольских булгар – Билярского I могильника, некрополя знати близ Соборной мечети, других интересных объектов, исследованных Е.А. Халиковой. С гордостью рассказываем мы сегодня своим молодым коллегам, студентам об участии в раскопках в 1974–1976 гг. уникального Больше-Тиганского могильника IX – начала X вв., оставленного ранними венграми на пути их передвижения на запад. Симптоматично, что и мусульманские погребальные памятники, и памятники, связанные с раннесредневековыми мадьярами, стали впоследствии основными объектами исследований Е.А. Халиковой, двумя направлениями в ее научном творчестве, снискавшими ей мировую известность.

Первая крупная публикация Е.А. Халиковой, осуществленная совместно с А.Х. Халиковым в период ее работы в Горьковском областном краеведческом музее (1953–1960 гг.), была посвящена результатам раскопок Чортова городища первой половины I тыс. н.э. и Веселовского могильника – одного из опорных памятников археологии раннесредневековых марийцев (Халиков, Безухова, 1960). Богатый материал погребений позволил исследователям реконструировать малоизученные в науке этнические процессы, вопросы взаимоотношения марийского населения с уграми и тюркоязычными кочевниками в IX–XI вв. Женский костюм, восстановленный на основе материалов одного из погребений, долгое время украшал экспозицию Нижегородского (Горьковского) историко-архитектурного музея-заповедника.

Другая совместная с А.Х. Халиковым статья была посвящена Васильсурскому поселению эпохи бронзы, раскопанному в 1958–1959 гг. археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР, Горьковского государственного университета и Марийского научно-исследовательского института (Халиков, Халикова, 1963, с. 239–268). Анализ материалов из четвертого (древнейшего) культурного слоя дал основание исследователям отнести памятник к атли-касинскому этапу балановской культуры (XV–XIV вв. до н.э.) и охарактеризовать его как одно из самых ранних укрепленных поселений эпохи бронзы Среднего Поволжья (Халиков, Халикова, 1963, с. 246). Среди сооружений третьего слоя наиболее интересными оказались остатки наземных (срубных) жилищ с неглубокими котлованами. Примечательно, что графическая реконструкция одного из них (Халиков, Халикова, 1963, с. 248, рис. 8) до сих пор охотно используется в качестве иллюстрации в обобщающих работах по археологии бронзового века, школьных и вузовских учебниках по истории. Богатый керамический материал, происходящий из третьего слоя, отложенного в XIV–XII вв. до н.э., содержал балановские сосуды ош-пандинского типа и сосуды чирковско-сейминской культуры. Были обнаружены также изделия из камня, кости, глины и бронзы. Весь этот материал позволил авторам дать более точную характеристику культуры чирковско-сейминских племен, изучение которой в то время только начиналось.

К проблемам эпохи поздней бронзы, связанным в этот раз уже с финалом приказанской культуры, Е.А. Ха-

ликова еще раз обратилась в докладе на IV Уральском археологическом совещании, состоявшемся в 1964 г. в Перми. На основании материалов Полянского II могильника она поддержала точку зрения А.Х. Халикова о генетической связи приказанской и ананьинской культур, предложив дату для вещевого комплекса некрополя в пределах IX – первой половины VIII вв. до н.э. (Халикова, 1967, с. 116–132). А.Х. Халиков датировал маклашеевский этап приказанской культуры, куда относится и Полянский II могильник, X–IX вв. до н.э. (Халиков, 1969, с. 289), современные исследователи – XI – первой половины IX вв. до н.э. (Чижевский, 2001, с. 34). Таким образом, предложенная Е.А. Халиковой дата оказалась несколько завышенной, однако материалы опубликованного ею памятника до сих пор активно привлекаются при исследованиях переходного периода от поздней бронзы к раннему железу.

С начала 1960-х годов Е.А. Халикова, будучи уже научным сотрудником Государственного музея ТАССР, начала активно заниматься средневековыми древностями республики. Летом 1961 г. разведочный отряд Госмузея совместно с Казанским филиалом АН СССР принял участие в обследовании левого берега Куйбышевского водохранилища от бывшей д. Маклашеевка до д. Урняк в пределах современного Спасского района РТ. У с. Полянки отряд обнаружил двуслойное поселение с материалами срубной и именьковской культур; у д. Маклашеевка – курганный могильник эпохи бронзы и городище именьковского времени. Кроме того, был обследован ряд памятников, известных уже по более ранним работам археологов.

Одним из интереснейших объектов оказался уникальный Балымерский могильник с более чем двумя десятками курганов разных эпох – в том числе болгарского и золотоордынского времени. Четыре кургана были раскопаны Е.А. Халиковой (1965, с. 110–116). В могильных ямах выткнуто на спине лежали погребенные, ориентированные головой на север с небольшим отклонением к востоку. На дне ям отмечены подсыпка древесного угля, под насыпью на древнем горизонте – следы костров в виде пятна прокала и угля, а рядом с погребениями – лошадиные черепа. В состав погребального инвентаря входили металлические зеркала, ножницы, ножи и кресала, наконечники стрел и другие находки, характерные для кочевнических погребений XII–XIV вв. (Халикова, 1965, рис. 41, 42, с. 114–116). По мнению исследовательницы, изученная группа Балымерских курганов свидетельствовала «о проникновении на территорию Болгарского государства кочевого населения из южных степей». Заметим, что памятники типа Балымерских курганов на территории Татарстана встречаются редко, и материалы Е.А. Халиковой, полученные в ходе раскопок одного из таких памятников, представляют чрезвычайный интерес для изучения проблем этногенеза и этнической истории средневековых татар.

В 1960-х годах Елена Александровна вплотную приступила к изучению языческих и мусульманских некрополей волжских болгар. Особо результативными оказались многолетние исследования крупнейшего в Восточной Европе Танкеевского и Тетюшского могильников, осуществленные совместно с Е.П. Казаковым

(Халикова, 1971; Казаков, Халикова, 1981). На материалах погребального обряда ранних болгар VIII–IX вв. Е.А. Халикова наглядно показала сложный этнический состав населения формирующегося Болгарского государства (Халикова, 1971a). Особый интерес у исследователей, в том числе и зарубежных, вызвал угорский, конкретнее, древневенгерский компонент в погребальной обрядности танкеевского населения (Халикова, 1972; Khalikova, 1972; 1973; 1975), отмеченный также Е.П. Казаковым (1972), что послужило причиной публикации материалов этого некрополя в Венгрии на французском языке (Khalikova, Kazakov, 1977). Угорский компонент Елена Александровна считала общим в этногенезе родственных башкирского и татарского народов (Халикова, 1971b).

Одновременно Е.А. Халикова изучала раннемусульманские могильники как городские (Халикова, 1976a; 1979), так и сельские (Измерское/Девичий городок, Рождественское III, Старо-Куйбышевское I и др.; см.: Халикова, 1976b), расположенные в закамской и предкамской частях территории Волжской Булгарии. Основным источником послужили билярские некрополи – I–IV могильники, исследованные во внутреннем и внешнем городе. В итоге в распоряжении Е.А. Халиковой оказался репрезентативный материал, позволяющий проследить процесс исламизации населения домонгольской Булгарии в широком хронологическом диапазоне на основе динамики изменений в погребальной обрядности. Новые археологические материалы, тщательно проанализированные с привлечением данных письменных и этнографических источников, составили основу ее

кандидатской диссертации (Халикова, 1976в), опубликованной десять лет спустя в виде монографии (Халикова, 1986). Исследовательница отмечала реминисценции язычества раннемусульманских некрополей X–XI вв. По ее мнению, лишь к XII – началу XIII вв. «идеология и обряды ислама глубоко укоренились у основного населения страны, охватив разные социальные слои болгарского общества», что доказывается установлением унифицированной, единообразной, «ортодоксальной» погребальной обрядности, соответствующей канонам ислама – «строгое соблюдение кыблы, однообразное положение корпуса и рук погребенных, полное отсутствие сопровождающего инвентаря и т.п.» (Халикова, 1986, с. 151). Данное заключение в принципе остается верным и сегодня, хотя абсолютизировать его нельзя, ибо в восточной периферии Болгарии недавно были изучены погребения, содержащие в погребальном обряде значительные элементы язычества даже в период Золотой Орды (см.: Бугров, Капленко, Ситдииков, 2010).

Этапы утверждения мусульманства и, как следствие, формирование городской исламской культуры в Волжской Болгарии в последнее время находят все новые подтверждения. Одной из выразительных иллюстраций начального этапа этих процессов является стекло болгарских городов (Valiulina. 2015).

Работая над диссертацией, Елена Александровна исследовала огромный массив данных о погребальном обряде могильников раннеболгарского периода, что сопровождалось составлением вручную многочисленных статистических таблиц. 70-е годы XX в. – период

растущего интереса в советской археологии к применению методов математической статистики в исследовательской работе. Именно Е.А. Халикова была первой из казанских археологов, кто на практике использовал результаты компьютерной обработки большого массива данных, именно она стояла у истоков плодотворного сотрудничества археологов и математиков Казанского университета.

В связи с обсуждающейся в последние годы проблемой соотношения язычества и ислама в культуре Волжской Болгарии домонгольского периода (Хузин, Хамидуллин, 2013), большой интерес представляет статья Е.А. Халиковой, посвященная определению этнической принадлежности могильника «Бабий бугор» на Болгарском городище. В разные периоды изучения Болгара, начиная с середины XIX в., здесь вскрыто более 400 погребений домонгольского и золотоордынского времени, погребальный обряд которых определялся А.М. Ефимовой как мусульманский, но с яркими пережитками древнейших языческих ритуалов местных финно-угорских племен и приазовских болгар (Ефимова, 1960, с. 192; 1974, с. 28–29). Елена Александровна не соглашалась с точкой зрения А.М. Ефимовой и считала могильник на Бабьем бугре христианским, оставленным пришлыми Северного Кавказа и Подонья аланами и славянами (1978а). В данном случае, скорее всего, прав И.Р. Газимзянов, который относит погребенных на Бабьем бугре к пришлым этническим группам, стоявшим на начальной стадии мусульманизации и вошедшим впоследствии в состав волжско-болгарской народности (Газимзянов, 2001, с. 136).

Е.А. Халикова очень много и весьма плодотворно занималась проблемами ранних венгров, занимавших в VII–IX вв. обширные лесостепные территории между Волгой и Уралом. Активизации исследований в этом направлении способствовало открытие в 1974 г. широко известного сейчас в российской и зарубежной археологии Больше-Тиганского могильника в Алексеевском районе РТ, в 20 км к северу от Биляра (Халикова, 1976г; 1976д).

Раскопки памятника и их первые результаты вызвали настоящую сенсацию в науке, неподдельный интерес у венгерских ученых, долгие годы безуспешно искавших свою древнюю родину *Magna Hungaria* в просторах Восточной Европы и Сибири. Уже в следующем году, сразу после предварительного обобщения результатов раскопок первого сезона (тогда было вскрыто 33 погребения), Елена Александровна выступила на IV Международном конгрессе финно-угроведов в Будапеште с докладом, положившим конец старым дискуссиям. *Magna Hungaria* была найдена (Халикова, 1975). Крупнейший венгерский археолог, профессор Иштван Фодор писал: «Сегодня уже среди специалистов нет сомнения в том, что Больше-Тиганский могильник, как это было установлено Е.А. Халиковой, является памятником древних венгров, живших еще на востоке, в Приуралье. Это мнение подтверждено исследованиями последних 30 лет. Он стал эталоном древневенгерских памятников к востоку от Карпат» (Фодор, 2009, с. 20).

Елена Александровна ошибалась лишь в одном – она полагала, что большетиганцы, как и все остальные группировки венгров, во второй поло-

вине IX в. покинули Волго-Уральский регион и ушли в Карпатскую котловину, где они в 895 г. создали свое государство – Венгерское королевство. Теперь же большинство исследователей придерживается мнения, высказанного еще в 1980 г. Иштваном Фодором, согласно которому «тиганское население принадлежало той группе древних венгров, которая после ухода на запад – юго-запад основной массы венгерского населения осталась в Прикамье» (Фодор, 1980, с. 228–232). Кстати, это предположение подтвердилось находкой арабского дирхема X в. в одном из погребений Больших Тиган, раскопанных А.Х. Халиковым в начале 1980-х годов (Халиков, 1984а, с. 122–133; 1984б, с. 45–47). Значит, венгры продолжали хоронить на этом кладбище своих соплеменников и позднее, до X в. включительно. «Именно их потомков нашел доминиканец Юлиан в 1235 году недалеко от болгарской столицы Великого города, разговаривал с ними на венгерском языке и назвал их родину *Magna Hungaria*» (Фодор, 2009, с. 20).

Добротная публикация материалов Больше-Тиганского могильника в Трудах Венгерского национального музея (Chalikova, Chalikov, 1981) предоставила ученым широкую возможность дальнейшего изучения истоков венгерской культуры, их контактов с волжскими булгарами в течение довольно продолжительного времени, материалы памятника полнее объясняют наличие тюркских следов в языке и культуре современных венгров (Халикова, 1976е; 1981). Научное значение книги так велико, что, по мнению редактора Иштвана Фодора, «ее место уже увековечено в венгерской археологии» (Фодор, 2012, с. 8).

Слишком рано ушла Е.А. Халикова в мир иной – вечность. Два десятилетия из своей короткой жизни она посвятила археологии и за это короткое время многое успела сделать. Самые яркие страницы ее научного творчества связаны с исследованием Больше-Тиганского могильника, а ее имя занимает прочное место в науке в качестве первооткрывателя культуры протовенгров Волго-Урала. Часто

вспоминаем мы ее, особенно в последние годы, в связи с все возрастающим интересом ученых к проблемам раннего ислама в Поволжье. Труды Елены Александровны Халиковой, востребованные молодым поколением археологов, и сегодня служат науке. Не случайно и спустя много лет после ухода ее светлой памяти посвящают книги (Laszlo, 1993).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдииков А.Г. К вопросу о времени начала мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. – 2010. – № 4. – С. 19–25.
2. Газимзянов И.Р. Еще раз о могильнике «Бабий бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 132–137.
3. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // МИА. – № 80. – М.: Наука, 1960. – С. 169–194.
4. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С.24–29.
5. Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. – С. 21–35.
6. Фодор И. К вопросу об этнической интерпретации Большетиганского могильника // Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. – Budapest, 1980. – С. 228–232.
7. Фодор И. Халиковы и венгерская археология // Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. – С. 18–23.
8. Фодор И. Булгар, Танкеевка, Казань, Сегед, Будапешт (встречи с Еленой Александровной Халиковой) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета. – Казань: ЯЗ, 2012. – С. 5–9.
9. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 395 с.
10. Халиков А.Х. Новые исследования Больше-Тиганского могильника. (О судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. – Кемерово: Кемеровск. гос. ун-т, 1984а. – С. 122–133.
11. Халиков А.Х. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. н.э. // Interaktionen der mitteleuropäischen und anderen Ethnika im 6–10 Jahrhundert. – Nitra, 1984б. – С. 45–47.
12. Халиков А.Х., Безухова Е.А. Материалы к древней истории Поветлужья. (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). – Горький: Гос. историко-архитект. музей-заповедник, 1960. – 59 с., илл.
13. А.Х. Халиков, Е.А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. – № 110. – М.: Наука, 1963. – С. 239–268.
14. Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // КСИА. – Вып. 104. – М.: Наука, 1965. – С. 110–116.
15. Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – Вып. 148. – Пермь, 1967. – С. 116–132.

16. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника. (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1971а. – С. 64–93.
17. Халикова Е.А. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII–X вв. (по материалам погребального обряда могильников) // Археология и этнография Башкирии. – Т. IV. – Уфа, 1971б. – С. 117–121.
18. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. Сборник статей советских и венгерских археологов. – М.: Наука, 1972. – С. 145–160.
19. Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории. – 1975. – № 7. – С. 37–42.
20. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. – М.: Наука, 1976а. – С. 113–168.
21. Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976б. – С. 39–59.
22. Халикова Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1976в. – 18 с.
23. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. – 1976г. – № 2. – С. 158–178.
24. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976д. – № 3. – С. 141–156.
25. Халикова Е.А. Зауральские истоки культуры протовенгров // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. (Препринты докладов и сообщений) – Уфа, 1976е. – С. 52–53.
26. Халикова Е.А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978а. – С. 205–211.
27. Халикова Е.А. Еще раз о проблеме происхождения венгров. (В связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов) // СА. – 1978б. – № 4. – С. 294–298.
28. Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. (Археологическое изучение центра Билярского городища). – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1979. – С. 114–118.
29. Халикова Е.А. Следы древневенгерской культуры в Восточной Европе // *Congressus quartus internationalis Fenno-Ugristarum. – Pars II. – Budapest, 1980. – С. 220–221.*
30. Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаротюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска – Преслав. Прабългарската култура. (Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976). – София, 1981. – С. 72–81.
31. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. – Казань: Изд-во КГУ, 1986. – 160 с.
32. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. – 2013. – № 1 (31). – С. 214–221.
33. Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – С. 30–36.
34. Khalikova E.A. Composant ethnique commun dans les populations de la Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du Xe siècle. In: *Les questions fondamentales du peuplement du bassin des Carpathes du VIIIe au Xe siècle.* Conférence Internationale 1971 à Szeged. Budapest, 1972, pp. 177–194.
35. Khalikova E.A. Volgai Bulgária és a X. századi Magyarország népessége etnikai rokonságának Kérdéséhez. In: *A Hajdúsági múzeum évkönyve.* I. Haydübösszorméni, 1973, pp. 21–35.
36. Khalikova E.A. A honfoglaló magyarokéhoz hasonló temetőletet a Káma mentén. In: *Élet és Tudomány*, 1975, no. 30, pp. 211–213.
37. Khalikova E.A. Ősmagyar temető a Káma mentén. (Magna Hungaria kérdéséhez). – Ancient Hungarian Cemetery along the River Kama. (Contribution on the Issue of Magna Hungaria). In: *Archaeologica Értesítő*, 1976, vol. 103, pp. 53–78.

38. Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka. In: *Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est*. Budapest, 1977, pp. 21–221.
39. Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). *Régészeti Füzetek*, ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981, 132 p.
40. Laszlo Gy. A zujevoi temeto. (E.A. Halikova emlékenek). Budapest, 1993.
41. Valiulina Svetlana. Early Islamic Glass of the Volga Region in Bulgaria. In: *Annales du 19e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. Piran, 2012, Korér, 2015, pp. 411–419.

E.A. KHALIKOVA'S SEARCHES AND DISCOVERIES IN THE VOLGA-KAMA ARCHAEOLOGY (ON THE OCCASION OF HER 85TH BIRTHDAY)

S.I. Valiulina, A.F. Kochkina, F.Sh. Khuzin

The article is devoted to the 85 anniversary since the birth of Elena A. Khalikova – a major researcher of medieval archaeology of the Volga-Ural region. E.A. Khalikova is known for her works on development of the Islamic burial rite in pre-Mongolian Volga Bulgaria as well as on the early Hungarians according to the unique Bolshie Tigany burial ground on the Lower Kama.

УДК 929: 902

50-ЛЕТИЕ А.А. ЧИЖЕВСКОГО

© 2015 г. Д.Г. Бугров, М.Ш. Галимова

В октябре 2015 г. исполнилось 50 лет известному специалисту в области археологии эпохи поздней бронзы – раннего железа Волго-Уральского региона к.и.н. А.А. Чижевскому. Авторы кратко характеризуют основные вехи биографии и творческого научного пути с.н.с. А.А. Чижевского, а также приводят список наиболее значимых публикаций юбиляра.

10 октября 2015 г. исполнилось 50 лет Андрею Алексеевичу Чижевскому, старшему научному сотруднику отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, кандидату исторических наук, одному из ведущих специалистов по археологии позднего бронзового и раннего железного века в Волго-Уральском регионе.

Интерес к археологии сформировался у юбиляра весьма рано. В 1981 г. старшеклассник Бугульминской средней школы Андрей Чижевский впервые выехал в поле в составе Раннеболгарской экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР. Под руководством Е.П. Казакова он участвовал в раскопках Чишминского курганного могильника в Актанышском районе ТАССР. Сотрудничество с Евгением

Петровичем продолжилось и позже, в студенческие годы А.А. Чижевского, и в значительной мере сформировало навыки полевой работы начинающего исследователя.

По окончании школы, в 1982 г., Андрей подал документы на исторический факультет Казанского университета, но, не преодолев с первого раза планку вступительных экзаменов, пошел работать радиомонтажником в Бугульминский трест «Татнефтегеофизика». Затем последовали: воинская служба в рядах внутренних войск МВД СССР в непростых во всех отношениях условиях прифронтового Туркестанского военного округа, а после демобилизации – работа в кузнечном цехе Бугульминского механического завода и, наконец, в 1986 г. – поступление на истфак КГУ.

В университете А.А. Чижевский с самого начала специализировался по археологии под общим руководством проф. А.Х. Халикова. Ввиду отсутствия в то время на факультете кафедры археологии и этнографии, такая специализация требовала определенных организационных усилий, учебный процесс строился по индивидуальному учебному плану. Темой курсовых работ и дипломного сочинения студента Чижевского была типология керамики именьковской культуры, что естественным образом привело его к тесному сотрудничеству с П.Н. Старостиным, который де-факто стал вторым научным руководителем Андрея Алексеевича. Результаты своих изысканий по этой непростой проблематике А.А. Чижевский апробировал на ежегодных Урало-Поволжских археологических студенческих конференциях (УПАСК), проходивших в Куйбышеве (Самаре)

(1988), Ижевске (1989), Уфе (1990). Серьезный подход к учебе и исследовательской работе снискал Андрею авторитет среди сокурсников и преподавателей, и с 1987/88 учебного года вплоть до окончания учебы в университете он был старостой студенческого археологического кружка КГУ.

В студенческие годы началась и самостоятельная полевая работа юбилера. Летом 1988 г. он получил первый свой Открытый лист на проведение разведок в Буинском и Апастовском районах ТАССР в рамках подготовки свода памятников истории и культуры Татарстана, в 1989 г. самостоятельно исследовал Степановское I городище на Свияге, в 1990 г. участвовал в масштабных раскопках университетской экспедиции на городище Сорочьи Горы, попавшем в зону строительства моста через р. Кама. К этому же времени относится начало педагогической деятельности А.А. Чижевского: он активно участвовал в попытке возрождения на факультете «Малого истфака» и подготовил к участию в УПАСКе 1989 г. в Ижевске учеников казанской средней школы № 42 А. Трутанова и Я. Фролова.

По окончании учебы в университете в 1991 г. А.А. Чижевский поступил в аспирантуру при ИЯЛИ КНЦ АН СССР, но в сложных обстоятельствах начала 90-х перешел на работу в Главное управление госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ. В течение более чем 10 лет Андрей Алексеевич, помимо повседневной рутинной, но крайне ответственной организационной работы в сфере охраны археологического наследия Татарстана, проводил обширные полевые исследования: разведки

с целью определения зон охраны и мониторинга состояния памятников археологии, охранно-спасательные раскопки разрушающихся памятников. Погребальные памятники эпохи финальной бронзы и раннего железа, изученные А.А. Чижевским в этот период, такие, как раскопанные широкими площадями Мурзихинские I и II могильники, Рысовский комплекс, дали блестящий материал и стали эталонными, опорными для дальнейшего изучения культурно-хронологической ситуации в регионе на стыке эпох и в раннем железном веке. Во многом по итогам данных исследований Андрей Алексеевич обратился к тематике ананьинской культурно-исторической области, развивая идеи своих предшественников и наставников – В.Н. Маркова и С.В. Кузьминых. В качестве соискателя при Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (науч. рук. Е.П. Казаков) и Институте археологии РАН (науч. рук. С.В. Кузьминых), он написал и успешно защитил в Москве в 2003 г. кандидатскую диссертацию по теме «Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области)».

С конца 2005 г. Андрей Алексеевич работает в Национальном центре археологических исследований (ныне Институт археологии им. А.Х. Халикова) Академии наук РТ.

Солидный багаж знаний и опыт, приобретенные в ходе многолетнего полевого и кабинетного изучения памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, лучшие исследовательские качества, воспринятые от учителей и развитые в ходе самостоятельной работы: энциклопеди-

ческий кругозор, нетривиальность мышления, стремление к масштабным полевым изысканиям, научная принципиальность и интеллигентность принесли юбиляру заслуженное уважение российских и зарубежных коллег. Ныне А.А. Чижевский – авторитетный специалист в области первобытной археологии Волго-Уральского региона, автор двух монографий и около 100 научных статей, изданных не только в Казани и научных центрах Волго-Уральского региона, но и в Москве, Санкт-Петербурге, в Сибири и за рубежом. Он является со-организатором всероссийских и международных научных конференций по проблемам изучения раннего железного века, которые проводятся совместно с Институтом археологии РАН (С.В. Кузьминых), готовит к печати и редактирует сборники материалов конференций и монографии коллег, занимающихся ананьинской проблематикой. Андрей Алексеевич успешно развивает междисциплинарные археолого-естественнонаучные исследования, организуя и координируя взаимодействие специалистов в различных областях науки из разных научных учреждений страны и зарубежья. Много времени и сил он отдает делу воспитания и становления молодых ученых, руководя аспирантами или выступая в роли консультанта. Двое из его подопечных – А.В. Шипилов и А.В. Лыганов – успешно защитили диссертации на соискание степени кандидата исторических наук.

Андрей Алексеевич продолжает вести регулярные масштабные охранно-спасательные раскопки и разведки первобытных памятников, разрушающихся в зонах Нижнекамского и Куйбышевского водохранилищ, хотя

это требует от него все больших затрат физических и душевных сил. Особую научную значимость приобрели результаты раскопок Гулюковской III и Дубовогривской II стоянок, а также развернувшийся в последние годы межрегиональный проект по комплексному изучению укреплений городищ раннего железного века.

Коллеги Андрея Алексеевича ценят его не только как серьезного уче-

ного и специалиста, но и как верного и надежного товарища и друга, чуткого и отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь в трудную минуту. Без сомнений, А.А. Чижевского ожидают в будущем новые открытия и фундаментальные труды в области первобытной археологии Поволжья и Предуралья.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ А.А. ЧИЖЕВСКОГО:

1. Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. III. – Казань: Ин-т истории АН РТ; Министерство культуры РТ, 2007. – 528 с. (Соавт.: М.Ш. Галимова, А.М. Губайдуллин, А.С. Губин, Е.П. Казаков, К.А. Руденко, А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин, Р.Ф. Шарифуллин).

2. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология Евразийских степей. Вып. 5. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008. – 172 с.

3. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 126–157. (Соавт.: Е.А. Беговатов, К.Э. Истомин, В.Н. Марков, К.А. Руденко).

4. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы историко-культурного наследия Волго-Камья. – Казань, 2002. – С. 30–37.

5. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. – М., 2005. – С. 268–300.

6. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 367–371.

7. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. – 2009. – № 1. – С. 81–90.

8. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8. – Елабуга, 2009. – С. 29–55. (Соавт.: С.В. Кузьминых).

9. Мензелинский могильник // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология Евразийских степей. Вып. 10. – Казань, 2009. – С. 61–80. (Соавт.: Д.Г. Бугров).

10. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. № 2 (27). – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2010. – С. 25–30.

11. Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 152. Серия: Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. – Казань, 2010. – С. 19–29. (Соавт.: А.С. Бушуев, А.В. Шипилов).

12. Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. – 2012. – № 1. – С. 26–35. (Соавт.: В.А. Шаталов).

13. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. – М., 2012. – № 2. – С. 383–400.

14. Исследование памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // ПА. – 2012. – № 1. – С. 94–115. (Соавт.: А.В. Лыганов, В.В. Морозов).

15. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // ПА. – 2013. – № 2. – С. 40–63.

16. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // ПА. – 2013. – № 2. – С. 64–103.

17. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // ПА. – 2014. – № 3. – С. 101–137. (Соавт.: С.В. Кузьминых).

18. Результаты комплексного исследования Сорочьегогорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. – Казань: Отечество, 2014. – С. 241–262. (Соавт.: А.А. Хисьяметдинова, Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, М.Д. Кочанова, Г.Ш. Асылгараева).

19. The genesis and chronology of anan'no (post-maklasheevka) stelae. In: *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2009, vol. 48, no 2, pp. 16–34.

20. A bit the Lugovskoi cemetery: On the Image of a Rider and Horse in Anan'ino Art. In: *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2012, vol. 51 no 1, pp. 43–61. (co-author V. Shatalov).

50TH ANNIVERSARY OF ANDREY A. CHIZHEVSKIY

D.G. Bugrov, M.Sh. Galimova

A well-known specialist in archaeology of the Late Bronze – Early Iron Age of the Volga-Urals region Andrey A. Chizhevsky turned 50 in October 2015. Candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Chizhevsky's main stages of the creative scientific way are characterized by the authors as well as his major publications.

УДК 902

**ПАМЯТИ Н.А. МАЖИТОВА
(1933-2015)**

В некрологе, посвященном памяти д.и.н. профессора Нияза Абдулхаковича Мажитова, археологи Башкортостана отмечают основные вехи его творческого пути. Раскрывается значительный вклад ученого в изучение археологии раннего средневековья, а затем и развитого средневековья Южного Урала.

11 октября 2015 года ушел из жизни известный советский и российский археолог, яркий, самобытный, неординарный исследователь, один из основоположников археологической науки в Башкортостане, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан, кавалер ордена Салавата Юлаева Нияз Абдулхакович Мажитов.

Мажитов Нияз Абдулхакович родился 20 августа 1933 года в деревне Тугаево Сайтбабинского сельского

совета Гафурийского района БАССР. Отец – сельский учитель, мать – крестьянка. Учился в башкирской республиканской школе-интернате (ныне республиканская гимназия-интернат № 1 им. Рами Гарипова). В 1956 году окончил Пермский государственный университет, в стенах которого постигал азы археологической науки под руководством корифея и классика отечественной археологии О.Н. Бадера.

С 1956 по 1979 г. работал в Институте истории, языка и литературы

Башкирского филиала АН СССР, где прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором археологии и этнографии (с 1968 г.). С 1979 г. – доцент, а с 1990 г. – профессор и заведующий кафедрой археологии, древней и средневековой истории Башкирского государственного университета.

В 1963 году защитил кандидатскую, в 1988 году – докторскую диссертации по специальности «Археология».

Неутомимый полевик (свои полевые исследования завершил в 2006 г.) Н.А. Мажитов буквально с первых дней своей работы в ИИЯЛ БФ АН СССР проводит обширные археологические разведки на территории Башкирии и соседних с ней районах Южного Урала. За сравнительно короткий срок, с 1956 (год прихода на работу в ИИЯЛ) по 1963 (год обсуждения кандидатской диссертации) год Н.А. Мажитову удалось совершить прорыв в развитии археологии эпохи средневековья на Южном Урале. За это время на территории Башкирии им были исследованы Чиатавский и Камышлы-Тамакский могильники пьяноборской культуры, Каратамакский могильник, Юмакаевское, Кансиарское городища бахмутинской культуры, поселение и курганный могильник у д. Ново-Турбаслы (турбаслинская культура), проводил раскопки на городище Уфа II, начал масштабные раскопки Бирского могильника, по сей день остающегося опорным памятником для изучения бахмутинской и турбаслинской археологических культур.

Кандидатская диссертация явилась основой первой монографии Н.А. Мажитова «Бахмутинская культура», вышедшей в свет в 1969 году

в издательстве «Наука». Построенная на богатой источниковой базе, в первую очередь – на материалах Бирского могильника, эта книга до сих пор остается одной из наиболее часто цитируемых работ исследователя.

1970-е годы – это «звездный период» археолога Н.А. Мажитова, когда сфера его полевых изысканий выходит за административные границы Башкирии и охватывает степи Южного Приуралья. В 1974–1975 гг. он находит и исследует курганные могильники XIII–XIV вв. в Оренбуржье, в бассейне среднего течения р. Урал – Алабайтальские, Россыпинские, Каменно-Озерновские, Жанаталапские курганы – продолжив тем самым начатую еще в конце XIX в. традицию поиска и изучения золотоордынских кочевнических древностей в регионе. Итогом этого периода в научной деятельности ученого явилась вышедшая в 1977 г. монография «Южный Урал в VII–XIV вв.» (М., «Наука») и дополняющая ее в плане источниковой базы монография «Курганы Южного Урала VIII–XII вв.» (М., «Наука», 1981). Они также до сих пор остаются наиболее часто цитируемыми исследованиями по средневековой археологии Южного Урала.

Н.А. Мажитов был активным популяризатором археологической науки. В 1968 и 1973 г., соответственно, на башкирском и русском языках вышла его книга «Тайны древнего Урала» первая в историографии Башкортостана научно-популярная книга по археологии и древней истории края. Неоспоримой заслугой ученого является многолетнее изучение средневекового городища Уфа-II – памятника, отражающего средневековый этап в истории населения Уфимского полу-

острова. Именно благодаря этим исследованиям в Уфе был создан Музей города Уфы, научным руководителем которого стал Н.А. Мажитов.

Среди уральских археологов Н.А. Мажитов выделялся активной жизненной позицией. В 1995–2002 гг. он являлся Председателем Всемирного курултая башкир, Ассамблеи народов Башкортостана (с 2000 г.), входил в состав Общественного совета при Президенте Республики Башкортостан (2003–2005).

Многолетние исследования Н.А. Мажитова стали существенным

вкладом в российскую археологию. Он является автором более 300 научных работ, ряда монографий, учебных пособий и научных статей. За большой вклад в развитие науки ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». Научные концепции археолога Нияза Абдулхаковича Мажитова не всегда были бесспорными. Но бесспорным остается главное – его имя навсегда вошло в историю отечественной археологии.

*Г.Н. Гарустович, В.С. Горбунов, В.А. Злыгостев,
В.А. Иванов, Ю.А. Морозов, Г.Т. Обыденнова,
М.Ф. Обыденнов, А.Х. Пшеничниук*

AD MEMORIAM N.A. MAZHITOV

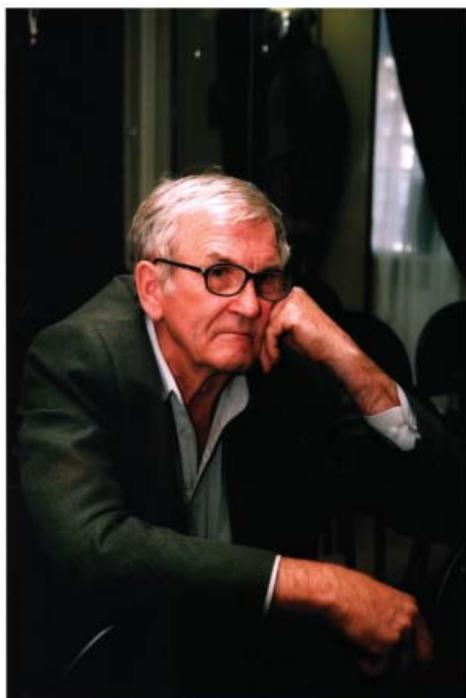
**G.N. Garustovich, V.S. Gorbunov, V.A. Zlygostev, V.A. Ivanov,
Yu.A. Morozov, G.T. Obydennova, A.Kh. Pshenichniuk**

In obituary the main milestones of scientific creativity of Dr. habil. professor Niyaz A. Mazhitov are marked by the archaeologists of Bashkortostan Republic. A significant contribution of the scientists in archaeology of the South Ural region during the early medieval period as well as the high medieval one is defined.

УДК 929: 902

**ПАМЯТИ Е.А. БЕГОВАТОВА
(1937–2015)**

© 2015 г. А.Ф. Кочкина

В некрологе, посвященном памяти Евгения Александровича Беговатова – специалиста в области математической статистики доцента Казанского университета, показан весомый вклад ученого в разработку математических методов применительно к археологическим и археозоологическим материалам Поволжья и Предуралья. Также Е.А. Беговатов известен как высококвалифицированный нумизмат и как первооткрыватель ряда важных памятников, среди которых Тенишевский энеолитический могильник, Мурзихинский II могильник эпохи раннего металла и многие другие.

13 октября 2015 г. не стало Евгения Александровича Беговатова, кандидата физико-математических наук, доцента Института вычислительной математики и информационных технологий К(П)ФУ, математика, археолога и нумизмата. Его уход из жизни

стал совершенно неожиданным для всех – его родных, коллег, друзей. Трудно представить себе кафедру математической статистики без этого жизнерадостного человека. Он ушел в начале учебного года, когда были сверстаны все учебные планы, от-

правлены заявки на гранты в научные фонды, запланированы статьи, поданы заявки на участие в конференциях на следующий год. Трудно представить себе, что математики больше не услышат его занимательных рассказов об археологических открытиях, а археологов он не будет убеждать в том, что математика может помочь увидеть скрытые связи и закономерности между предметами и явлениями.

Евгений Александрович Беговатов родился 4 июня 1937 г. в г. Казани. Его отец, Александр Иванович Беговатов, был строителем, мать, Зоя Прокофьевна Астрахова, какое-то время работала директором Дома пионеров в соцгороде. После окончания мужской школы № 94 в 1954 г. поступил в Рижское Краснознаменное высшее инженерно-авиационное училище по специальности «эксплуатация самолетов». Учился успешно, был сталинским стипендиатом, в 1959 г. получил диплом инженера-механика. На работу он был направлен в гражданскую организацию. С 1959 по 1963 г. работал в Казани в опытно-конструкторском бюро (п/я 751). В эти годы Евгений Александрович меняет свои профессиональные интересы и поступает на заочное отделение мехмата Казанского государственного университета. Теоретическая математика так увлекла Евгения Александровича, что после окончания университета в 1963 г. он поступил в аспирантуру КГУ и с тех пор его жизнь и научная деятельность навсегда были связаны с университетом.

Евгений Александрович с 1966 г. – ассистент, с 1970 г. – старший преподаватель, с 1974 г. – доцент кафе-

дры прикладной математики (звание доцента получил в 1976 г.), с 1988 г. – доцент кафедры математической статистики факультета ВМК, с 2013 г. – ведущий научный сотрудник.

В 1970 г. состоялась защита его кандидатской диссертации на тему «Полное уравнение второго порядка эллиптического типа в гильбертовом пространстве» (науч. рук. проф. А.В. Сульдин). Он читал лекции по общим и специальным курсам, в том числе и на других факультетах, руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Под его руководством студенты часто выступали на студенческих научных конференциях.

Общительный и энергичный по складу своего характера, Е.А. Беговатов был среди наиболее активных молодых преподавателей, занимал различные административные и общественные должности: 1968–1971 – заместитель декана мехмата, 1972–1973 – зам. председателя, председатель приемной комиссии КГУ, 1973–1984 – ученый секретарь научно-методического совета КГУ, избирался председателем партбюро и профбюро факультета. Играл в волейбол в команде ветеранов.

1970-е годы в истории мехмата КГУ были очень плодотворными, особенно в сфере, связанной с практической деятельностью в области производства и применения ЭВМ, в том числе в гуманитарных науках.

С 1973 г. началось вхождение Е.А. Беговатова в археологию. Е.А. Халикова, заведующая кабинетом археологии историко-филологического факультета КГУ, стала инициатором совместного, как сказали бы сейчас, инновационного проекта археологов и математиков по обработке большо-

го массива данных по погребальному обряду могильников раннеболгарского периода VIII–IX вв. с применением статистических методов и ЭВМ. В качестве руководителя со стороны математиков был приглашен Е.А. Беговатов (исполнители проекта – преподаватель мехмата Р.С. Абайдуллин, студентка истфилфака А.Ф. Кочкина, студентки мехмата Н.Л. Кузнецова и В.А. Поселеннова). Результаты его успешно были использованы на практике (Кочкина, 1974; Халикова, 1976).

Евгений Александрович вошел в орбиту археологии довольно стремительно, с юношеским задором. Археология оказалась органичным продолжением еще одного его увлечения, которому он не изменял всю свою жизнь, – рыбалки (особенно любил зимнюю рыбалку). Прежде всего, это была активная охранно-спасательная деятельность в пределах Куйбышевского водохранилища. С середины 1980-х годов он получал Открытые листы на право проведения археологических работ. Разведки на небольшом катере по островам Камского устья позволили спасти многие материалы для науки и открыть новые памятники. Благодаря этим работам он сблизился и подружился с археологом, ныне д.и.н., Е.П. Казаковым, с которым впоследствии они написали ни одну статью по материалам с Семеновских, Измерских и др. поселений, затопленных водохранилищем (Беговатов, Казаков, 1983; Беговатов, Казаков, 1994 и др.).

Им открыт ряд археологических памятников, которые вошли в анналы археологической науки не только Татарстана, но и России, среди них особо следует отметить Тенишевский неолитический могильник (Сорокин

бугор), Мурзихинский II могильник раннего железного века.

Особое место в жизни Евгения Александровича занимали археологические исследования в окрестностях Биляра (Алексеевский р-н, Татарстан). Исследования Билярского II селища, проводившиеся сначала совместно с С.И. Валиулиной (Валиулина, Беговатов, 1998), а затем самостоятельно, привели к выдающемуся открытию – на селище был найден Билярский клад куфических монет рубежа X–XI вв., изучению которого он посвятил последние 15 лет (Беговатов, 2002; 2003). Нумизматика заняла основное место в его жизни. Он увлеченно изучал арабский язык, читал исторические источники и специальную литературу. Но этим не ограничивался. Широту его интересов могут характеризовать разработки в области применения естественнонаучных методов в археологии, археозоологии, нумизматике.

Наиболее успешно методы математической статистики были применены Е.А. Беговатым к задачам реконструкции данных, в частности, для восстановления размеров сосудов волжских булгар по фрагментам, при этом был использован метод многомерного линейного регрессионного анализа (Беговатов, Кочкина, 1993). Особое значение для него имела работа по расчету характеристических диаметров и веса монет по изображениям целых монет или их фрагментов (Беговатов и др., 2011). Совместно с археозоологами была разработана программа определения пола и высоты в холке КРС по метаподиям на основе методов дискриминантного анализа (Беговатов, Петренко, 1994).

Теория распознавания образов положена в основу программы определения центров стеклоделия стеклянных предметов из археологических раскопок по химическому анализу и некоторым другим параметрам (http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics/from_glass/gl_index.phtml#osn).

В последние годы с коллективом математиков и археологов Казанского университета и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ он активно трудился над созданием геоинформационной системы «Археология Среднего Поволжья» (<http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics/Default.html>).

Важно, что все эти разработки, составляющие базу знаний (керамика, нумизматика, остеология, стекло) с обучающими функциями, размещены на сайте «Археология Среднего Поволжья» на сервере К(П)ФУ (первоначально разрабатывался как WWW-сервер Археологического музея Казанского университета) и работают в режиме он-лайн. Он всегда призвал коллег пополнять новыми материалами базы данных для того, чтобы реконструируемые выводы были надежнее.

Е.А. Беговатов подготовил более 140 публикаций, из них более 60 по археологии и нумизматике.

С середины 1990-х годов он являлся руководителем или исполнителем грантов Фонда Сороса («Культурная инициатива»), РГНФ и РФФИ. Постоянно участвовал в международных, всероссийских и региональных конференциях.

Е.А. Беговатов за свои достижения и заслуги в педагогической и научной деятельности был удостоен Почетного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». За участие в археологических исследованиях в Казани был награжден медалью «В память 1000-летия Казани».

Жизнелюбивый, душа компаний, он быстро находил общий язык практически со всеми. Увлеченно занимался дачным участком, выращивал рассаду, комнатные цветы, раздавал урожай друзьям и знакомым, был хлебосольным хозяином. Он был счастливым человеком, желаний и интересов которого хватило бы не на одну жизнь. Всем, кто его знал, запомнится образ улыбающегося человека с легкой походкой, которая с годами, хотя и сменилась прихрамыванием с постукиванием трости, осталась такой же быстрой и узнаваемой. Светлая ему память.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беговатов Е.А.* Новый клад куфических монет близ Билярска // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – Тр. ГИМ. – Вып. 132. – М., 2002. – С. 237–239.
2. *Беговатов Е.А.* Билярский клад куфических монет конца X – начала XI вв. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб.: ГЭ, 2003. – С. 71–72.
3. *Беговатов Е.А.* Заметка по нумизматике прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: Эпоха средневековья (исследование культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань, 2005. – С. 31–42.

4. *Беговатов Е.А., Валиулина С.И.* Исследования Билярского II селища // АО 1999 года. – М., Наука, 2001. – С. 172–173.
5. *Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983. – С. 103–110.
6. *Беговатов Е.А., Казаков Е.П.* Птицевидные подвески меры и весы из Татарии // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. – Иваново, 1990. – С. 15–17.1
7. *Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф.* О восстановлении размеров сосудов по фрагментам // РА. – 1993. – № 3. – С. 88–99.
8. *Беговатов Е.А., Марков В.Н.* Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. – Казань, 1992. – С. 57–72.
9. *Беговатов Е.А., Петренко А.Г.* Задача определения пола и высоты в холке крупного рогатого скота в археологии // Учебное пособие к курсу «Естественнонаучные методы в археологии для студентов исторического факультета». – Казань: Изд-во КГУ, 1994. – 51 с.
10. *Беговатов Е.А., Шакиров З.Г.* Итоги исследования Билярского II селища // АО в Татарстане. 2002 год. – Казань: Школа, 2004. – С. 56–59.
11. *Беговатов Е.А., Гайнанова Э.Н., Кашина О.А.* Разработка пакета прикладных программ на сервере Казанского университета для реконструкции размера и веса монеты по его фрагменту // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 279–280.
12. *Валиулина С.И., Беговатов Е.А.* Исследование Билярского городища и памятников в его округе // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. – М., 1999. – С. 107–109.
13. *Габяшев Р.С., Беговатов Е.А.* Тенишевский (Сорокин Бугор) энеолитический могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья / АЭМК. – Вып. 8. – Йошкар-Ола, 1985. – С. 64–83.
14. *Кочкина А.* Статистическая обработка материалов Больше-Тарханского могильника // VI Уральская научная студенческая археологическая конференция, (26 февр.–1 марта 1974 г., Ижевск): Тез. докл. – Ижевск, 1974. – С. 48.
15. *Халикова Е. А.* Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976. – 18 с.
16. База знаний на сайте «Археология Среднего Поволжья» – Раздел «Стекло» // http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics/from_glass/gl_index.phtml#osn – дата обращения 23.11.2015 г.
17. База знаний на сайте «Археология Среднего Поволжья» – Археология и геоинформатика Среднего Поволжья и Предуралья // <http://old.kpfu.ru/archeol/ceramics/Default.html> – дата обращения 23.11.2015 г.

**AD MEMORIAM E.A. BEGOVATOV
(1937–2015)**

A.F. Kochkina

Evgeniy A. Begovатов obituary shows his significant contribution to the development of methods of mathematical statistics in relation to archaeological and archaeo-zoological materials of the Volga and cis-Urals areas. E.A. Begovатов is known also as skilled numismatist and discoverer of many sites, such as the burial grounds of Tenishevo (Aeneolithic Age), Murzikha 2 (Early Metal Epoch) and others.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АС – Археологический съезд
БАН – Болгарская Академия наук
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВПУ – Вестник Пермского университета
ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И.Э. Грабаря
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАСО – Государственный архив Саратовской области
ДонНУ – Донецкий национальный университет
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л
ИД – Издательский Дом
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук РТ
ИИ АНТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИОАИЭ – Известия Общества археологи, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань
ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный университет
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР (Москва)
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (до 1959 г.)
МА УдГУ – Музей археологии Удмуртского государственного университета
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан Института археологии АН РТ
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет

- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
 НА – научный архив
 НМРБ – Национальный музей Республики Башкортостан
 НОА ИА РАН Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НПЗ – нефтеперерабатывающий завод
 ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
 ОАК – Отчёт Императорской археологической комиссии
 ОмГУ – Омский государственный университет
 ПА – Поволжская археология
 ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарный педагогический университет
 ПензГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РСМ – Раннеславянский мир
 РУЖД – Рязано-Уральская железная дорога
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников
 СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алалыкина
 СОМК – Саратовский областной музей краеведения
 СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
 СПбНЦ РАН – Санкт-Петербургский научный центр РАН
 СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТКАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
 Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
 Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
 УдГУ – Удмуртский государственный университет
 УДИИЯЛ УрО АН СССР/РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР/РАН
 УИИЯЛ – Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО РАН
 УрО РАН – Уральское отделение РАН
 Уч. зап. Казан. ун-та – Ученые записки Казанского университета
 ESA – E Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией Соглашение, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Статьи и заметки, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопровождать «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Требования по оформлению статей, заметок и других материалов

Общий объем статей не должен быть менее 15 тысяч знаков и не должен превышать 40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации-резюме. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

Объем заметок аналогичным образом должен быть в пределах 5–15 тысяч знаков. К заметке прилагаются не более 5–8 иллюстраций.

Материалы, направляемые в раздел «Хроника» (некрологи, материалы о конференциях и юбилеях) не должны суммарно превышать 10 тысяч знаков. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25).

Материалы принимаются в электронном виде в формате Word, RTF. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить следующие материалы:

- **УДК;**
- **Название** на русском и английском языках;
- **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском и английском языках;
- **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке; *для материалов раздела «Хроника» – не более 500 знаков с пробелами, без ключевых слов.*

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– Представленные материалы необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– **Список литературы (библиография)** составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). **Для сборников статей и коллективных монографий обязательно указание ответственного редактора (отв. редакторов). Библиографический список не следует делать излишне пространственным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять в нем не более 25%.**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или в виде рисунков в формате JPG (отдельными файлами), диаграммы – в формате Word (в тексте);

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. *Образец оформления статьи*);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания:

1. Представленные текстовые материалы должны быть проверены на предмет правописания; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

2) **Аннотация-резюме** составляется для компетентной аудитории, поэтому авторы могут использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, оно должно быть:

- а) информативным (не содержать общих слов);

б) содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследования).

3) **Резюме и ключевые слова на английском языке** должны:

- а) быть написанными качественным английским языком;
- б) максимально точно передавать смысл русскоязычного резюме и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

4) **Библиографические ссылки** на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

5) При оформлении **списка литературы** вначале приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

76 Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

2. *Чижевский А.А.*, Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

3. Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. 1966. № 126. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стекланные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http://www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le_silex_blon_du_Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. *Генинг В.Ф., Одинцов В.В.* Отчет о раскопках Нырғындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологи-

ческой экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 756.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс... канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

5) Образец оформления статьи

УДК 904 "04/14"

**ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА («ДОМ РЕМЕСЛЕННИКА»)**

© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); E-mail:

Адрес служебный: 420012, Казань, Бутлерова, 30

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

**RESEARCHES IN THE CENTRAL PART OF THE BULGAR ANCIENT
SETTLEMENT («HOUSE OF THE HANDICRAFTSMAN»)**

A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaydullin Ayrat M.,

E-mail:

Address:

6) *Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!*

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Авторский указатель 2015

Абдуллин Х.М. см. **Шайдуллин Р.В.** № 3

Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Дроздова Г.И., Мухаметшина А.С., Ситдииков А.Г. 10 лет Музею археологии Республики Татарстан Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. № 3, 256

Абдуллин Х.М., Измайлов И.Л., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Энциклопедический словарь по археологии Татарстана: концептуальные проблемы. № 3, 236

Адамов А.А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году. № 4

Алтынбекова Д.К. Консервация и реставрация археологического текстиля из потревоженных алтайских курганов раннего железного века. № 3, 31

Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р. Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования. № 4

Баранов В.С. см. **Абдуллин Х.М.** № 3

Беговатов Е.А. см. **Храмченкова Р.Х.** № 3

Белозерова И.В. см. **Кузьминых С.В.** № 3

Беляев А.В. см. **Нуретдинова А.Р.** № 4

Болдин И.В. см. **Массалитина Г.А.** № 1

Бочаров С.Г. Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа. № 4

Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. № 4

Бредников К.И., Хасанов Д.И., Утемов Э.В., Насыртдинов Б.М. Геофизические исследования на территории Болгарского историко-архитектурного музея-заповедника в 2014 г. № 3, 144

Бугарчѳв А.И. см. **Руденко К.А.** № 3

Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана. № 4

Бугров Д.Г., Галимова М.Ш. 50-летие А.А. Чижевского. № 4

Валиев Р.Р. см. **Бадеев Д.Ю.** № 4

Валиев Р.Р. см. **Лыганов А.В.** № 2

Валиев Р.Р. см. **Шайдуллин Р.В.** № 3

Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш. Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения). № 4

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин. № 2, 189

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми. № 2, 136

Визгалова М.Ю. см. **Федотова Ю.В.** № 3

Винничек В.А., Киреева К.М. Итоги археологических исследований Зареченского 1 селища в 2013 – 2014 гг. № 1, 179

Виноградов Н.Б. см. **Кузьминых С.В.** № 4

Вязов Л.А. см. **Ситдииков А.Г.** № 3

- Газимзянов И.Р.** Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. № 3, 112
- Газимзянов И.Р.** см. **Жолобов А.И.** № 4
- Галимова М.Ш.** см. **Бугров Д.Г.** № 4
- Галимуллина Г.Х.** см. **Шайдуллин Р.В.** № 3
- Гарустович Г.Н., Горбунов В.С., Злыгостев В.А., Иванов В.А., Морозов Ю.А., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф., Пшеничнюк А.Х.** Памяти Н.А. Мажитова (1933–2015). № 4
- Глушкова Т.Н.** Особенности археологических текстильных материалов и способы их атрибуции. № 3, 6
- Горбунов В.С.** см. **Гарустович Г.Н.** № 4
- Губайдуллин А.М.** Методика реконструкции оборонительных сооружений городищ X–XVI веков Среднего Поволжья. № 3, 125
- Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г.** О фортификации городищ западного Поволжья. № 4
- Дроздова Г.И.** см. **Абдуллин Х.М.** № 3
- Еремин И.О.** см. **Лыганов А.В.** № 2
- Жолобов А.И., Кириягин К.В., Газимзянов И.Р.** Медико-криминалистические исследования повреждений на черепах из раскопок Болгарского городища. № 4
- Злыгостев В.А.** см. **Гарустович Г.Н.** № 4
- Иванов В.А.** см. **Гарустович Г.Н.** № 4
- Иванов В.А.** Угры Предуралья: продолжение темы. № 4
- Измайлов И.Л.** Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы. № 4
- Измайлов И.Л.** Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья. № 2, 326
- Измайлов И.Л.** Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015). № 1, 271
- Измайлов И.Л.** см. **Абдуллин Х.М.** № 3
- Измайлов И.Л.** см. **Хузин Ф.Ш.** № 3
- Казаков Е.П.** см. **Руденко К.А.** № 4
- Казаков Е.П., Салугина Н.П.** Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры). № 4
- Каримов И.Р.** К юбилею А.М. Губайдуллина. № 1, 265
- Каримов И.Р.** см. **Ситдигов А.Г.** № 1
- Киреева К.М.** см. **Винничек В.А.** № 1
- Кириягин К.В.** см. **Жолобов А.И.** № 4
- Колода В.В.** Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект. № 4
- Коренюк С.Н.** см. **Васильева А.В.** № 2
- Кочкина А.Ф.** Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015). № 4
- Кочкина А.Ф.** см. **Валиулина С.И.** № 4
- Кочкина А.Ф.** см. **Пономаренко Е.В.** № 1

Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А. Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции. № 4

Кубанкин Д.А. Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение). № 4

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. По страницам доклада В.А. Городцова «Скрытая энергия археологических памятников». № 3, 189

Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б. Бронзовая секира из Златоустовского музея. № 4

Кузьминых С.В., Смирнов А.С. Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте. № 1, 214

Кузьминых С.В., Сорокин А.Н. «Ты сгорел на полуслове...» (А.С. Смирнов в истории российской археологии). № 2, 278

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по 14С-, АМС и типологическому методам. № 2, 160

Левыкина Т.А. см. **Кочкина А.Ф.** № 4

Лыганов А.В. см. **Чижевский А.А.** № 2

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин И.О. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в приустьевом Закамье. № 2, 83

Макарова Е.М. см. **Ситдииков А.Г.** № 3

Масловский А.Н. см. **Бочаров С.Г.** № 4

Массалитина Г.А., Болдин И.В. Летописный Козельск. Проблемы и этапы археологического исследования. № 1, 198

Морозов Ю.А. см. **Гарустович Г.Н.** № 4

Мухамадиев А.Г. см. **Губайдуллин А.М.** № 4

Мухаметшина А.С. см. **Абдуллин Х.М.** № 3

Напольских В.В. К методологии палеоисторических реконструкций. № 4

Насыртдинов Б.М. см. **Бредников К.И.** № 3

Недашковский Л.Ф. Классификация погребальной обрядности грунтовых могильников округа Царевского городища. № 3, 205

Нуретдинова А.Р., Беляев А.В. Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища. № 4

Обыденнов М.Ф. см. **Гарустович Г.Н.** № 4

Обыденнова Г.Т. см. **Гарустович Г.Н.** № 4

Орфинская О.В. Проблемы реконструкции одежды на основе результатов исследования археологического текстиля. № 3, 17

Орфинская О.В. см. **Федотова Ю.В.** № 3

Орфинская О.В., Шапиро Б.Л. Золотые ткани и золотосеребряное кружево в женских головных уборах XVIII века: результаты исследования археологического текстиля из Нижнего Новгорода. № 3, 92

Очир-Горяева М.А. Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства населения волго-маньчских степей эпохи бронзы. № 2, 4

Патрушев В.С. см. **Лавенто М.** № 2

Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Усть-Нечкинские городища в среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь). № 2, 114

Перескоков М.Л. см. **Васильева А.В.** № 2

Персова С.Г. Деятельность ОАИЭ в Болгарском городище в конце XIX – начале XX вв. № 2, 268

Пономаренко Д.С. см. **Пономаренко Е.В.** № 1

Пономаренко Е.В., Пономаренко Д.С., Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Подходы к реконструкции динамики заселения территории по почвенным признакам. № 1, 126

Пшеничнюк А.Х. см. **Гарустович Г.Н.** № 4

Расторопов А.В. Вопросы ранней этнической истории венгров-мадьяр. № 1, 70

Ребров А.Ю. см. **Токаренко С.Ф.** № 1

Руденко К.А., Бугарчѳв А.И. Археологические и нумизматические находки из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ). № 3, 156

Руденко К.А., Казаков Е.П. К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды. № 4

Салахийев Р.Р. см. **Шайдуллин Р.В.** № 3

Салугина Н.П. см. **Казаков Е.П.** № 4

Семькин Ю.А. Сырьевые источники металлургии железа древности и средневековья в Волго-Свияжском междуречье. № 1, 161

Синицына Н.П. см. **Федотова Ю.В.** № 3

Ситдииков А.Г. см. **Абдуллин Х.М.** № 3

Ситдииков А.Г. см. **Абдуллин Х.М.** № 3

Ситдииков А.Г. см. **Храмченкова Р.Х.** № 3

Ситдииков А.Г. см. **Шайдуллин Р.В.** № 3

Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе II Международной полевой Археологической школы. № 3, 264

Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году. № 1, 241

Смирнов А.С. см. **Кузьминых С.В.** № 1

Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи. № 2, 104

Соловьев Б.С. Валерию Валентиновичу Никитину – 75 лет. № 1, 260

Сорокин А.Н. см. **Кузьминых С.В.** № 2

Сташенков Д.А. см. **Пономаренко Е.В.** № 1

Токаренко С.Ф., Ребров А.Ю. Технология изготовления строительной керамики в Хазарском каганате. № 1, 40

Утемов Э.В. см. **Бредников К.И.** № 3

Федотова Ю.В., Синицына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю. Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения болгарской женщины (конец XIV в.). № 3, 74

Флёров В.С. Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону. № 1, 4

Флёров В.С., Флёрова В.Е. Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости. № 4

Флёрова В.Е. см. **Флёров В.С.** № 4

Хасанов Д.И. см. **Бредников К.И.** № 3

Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Беговатов Е.А., Ситдигов А.Г. Археометрические исследования серебряных монет Волжской Булгарии X века (предварительные результаты). № 3, 176

Христова М. Керамика из биритуальных могильников Нижнего Дуная и вопросы ее хронологии. № 1, 91

Хузин Ф.Ш. Рецензия на книгу: А.Н. Сарапулов. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. – Пермь, 2015. № 3, 249

Хузин Ф.Ш. см. **Абдуллин Х.М.** № 3

Хузин Ф.Ш. см. **Валиулина С.И.** № 4

Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л. Слово о юбиларе (к 65-летию Р.Ф. Шарифуллина). № 3, 268

Царева Е.Г. Парадное платье ахеменидской знати VI–V вв. до н.э. (по материалам находок из 5-го Пазырыкского кургана и синхронных ахеменидскому времени изобразительных памятников). № 3, 54

Черных Е.М. см. **Перевозчикова С.А.** № 2

Чижевский А.А. см. **Лыганов А.В.** № 2

Чижевский А.А., Лыганов А.В. Исследования памятников эпохи бронзы в приустьевом Закамье. № 2, 52

Шайдуллин Р.В., Салахияев Р.Р., Галимуллина Г.Х., Ситдигов А.Г., Абдуллин Х.М., Валиев Р.Р. Татарская энциклопедистика: тенденции и перспективы. № 3, 227

Шайхутдинова Е.Ф. см. **Храмченкова Р.Х.** № 3

Шакиров З.Г. см. **Ситдигов А.Г.** № 1

Шапиро Б.Л. см. **Орфинская О.В.** № 3

Шипилов А.В. Культурно-хронологические комплексы IV Мурзихинской стоянки в Нижнем Прикамье. № 2, 313

Юдин Н.И. Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царевского городища. № 3, 214

Правила для авторов № 4

Правила для авторов. № 1, 284

Правила для авторов. № 2, 338

Правила для авторов. № 3, 279

Список сокращений № 4

Список сокращений. № 1, 281

Список сокращений. № 2, 333

Список сокращений. № 3, 274

Index of the authors 2015

- Abdullin H.M.** look **Shaydullin R.V.** № 3
- Abdullin Kh.M., Baranov V.S., Drozdova G.I., Mukhametshina A.S., Sitdikov A.G.** 10 years of the Archaeology Museum of Tatarstan Republic of Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. № 3, 256
- Abdullin Kh.M., Izmailov I.L., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.** Encyclopaedic dictionary on archaeology of Tatarstan: conceptual problems. № 3, 236
- Adamov A.A.** Archaeological research at Kuchumovo hillfort (Isker) in 2014. № 4
- Altynbekova D.K.** Conservation and restoration of archaeological textiles from the disturbed Altai burial mounds of the early Iron age. № 3, 31
- Badeev D.Yu., Valiev R.R.** Plan of the Golden Horde Bolgar town: history and perspectives of research. № 4
- Baranov V.S.** look **Abdullin Kh.M.** № 3
- Begovatov E.A.** look **Khramchenkova R.Kh.** № 3
- Belozerova I.V.** look **Kuzminykh S.V.** № 3
- Belyaev A.V.** look **Nuretdinova A.R.** № 4
- Boldin I.V.** look **Massalitina G.A.** № 1
- Bocharov S.G.** Travelers' notes (14th–15th centuries) about the town of Caffa. № 4
- Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.** The most widespread glazed imports of Crimean production and some issues relating to East European trade in the 14th century. № 4
- Brednikov K.I., Khasanov D.I., Utemov E.V., Nasyrtidinov B.M.** Geophysical investigations in the territory of Bolgar state historical and architectural museum-reserve in 2014. № 3, 144
- Bugarchyov A.I.** look **Rudenko K.A.** № 3
- Bugrov D.G.** Complex of finds from a destroyed early medieval burial in the north of Tatarstan. № 4
- Bugrov D.G., Galimova M.Sh.** A.A. Chizhevsky's 50th Anniversary. № 4
- Valiev R.R.** look **Badeev D.Yu.** № 4
- Valiev R.R.** look **Lyganov A.V.** № 2
- Valiev R.R.** look **Shaydullin R.V.** № 3
- Valiulina S.I., Kochkina A.F., Khuzin F.Sh.** E.A. Khalikova's Searches and Discoveries in the Volga-Kama Archaeology (on the occasion of her 85th birthday). № 4
- Vasil'ev D.V.** New data on the city and the domain of Saksin. № 2, 189
- Vasilyeva A.V., Korenyuk S.N., Pereskokov M.L.** The Bolgary IX settlement – monument of final stage of the Ananyino culture in the vicinity of Perm. № 2, 136
- Vizgalova M.Yu.** look **Fedotova Yu.V.** № 3
- Vinnichuk V.A., Kireeva K.M.** Results of the archeological investigations of settlement Zarechenskoe 1 in 2013–2014. № 1, 179
- Vinogradov N.B.** look **Kuzminykh S.V.** № 4
- Vyazov L.A.** look **Sitdikov A.G.** № 3

Gazimzyanov I.R. The medieval Bolgar population according to craniology data. Preliminary results according to the materials of 2010–2013 excavations. № 3, 112

Gazimzyanov I.R. look **Zholobov A.I.** № 4

Galimova M.Sh. look **Bugrov D.G.** № 4

Galimullina G.H. look **Shaydullin R.V.** № 3

Garustovich G.N., Gorbunov V.S., Zlygostev V.A., Ivanov V.A., Morozov Iu.A., Obydenнова G.T., Obydenнов M.F., Pshenichniuk A.Kh. Ad memoriam N.A. Mazhitov (1933–2015). № 4

Glushkova T.N. The peculiarities of archaeological textile materials and the methods of their attribution. № 3, 6

Gorbunov V.S. look **Garustovich G.N.** № 4

Gubaidullin A.M. The technique of reconstruction the settlements fortifications of X–XVI centuries in the Middle Volga. № 3, 125

Gubaidullin A.M., Mukhamadiev A.G. On fortification of ancient settlements of the western Volga region. № 4

Drozdova G.I. look **Abdullin Kh.M.** № 3

Eremin I.O. look **Lyganov A.V.** № 2

Zholobov A.I., Kiryagin K.V., Gazimzyanov I.R. Medical-forensic research of injuries on the skulls discovered during archaeological excavations on Bolgar fortified settlement. № 4

Zlygostev V.A. look **Garustovich G.N.** № 4

Ivanov V.A. look **Garustovich G.N.** № 4

Ivanov V.A. Ugric peoples in the Cis-Ural region: continued. № 4

Izmaylov I.L. On archaeological definition of ethnic group: continued. № 4

Izmailov I.L. Sword of the early sarmatian period from the Ik-Zay interfluve. № 2, 326

Izmailov I.L. To the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik (1946–2015). № 1, 271

Izmailov I.L. look **Abdullin Kh.M.** № 3

Izmaylov I.L. look **Khuzin F.Sh.** № 3

Kazakov E.P. look **Rudenko K.A.** № 4

Kazakov E.P., Salugina N.P. Polyanskoe III settlement (on the issue of exploration of the lands across the Kama River by the imenkovo population). № 4

Karimov I.R. To A.M. Gubaydullin's jubilee. № 1, 265

Karimov I.R. look **Sitdikov A.G.** № 1

Kireeva K.M. look **Vinnichuk V.A.** № 1

Kiryagin K.V. look **Zholobov A.I.** № 4

Koloda V.V. Relationships between the Slavic world and the Khazar Kaganate on the Seversky Donets river: an ethnocultural aspect. № 4

Korenyuk S.N. look **Vasilyeva A.V.** № 2

Kochkina A.F. Ad memoriam E.A. Begovatov (1937–2015). № 4

Kochkina A.F. look **Valiulina S.I.** № 4

Kochkina A.F. look **Ponomarenko E.V.** № 1

Kochkina A.F., Levykina T.A. Funerary kaliga from Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka: problems of restoration and attribution. № 4

Kubankin D.A. Examining archaeological objects on the territory of the Uvek fortified settlement in 2014 (preliminary report). № 4

Kuzminykh S.V., Belozerova I.V. Following the pages of V.A. Gorodtsov report «Hidden energy of archaeological monuments». № 3, 189

Kuzminykh S.V., Vinogradov N.B. Bronze poleaxe from Zlatoust museum. № 4

Kuzminykh S.V., Smirnov A.S. Archaeology in the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute. № 1, 214

Kuzminykh S.V., Sorokin A.N. “You burned out in mid-sentence...” (A.S. Smirnov in history of Russian archaeology). № 2, 278

Lavento M., Patrushev V.S. Appearance and chronology of Textile ceramics in the Middle and Upper Volga region: critical comparison of conventional 14C-, AMS- and typological chronologies. № 2, 160

Levykina T.A. look **Kochkina A.F.** № 4

Lyganov A.V. look **Chizhevskiy A.A.** № 2

Lyganov A.V., Chizhevskiy A.A., Valiev R.R., Eremin I.O. Burial sites of the beginning of the Late Bronze age in the estuarine Trans-Kama river area. № 2, 83

Makarova E.M. look **Sitdikov A.G.** № 3

Maslovskiy A.N. look **Bocharov S.G.** № 4

Massalitina G.A., Boldin I.V. Chronicle Kozelsk. Issues and stages of archaeological investigation. № 1, 198

Morozov Iu.A. look **Garustovich G.N.** № 4

Mukhamadiev A.G. look **Gubaidullin A.M.** № 4

Mukhametshina A.S. look **Abdullin Kh.M.** № 3

Napolskikh V.V. On the methodology of palaeohistorical reconstructions. № 4

Nasyrtdinov B.M. look **Brednikov K.I.** № 3

Nedashkovskiy L.F. Classification of burial rituals of the cemeteries without burial mounds in regions of the Tsarevskoe ancient settlement. № 3, 205

Nuretdinova A.R., Belyaev A.V. Sphero-conical vessels from dig CLXV at Bolgar fortified settlement. № 4

Obydenov M.F. look **Garustovich G.N.** № 4

Obydenova G.T. look **Garustovich G.N.** № 4

Orfinskaya O.V. Issues of reconstruction the clothes based on results of archaeological textile research. № 3, 17

Orfinskaya O.V. look **Fedotova Yu.V.** № 3

Orfinskaya O.V., Shapiro B.L. Gold-metallic textile and gold-silver lace in women’s headwear of the XVIII century: results of research in the archaeological textile from Nizhniy Novgorod. № 3, 92

Ochir-Goryaeva M.A. Research in the type of economy and lifestyle of the Volga-Manych steppe population in the Bronze Age: controversial issues. № 2, 4

Patrushev V.S. look **Lavento M.** № 2

Perevozchikova S.A., Chernykh E.M. Ust’-Nechkinskiy fortified settlements in the Middle Kama region during the Ananyino culture (topography, layout, inventory). № 2, 114

- Pereskokov M.L.** look **Vasilyeva A.V.** № 2
- Persova S.G.** Activities of society of archaeology, history and ethnography in Bolgar settlement in the late XIX – early XIX centuries. № 2, 268
- Ponomarenko D.S.** look **Ponomarenko E.V.** № 1
- Ponomarenko E.V., Ponomarenko D.S., Stashenkov D.A., Kochkina A.F.** Approaches to the reconstruction of dynamic of the territory occupation according to the soil signs. № 1, 126
- Pshenichniuk A.Kh.** look **Garustovich G.N.** № 4
- Rastoropov A.V.** Issues of early ethnic history of the Hungarians-Magyars. № 1, 70
- Rebrov A.Yu.** look **Tokarenko S.F.** № 1
- Rudenko K.A., Bugarchyov A.I.** Archaeological and numismatic findings from the vicinities of Bolshiye Atrjasi village (Tetjushy district of Tatarstan Republic). № 3, 156
- Rudenko K.A., Kazakov E.P.** On the role of the nomads in development of material culture of the Volga Bulgaria and the bulgarian ulus of the Golden Horde. № 4
- Salakhiyev R.R.** look **Shaydullin R.V.** № 3
- Salugina N.P.** look **Kazakov E.P.** № 4
- Semykin Yu.A.** Raw material sources for iron metallurgy in Prehistory and Middle Ages in the Volga-Sviyaga interfluvial area. № 1, 161
- Sinitsyna N.P.,** look **Fedotova Yu.V.** № 3
- Sitdikov A.G.** look **Abdullin Kh.M.** № 3
- Sitdikov A.G.** look **Abdullin Kh.M.** № 3
- Sitdikov A.G.** look **Khramchenkova R.Kh.** № 3
- Sitdikov A.G.** look **Shaydullin R.V.** № 3
- Sitdikov A.G., Vyazov L.A., Makarova E.M.** Concerning the work of the II international field archaeological school. № 3, 264
- Sitdikov A.G., Shakirov Z.G., Karimov I.R.** On the main results of scientific activities in 2014 by the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences. № 1, 241
- Smirnov A.S.** look **Kuzminykh S.V.** № 1
- Smirnov N.Yu.** Barrow of Arzhan-1, the Volga-Kama region and the Northern Caucasus: unobvious communications. № 2, 104
- Soloviev B.S.** To Valery Valentinovich Nikitin's 75th anniversary. № 1, 260
- Sorokin A.N.** look **Kuzminykh S.V.** № 2
- Stashenkov D.A.** look **Ponomarenko E.V.** № 1
- Tokarenko S.F., Rebrov A.Yu.** Manufacturing technology of building ceramics in Khazar khaganate. Reconstruction experience. № 1, 40
- Utemov E.V.** look **Brednikov K.I.** № 3
- Fedotova Yu.V., Sinitsyna N.P., Orfinskaya O.V., Vizgalova M.Yu.** Restoration and research of the archaeological fabric from burial of the bulgarian woman of the Golden Horde period (the end of the XIV century). № 3, 74
- Flyorov V. S.** The Tsymlyansk complex of Khazar time on the Lower Don. № 1, 4
- Flyorov V.S., Flyorova V.E.** Signs on bricks of the Semikarakorsk fortress. № 4
- Flyorova V.E.** look **Flyorov V.S.** № 4

- Khasanov D.I.** look **Brednikov K.I.** № 3
- Khramchenkova R.Kh., Begovatov E.A., Shaykhutdinova, E.F., Sitdikov A.G.** Archaeometry research of silver coins of the Xth century from Volga Bulgaria (preliminary results). № 3, 176
- Khristova M.** Ceramics from bi-ritual burials grounds on the Lower Danube and issues of its chronology. № 1, 91
- Khuzin F.Sh.** Book Review: A.N. Sarapulov. The medieval agriculture in the Perm' Cis-Urals according to the archaeological data. Editor Prof. A.M. Belavin, Perm, 2015, p. 170. № 3, 249
- Khuzin F.Sh.** look **Abdullin Kh.M.** № 3
- Khuzin F.Sh.** look **Valiulina S.I.** № 4
- Khuzin F.Sh., Izmaylov I.L.** Congratulatory word of the jubiliyar (the 65th anniversary of R.F. Sharifullin). № 3, 268
- Tsareva E.G.** Ceremonial dress of the Achaemenid nobility of the VI–V centuries BC (according to findings from the fifth Pazyryk kurgan and synchronous iconic monuments of the Achaemenid time). № 3, 54
- Chernykh E.M.** look **Perevozchikova S.A.** № 2
- Chizhevskiy A.A.** look **Lyganov A.V.** № 2
- Chizhevskiy A.A., Lyganov A.V.** Investigation of the Bronze Age sites in the estuarine trans-Kama river area. № 2, 52
- Shaydullin R.V., Salakhiyev R.R., Galimullina G.H., Sitdikov A.G., Abdullin H.M., Valiev R.R.** Tatar encyclopaedic study: tendencies and prospects. № 3, 227
- Shaykhutdinova, E.F.** look **Khramchenkova R.Kh.** № 3
- Shakirov Z.G.** look **Sitdikov A.G.** № 1
- Shapiro B.L.** look **Orfinskaya O.V.** № 3
- Shipilov A.V.** Cultural and chronological complexes of the Murzikha IV site in the Lower Kama river region. № 2, 313
- Iudin N.I.** Glazed pottery of the South-Eastern Crimea from the excavations of the Tsarev settlement. № 3, 214
- Rules for authors № 4
- Rules for authors. № 1, 284
- Rules for authors. № 2, 338
- Rules for authors. № 3, 279
- List of abbreviations № 4
- List of abbreviations. № 1, 281
- List of abbreviations. № 2, 333
- List of abbreviations. № 3, 274